

Ким Стэнли Робинсон

2312

Премии Hugo и Nebula

Ким Стэнли Робинсон

2312

«XXIV век. Полдень» – от лауреата шести «Локусов», двух «Хьюго» и трех «Небьюл»!

2312

Ким Стэнли Робинсон

Аннотация
Робинсон, Ким Стэнли. 2312
Пролог
Свон и Алекс
  Списки (1)
Свон и Варам
Терминатор
Свон и Алекс
  Извлечения (1)
Варам и Свон
  Перечни (2)
Свон и кошка
Ио
Свон и Ван
  Извлечения (2)
  Перечни (3)
Свон в темноте
  Извлечения (3)
Свон и Заша
  Извлечения (4)
Киран и Свон
  Извлечения (5)

Киран и Шукра
  Извлечения (6)
Варам и Свон
  Перечни (4)
Инспектор Жан Женетт
  Перечни (5)
Свон и Мкарет
  Извлечения (7)
Киран на Венере
  Перечни (6)
Свон и инспектор
  Перечни (7)
  Извлечения (8)
Япет
Варам дома
  Перечень (8)
  Извлечения (9)
Варам, и Свон, и Женетт
Свон и кольца Сатурна
  Перечни (9)
Киран и Лакшми
  Извлечения (10)
  Квантовое блуждание (1)
Свон и инспектор
Земля, планета печали
Свон на Земле

Перечни (10)
Плутон, Харон, Никта и Гидра
Полина о революции
Извлечения (11)
Свон дома
Извлечения (12)
Свон у вулканоидов
Перечни (11)
Варам на Венере
Извлечения (13)
Киран в Винмаре
Извлечения (14)
Варам на Земле
Извлечения (15)
Перечень (12)
Свон в Африке
Перечни (13)
Свон и волки
Извлечения (16)
Варам и Свон
Перечень (14)
Свон и Варам
Извлечения (17)
Свон в «Шато-Гарден»
Квантовое блуждание (2)
Инспектор Женетт и Свон

Титан
Свон, Женетт и Варам
  Перечни (15)
Свон, Полина, Варам и Женетт
Киран на льду
Свон и Киран
Варам и Женетт
  Квантовое блуждание (3)
Варам
Свон
  Извлечения (18)
Эпилог

Аннотация

Кто сказал, что счастливое будущее человечества невозможно?

2312 год.

Люди освоили планеты и астероиды Солнечной системы, побеждено экономическое неравенство, справедливым распределением благ управляет компьютерная система.

И вдруг всеобщий рай «идеального будущего» начинает трещать по швам. Космическая диверсия уничтожает Терминатор — прекрасный меркурианский город на рельсах. Уроженка Меркурия, дизайнер новых миров Свон Эр Хон, чудом оставшаяся в живых, прилетает на другую планету и… становится свидетелем следующей диверсии. Новая планета — и новый кошмар. Свон Эр Хон не может остаться в стороне. Она подключается к смертельно опасному расследованию…

Робинсон, Ким Стэнли. 2312

© Kim Stanley Robinson, 2012 © Перевод. А. Грузберг, 2015 © Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Пролог

Солнце всегда вот-вот взойдет. Меркурий вращается настолько медленно, что если спешно идти по его каменистой поверхности, можно опережать рассвет; многие так и поступают. Для многих это стало образом жизни. Они идут в сторону запада, непрерывно обгоняя ослепительный день. Некоторые торопятся из одного места в другое, останавливаясь, чтобы заглянуть в расселины, которые сами же когда-то заселили специально выведенными лишайниками-металлофитами, и собрать накопившиеся залежи золота, вольфрама или урана. Но большинство совершают походы просто чтобы увидеть первые лучи солнца.

Древняя поверхность Меркурия так искалечена и неровна, что терминатор планеты, зона наступающего рассвета, представляет собой широкую полосу светотени, чередующихся черных и белых пятен: угольно-черные углубления перемежаются ослепительно-белыми возвышениями, которые упорно расползаются, пока вся поверхность не заблестит, точно расплавленное

стекло; тогда начинается длинный день. Эта смешанная зона солнца и тени часто достигает в ширину тридцати километров, хотя до горизонта по плоской поверхности всего пять километров. Но плоских поверхностей на Меркурии очень мало. Повсюду следы старых ударов и вздыбленные возвышения — память о том времени, когда планета охлаждалась и съеживалась. Местность такая неровная, что свет, внезапно вспыхнув на восточном горизонте, может озарить какую-нибудь вершину далеко на западе. Все, кто передвигается по поверхности, должны считаться с такой возможностью, знать, когда и куда солнце добирается дальше всего, — и, если этот луч застигнет их, бежать в укрытие в тень.

Но иногда они остаются нарочно. Останавливаются во время прогулки на определенных холмах или краях кратеров, в местах, обозначенных ступами, насыпями, петроглифами, инуксуками[1], зеркалами, стенами, голдсуорти[2]. Солнцеходы в

[1] Примечания: 1

Инуксук — каменная фигура в культуре инуитов. — *Здесь и далее примеч. пер.*

[2] Примечания: 2

По имени современного английского скульптора Энди Голдсуорти, представителя так называемого «земляного искусства», land art. Скульптуры и инсталляции на природе с использованием природных элементов.

таких местах задерживаются и ждут.

Они смотрят на черный горизонт над черной скалой. Сверхтонкая неон-аргоновая атмосфера, созданная обрушивающимся на скалы солнечным светом, способна передать только очень слабый предрассветный отблеск. Но солнцеходы точно знают время, поэтому ждут и смотрят, пока…

…пока из-за горизонта не плеснет оранжевое пламя…

…и не воспламенит их кровь. Следуют новые мгновенные выбросы, пламенные потоки вздымаются, изгибаются петлями, отрываются и свободно плывут по небу. Фрагменты звезды, готовые обрушиться на вас! Лицевые пластины уже потемнели и поляризовались, чтобы защитить глаза.

Огненные факелы развернулись вправо и влево от места своего первого появления, как будто пламя за горизонтом распространяется на север и на юг. Затем становится виден кусочек фотосферы, уже собственно поверхность солнца, — появляется и замирает, медленно расплываясь в стороны. В зависимости от того, какой фильтр использован в лицевой пластине, поверхность звезды может казаться голубым водоворотом, оранже-

вой пульсирующей массой или просто белым кругом. Масса продолжает распространяться влево и вправо дальше, чем кажется возможным, и наконец делается ясно, что ты стоишь на камне совсем рядом со звездой.

Пора разворачиваться и бежать. Некоторые солнцеходы с трудом приходят в себя, они ошеломлены, спотыкаются и падают, поднимаются и бегут на запад. Их панику ни с чем нельзя сравнить.

За их спинами — возможность увидеть меркурианский восход. В ультрафиолете это неутихающее буйство синевы, все более жаркой. Когда диск фотосферы темнеет, фантастический танец короны, все эти магнитные дуги и короткие замыкания, массы горящего водорода, выбрасываемые в ночь, становится более отчетливым. Но можно, если захочется, затемнить корону и смотреть только на солнечную фотосферу, даже увеличить изображение, так что будут видны тысячи пылающих корчащихся языков, и все эти тучи конвекционных ячеек яростно горят, сжигая пять миллионов тонн водорода в секунду, — и так продолжится еще четыре миллиарда лет. Все эти длинные спикулы пламени пляшут кругами подле маленьких черных дисков — солнечных

пятен, подвижных водоворотов огненных бурь. Массы спикул сливаются, как водоросли в прилив. Существует небиологическое объяснение всех этих сложных движений: разные газы движутся с различной скоростью, магнитные поля постоянно меняются, формируя бесконечные огненные водовороты, — обычная физика, ничего больше, но выглядит это *живым,* даже в большей степени, чем многие живые существа. В апокалипсисе меркурианского рассвета невозможно поверить, что это неживое. Оно ревет вам в уши, *говорит* с вами.

Большинство солнцеходов пробуют различные фильтры и делают свой выбор. Отдельные фильтры или их наборы становятся предметом поклонения, оказываются в основе ритуалов, частных или общих. В этих ритуалах легко затеряться; и когда солнцеходы стоят, замерев на месте, и смотрят, что-то в увиденном их зачаровывает, какой-то невиданный рисунок, что-то в этих биениях и движении пленяет сознание; вы вдруг слышите шипение огненных ресничек, оно постепенно перерастает в рев — это ваша кровь шумит в ушах, но в эти мгновения вам кажется, что горит само солнце. И люди чересчур долго остаются на месте. У одних сгорает сетчатка, дру-

гие слепнут, третьи мгновенно погибают, когда не выдерживает скафандр. Иногда поджариваются целые группы по десять и более человек.

По-вашему, они глупцы? Вам кажется, что вы сами никогда не допустите такую ошибку? Не зарекайтесь. На самом деле этого нельзя знать. Ничего подобного вы никогда не видели. Можете думать, что вы в безопасности, что ничто за пределами сознания уже не интересует вас: вы ведь столько знаете, так образованны. Но вы ошибаетесь. Вы — создание солнца. Красота и ужас солнца, наблюдаемого вблизи, может опустошить любое сознание, любого погрузить в транс. Некоторые говорят, мол, это все равно что посмотреть в лицо богу; и действительно, солнце дает жизнь всем живым существам в Солнечной системе, и в этом смысле оно бог, *наш* бог. И вид его может изгнать из вашей головы все мысли. Именно для этого сюда и приходят.

* * *

Поэтому есть основания тревожиться за Свон Эр Хон, особу, больше прочих склонную засматриваться. Она часто уходит бродить под солнцем, нарушая при этом границы безопасности и иногда слишком долго оставаясь на свету. Гигантская

лестница Иакова[3], дробная пульсация, цветение спикул… она влюблена в солнце. Она обожествляет его, в ее комнате есть алтарь Sol Invictus[4]. Каждое утро в городе она, проснувшись, начинала с церемонии пратасамдхая[5] — приветствия солнцу. Ее ландшафтное искусство и перформансы посвящены солнцу, и большую часть времени она посвящала созданию голдсуорти и абрамовичей[6] в природе и на своем теле. А солнце было частью ее искусства.

Теперь оно стало и ее утешением, ведь она пришла горевать. Если встать на променаде над высокой Рассветной Стеной города Терминатор, можно увидеть Свон далеко на юге, у самого горизонта. Ей нужно спешить. Город скользит по рельсам по дну гигантской долины между Гесиодом и Куросавой, и вскоре на востоке взойдет солнце. Свон должна попасть в город раньше,

---

[3] Примечания: 3

Лестница Иакова — лестница из сна библейского персонажа Иакова, соединяющая землю и небо.

[4] Примечания: 4

Sol Invictus («Непобедимое Солнце») — официальный римский бог солнца, учрежденный императором Аврелианом в 274 н. э.

[5] Примечания: 5

Буддийская молитва.

[6] Примечания: 6

По имени Марины Абрамович — сербской художницы-перформансиста, использующей в перформансах собственное тело.

чем это произойдет, но она не уходит. С гребня Рассветной Стены она кажется серебряной игрушкой. У нее большие сапоги, покрытые черной пылью, и скафандр с большим круглым прозрачным шлемом. Маленький серебряный муравей в сапогах горюет, не трогаясь с места, хотя пора поспешить к посадочной платформе западнее города. Другие солнцеходы уже торопятся туда. Некоторые катят тачки или небольшие колесные платформы с припасами и даже со спящими спутниками. Возвращение точно рассчитано, поскольку перемещение города предсказуемо. Город не может отклониться от расписания: жар наступающего дня расширяет рельсы под ходовой частью, и это толкает всю конструкцию, так что жар солнца гонит город на запад.

Город приближается к платформе, на которой толпятся солнцеходы. Некоторые возвращаются после недель или даже месяцев отсутствия — столько времени требуется, чтобы обойти всю планету. Когда город окажется рядом, двери его шлюзов откроются и они смогут войти.

Это произойдет уже скоро, и Свон тоже следует быть там. Но она все еще стоит на возвышении. Ей уже не раз приходилось заменять сетчатку, не однажды она, как заяц, убегала от смерти.

И вот опять. Она сейчас чуть южнее города и горизонтально подсвечена, словно серебристая соринка в луче солнечного света. При виде такой опрометчивости невозможно удержаться и не закричать (хотя это и бесполезно): «Свон, ты дура! Алекс мертва, и с этим ничего не поделаешь. Беги, спасайся!»

Но вот она приходит в движение. Жизнь, стремление к выживанию побеждают смерть — Свон поворачивается и бежит. Тяготение Меркурия, почти такое же, как на Марсе, часто называют самым подходящим для бега, потому что привычные к нему могут мчаться огромными прыжками, размахивая руками для равновесия. Свон прыгает, но неудачно, один сапог цепляет камень, и она падает ничком, но вскакивает и вновь прыгает вперед. Нужно добраться до платформы, пока город еще не отошел от нее: до следующей — десять километров к западу.

Она подбегает к лестнице на платформу, хватается за перила, взлетает на край перрона и запрыгивает в закрывающийся шлюз.

Свон и Алекс

Когда Свон поднималась по большой центральной лестнице Терминатора, церемония прощания с Алекс уже началась. Обитатели города вышли на бульвары и площади и стояли молча. В городе находилось много гостей: проводилась очередная конференция, одна из тех, которые Алекс устраивала. В пятницу она лично приветствовала прибывших, а теперь, неделю спустя, ее похороны. Внезапная смерть. Оживить не сумели. И вот горожане и гости-дипломаты — все люди Алекс — скорбят.

Свон остановилась на полпути к вершине Рассветной Стены, не в силах идти дальше. Внизу — крыши, террасы, патио, балконы. Лимонные деревья в огромных керамических горшках. Закругленный склон выглядит кусочком Марселя, — белые четырехэтажные жилые дома, балконы с черными металлическими перилами, широкие бульвары и узкие переулки, выходящие на променад над парком. И все запружено людьми всевозможных разновидностей; лица тоже представляли все известные ей типы — ольмек-

ский сфероид, топорик, лопата… У перил стояли трое маленьких, чуть более метра, все в черном. У подножия лестницы толпились только что подошедшие солнцеходы, пыльные и загорелые. От этого у Свон защемило сердце: даже солнцеходы явились на прощание.

Она развернулась и начала спускаться по лестнице, сама себе удивляясь. Узнав новость, она тут же бросилась вон из города, гонимая потребностью в одиночестве. А теперь не может смотреть, как развеют пепел Алекс, и не хочет сейчас видеть Мкарета, ее партнера. Поэтому стремится в парк, смешаться с толпой. Все стоят неподвижно, смотрят вверх, все кажутся опечаленными. Держатся за руки. Столько людей полагались на Алекс! Она была Львицей Меркурия, сердцем города. Душой системы. Той, что помогает и защищает.

Люди узнавали Свон, но не заговаривали с ней; это трогало больше, чем соболезнования, и лицо ее повлажнело от слез, приходилось время от времени вытирать его пальцами. Потом кто-то остановил ее.

— Ты Свон Эр Хон? Алекс была твоей бабушкой?

— Она была моим всем.

Свон развернулась и двинулась прочь от этого

человека. Решив, что на ферме людей будет меньше, она вышла из парка и пошла под деревьями. Из громкоговорителей лился траурный марш. Среди кустов олень тыкался носом в опавшие листья.

Она еще не добралась до фермы, когда Большие Ворота Рассветной Стены открылись и под купол ворвался солнечный свет, создав, как всегда, горизонтальную пару желтых прозрачных полос. Свон обратила внимание на вихри между полосами; открывая ворота, здесь бросали в воздух тальк, тонкий цветной порошок поднимался вверх и рассеивался. С высоко расположенной террасы под стеной поднялся воздушный шар и поплыл на запад; под ним раскачивалась маленькая корзина — Алекс, как и должно. В музыке вызывающе загремели басы, гармоническое континуо. Когда шар вошел в одну из желтых горизонтальных полос, раздался хлопок, корзина разлетелась, и пепел Алекс, выходя из света, поплыл вниз, в воздух города, становясь невидимым при снижении, как капли дождя в пустыне. В парке послышался шум и рукоплескания. Молодые люди начали скандировать: «А-лекс! А-лекс! А-лекс!» Аплодисменты длились несколько минут, перешли затем в ритмичные постукивания, которые звучали

еще долго. Люди не хотели сдаваться. Как будто, бросив аплодировать, окончательно потеряют ее. Но постепенно они сдались и перешли в следующую фазу своей жизни — жизни без Алекс.

Следовало пойти наверх и присоединиться к семье Алекс; бродившая по ферме Свон застонала при этой мысли. Наконец она все-таки начала подниматься по большой лестнице, напряженно, слепо, время от времени останавливаясь и произнося: «Нет! Нет! Нет!» Но это было бессмысленно. Внезапно она поняла: все, что она теперь делает, совершенно бессмысленно. Она задумалась, сколько это будет продолжаться; ей показалось — бесконечно, и нахлынул страх. Как изменить это?

Долго ли, коротко ли, но она собралась с духом и поднялась к мемориалу на Рассветной Стене. Предстояло поздороваться со всеми из ближнего круга Алекс, обнять Мкарета и вытерпеть выражение его лица. Но Мкарет оказался погруженным в себя. Не похоже на него, однако Свон понимала почему. Она даже испытала облегчение. Сравнивая с тем, как плохо ей и насколько ближе к Алекс был Мкарет, насколько больше проводил с ней времени и как давно они стали партнерами… она даже вообразить не могла его

чувства. А может, могла. И вот теперь Мкарет смотрит на иную реальность из иной реальности — его форма вежливости. И Свон сумела обнять его, и пообещала навестить позже, и смогла смешаться с остальными на самой высокой террасе Рассветной Стены, а позже подойти к перилам и посмотреть сверху на город и на черную землю за границей прозрачного городского купола. Они продвигались по квадранту Койпера, и она видела справа кратер Хиросигэ. Когда-то давно она брала с собой Алекс на склон этого кратера, чтобы та помогла ей соорудить голдсуорти — каменную волну, напоминающую рисунок знаменитого японского художника. Разместить камни на скале, которая станет вершиной будущей волны, стоило им таких акробатических усилий, что, как часто бывало с ней в обществе Алекс, Свон расхохоталась и смеялась до колик. Теперь она увидела каменную волну: та была на месте, видимая из города. Однако камни, установленные на вершине волны, исчезли — возможно, их сбросила вибрация, создаваемая проходящим городом, а может, действие солнечного жара. Или они упали, узнав новость.

Через несколько дней Свон навестила Мкарета на его рабочем месте. Лабораторию одного из

ведущих в системе специалистов по биосинтезу заполняли машины, баки, сосуды, экраны с многоцветными диаграммами — здесь, основание за основанием, сооружали жизнь во всей ее сложности. Именно здесь научились сотворять жизнь с азов, здесь синтезировали большинство бактерий, которые сейчас терраформируют Венеру, Титан, Тритон — вообще всё.

Теперь все это не имело значения. Мкарет сидел в своем кабинете и сквозь стену смотрел в пустоту.

Поднявшись, он уставился на гостью.

— А, Свон, рад тебя видеть. Спасибо, что зашла.

— Да не за что. Как ты?

— Не слишком хорошо. А ты?

— Ужасно, — призналась Свон, чувствуя себя виноватой: меньше всего ей хотелось увеличивать груз на плечах Мкарета. Но в такие минуты невозможно лгать. А он только кивнул, занятый собственными мыслями. Она видела, что думами он далеко. В кубах на его столе — изображения протеинов, безумные сплетения фальшиво-ярких цветов. Он пытается работать.

— Должно быть, трудно работать, — сказала она.

— Да, очень.

После недолгой паузы Свон спросила:

— Ты знаешь, что с ней случилось?

Он быстро покачал головой, словно это не имело отношения к делу.

— Ей было сто девяносто один.

— Знаю, но все же…

— Что «все же», Свон? Мы выходим из строя. Рано или поздно в том или другом месте мы ломаемся.

— Я просто думала почему.

— Здесь нет почему.

— Но как тогда…

Он снова покачал головой.

— Бывает все что угодно. В данном случае аневризма в важной части мозга. Но вариантов очень много. Поразительно, что мы сами все еще живы.

Свон села на край стола.

— Знаю. Но… что ты теперь будешь делать?

— Работать.

— Но ты же сказал…

Он взглянул на нее из глубины своей пещеры.

— Я не сказал, что это бесполезно. Это было бы неверно. Прежде всего, мы с Алекс провели вместе семьдесят лет. И встретились, когда мне было сто тридцать. Это не шутки. И кроме того,

работа интересует меня как головоломка. Очень большая головоломка. Слишком сложная.

Тут он умолк и больше не мог говорить. Свон положила руку ему на плечо. Он закрыл лицо ладонями. Свон сидела с ним рядом и молчала. Наконец он с силой потер глаза, задержал дыхание.

— Смерть победить невозможно, — сказал Мкарет. — Она слишком значительна. Слишком естественна. В ее основе второй закон термодинамики. Можно только надеяться отодвинуть ее. Оттолкнуть. Этого должно быть достаточно. И я не понимаю, почему этого мало.

— Да ведь от этого только хуже! — пожаловалась Свон. — Чем дольше живешь, тем хуже становится!

Он покачал головой и снова вытер глаза.

— Не думаю. — Он выдохнул. — Плохо всегда. Люди продолжают жить, ощущая это, и… — Он пожал плечами. — Думаю, эти твои слова — своего рода заблуждение. Кто-то умирает, мы спрашиваем — почему? Нет ли возможности остановить это? Иногда такая возможность есть. Но…

— Это какая-то ошибка! — заявила Свон. — Реальность допустила ошибку, а ты ее закрепляешь. — Она показала на экраны и кубы. — Вер-

но?

Он засмеялся и заплакал одновременно.

— Верно, — сказал он, сморкаясь и вытирая лицо. — Это глупо. Какая спесь! Я имею в виду — закрепление реальности.

— Но есть и плюсы, — сказала Свон. — Ты сам знаешь. Ты получил семьдесят лет с Алекс.

— Верно. — Он глубоко вздохнул и посмотрел на нее. — Но… без нее теперь все будет не то.

Свон почувствовала отчаяние в этих правдивых словах. Алекс была ей другом, защитником, учителем, приемной бабушкой, суррогатной матерью — всем этим, а еще источником смеха. Источником радости. Теперь ее нет, и Свон чувствует холод, он убивает эмоции, оставляет пустоту, которая и есть отчаяние. Абсолютно дурацкое ощущение. Вот я. Я и есть реальность. Никому от нее не уйти. Невозможно продолжать жить, нужно продолжать; невозможно обойтись без таких моментов.

Но и они проходят.

В дверь лаборатории постучали.

— Войдите! — чуть резковато сказал Мкарет.

Дверь открылась. На пороге стоял маленький, очень привлекательный, какими часто бывают маленькие, — пожилой, поджарый, с аккуратно

увязанными в конский хвост светлыми волосами, в заурядном синем пиджаке. Будучи маленьким, примерно по пояс Свон и Мкарету, он смотрел на них, как тонкотелая обезьяна, лангур или мартышка.

— Здравствуй, Жан, — сказал Мкарет. — Свон, это Жан Женетт с астероидов, участник конференции. Жан был близким другом Алекс, сейчас он в качестве следователя, представляет Лигу, и у него есть к нам вопросы. Я сказал, что ты, возможно, зайдешь ко мне.

Маленький кивнул Свон, приложив руку к сердцу.

— Искренне соболезную вашей потере. Я пришел выразить не только сочувствие, но и нашу обеспокоенность, ведь Алекс была сердцем наших самых важных проектов, и ее смерть стала большой неожиданностью. Мы хотим убедиться, что проекты не будут закрыты, а некоторые, откровенно говоря, опасаются, что ее смерть произошла не от естественных причин.

— Я заверил Жана, что это не так, — сказал Мкарет, увидев лицо Свон.

Женетта его заверения, казалось, не убедили.

— Алекс ничего не говорила тебе о врагах, угрозах — о какой-нибудь опасности? — спросил он

у Свон.

— Нет, — ответила Свон, стараясь вспомнить. — Не таким она была человеком. То есть я хочу сказать, что она была большой оптимисткой. Уверенной, что все получится.

— Знаю. Это правда. Но, может, именно поэтому ты обратила внимание на нечто такое, что противоречило ее обычному оптимизму?

— Нет. Ничего такого не припоминаю.

— Она оставила завещание? Или записку? Что-то такое, что следует огласить в случае ее смерти?

— Нет.

— Мы составили завещание, — сказал Мкарет, качая головой. — В нем нет ничего необычного.

— Не возражаете, если я осмотрю ее кабинет?

Кабинет Алекс находился в другой от лаборатории Мкарета стороне дома; Мкарет кивнул и по коридору повел туда маленького инспектора. Свон плелась за ними, удивленная тем, что Женетт знает о кабинете Алекс, удивленная тем, что Мкарет сразу согласился показать его, удивленная и расстроенная упоминанием о врагах и «естественных причинах», намекающих на противоположное. Смерть Алекс расследует полицейский? Непонятно.

Пока она сидела на стуле возле входа, пытаясь сообразить, что бы это могло означать и как с этим смириться, Женетт тщательно осмотрел кабинет Алекс, открывая ящики, просматривая папки, проводя каким-то толстым щупом по всем поверхностям и объектам. Мкарет бесстрастно наблюдал. Наконец маленький инспектор закончил и остановился перед Свон, глядя на нее со странным выражением. Так как Свон сидела, их глаза оказались почти на одном уровне. Инспектор как будто хотел задать еще вопрос, но не решился. Вместо этого он сказал:

— Если вспомните что-нибудь, что может мне помочь, я с удовольствием выслушаю.

— Конечно, — с неприятным чувством ответила Свон.

Инспектор поблагодарил их и ушел.

* * *

— Что это было? — спросила Свон у Мкарета.

— Не знаю, — ответил он. Мкарет тоже был расстроен, Свон это видела. — Я знаю, что Алекс приложила руку много к чему. Она с самого начала была одним из главных вдохновителей Мондрагонского договора, у которого всегда было полно врагов. Я знаю, их тревожили системные

проблемы, но подробностей она не сообщала. — Он обвел рукой лабораторию вокруг. — Знала, что мне это неинтересно. — Лицо его исказилось. — У меня свои сложности. Мы мало говорили о работе.

— Но… — начала Свон и не знала, как продолжить. — Я хочу сказать — враги? У Алекс?

Мкарет вздохнул.

— Не знаю. Иногда в таких делах ставки очень высоки. Видишь ли, существуют силы, враждебные Мондрагону.

— И все-таки…

— Знаю. — Он помолчал. — Она оставила тебе что-нибудь?

— Нет. Зачем? Я хочу сказать, она же не думала, что умрет.

— Мало кто думает. Но если ее заботило сохранение тайны или безопасность передачи информации, думаю, она могла бы считать тебя своего рода надежным хранителем.

— Что ты хочешь сказать?

— Ну, она могла бы поместить что-нибудь в твой квантовый компьютер, не сказав тебе.

— Нет. Полина — закрытая система. — Свон похлопала себя по правому уху. — Сейчас я ее почти не включаю. И Алекс бы так не поступила. Не ста-

ла бы без спроса говорить с Полиной. Уверена.

Мкарет снова вздохнул.

— Ну, не знаю. Мне она тоже ничего не оставила, насколько мне известно. Я хочу сказать, это вполне в духе Алекс: что-нибудь спрятать, не сказав нам. Но пока ничего не нашлось. Так что не знаю.

Свон вздохнула.

— Вскрытие не выявило ничего неожиданного?

— Нет! — сказал Мкарет, но еще подумал. — Церебральная аневризма, вероятно, врожденная, разорвалась и вызвала обширное кровоизлияние в мозг. Так случается.

— Если кто-то сделал что-нибудь, — сказала Свон, — чтобы… чтобы вызвать кровотечение, ты смог бы это определить?

Мкарет смотрел на нее нахмурившись.

И тут в дверь лаборатории снова постучали. Они переглянулись, разделяя всплеск эмоций. Мкарет пожал плечами: похоже, он никого не ждал.

— Войдите! — опять сказал он.

Человек за открывшейся дверью был полной противоположностью инспектору Женетту: очень крупный. С выступающими челюстями,

с большим крепким задом, пучеглазый — лягушка, головастик, жаба… даже эти слова были уродливы. Свон пришло в голову, что звуковые обозначения предметов несут гораздо больше, чем принято считать, что язык отражает мир, как пение птицы. В мозгу Свон есть немного от жаворонка. *Жаба.* Однажды она видела жабу в амазонии. Жаба сидела на краю пруда, ее покрытая бородавками кожа отливала бронзой и золотом. Та жаба понравилась Свон.

— А, — сказал Мкарет, — Варам. Добро пожаловать в нашу лабораторию. Свон, это Фитц Варам с Титана. Один из ближайших сотрудников Алекс и вообще один из ее любимцев.

Свон, удивленная тем, что в жизни Алекс был такой человек, а она об этом и не подозревала, неприветливо смотрела на вошедшего.

Варам пригнул голову в слабом аутичном поклоне. И прижал руку к сердцу.

— Соболезную, — сказал он. Жабий хрип. — Алекс очень много значила для меня и для всех нас. Я любил ее, а в нашей общей работе она была важнейшим человеком, лидером. Не знаю, справимся мы без нее или нет. При всем том, что я чувствую, с трудом могу представить себе ваши чувства.

— Спасибо, — ответил Мкарет. Странные слова говорят люди в такие минуты. Свон не смогла бы выговорить такое.

Человек, которого любила Алекс. Свон прикоснулась пальцем к правому уху, активируя свой кваком, который она выключила в наказание. Теперь Полина все ей пояснит тихим голосом, слышным только в правом ухе Свон. В последние дни Свон сердилась на Полину, но внезапно ей понадобилась информация.

— Что же решили на конференции? — поинтересовался Мкарет.

— Единогласно принято отложить ее и пересмотреть повестку дня. Сейчас никому не хватает решимости. Мы разъедемся и снова соберемся позже, возможно, на Весте.

Да, без Алекс Меркурий больше не может быть местом сбора. Мкарет, не удивляясь, кивнул.

— Значит, возвращаешься на Сатурн?

— Да. Но, прежде чем улететь, я хотел бы узнать, не оставила ли Алекс чего-нибудь для меня. Любую информацию или данные, в любой форме.

Мкарет и Свон переглянулись.

— Нет, — сказали они хором.

— Этот же вопрос только что задавал инспектор Женетт, — добавил Мкарет.

— Ага…

Человек-жаба разглядывал их глазами навыкате. Тут в комнату заглянул один из ассистентов Мкарета и попросил помочь ему. Мкарет извинился и вышел. Свон осталась наедине с гостем и его вопросами.

Он был очень крупный, этот человек-жаба: широкие плечи, мощная грудь, большой живот. Короткие ноги. Странные бывают люди. Но вот он покачал головой и сказал низким серьезным голосом (голос прекрасный, надо признать — лягушачий, да, но спокойный, глубокий, мощного тембра, немного похожий на фагот или на басовый саксофон):

— Сожалею, что приходится беспокоить тебя в такие дни. Жаль, что мы не встретились при других обстоятельствах. Мне страшно нравятся твои ландшафтные инсталляции. Узнав, что ты родственница Алекс, я просил ее устроить нам встречу. Хотел сказать, как мне нравится твоя работа в кратере Рильке. Она прекрасна.

Он застал Свон врасплох. В кратере Рильке она

соорудила гёбеклийский круг[7] из Т-образных камней, который выглядит очень современно, хотя его прототипу более десяти тысяч лет.

— Я польщена, — сказала она. Кажется, жаба культурная. — Скажи, почему ты думаешь, что Алекс могла тебе что-то оставить?

— Мы работали с ней над несколькими проблемами, — уклончиво ответил он, отводя взгляд. Свон видела, что он не хочет это обсуждать. Но однако он сам задал вопрос. — Да, и она всегда очень хорошо отзывалась о тебе. Я не сомневался, что вы с ней очень близки. Поэтому… Она не любила сохранять информацию в облаке или в любой цифровой форме — вообще вести записи о нашей деятельности. Предпочитала передачу из уст в уста.

— Знаю, — ответила Свон, чувствуя себя так, словно ее ударили. Она услышала голос Алекс: «Нам надо поговорить! Так, чтобы были только ты и я!» Голубые глаза смотрят пристально, Алекс смеется. Все ушло.

---

[7] Примечания: 7

Гёбекли-Тепе — храмовый комплекс, расположенный в 15 километрах к северо-востоку от города Шанлыурфа, в 2,5 километрах от деревни Ориджик на юго-востоке Турции. Является древнейшим из крупнейших мегалитических сооружений в мире. Его возраст составляет не менее 12 000 лет, ориентировочно датируется по меньшей мере IX тысячелетием до нашей эры.

Здоровяк заметил перемену в ней и протянул руку.

— Сожалею, — повторил он.

— Знаю, — ответила Свон. И добавила: — Спасибо.

Она села в одно из кресел Мкарета и постаралась думать о чем-то другом.

Немного погодя здоровяк, мягко рокоча, спросил:

— Что ты теперь будешь делать?

Свон пожала плечами.

— Не знаю. Наверно, снова отправлюсь на поверхность. Там мое место… чтобы собраться.

— Покажешь?

— Что? — спросила Свон.

— Я буду очень признателен, если ты уведешь меня отсюда. Может, покажешь твои инсталляции. Или, если не возражаешь… я заметил, что город приближается к кратеру Тинторетто. Мой шаттл улетает только через несколько дней, и я хотел бы увидеть тамошний музей. У меня есть несколько вопросов, на которые не найти ответов на Земле.

— О Тинторетто?

— Да.

— Ну…

Она мешкала, не зная, что сказать.

— Просто хочу скоротать время, — сказал человек.

— Ага. — Достаточно нелепо, чтобы она почувствовала досаду… но, с другой стороны, она ведь сама ищет, чем бы отвлечься, заняться, и ничего не находит. — Что ж, можно.

— Большое спасибо.

Списки (1)

Ибсен и Имхотеп; Малер, Матисс; Мурасаки, Милтон, Марк Твен;

Гомер и Гольбейн, соприкасающиеся краями;

Овидий на краю гораздо большего Пушкина;

Гойя, перекрывающий Софокла.

Ван Гог, касающийся Сервантеса рядом с Диккенсом. Стравинский и Вьяса. Лисипп. Эксиано, писатель-раб из Западной Африки, но здесь он не возле экватора.

Шопен и Вагнер, одинаковые по размерам, рядом.

Чехов и Микеланджело, оба двойные кратеры.

Шекспир и Бетховен, гигантские воронки.

Аль-Джахиз, Аль-Ахтал. Аристоксен, Ашвагхоша. Куросава, Лу Синь, Ма Чжиюань. Пруст и Перселл. Торо и Ли Бо, Руми и Шелли, Снорри и Пигаль. Вальмики, Уитмен. Брейгель и Айвз. Готорн и Мелвилл.

Говорят, члены Комитета по наименованиям Международного астрономического союза однажды вечером сильно напились, взяли недавно полученную фотокарту Меркурия и стали исполь-

зовать ее для игры в дартс, выкрикивая имена великих художников, скульпторов, композиторов, писателей — нарекая ими дротики, а потом бросая в карту.

Есть даже уступ, который называется Пуркуа-Па[8].

[8] Примечания: 8
Почему бы нет? *(фр.)*

Свон и Варам

Трудно было не узнать жителя Титана, стоявшего в назначенный час у южных ворот города. Округлый силуэт, почти кубический. Ростом со Свон, а Свон довольно высокая. На круглой голове короткие черные волосы в жестких завитках, как у овцы.

Свон подошла к нему.

— Выходим, — нелюбезно сказала она.

— Еще раз большое спасибо.

Терминатор двигался мимо платформы железнодорожной ветки на Тинторетто. Прямо из шлюза они вместе с десятком пассажиров прошли в поджидающий поезд.

Поезд, начав движение, сильно разогнался и пошел на запад вдоль колеи города; вскоре он уже мчался со скоростью двести километров в час.

Свон показала на длинный низкий холм на горизонте, на внешней стороне кратера Гесиода. Варам сверился с экраном на запястье.

— Мы пройдем между Гесиодом и Сибелиусом, — с легкой улыбкой объявил он.

Его выпуклые глаза были карие, с радиаль-

ными полосками черного и зеленого. Экран на запястье означает, что в голове у него, вероятно, нет квантового компьютера, а если бы был, то, конечно, постарался бы отравить удовольствие. Полина что-то шептала на ухо Свон, и, когда Варам встал и прошел на другую сторону вагона, Свон сказала:

— Не мешай, Полина. Не сбивай с мысли, отвлекаешь.

— Экзергазия — один из самых слабых риторических приемов, — сообщила Полина.

— Замолчи!

Через час они уже намного обогнали Терминатор; поезд поднялся по внешней стороне кратера Тинторетто к тому месту, где рельсы ныряли в туннель в неровной стене древнего выброса. Когда выходили из вагона, тот сообщил, что возвращается в город через два часа. Через вестибюль музея — в длинную сводчатую галерею. Внутренняя изогнутая стена помещения была прозрачной, и открывался прекрасный вид на внутреннюю часть кратера. Кратер маленький, но с крутыми стенами, красивое круглое углубление под звездами.

Но ее сатурниец как будто не интересовался Меркурием. Он двинулся вдоль внешней стены

галереи, неторопливо переходя от картины к картине. Останавливался перед каждой по очереди и долго бесстрастно смотрел.

Холсты были разные, от миниатюр до гигантских, высотой во всю стену. Палитра итальянского Возрождения изобилует библейскими сценами: «Тайная вечеря», «Распятие», «Рай» и так далее. К ней примешивается множество картин на сюжеты классической мифологии, среди прочего портрет самого Меркурия в стилизованных золотых сандалиях с щелями на подошве, из которых растут крылышки. Много портретов — венецианцы XVI века, изображенные до такой степени живо, что, кажется, вот-вот заговорят. Большая часть картин — подлинники, помещенные сюда ради сохранности; остальное копии, настолько совершенные, что требуется химический анализ, чтобы отличить их от оригиналов. Как и во многих музеях Меркурия, посвященных одному художнику, устроители надеялись собрать здесь все подлинники, оставив на Земле только копии: здесь картины защищены от самых опасных врагов — окисления, коррозии, ржавчины, огня, воровства, вандализма, смога, кислоты, дневного света… Здесь, по контрасту, все под контролем, все способствует сохранности — все безопасно. По

крайней мере, так утверждают меркурианские смотрители. Земляне далеко не всегда с ними согласны.

Человек-жаба чрезвычайно медлителен. Очень долго стоит перед каждой картиной, иногда его нос отделяют от полотна лишь несколько сантиметров. «Рай» Тинторетто (двадцать метров шириной, десять высотой; табличка сообщает, что это самая большая картина, когда-либо написанная на холсте) заполнен множеством фигур. Варам отошел к прозрачной внутренней стене, чтобы охватить взглядом всю картину, потом вернулся к прежнему положению, уткнулся в нее носом.

— Интересно, что у его ангелов крылья черные, — нарушил он наконец молчание. — Прекрасно. А посмотри сюда, здесь белые линии на черных крыльях одного из ангелов образуют буквы. «СЕР» — видишь? Остальная часть слова скрыта в складках. Именно это я хотел посмотреть. Интересно, что это такое.

— Какой-то шифр?

Он не ответил. Свон задумалась, какова его обычная реакция на искусство? Он перешел к следующей картине. Возможно, что-то говорил про себя. Его нисколько не интересовало ее мнение об

этих полотнах, хотя он знал, что она художница. А она переходила от картины к картине, любуясь портретами. Большие многофигурные сцены — это для нее слишком, словно киноэпопею втиснули в один кадр. Между тем люди на портретах смотрели на нее с выражением, которое она узнавала сразу. «Я всегда я, я всегда новый, но я всегда я» — восемь столетий они твердят это. Целая галерея самодовольных женщин и мужчин. У одной женщины обнажен левый сосок, сразу под ожерельем; Свон вспомнила, что в большинство периодов это признали бы греховным. У большинства женщин маленькие груди и широкие талии. Хорошо питаются, не знают физических нагрузок, не кормят грудью, не работают. Тела благородных. Начало видообразования. Леда Тинторетто, кажется, очень довольна налетевшим на нее лебедем, даже защищает лебедя от нападения пришельца. Свон[9] раз или два была в такой же ситуации, лебедем по отношению к Леде — без насилия, конечно, по крайней мере без физического — и помнит, что одним Ледам это нравилось, другим — нет.

Она вернулась к Вараму. Тот снова рассматри-

---

[9] Примечания: 9
Свон по-английски — лебедь.

вал «Рай» — теперь отойдя как можно дальше к внутреннему окну. Свон картина по-прежнему казалась запутанной.

— Слишком много народу, — сказала она. — Фигуры расставлены чересчур симметрично, а Бог-отец и Христос похожи на дожей. Вообще вся сцена напоминает заседание венецианского сената. Может, таково было представление Тинторетто о рае.

Варам хмыкнул.

— Ты не согласен. Тебе она нравится.

— Не уверен, — ответил он и отошел еще на несколько метров.

Не хочет говорить. Свон вернулась к разглядыванию венецианцев. Для нее искусство — это сделать что-то, что можно будет потом обсуждать. Невыразимый эстетический отклик, *общение* с картиной — для нее это слишком утонченно. Один из портретов смотрит на нее сердито, другой пытается сдержать легкую ироническую улыбку; они с ней согласны. Она застряла здесь с жабой. Мкарет сказал, что Алекс уважала этого человека, но сейчас Свон усомнилась, так ли это. Кто он? Что он такое?

Низкий голос известил о том, что им пора возвращаться в Терминатор, который вскоре

окажется на их широте — как и солнце.

— О нет! — негромко воскликнул Варам, услышав объявление. — Мы же только начали!

— Здесь более трехсот картин, — заметила Свон. — За одно посещение не посмотреть. Тебе придется вернуться.

— Надеюсь, — сказал он. — Они поистине великолепны. Я понимаю, почему его прозвали Иль Фуриозо[10]. Должно быть, он работал целыми днями.

— Думаю, именно так. У него в Венеции было свое убежище, которое он почти никогда не покидал. Закрытая мастерская. Помощниками были его собственные дети.

Минутой раньше Свон прочла это на одной из табличек.

— Любопытно.

Он вздохнул и следом за ней пошел на поезд. Возвращаясь в город, они миновали группу солнцеходов; Свон указала на них. Ее гость оторвался от размышлений и посмотрел.

— Им необходимо постоянно двигаться, — сказал он. — Как же они отдыхают, едят, спят?

— Мы едим на ногах и спим в тележках, ко-

---

[10] Примечания: 10
Неистовый.

торые везут товарищи, — сказала Свон. — По очереди; и так непрерывно.

Варам посмотрел на нее.

— Значит, ты подвержена непреодолимым порывам к действиям. Понимаю их притягательность.

Она едва не рассмеялась.

— А тебе нужен такой порыв?

— Думаю, он всем нужен. Разве нет?

— Нет. Мне совсем ни к чему.

— Но ты присоединяешься к этим одичалым.

— Только ради каких-то других дел. Осмотреть местность, увидеть солнце. Проверяю, в каком состоянии уже сделанное или копаюсь в чем-то новом. Мне не нужно придумывать себе занятия.

Тут она поняла, что все обстоит как раз наоборот, и замолчала.

— Тебе повезло, — сказал он. — Большинству приходится.

— Ты думаешь?

— Да. — Он показал на солнцеходов, оставленных позади. — Что, если ты столкнешься с препятствием, которое помешает тебе продолжать движение на запад?

— Таких препятствий надо избегать. В некоторых местах устроены пандусы, чтобы перебраться

через холмы, или специальные трассы, позволяющие быстро преодолеть трудный участок. На хорошо освоенных маршрутах. Одни придерживаются их, другие нет. Те, кто любит новые территории, иногда совершают полный круговой обход новыми путями.

— Ты из таких?

— Да, но полный круг для меня слишком долго. Обычно я ухожу на неделю или две.

— Понятно.

Ему определенно не было понятно.

— Мы созданы для этого, — вдруг сказала она. — У нас тела кочевников. Люди и гиены — единственные хищники, которые преследуют добычу до изнеможения.

— Я люблю ходить, — признался он.

— А ты? Чем ты занимаешь свое время?

— Думаю, — сразу ответил он.

— И этого тебе достаточно?

Он взглянул на Свон.

— Есть многое, о чем нужно подумать.

— Но что ты делаешь?

— Ну, пожалуй, читаю. Путешествую. Слушаю музыку. Разглядываю произведения визуального искусства. — Он задумался. — Я работаю над проектом преобразования Титана, по-моему, это

очень интересно.

— И участвуешь в работе Лиги Сатурна — в более общем смысле, как сказал мне Мкарет. Системная дипломатия.

— Да, мое имя выпало по жребию, и мне пришлось тратить на это время, но сейчас с этим почти покончено. Я намерен вернуться на Титан, к своему уолдо-манипулятору.

— Так… над чем же ты работал с Алекс?

В его выпученных глазах появилось тревожное выражение.

— Э… она не хотела, чтобы я об этом рассказывал. Но она часто говорила о тебе, и теперь, когда она умерла, я подумал, что она могла оставить тебе сообщение. Или даже так все устроить, чтобы ты могла ее заменить.

— О чем ты?

— Ну, ты ведь создала в космосе много террариев, и сейчас они входят в ядро Мондрагонского договора. Зная, что ты была ближайшим доверенным лицом Алекс, к тебе прислушаются. Поэтому… может, поедешь со мной и кое с кем встретишься?

— Что, на Сатурн?

— На самом деле на Юпитер.

— Не хочу. Здесь моя жизнь, моя работа. Я доста-

точно путешествовала по системе в молодости.

Он с несчастным видом кивнул.

— И… ты совершенно уверена, что Алекс ничего тебе не оставила? Что-нибудь для меня — на случай если с ней что-то произойдет?

— Да, уверена! Ничего нет! Она ничего такого не сделала!

Он покачал головой. Они сидели молча, а поезд скользил по черному лику Меркурия. На севере отдельные вершины начинали сверкать в солнечных лучах. Потом на горизонте обрисовался купол Терминатора, скорлупа прозрачного яйца. В целом показавшийся на горизонте город походил на снежный ком или корабль в бутылке — океанский лайнер в черном море, пойманный в зеленый светящийся пузырь.

— Тинторетто понравился бы твой город, — сказал Варам. — Он похож на Венецию.

— Нет, нисколько, — упрямо ответила Свон, напряженно размышляя.

Терминатор

Терминатор огибает Меркурий на манер солнцеходов, он движется со скоростью вращения планеты, скользит по двадцати гигантским приподнятым рельсам, которые удерживают и перемещают в сторону запада город больше Венеции. Двадцать рельсов охватывают планету, словно обручальное кольцо, держась около сорок пятого градуса южной широты, но заметно отклоняясь к югу и северу, чтобы обойти самые высокие горы планеты. Город движется со средней скоростью пять километров в час. Особые «рукава» на его днище плотно облегают рельсы с таким расчетом, чтобы термальное расширение аустенитной нержавеющей стали всегда толкало город на запад, на еще находящиеся в тени, не расширившиеся рельсы. Небольшое сопротивление этому движению позволяет вырабатывать основную часть необходимого городу электричества.

С верха Рассветной Стены, этого серебристого утеса, образующего восточную границу города, можно видеть весь протянувшийся на запад город, зеленый под прозрачным куполом. Город,

точно движущаяся лампа, освещает всю местность вокруг себя; это свечение очень заметно, за исключением тех часов, когда к западу от города оказываются высокие горы и отражают горизонтальные солнечные лучи. Даже эти легкие прикосновения рассвета многократно превосходят искусственное освещение под куполом. В этом сиянии ни у чего нет тени; пространство не узнать. Но довольно быстро эти отблески исчезают, отраженный свет гаснет. Эти перемены в освещении для жителей Терминатора существенное слагаемое ощущения движения, поскольку само перемещение по рельсам очень плавное. Перемены в освещении, легкие изменения наклона — все это рождает впечатление корабля, плывущего по черному океану, где волны так огромны, что, когда корабль оказывается в углублении между ними, наступает ночь, а при подъеме на волну — день.

Равномерно движущийся город совершает полный оборот за 177 дней. Виток за витком ничто не меняется, происходят лишь незначительные изменения окружающей местности; она же меняется лишь потому, что среди солнцеходов есть ландшафтные художники, которые полируют зеркальные холмы, вырезают петроглифы,

воздвигают пирамиды из камней, дольмены и инуксуки, а еще размещают на них куски металла, которые днем должны расплавиться. Так жители Терминатора постоянно скользят и путешествуют по своему миру, ежедневно приводя этот мир во все большее соответствие со своими мыслями. Все города и все их жители ведут себя примерно так же.

Свон и Алекс

На следующий день Свон вернулась в лабораторию Мкарета. Он опять сидел в своем кабинете и смотрел в пустоту. Свон вдруг поняла, какое это облегчение — иметь на кого сердиться.

Мкарет приподнялся.

— Как прошла поездка с Варамом?

— Он медлителен, груб, замкнут. Скучен.

Мкарет чуть улыбнулся.

— Похоже, он тебя заинтересовал.

— Пожалуйста, не надо.

— Ну, могу заверить, что Алекс находила его интересным. Она часто говорила о нем. И несколько раз намекала, что они занимаются делами, которые она считает очень важными.

Это дало Свон возможность, которую она искала.

— Дедушка, можно я еще раз посмотрю ее кабинет?

— Конечно.

Свон прошла по коридору к комнате Алекс в дальнем конце, вошла и закрыла за собой дверь. Потом подошла к окну и посмотрела на город: с

этой точки были видны крыши и зелень.

Она прошлась по кабинету, разглядывая его. Мкарет еще ничего не менял. Свон задумалась, станет ли он это делать, а если станет, то когда. Все вещи Алекс, как обычно, были разбросаны. Ее отсутствие оказалось своего рода присутствием, и на Свон снова обрушилось горе. Пришлось сесть.

Немного погодя она встала и начала более методичный осмотр. Если бы Алекс ей что-нибудь оставила, то где? Алекс всегда старалась вести дела офлайн, не в облаке, без записей, только вживую и только в реальном времени. Но если она сделала нечто подобное, то должна была все продумать. Зная ее, можно предположить — это нечто вроде «похищенного письма», например, записка, оставленная прямо на столе.

Свон перебирала стопки бумаг на столе, по-прежнему думая о своем. Если бы Алекс хотела передать ей информацию, причем без ее ведома… и если данных много, возможно, это не просто листок бумаги. И, возможно, Алекс хотела, чтобы только Свон могла это найти.

Свон принялась расхаживать по комнате, разговаривая сама с собой и внимательно разглядывая вещи. ИИ, управляющий комнатой, знает, что в кабинете присутствует один человек, и, конечно,

настроен на голос и сетчатку этого человека.

При кабинете был небольшой туалет с раковиной и зеркалом. Свон отправилась туда.

— Я здесь, Алекс, — печально сказала она. — Здесь. Там, где ты хотела меня видеть.

Она посмотрелась в настенное зеркало, потом в небольшое овальное зеркало на стойке у раковины. Печальные покрасневшие глаза Свон.

Упала стоявшая рядом с овальным зеркалом шкатулка для драгоценностей; Свон отскочила к стене, потом взяла себя в руки. Посмотрела на шкатулку. Лоток с жемчугами; он оказался съемным; под ним три маленьких белых бумажных конверта. На одной стороне одинаковым почерком написано *«В случае моей смерти»,* на другой — *«Мкарету», «Свон»* и *«Вану с Ио».*

Дрожащими руками Свон взяла адресованный ей конверт и вскрыла. Выпали две маленькие таблетки — носители информации. Одна из них негромко твердила: «Свон, Свон, Свон». Свон, стиснув зубы, вставила ее в ухо; глаза застилали слезы.

— Милая Свон, мне жаль, что ты это слышишь, — произнес голос Алекс. Как если бы заговорило привидение; Свон прижала руки к груди.

Негромкий голос продолжал:

— Мне действительно очень жаль, потому что, если ты это слышишь, значит, меня нет. ИИ моего кабинета знает о моей смерти и, следуя моему указанию, откроет шкатулку, если ты придешь сюда одна. Это лучший план, какой я смогла придумать. Прости, что вовлекаю тебя в это, но дело важное. Это своего рода страховка: я затеяла дело, которое не должно прекратиться, даже если я умру, и не хочу, чтобы здесь кто-нибудь о нем знал. Ты молода и можешь покинуть планету в любое время, поэтому я ставлю на тебя. Если ты это слышишь, знай — мне нужна твоя помощь. Пожалуйста, отвези конверт Вану на Ио и передай лично в руки. Мы с Ваном и еще несколькими людьми работаем над очень важными проектами и все время старались связываться офлайн, что очень нелегко в наши дни, когда мы так далеко друг от друга. Ты очень поможешь мне, если просто отвезешь конверт. Но, пожалуйста, никому об этом не говори. А если позволишь Полине прочесть другой чип в твоем конверте и потом уничтожишь его, это и послужит дополнительной страховкой. Оба чипа рассчитаны только на одно прочтение. Ван сможет сказать тебе больше, Варам с Титана тоже. Прощай, моя

Свон. Я люблю тебя.

И все. Свон хотела прослушать еще раз, но тщетно.

Она поднесла второй чип к мембране Полины на коже возле самой шеи. Когда Полина сказала «Готово», она убрала молчащие таблетки и два других конверта в карман и отправилась искать Мкарета.

Он был в своем кабинете, разглядывал в трехмерном изображении нечто похожее на протеин.

— Посмотри, что я нашла, — сказала Свон.

Она рассказала о том, что произошло.

— Шкатулка была заперта, — сказал Мкарет. — Я знал, что в ней драгоценности, и думал, что рано или поздно найду ключ.

Он молча смотрел на конверт, не торопясь распечатать его; может быть, побаивался. Свон вышла из комнаты.

— Полина, — сказала она, выйдя, — ты смогла прочитать таблетку?

— Да.

— И что в ней было?

— Мне приказало передать информацию квакому Вана на Ио.

— Можешь в общих чертах объяснить, о чем

речь?

Полина не ответила. Немного погодя Свон выбранила ее и выключила.

Обе таблетки молчат, призрак Алекс ушел. Свон не жалела об этом. Ее все еще трясло от шока, вызванного голосом Алекс.

Она вернулась в кабинет Мкарета. Тот был бледен, крепко сжал губы. Поглядел на нее.

— Она поручила тебе передать кое-что на Ио?

— Да. Что-нибудь знаешь об этом?

— Нет. Но знаю, что у Алекс был особый ближний круг сотрудников. Один из них — Варам; Ван тоже.

— Чем они занимались?

Мкарет пожал плечами.

— Она меня в это не посвящала. Но я знаю, что она считала это очень важным. Кажется, что-то насчет Земли.

Свон обдумала его слова.

— Если это так важно и она ничего не записывала, то должна была понимать, что ее смерть породит проблемы. И поэтому оставила нам эти крохотные записи.

— Меня словно посетил ее призрак, — потрясенно сказал Мкарет. — Она говорила со мной.

— Меня тоже, — ответила Свон и ничего не

смогла добавить. — Что ж, наверно, мне нужно отвезти третий конверт на Ио, как она хотела.

— Хорошо, — сказал Мкарет.

— Варам уже предлагал мне улететь отсюда и все время спрашивает, не оставила ли она что-нибудь для него.

Мкарет кивнул.

— Он участвовал в этом.

— Да. А также инспектор. Так что, пожалуй, я полечу. Но не думаю, что нужно рассказывать им о конвертах. Алекс об этом не просила.

— Он может догадаться — просто по твоему отлету.

— Пусть догадывается.

Мкарет посмотрел на нее, сочувственно прищурившись.

— Тебе придется принять во всем этом участие. Может, даже заменить Алекс и делать то, что сделала бы она.

— Как я могу ее заменить? Этого никто не может.

— Ты не знаешь. Тебе поможет Полина и еще этот твой с Титана. Если ты займешь место Алекс… ее бы это порадовало.

— Может быть, — неуверенно сказала Свон.

— У Алекс наверняка был план. У нее всегда

был план.

Свон вздохнула, вновь потрясенная мыслью, что Алекс больше нет. Призрачные сообщения никак не могли ее заменить.

— Значит, решено. Я увижусь с этим Ваном.

— Отлично. И будь готова действовать.

Свон узнала, где в городе разместили дипломатов с других планет, и поднялась на террасу, где поселили делегацию с Сатурна. Войдя во двор, она сразу увидела Варама, который, наклонив голову, разговаривал с полицейским инспектором Жаном Женеттом. Увидев их вместе, Свон испытала потрясение: их манера держаться подсказывала, что они хорошо знакомы. Участники одного заговора, судя по виду.

С горящими щеками Свон подошла к ним.

— Как так? — спросила она. — Я не знала, что вы знакомы.

Вначале оба молчали.

Наконец маленький махнул рукой.

— Мы с Фитцем Варамом часто работаем вместе над различными проблемами системы. Сейчас обсуждаем визит к общему знакомому.

— К Вану? — спросила Свон. — К Вану на Ио?

— Ну… да, — ответил инспектор, с любопытством поглядев на нее. — Ван сотрудничал с нами

и с Алекс. Мы вместе работали.

— Я упоминал, — хрипло пробасил Варам. — Когда мы возвращались с Тинторетто.

— Да, да, — резко ответила Свон. — Ты просил меня сопровождать тебя в этой поездке, не объясняя зачем.

— Ну… — На широком лице человека-жабы отразилось легкое смущение. — Это верно, но понимаешь, у меня есть причины не говорить всего…

Он посмотрел на Женетта, словно в поисках помощи.

— Я полечу, — сказала Свон, вынуждая Варама посмотреть на нее. — Я сама этого хочу.

— Ага, — сказал Варам, снова обменявшись быстрым взглядом с Женеттом. — Хорошо.

Извлечения (1)

Возьмите астероид длиной не менее тридцати километров по большей оси. Подойдет любая разновидность: сплошной камень, камень и лед, металл, даже просто лед, хотя в каждой будут свои особые проблемы.

Разместите на конце продольной оси астероида систему самовоспроизводящихся трансформируемых экскаваторов и с ее помощью выройте в астероиде полость вдоль этой оси. Везде, кроме входа, оставьте стены толщиной не менее двух километров. Обеспечьте целостность, покрыв стену прочной оболочкой необходимой толщины.

Имейте в виду, что, когда ваша система экскаваторов выкапывает внутреннюю полость, выбрасываемый материал (лучше нацеливать его в точку Лагранжа, там его легче продать) — это лучший шанс переместить ваш террарий на другую орбиту, если вам этого хочется. И оставьте запас извлеченного материала на поверхности для дальнейшего использования.

Когда внутренность вынута и создана цилиндрическая полость не менее пяти километров в поперечнике и десяти длиной (чем больше,

тем лучше), ваша система экскаваторов должна вернуться в точку входа и преобразоваться в движитель террария. В зависимости от массы вашего нового мира вам понадобится ускоритель массы, двигатель «светового отталкивания» на антиматерии или тарелка орионского толкателя.

На передней оконечности вашего цилиндра, на носу нового террария, установите на продольной оси носовой двигатель. Со временем ваш террарий станет вращаться с такой скоростью, что внутри возникнет сила тяжести: обитателей будет притягивать к полу словно гравитацией. Ее измеряют в эквивалентах тяготения, равного *g*, или жеквиваленте. Передний двигатель соединяют с носом террария редукторной осью, что позволяет этому двигателю оставаться не вращающимся. В помещении на носу сила тяжести будет почти нулевой, но многие функции террария, такие как причаливание, обзор, управление, легче выполнять в отсутствие вращения.

Можно создать внутренний цилиндр, который будет вращаться, тогда как сам астероид остается неподвижным, — так называемая конфигурация молитвенной мельницы; это даст внутреннее пространство с силой тяжести и неподвижную поверхность, но такое устройство сложнее и

менее надежно. Мы его не рекомендуем, хотя некоторые из новых — нам доводилось их видеть — очень хороши.

Когда корма и нос устроены и оборудованы, а астероид вращается, внутреннее пространство готово к терраформированию.

Начните с легкого напыления тех тяжелых металлов и редкоземельных элементов, особая потребность в которых есть у того биотического сообщества — биома, — какое вы собираетесь создать. Имейте в виду, что ни одна земная биома не начиналась с простых ингредиентов, которыми вы располагаете на астероиде. Биосферы изначально нуждаются в витаминах, поэтому с первых дней обеспечьте необходимые добавки, в числе которых обычно молибден, селен и фосфор. Как правило, их поставляют в так называемых «дымовых бомбах», размещаемых вдоль оси цилиндрического пространства. Не отравитесь, когда будете этим заниматься.

После этого подвесьте на оси цилиндра солнце террария. Это осветительные элементы, способные перемещаться с любой нужной вам скоростью. Освещение и день начинаются обычно с кормы цилиндра после необходимого периода темноты (в это время уличные фонари у вас над

головой играют роль звезд). Световой элемент, достаточно яркий, перемещается затем от кормы к носу (или с востока на запад, как это иногда описывают), обычно в соответствии с циклом земного дня, каким он был бы, располагайся ваша биома на определенной земной широте. Подобным же образом в вашем террарии будут меняться и времена года.

После этого можно создавать атмосферу нужного состава и давления (обычно она делается в диапазоне между 500 и 1 100 миллибар), но схожую составом с земной; можно сделать чуть больше кислорода — но при этом возрастают риски.

Далее вам понадобится биомасса. Естественно, в вашем распоряжении есть генетические данные всех существ, которых вы хотите видеть в своей биоме. Обычно либо реконструируется земная биома, либо создаются новые биомы, гибридные — их многие называют «Вознесением» по земному острову Вознесения, где была создана первая гибридная биома (нечаянно, самим Дарвином!). Геномы всех необходимых для вашей биомы видов вы можете получить по первому требованию, кроме бактерий, которых попросту слишком много и которые генетически слишком

изменчивы и не поддаются классификации. Для них вам придется применить соответствующую закваску, как правило — несколько тонн навоза или иного липкого органического вещества, содержащего необходимые вам бактерии.

К счастью, в пустой экологической нише бактерии размножаются очень быстро, а у вас именно такая ниша. Чтобы сделать ее еще более годной, измельчите внутренний слой стенок вашего цилиндра в гранулят размером от крупного гравия до песчинок. Смешайте с питательным аэрогелем — и получите матрикс для почвы. Лед, который мог оказаться на поверхности цилиндра, удалите, за исключением небольшого количества, которое растает и увлажнит ваш каменный матрикс. Потом добавьте бактериальную закваску и доведите температуру до 300 градусов Кельвина. Матрикс вспухнет, как дрожжевая опара, и превратится в ценнейшую тончайшую субстанцию — в почву. (Желающие ознакомиться с этой темой подробнее могут прочесть мой бестселлер «Все о почве»).

Когда почвенная основа готова, ваша биома сделала большой шаг вперед. В этот период режим может быть самый разный, в зависимости от того, чего вы хотите добиться. Но справедливо

будет отметить, что большинство биом начинают с болота той или иной разновидности, так как это самый быстрый способ создать почву и биому в целом. Следовательно, если вам нужно побыстрее заселить астероид, разумно начать с этого.

Вы создали теплое болото с пресной или соленой водой, и это хорошее начало. В вашем цилиндре возникают запахи, а также гидрологические проблемы. В этот момент можно запустить рыб, земноводных, животных и птиц; это обязательно следует делать, если вы хотите, чтобы биомасса росла. Но здесь вас подстерегает опасность: увлекшись развитием своего болота, вы можете в него влюбиться. Прекрасно — но это случается слишком часто. Поэтому у нас множество биом эстуария, но недостаточно других биом, которые хотелось бы создать.

Так что с этой минуты постарайтесь держаться отстраненно; не слишком заселяйте болото или вообще не приближайтесь к нему на этой стадии процесса. Можете заняться попутно следующим астероидом, чтобы не слишком привязываться к преобразованию этого.

Пока болото создает обильную биомассу, можно заняться сушей, используя извлеченные при выдалбливании цилиндра материалы, запа-

сенные на внешней поверхности астероида. Холмы и горы прекрасно выглядят и добавляют разнообразия, так что смелей! Это изменяет гидрологическую обстановку, и настает лучшее время для заселения новых видов, а также для экспорта уже не нужных вам видов в более молодые террарии, где они могут потребоваться.

Таким образом, через определенное время вы сможете превратить внутреннее пространство своего террария в любую из 832 биом, идентичных земным, или создать «Вознесение» собственного производства. (Должна предупредить, что многие «Вознесения» оказываются суховатыми по разнообразию, как скверное суфле. Ключей к успеху «Вознесения» так много, что мне пришлось написать целый том «Как приготовить биому»; сейчас он есть в продаже!).

В целом вам придется много раз варьировать температуру, ландшафт и виды животных, чтобы получить нужное стабильное климаксовое сообщество. Можно создать самый замысловатый ландшафт: иногда результаты изумляют. И когда вы стоите среди этого ландшафта, созданного вами, он поднимается по обе стороны от вас и смыкается над головой, объемлет вас, словно голдсуорти, артобъект, сотворенный внутри скалы,

как в жеоде или в яйце Фаберже.

Очевидно, можно сделать и полностью жидкое нутро. В некоторых таких аквариях или океанариях есть архипелаги, другие исключительно водные, иногда даже их стены — замороженные, прозрачные, так что, когда приближаешься к ним, они похожи на бриллианты или капли воды, плывущие в космосе. В некоторых аквариях внутри вообще нет воздуха.

Что касается авиариев, то все террарии и большинство аквариев — одновременно и авиарии, заселенные до максимума птицами. На Земле пятьдесят миллиардов птиц, на Марсе двадцать миллиардов, в наших террариях птиц больше, чем на обеих планетах, вместе взятых.

Каждый террарий — островной парк для помещенных в него животных. Эти «Вознесения» становятся средой для гибридизации и появления новых видов. Более традиционные биомы сохраняют животных, которым на Земле грозит вымирание — или дикие разновидности которых исчезли. Некоторые террарии даже напоминают зоопарки, многие — это сплошные массивы дикой природы, но в большинстве парковые зоны чередуются с местами обитания людей, что обеспечивает высокий уровень комфорта биом

в целом. Такие разновидности очень важны для человечества и для Земли. Есть также целиком сельскохозяйственные террарии, производимая в них продукция составляет основную пищу землян.

Эти факты заслуживают упоминания и не могут не радовать. Мы готовим свои маленькие миры-пузыри для собственного удовольствия, как готовят еду, или строят что-нибудь, или выращивают сад — но еще это новое явление в истории и сердцевина Ускорения. Не могу рекомендовать это всем. Начальные вложения весьма существенны — но в космосе еще очень много ничейных астероидов.

Варам и Свон

Хотя меркурианские стартовые вихри — это несомненно инженерное решение инженерных проблем, они очень интересны и эстетически. Труба маглева[11] расходится конусом, расширяющимся по мере подъема. Вершина этого конуса установлена на платформе, которая движется по кругу площадью примерно с сечение конуса в самой широкой его части. Движение этой платформы эффективно увеличивает ускорение паромов, которые магнитное поле разгоняет по трубе. Их паром стоял на боковой поверхности, но с подъемом пол все определеннее становится низом; затем их с огромной скоростью выбрасывает в космос, и скорость эта так велика, что в атмосфере они мгновенно сгорели бы, едва выскочив из трубы. Если смотреть из космопорта, это напоминает древний аттракцион в луна-парке. Но внутри парома возникает очень серьезная сила тяжести, почти максимальная дозволенная для коммерческих рейсов, — 3,5 *g*.

Свон Эр Хон, виновато улыбаясь — чуть не

---

[11] Примечания: 11
Магнитная левитация.

опоздала, — села рядом с Варамом и застегнула привязные ремни. Наклонившись к нему, она смотрела в маленькое окно на стремительно уменьшавшуюся, изрытую кратерами родную планету. Равнина быстро превращалась в шар, тонкий его полумесяц был залит солнечным светом, выпуклая ночная сторона оставалась в черной тени. Меркурий — интересное место, но Варам не жалел, что покидает его: несмотря на отчаянные усилия местных жителей украсить его с помощью искусства, все покрывал пепельный шлак. К тому же в изумительном движущемся городе Варам при виде неожиданных вспышек на западе всегда вспоминал, что солнце безжалостно преследует его, готовое подняться над горизонтом и все сжечь.

Им предстояло перехватить террарий «Альфред Вегенер», двигавшийся так быстро, что парому, чтобы догнать его, придется сделать еще один долгий рывок при ускорении 3g. На это время Варам превратил свое сиденье в лежак — и терпел, как все остальные. Напротив стонала и крутилась на своем ложе Свон. Варам запретил себе вспоминать о работах, изучавших воздействие ускорения на человеческий мозг, это нежное мягкое вещество, без особых прокладок заключенное

между твердыми стенками. Но тут их подхватил «Вегенер», добавив, словно завершающий штрих, заключительное ускорение.

Затем Вараму и остальным пассажирам пришлось освоиться с неожиданной невесомостью и перейти с парома на причал террария, а затем через шлюз и по широкой лестнице с мягким покрытием спуститься на дно цилиндра.

Внутреннее пространство «Вегенера», достаточно обширное, около двадцати километров длиной и пять в диаметре, вращалось, создавая силу тяжести в одно *g*. Основную часть внутреннего пространства занимал парк, а несколько небольших поселков размещались преимущественно на корме и в носу. Смесь саванны и пампасов весьма привлекательна, думал Варам, шагая к ближайшей деревне и разглядывая местность. Заросшие травой прерии и участки леса изгибались над головой, как в гигантской Сикстинской капелле, где на сводах Микеланджело изобразил свое представление о рае — саванну, первый для людей ландшафт, память о котором таится глубоко в сознании. Хотя Варам был внутри террария, ему всегда казалось, что он внутри карты, свернутой в трубку. Если смотреть вдоль продольной оси, земля всегда кажется подково-

образной долиной: дальние деревья как будто бы выше ближних; поверхность отданной под парк местности постоянно изгибается до самых вертикальных стен, как в больших подковообразных ледниковых долинах, только здесь стены продолжают подъем, отклоняясь от вертикали очень непривычно для глаза. А над головой ландшафт просто переворачивается и вполне определенно висит вверх дном. Например, сейчас в разрывах облаков Варам видел стаю птиц, летящих над озером, раскинувшимся прямо над ним.

В первом же поселке — он назывался Сливовое Дерево — Варам явился в небольшой Дом Сатурна и зарегистрировался. Здесь на первом этаже был ресторан, и Варам записался на кухонные работы (ему нравились самые простые дела); приняв душ, он прошелся по городку. Красивое место с набережной над озером и с холмом; на восточном краю железнодорожная станция. Отсюда поезда идут через парк в соседние города. На центральной площади множество венериан, вероятно, возвращающихся домой: в основном высокие, плечистые молодые китайцы с внимательными взглядами и широкими улыбками. Они трудятся на Венере по колено в сухом льду, и работа у них опасная. Дома на Титане Варам тоже выполнял

подобные работы, но на Титане сила тяжести всего 0,14 *g*, и это как правило спасает от несчастных случаев. Венера с ее силой тяжести 0,9 *g* казалась ему опасной планетой.

На окраине поселка он увидел ряд деревьев и ограду. В небольшом киоске Варам расписался за оружие и прочел на табличке, что эту биому семьдесят лет назад создала его новая знакомая Свон Эр Хон. Это его удивило: он знал, что когда-то Свон была дизайнером, но на подлете она не проявила никакого интереса к «Вегенеру».

Варам взял со стойки короткое парализующее ружье, положил его в карман плаща и через ворота вошел в парк. И зашагал вверх по склону по изгибающейся поверхности. По толстому слою плодородной почвы смешанного танзанийско-аргентинского происхождения, как он прочел в киоске. На стволах широколиственных акаций виднелись следы слоновьих бивней. Вершины деревьев прямо над головой походили на круглые копны лишайников. Высокая трава не позволяла видеть ничего дальше ближайшего окружения; там, где парк загибался над вершинами деревьев, обзор был шире. Груда камней над деревьями слева показалась подходящим наблюдательным пунктом; конечно, то же самое могло прийти в

голову пуме или гиене, так что подходить следовало осторожно. Большинство диких животных сторонились людей, но Вараму не хотелось никого спугнуть. Мама часто говорила ему: не обязательно ввязываться в опасные дела, чтобы испытать острые ощущения; это испорченность, а я не люблю испорченных людей. Другие его родители были не столь рассудительны, возможно, потому что жили на Сатурне и имели не совсем обычное представление об опасности. Но мама добилась своего, Варам не испорченный; новое всегда производит на него впечатление, и сейчас его сердце билось чуть быстрее обычного.

Но на холме оказалось пусто. Камни поросли лишайником, словно осыпанные самоцветами, желтыми, красными и светло-зелеными. Варам присел между камнями и осмотрелся.

Под ним в высоких злаках пряталась самка гепарда с двумя детенышами. Внимание самки было устремлено к оленю из пампасов, который пасся поодаль. Варам подумал: а как олень воспринимает гепарда и были ли в Южной Америке такие проворные хищники? Это казалось маловероятным.

Он с удовольствием смотрел на движущихся гепардов: кажется, обычно они спят. Похоже, мать

учила детенышей охотиться; одного прихлопнула лапой, чтобы прижался к земле. Ветер дул слева, так что Варам был на наветренной стороне от кошек, они его не учуют. Так, во всяком случае, казалось, хотя чутье у животных настолько острое, что по сравнению с ними человек кажется глухонемым.

Варам приготовился ждать. Детеныши, еще пятнистые, казалось, не понимали, чему их учат. Они возились друг с другом, словно хотели поиграть. Высшая точка скорости развития мозга — одновременно высшая точка игривости.

Олень был от них по ветру, он казался спокойным и приближался к ним. Мамаша-гепардиха, прижимаясь к земле, скрылась в траве; на этот раз детеныши поступили так же. Кончики их хвостов непроизвольно подрагивали.

В следующее мгновение мамаша понеслась среди стеблей травы, и детеныши бросились за ней. Олень длинными красивыми прыжками помчался прочь, гепардов окутало облако пыли; но ему пришлось обогнуть группу деревьев, и самка перехватила его и бросила на землю, словно ком шерсти; затем оказалась на нем, впившись зубами в шею и держа добычу. Олень сначала дергался, потом затих. Вид крови был, как обычно,

шокирующим. Детеныши подоспели поздно, и Варам задумался, научил ли их чему-то этот урок, кроме необходимости вырасти и быстро бегать.

Он обнаружил, что стоит. И, посмотрев влево, увидел еще одного человека — Свон. Удивленный, помахал ей, но она задрала подбородок, продолжая наблюдать за охотой гепардов. Теперь мать учила детенышей есть оленя, и хотя бы тут обошлась без особых указаний. Варам разглядывал эту картину. Часть, освещенная местным «солнцем», была далеко в переднем конце террария, закат сделал лучи косыми. Трава колыхалась под ветром. Казалось, все происходит в древности.

Подошла Свон, поднялась на холм. Немного неприятно, когда тебя вот так застают в одиночестве: во многих парках это незаконно, да и в целом не считается благоразумным. Но она ведь тоже одна здесь.

Он кивнул — церемонно, но дружелюбно.

— Большая удача увидеть такое, — заметил он, когда Свон подошла.

— Да, — ответила она. — Ты здесь один?

— Да. А ты?

— Да, одна. — Она с любопытством посмотрела на него. — Должна признаться, удивлена, что застала тебя здесь. Не думала, что тебя такое

интересует.

— На Меркурии этого не увидишь.

Она показала на кошек.

— Не страшно?

— Я знаю, что они боятся людей.

— Да, но если они голодны…

— Штука в том, что они всегда сыты. Здесь слишком много дичи.

— Это верно. Но, если раньше они никогда не встречались с людьми, сочтут тебя чем-то вроде шимпанзе. Несомненно, очень вкусным. Деликатесом. Иногда такое случается. На них ведь никогда не охотились, у них нет такого опыта.

— Я знаю, что мы можем стать добычей, — сказал Варам. — У меня с собой на всякий случай небольшой парализатор. А у тебя?

— Нет, — призналась она после паузы. — То есть я иногда беру с собой оружие, но не стремлюсь провести ночь в тюрьме.

— Конечно.

Она наклонила голову, словно слушала голос в ухе. У нее вживлен квантовый компьютер, Вараму рассказала об этом Алекс; когда-то это было модно.

— Кстати о еде, — сказала она, — поищем что-нибудь?

— С удовольствием.

Они вернулись к изгороди на периметре. В киоске собралась небольшая группа; увидев Свон, люди столпились вокруг нее и оживленно приветствовали.

— Что думаешь? — спрашивали ее. — Как тебе это нравится, когда все выросло?

— Неплохо, — ответила она уверенно. — Мы видели, как гепард убил оленя. И я подумала: может, олени чересчур расплодились?

Кто-то из группы сказал, что оленей много, потому что кошек еще мало, и Свон задала несколько вопросов на этот счет. Варам понял, что соотношение хищник-добыча постоянно и волнообразно меняется, подчиняясь определенному ритму, а хищники опережают добычу или отстают от нее на четверть цикла; были и другие затруднения, но из разговора Варам не понял, в чем они заключаются.

Закончив беседу, Свон повела его по улице к городу.

— Значит, они знают, что ты создавала этот террарий, — сказал на ходу Варам.

— Да, странно, что кто-то еще помнит. Я сама с трудом вспоминаю.

— Значит, ты была экологом?

— Дизайнером. Очень давно. По правде сказать, то, что я делала, мне по большей части не нравится. Слишком много «Вознесения». Террарии нужны для сохранения видов, исчезнувших на Земле. Не знаю, о чем я думала. Но людям, которые здесь живут, я этого не скажу. Они здесь, это их дом.

Они прошли по кривизне цилиндра дугу в несколько градусов. Облако, которое стояло над головой на закате, застилая, окутывая землю оранжевой шалью, теперь обогнуло цилиндр и погрузило их в туман. В мглистых сумерках предметы теряли очертания, и местность вокруг стала неразличимой; огни на другой стороне горели расплывчатыми звездами. Мир казался теперь совсем иным, скорее внешним, чем внутренним.

Варам рассказал, что записался на мытье посуды в ресторане Дома Сатурна, поэтому они вернулись в поселок Сливовое Дерево и поели в ресторане. Свон еще не определилась с работой; она призналась, что редко это делает. Она сделалась тихой и рассеянной, глядела в окно, потом изучала зал ресторана, совершая при этом мелкие движения — притопывая по полу или сводя кончики пальцев. За едой она не проронила ни слова. Несомненно, еще горюет по Алекс. Варам,

сам переживавший утрату, мог только молча сочувствовать. Но вот она наклонила голову и сказала:

— Перестань со мной разговаривать, я не хочу тебя слышать.

— Что? — спросил Варам.

— Прости, — ответила Свон. — Я со своим квакомом.

— Можешь заставить его говорить вслух?

— Конечно, — сказала Свон. — Полина, говори.

— Меня зовут Полина, — послышалось где-то справа от головы Свон. — Я преданный Свон квантовый компьютер.

Голос, чуть невнятный, походил на голос самой Свон, только шел словно бы из маленьких Спикеров на ее коже.

Свон скорчила гримасу и принялась за суп. Варам невозмутимо сосредоточился на еде. Наконец Свон недовольно сказала:

— Ладно, разговаривай с ним сама!

Голос сбоку от ее головы произнес:

— Я так поняла, вы направляетесь в систему Юпитера.

— Да, — осторожно ответил Варам. Если Свон поручила квантовому компьютеру говорить вместо себя, едва ли это добрый знак. Но Варам

не совсем понимал, что происходит.

— Какого типа у тебя искусственный интеллект? — спросил он.

— Я квантовый компьютер модели «Церера-21966».

— Понятно.

— Один из самых первых и слабых квакомов, — сказала Свон. — Просто кретинка.

Варам задумался. Спросить: «Насколько ты умна?» — не слишком вежливо. К тому же мало кто способен на такое ответить.

— О чем ты любишь думать? — предпочел спросить он.

— Я создана для информативной беседы, — ответила Полина, — но обычно не могу пройти тест Тьюринга. Хочешь сыграть в шахматы?

Варам рассмеялся.

— Нет.

Свон смотрела в окно. Варам, немного подумав, снова сосредоточился на еде. Требовалось много риса, чтобы приглушить острый вкус чили в блюде.

Свон с горечью сказала:

— Ты настаиваешь на вмешательстве, настаиваешь на разговоре, настаиваешь на том, чтобы притворяться, будто все нормально.

Голос компьютера отозвался:

— Анафора — один из слабейших риторических приемов, на деле простое повторение.

— Ты жалуешься на то, что я повторяюсь? Сколько раз ты разбирала это предложение, десять триллионов?

— Столько не требуется.

Тишина. Обе как будто завершили разговор.

— В тебе заложены знания риторики? — спросил Варам.

— Да, это полезный аналитический инструмент, — ответил голос квакома.

— Пожалуйста, приведи пример.

— Используя экзергазию, синафроизм и инкремент в одном перечислении, мне кажется, ты дала пример применения всех трех приемов в одной фразе.

Свон фыркнула.

— Как это, Сократ?

— Экзергазия — это использование разных фраз для выражения одной и той же мысли, синафроизм — накопление путем перечисления, инкремент — нагромождение пунктов для доказательства. Всеми этими приемами достигается одно и то же.

— Что ты возразила бы против этого? — спро-

сила Свон.

— Что я излишне переоцениваю тебя, считая, что ты используешь много приемов, тогда как на деле ты используешь один метод: все это едино, разницы нет.

— Ха-ха, — саркастически сказала Свон.

Варам с трудом удержался от смеха.

Кваком продолжал:

— Можно сказать, что классическая система риторики — ложная таксономия, своего рода фетишизм…

— Хватит!

Наступила тишина.

— Пойду поработаю на кухне, — сказал Варам, вставая.

Немного погодя она пришла к нему и стала вынимать посуду из машины, глядя в окно на туман. Нашлась бутылка вина, и она налила себе стакан. Вараму влажный звон посуды на кухне всегда казался музыкой.

— Скажи что-нибудь! — приказала она наконец.

— Я думаю о гепардах, — удивленно ответил он, надеясь, что она говорит с ним, ведь здесь больше никого не было. — Ты часто их видела?

Никакого ответа. Они закончили с посудой и

вымыли столы, потратив на это немало времени. Свон что-то бормотала: похоже, снова спорила со своим квакомом. Один раз натолкнувшись на Варама, она сказала:

— Послушай, почему ты такой копуша?

— А ты почему такая шустрая?

Конечно, для тех, у кого в голове кваком, характерна такая нервная подвижность; но объяснить им это невозможно, а Свон казалась хуже прочих. К тому же, возможно, она все еще горевала и ей стоило отвлечься. Она опять не ответила, просто сорвала фартук и вышла в туман. Варам от двери посмотрел ей вслед: Свон вдруг свернула к костру в центре площади, вокруг которого танцевали. А когда ее фигура превратилась в силуэт на фоне огня, он увидел, что она тоже танцует.

Привычки начинают формироваться сразу же, как появляются первые повторения. Затем наблюдается тяга к повторам, оттого что создаются шаблоны защиты, линии укреплений против времени и отчаяния.

Варам прекрасно это сознавал, поскольку сам многажды переживал упомянутый процесс; поэтому в путешествиях он следил, что делает, искал эти самые первые повторения, способные задать новый шаблон в данный момент

его жизни. Иногда человек совершает поступок случайный, непредвиденный и не слишком удачный для того, чтобы на его основе возникла привычка. Тут необходим поиск, иными словами, проверка разных возможностей. Это своего рода междуцарствие, особый момент перед формированием привычки, время случайных поступков. Время отсутствия кожи, прямое восприятие, бытие-в-мире.

На его вкус, такие моменты возникали чересчур часто. Почти все террарии, предлагающие полеты по Солнечной системе, движутся очень быстро, и все равно полет часто занимает недели. Чересчур много времени на то, чтобы бесцельно бродить, чересчур легко соскользнуть в умственное оцепенение. Такие периоды приводят к возникновению новых направлений в науке или искусстве в поселениях возле Сатурна. Но для Варама подобная гебефрения была опасна, это он установил на долгом, болезненном личном опыте. Слишком часто в его прошлом безмысленность ставила под угрозу основы его существования. Ему требовался порядок, план, требовались привычки. В обнаженности момента отслоения, в напряженности этого опыта кроется ужас — страх перед тем, что из прежнего смысла

так и не возникнет новый.

Конечно, никогда нельзя доподлинно повторить что-либо, это было ясно еще до Сократа — Гераклит с его «нельзя дважды войти в одну и ту же реку» и прочее. Поэтому привычка не бывает подлинно итеративной, повторяющейся, а только псевдоитеративной. Иными словами, распорядок дня может быть тем же, но мелкие события, наполняющие день, все равно будут немного различаться. Таким образом, устоявшийся порядок и внезапность существуют одновременно, и для Варама самое желанное состояние — жить в псевдоитеративности, в псевдоповторяемости. Но псевдоитеративность должна быть хорошей, интересной, напоминающей произведение искусства. Каким бы коротким ни был полет, какими бы скучными ни оказались террарий и люди в нем, важно было придумать проект и взяться за него, вкладывая в это всю силу воли и воображения. Как ни крути, жизнь на борту — все равно жизнь. И нужно ценить каждый ее день.

Поэтому на следующее утро он ушел после завтрака из Дома Сатурна и вновь отправился в парк; в беседке он примкнул к группе, которая собиралась выследить небольшое стадо слонов.

Немного погодя к ним присоединилась Свон; она пришла с противоположной стороны парка и раскраснелась, будто бежала. У группы был прибор, который переводил слишком высокие голоса слонов в звуки, доступные восприятию человека; слушая, как слоны разговаривают и смеются, Свон хмурилась, словно понимала их речь. Когда слоны затихли, она попросила гида-зоолога объяснить, почему сумерки накануне были такими долгими. Варам быстро понял, что эта биома экваториальная и сумерки здесь должны быть короткие, как на Земле, где солнце на экваторе независимо от времени года уходит за горизонт почти перпендикулярно. Зоолог, удивленный, что Свон это заметила, довольно воинственно объяснил, что они проводят эксперимент — помещают террарий на широту, эквивалентную двадцать третьему градусу земной: дело в том, что с потеплением на Земле в этих широтах стало тепло, как на экваторе. Леса сменяются травянистыми степями, происходит опустынивание и исследуется возможность миграции в эти широты фауны полупустынь. С целью получить предварительные данные на «Вегенере» соответственно изменили режим освещения.

Свон это объяснение не устроило, и вскоре

она снова отправилась бродить в одиночестве, вызвав этим разочарование зоолога и неодобрение кого-то из гостей. Вечером Варам увидел ее в ресторане; вероятно, она тоже практиковала некую форму псевдоитеративности и потому много путешествовала — естественное движение человеческой души. Варам ел за соседним с ней столом, потом отправился мыть посуду, но, хотя он вежливо кивнул Свон, она с ним не заговорила. Вечером снова горел костер, снова вокруг него танцевали.

Итак, на второй день появились признаки новой привычки, а еще через день «Вегенер» приблизился к Венере, чтобы использовать ее тяготение как пращу и быстрее устремиться к Юпитеру. Варам проехал на поезде в передний конец, потом, почти в полной невесомости, цепляясь за перила, поднялся на обсервационную палубу, которая пузырем выступала из носа астероида (в этом помещении всегда можно было видеть полушарие звездного неба над головой) — и сразу же впереди, вырастая на глазах, показалась Венера. Варам, который дома много времени проводил при таком микротяготении, безмятежно сохранял равновесие, держась одной рукой за петлю, и наблюдал, как под ними про-

ходит вторая планета солнечной системы. В миг максимального приближения появилась Свон; как всегда, она, опаздывая, торопилась.

Атмосфера Венеры сейчас разительно отличалась от прежней густой: она стала прозрачной, и, хотя планету постоянно прикрывал от солнца щит, а потому на ней царила ночь, тусклый свет позволял разглядеть белые сухие ледяные моря и черные скалы двух материков, частично уже изъеденных. Облака, знакомые по Земле и Марсу, скользили над снежными полями и сухими ледяными океанами, производя странное, недоступное пониманию ощущение черно-белой картинки. В голосах зрителей в обсервационном отсеке ощущались взволнованность и удивление. Смотреть на черные высоты и белые низины не слишком полезно для глаз и вообще совсем не просто. Даже при наибольшем приближении оставалось впечатление торцевания, сглаживания. «Вегенер» пролетел сквозь верхние слои атмосферы, чтобы по максимуму воспользоваться гравитационной пращой. Внизу проплыли огни; кто-то сказал, что это Порт-Элизабет. Неподалеку от него располагался город Билли-Холидей, где однажды Варам работал на гигантском уолдо-манипуляторе, возводя в долинах пенные скалы над

сухим льдом. Теперь то же делают на Титане. Венера и Титан — два самых вероятных кандидата на присоединение к полностью терраформированному Марсу, «бесскафандровые миры», как некоторые их называют: в их атмосфере человек может дышать. Пример Марса показывает, что может получиться: независимый новый мир, свободный от неприятностей старого.

Свон одиноко танцевала.

— Я хочу вернуться, — пела она, не обращаясь ни к кому в частности, а может, обращаясь к своему компьютеру. — Хочу чувствовать, как ядовитый ветер проносится над ядовитым морем.

Венериане выгрузились перед максимальным сближением с планетой, и теперь пассажиры «Вегенера» были не так интересны. Ни костров, ни танцев по вечерам. Варам много времени проводил в парке: парк стал стержнем этой особой псевдоитеративности. На террарии пытались провести перепись птиц и млекопитающих. Ему часто доводилось заметить Свон на одинокой пробежке. Она определенно и спала под открытым небом, а однажды вечером на кухне заметила, что никогда не спит в закрытом помещении, если есть возможность; впрочем, в определенном смысле весь террарий можно было

назвать закрытым помещением. В парке Варам видел следы того, что Свон пыталась добывать здесь пропитание. Однажды на берегу небольшого ручья, протекающего через парк, нашли кролика в силках. Это было незаконно, и, что еще важнее, не принято. Несколько раз видели золу на месте небольшого костра, а в золе — не полностью сгоревшие мелкие кости. Кролик или птица, поджаренные на костре… Если питаешься так, нужно опасаться гиен. Несомненно, великолепные южно-индийские блюда в ресторане гораздо безопаснее.

Однажды утром он вместе с провожатыми наткнулся на Свон. Она сидела у маленького костра, — грязное лицо, кровь на руках, между ног лежит груда птичьих перьев, — и смотрела на них свирепо, как гиена в западне. Долго никто не решался что-либо сказать. Браконьерство еще менее популярно у властей, чем когда-либо, понял Варам, бросив быстрый взгляд на зоолога. Хотя Свон, конечно, за это не повесят, у нее ведь статус основателя. Местные топтались на месте, не в силах принять никакого решения.

— Думаю, именно это имеют в виду, когда говорят «поймали с поличным», — как можно веселее сказал Варам. — Но прошу вас — я хочу увидеть

слонов, а они уходят. Я уверен, что здесь все вскоре вернется к норме.

И он пошел в направлении слоновьего стада. Провожатым пришлось идти за ним.

Он мог заняться исследованием другой части парка. Или можно выследить маленькую семью гепардов. Однажды он видел, как это делает Свон, но не подошел. Было ясно, что ей хочется побыть одной. В городе, в ресторане, она ела в одиночестве. Варам был слегка разочарован.

В псевдоитеративе следуешь ритуалам, одновременно радуясь знакомому, а новое и случайное будоражит. Важно вставать на рассвете. Освещение отбрасывает тени на поверхность цилиндра, а над головой перелетают с озера на озеро птицы. Вараму рассказали, что в большинстве своем птицы предпочитают мигрировать; они поднимаются на рассвете и летят почти весь день, потом возвращаются туда, откуда начали. Возможно, эти передвижения их стимулируют.

Варам еще раз посетил обсервационную площадку, когда «Вегенер» пролетал мимо знаменитого астероида «Сбой программы». На нем один из экскаваторов не переключился на следующий этап — выдвигались предположения, что ошибка ИИ была вызвана вспышкой космического

излучения. Создав полость в железоникелевом астероиде, механизм, выбравшись наружу из торцевого отверстия, принялся снова пожирать вещество астероида, и каждый раз, выбираясь на поверхность, поворачивался и возвращался, оставляя за собой углубления. Через несколько лет стало ясно, что этот процесс никогда не закончится и астероид, заметно уменьшившись, превратится в подобие завязанного в узлы стального троса. Многим было любопытно посмотреть, что из этого получится, но, очевидно, эксперимент решили не доводить до конца, и потому мощный направленный электромагнитный импульс уничтожил ИИ и механизмы остановились, лишь из отверстия, точно голова змеи, торчал экскаватор. С того момента астероид напоминает голову Медузы, гигантский витой крендель, который некоторые называли прекрасным, а другие — ужасным. Олицетворение неразумности ИИ или тщеты человеческих усилий.

«Вегенер» пронесся мимо так быстро, что наблюдатели могли в буквальном смысле проморгать астероид: в считанные мгновения он из точки превратился в баскетбольный мяч и опять в точку. Раздались удивленные вздохи, потом приветственные выкрики. Варам полагал, что

случайно получилось настоящее произведение искусства, похожее на голову Уробороса, ловящего собственный хвост; описывая потом астероид на кухне, он сравнил его со сплетением бутылок Клейна.

На следующий день они встретились с другой знаменитой ошибкой, и те, кто наблюдал за «Сбоем программы», снова собрались там же. Но эту ошибку Варам считал удручающей. Террарий «Иггдрасиль» пережил непредвиденную катастрофу: не замеченная вовремя трещина в ледяной поверхности привела к внезапной разгерметизации. Это была не утечка, а скорее взрыв. Из трех тысяч обитателей уцелело всего пятьдесят. Подобное угрожает любому, кто живет не на Земле и не на Марсе. Варам предпочел не смотреть.

Перечни (2)

Лежать обнаженным на ледяной глыбе под тепловой лампой.

Провести пять часов в космическом скафандре с запасом воздуха на четыре часа.

Обежать Меркурий по экватору.

Лазерным ножом вырезать у себя на груди схему Солнечной системы.

Падать (целый день) обнаженной с Большой Лестницы, как у Дюшана[12].

Нестись в поппере («прыгуне») через терминатор во время корональной вспышки, выброситься и спуститься только на ракетных двигателях скафандра.

Целый год сидеть в кресле и смотреть в глаза людям, сидящим напротив.

Танцевать в огне в жаростойком скафандре.

Целый день скатывать шары для боулинга по Большой Лестнице с вершины Рассветной Стены

---

[12] Примечания: 12

Марсель Дюшан — французский и американский художник, теоретик искусства, стоявший у истоков дадаизма и сюрреализма.

(День патинко[13]).

Провести неделю в червятнике.

Висеть на солнце вниз головой в позе распятого, когда открываются врата Рассветной Стены.

Провести неделю на груде лука, очищая луковицу за луковицей.

Выйти из убежища в скафандре, но без подогрева, чтобы проверить, сколько времени выдержишь (четырнадцать минут).

Выйти из убежища в скафандре с воздухом, но без подогрева, чтобы проверить, долго ли сможешь ходить частично под солнцем и под радиоактивным обогревом (шестьдесят одна минута).

Выйти из убежища в скафандре с подогревом, но с воздухом только в шлеме, чтобы проверить, сколько выдержишь (восемь минут).

---

[13] Примечания: 13

Патинко — игровой автомат, представляющий собой промежуточную форму между денежным игровым автоматом и вертикальным пинболом, довольно популярен в Японии.

Свон и кошка

Свон покидала «Вегенер», смущенная и подавленная ужасными воззрениями своей молодости, в данном случае «Вознесением» с саваннами и пампасами, не говоря уж о том, что ее поймали на браконьерстве, действительно «с поличным», подумаешь, какой умник выискался! Но ей стало еще хуже, когда такси высадило их в террарии, направлявшемся к Юпитеру; это оказался «Плейстоцен», тоже плоды ее юношеского неблагоразумия — ледниковый период, север с разнообразной искалеченной фауной, где животные бродят как жалкие копии самих себя. Гигантские короткомордые медведи в откровенном смятении оглядывались по сторонам — а еще древние страшные волки, саблезубые тигры, американские гепарды, мастодонты и шерстистые мамонты, и почти все они лишь отчасти представляли реализацию древних ДНК, а на самом деле были искусственно выведены, порожденными из слонов, или львов, или бурых медведей, и потому не знали обычаев своего вида. Печальное зрелище. Свон проклинала себя. На недели

полета к Юпитеру она ушла в дикую природу и едва не поплатилась за это жизнью; во-первых, было страшно холодно, во-вторых, однажды она проснулась в чудовищно неудобном положении на дереве и обнаружила, что оно трясется под тяжестью взбирающейся на него кошки, большой кошки бог весть какого вида, — возможно, это был горный лев или снежный барс — с очень длинной шерстью; кошка была намерена до нее добраться и весила не больше Свон; казалось, она вполне в состоянии залезть достаточно высоко, чтобы выполнить задуманное. В добрых двенадцати метрах от земли. Вращение террария создавало одно *g*; на секунду Свон прокляла давний уход в этом террарии от марсианского *g*, которое вначале было нормой. Но потом страх изгнал из ее головы все мысли. Выбраться из гнезда. Подняться выше, чем может кошка твоего веса. Задача номер один. Свон забралась на следующую ветвь, которая росла более прямо вверх, чем та, на которой она спала. Кошка спокойно разглядывала ее, сохраняя неподвижность. Топазовые глаза, окруженные длинной белой шерстью; верхняя губа сморщена, зубы белые и хищные. В глазах ни капли злобы. Вверх по вертикальной ветви, ноги глубоко застревают в

развилках, их приходится высвобождать с болезненными усилиями, и все вверх, вверх. Наконец вокруг оказалась лишь листва, ветви вокруг выглядели одинаково тонкими и гибкими. Какая-то разновидность дуба. Если в момент нападения пнуть зверя в морду, возможно, он промахнется и свалится. Передние когти издерут ее; пинком кошку не сбросить. Свон попыталась подняться еще выше и не смогла.

Она в «Плейстоцене». У нее с собой парализатор.

Но она забыла его в гнезде.

— Ч-черт.

Кошка добралась до ветки Свон. Тяжелая: достаточно, чтобы раскачать ветку.

— Полина, есть предложения?

— Напугай ее, — сказала Полина. — Добейся, чтобы она получила приличную порцию адреналина, потом сделай что-нибудь необычное.

Свон отпустила руки и выпрямилась, затем истошно завопила и саданула ногой кошку по морде. Потеряла опору и, падая, ухватилась за ветки, прижала их к себе и почувствовала, как что-то двинуло ее по ребрам. Воздух в легких закончился — вопль прекратился. Свон поискала ногами опору, нашла и посмотрела вниз. Кошка

сидела на земле, глядя на нее. Свон снова заорала, чувствуя боль в треснувших ребрах. Затем перешла на брань, грязно проклиная кошку. «Убей ее, как Архилоха!» Сиплый, болезненный хрип в горле, крик, от которого больно, который невыносимо терзает слух, показавший Свон, что она сорвала голос. Кошка тяжело вздохнула и убежала.

Свон вернулась в свое гнездо и взяла парализатор. Спуск на землю причинял адскую боль.

С тех пор она избегала Варама, а к тому времени как их высадили на Каллисто, начала ценить свою боль в боку. Эта боль бодрила, стала проявлением и горя, и гнева. Свон не забыла связанный с этой болью ужас, но превратила его в нечто иное — в торжество. Ею едва не позавтракали! Она сваляла дурака, но снова уцелела — с ней слишком часто происходило такое. Конечно, это судьба. Конечно, так случится еще не раз.

— Это главный из всех ложных силлогизмов, — сообщила Полина, когда Свон поделилась с ней своим выводом.

Спутники Юпитера огромны, а сам Юпитер — гигантская картина, вышедшая из-под кисти перетрудившегося гения: густые тягучие массы перетекают от одного узора, как на Кашмир-

ской шали, к другому; границы между полосами фантастичны и превосходят любое воображение. Свон нравилось это зрелище, да и город, из которого она им любовалась, был необычным — Четвертое Кольцо Валгаллы, построенное на краю одноименного гигантского кратера, состоящего из множества колец. Их у Валгаллы шесть, они расходятся по стороне Каллисто, как круги от брошенного в пруд камня. Город, возникший на четвертом кольце, растянулся по всей его окружности; теперь города начали возникать и на верху третьего и пятого колец. Говорят, со временем они покроют всю поверхность Валгаллы, а потом, возможно, и всю Каллисто. А Каллисто — большая планета. Шли разговоры и о том, что Каллисто удастся полностью терраформировать, несмотря на исходное отсутствие атмосферы.

На самом деле это лишь одна из четырех планет, ибо галилеевы спутники[14] Юпитера размерами весьма значительные. Но Свон казалось, что на них лежит какое-то проклятие: один почти бесполезен, другой — предмет спора. Но так глубоко погружена в свирепый радиационный пояс,

[14] Примечания: 14

Галилеевы спутники — это 4 крупнейших спутника (из общего числа 67) Юпитера: Ио, Европа, Ганимед и Каллисто (в порядке удаления от Юпитера).

что никогда не будет заселена, на ней возможно существование лишь нескольких небольших научных станций с суровыми исследователями. У Европы, большого, прекрасного ледяного спутника, достаточно толстый слой льда, чтобы люди могли, углубившись в него, укрываться от радиации Юпитера, сильной даже здесь: замечательные ледяные дворцы под гигантским Юпитером, вечно буйствующим над головой, — вернее, поначалу все так считали. Но не тут-то было — выяснилось, что в океане подо льдом есть чуждая жизнь, замкнутая экологическая система, включающая водоросли, хемотрофы, литотрофы, продуцентов метана, скребущих, сосущих тварей, существ с плавниками, падальщиков и существ, питающихся камнями; вот они-то и создали большую проблему. Некоторые считали, что человек уже заразил этот океан при своих исследованиях; в результате сверление панциря привело к повторению ситуации на озере Восток[15]. Но предварительно зонды тщательно стерилизовали, а когда обнаружилось существование замкнутой экологической системы, отверстие

[15] Примечания: 15

Озеро Восток — крупнейшее подледное озеро в Антарктиде. Расположено в районе антарктической станции «Восток» под ледяным щитом толщиной около 4000 метров и имеет размеры примерно 250х50 км.

заделали, и теперь над ним научная станция, которая изучает полученные образцы и пытается решить, что делать дальше, стоит осваивать этот мир или нет, а если да, то зачем. Возможно, предполагаемые дворцы все же возведут: от жизни внизу их отделяет десять километров гляциосферы, лежащей между поверхностью и океаном. С другой стороны, жизнь, как правило, подобно сперматозоидам, пробирается в любое место, куда может пробраться, и заселение спутника почти несомненно приведет к заражению местной биосферы. И все же разве так уж плохо, что мы будем жить рядом со своими родичами, длительное время изолированными от нас, а теперь вновь обретенными? Бывали ли здесь когда-либо разумные существа, поглощавшие чуждую микроскопическую жизнь, позволявшие ей попадать в свою кровь? Блуждала ли жизнь по всей Солнечной системе, взаимодействуя со всеми своими родичами? Эти вопросы оставались открытыми и живо интересовали жителей Европы и прочих спутников Юпитера и всю остальную систему. Свон помнила, что интересовало ее в дни молодости и занятий дизайном, и одобряла недавно принятое решение заселить Европу, но не лезть во внутренний туземный аквариум.

Дожидаясь рейса к Ио, Свон коротала время, гуляя по Высокой Дороге, проходящей по окружности Четвертого Кольца Валгаллы. Она избегала Варама, который с беспокойством наблюдал за ней издали, — поскольку не могла выносить этот встревоженно-озабоченный взгляд. Юпитер над головой неизменно оставался ярким и великолепным. Возможно, жители спутников Юпитера правы в своих попытках изоляции: в их распоряжении целая собственная солнечная система, полная самых разнообразных явлений. Между кольцами кратера поверхность Каллисто представляет собой холмистую белую равнину, над которой исполняют свой танец Юпитер и три других спутника. Зрелище великолепное.

Но она прилетела сюда, чтобы встретиться с Ваном, и устала ждать шаттла на Ио и глазеть вверх. Бурление красок на Юпитере не прерывается никогда, но это не искусство, а химия, простое фрактальное повторение. Приятно было, что недавно в верхней части атмосферы Юпитера развесили огромные газовые фонари, чтобы осветить города галилеевых спутников на обращенной к Юпитеру стороне. Можно было наблюдать за тем, как эти яркие, ослепительные точки меняют вид верхних частей юпитериан-

ских облаков, добавляя новые вихри и завитки; похоже на искусство, а все вместе — какое-то безумное голдсуорти.

Наконец пришел шаттл на Ио.

— Полина, с тобой там, глубже, все будет в порядке? — поинтересовалась Свон.

— Да, если будет порядок с тобой. Ты должна оставаться внутри клетки Фарадея[16], в ней будешь в безопасности. Жители Ио обязательно предупредят тебя об этом.

Весь полет они оставались в клетке. В ящике внутри ящика, как в русских матрешках, и это давало им повод для самодовольства. При спуске на Ио их окружало яркое северное сияние, прозрачные голубые и зеленые электрические дуги.

---

[16] Примечания: 16

Клетка Фарадея (или «щит Фарадея») — устройство, изобретенное английским физиком и химиком Майклом Фарадеем в 1836 году для экранирования аппаратуры от внешних электромагнитных полей. Обычно представляет собой заземленную клетку, выполненную из хорошо проводящего материала.

Ио

Ио — ближний к Юпитеру из галилеевых спутников, размером с Луну. Планета, покрытая желтым шлаком, отрыжкой глубин; эта рвота закончилась, поскольку все легкие элементы (легче серы) давно сгорели. Сера, сера повсюду, некуда встать. Четыреста действующих вулканов прорываются через шлак, как гнойные язвы, выбрасывая на сотни километров гейзеры двуокиси серы. На поверхности спутника температура выше, чем на Земле; попробуйте подержать руку в потоке пара из расщелины в Неа-Камени[17], в кальдере на Санторини, и почувствуете, как горяча здесь земля: похоже на жар духовки, но вы быстро поймете — нет, в три раза горячей. Даже если сразу отдернуть руку, останется волдырь. А внутри Ио еще в тридцать раз горячее.

И выглядит это тоже впечатляюще. Адский мир, растягиваемый действием приливных сил Юпитера и Европы, едва не разрывается надвое.

---

[17] Примечания: 17

Неа-Камени — необитаемый остров в Греции, в Эгейском море, входит в группу островов Санторини. Остров образовался в 1570 году в результате подводного извержения вулкана.

Так работает тяготение. К тому же радиационное поле Юпитера столь проникающее и сильное, что Ио закипает изнутри; даже Deinococcus radiodurant[18] погибает. На Ио ничто не живет.

Только люди и небольшая биома, которую они переносят с собой, куда бы ни отправились. На склонах гигантских вулканов можно найти участки твердого камня, и вгрызться в этот камень, и спрятать там небольшую станцию. Куб, внутри которого квантовые компьютеры Вана. Все здесь должно быть трижды защищено: вначале физическими стенами, затем магнитным полем, достаточно сильным, чтобы противостоять излучению Юпитера; но это поле само способно убить, поэтому необходима клетка Фарадея, чтобы защитить вас от вашей защиты.

Спуск в голубом магнитном сиянии, в свечении электронов. Внизу луна превращается из шара в полную буйства горную равнину со множеством перекрывающихся вулканов; их грозные конусы трудно разглядеть — они желтые на белом, черном, бронзовом или кирпичном, мазки всех цветов, но больше всего желтого. Скопления бе-

[18] Примечания: 18

Deinococcus radiodurans — грамположительный экстремо-фильный кокк рода Deinococcus. Является одной из самых устойчивых к действию ионизирующего излучения бактерий.

лых или красных колец выдают районы особой вулканической деятельности — именно выбросы образуют эти кольца, но пятна правильной формы попадаются редко; поверхность представляет собой ералаш, который на глаз невозможно представить топографически. Похоже на расплавленный мир, на мир огня. Человек не способен придумать этому подходящее название. Боги огня, боги грома, боги молний и вулканов, все божества горения от Агни, индийского бога огня, до Волунда, немецкого бога-кузнеца, — всеми этими именами пытаются очеловечить спутник, но безуспешно. Ио не место для человека. Твердую корку на поверхности остужает только космический холод, и во многих местах она очень тонкая, не выдержит стоящего человека. Первые исследователи выяснили это на собственном опыте: слишком отдаляясь от своего спускаемого аппарата, они проваливались под сернистую поверхность и пропадали.

Принято считать, что чем холоднее планета и спутник, тем безопасней они для жизни. Но это не так.

Свон и Ван

Станция на Ио, где находились компьютеры Вана и команда техподдержки, угнездилась высоко на склоне Ра Патера, одного из величайших вулканов Солнечной системы. Когда паром снижался, широкий конус Ра Патера едва виднелся на горизонте. Паром опустился в отверстие в бетонной площадке, и над ним сомкнулась крыша; передвигаться всем предстоит только под землей. Все, что они видели на многочисленных экранах и через маленькие окна в конусообразной башне, представляло собой склон вулкана.

На самом верху башни, на мостике станции, стояли несколько человек. Никто из них не взглянул на Свон и Варама, не посмотрел на них и вошедший Ван.

Ван Вей оказался почти круглым человеком, безобидным, если судить по манере держаться. Настоящий старший следователь, сказал бы Мкарет: один из ведущих специалистов системы по квантовым компьютерам. Иногда такими становятся отчаянные пуритане. Свон подумала, права ли была Алекс, считая балканизацию

Солнечной системы намеренной, но в то же время безотчетной реакцией людей, своего рода сопротивлением неуклонно набирающим силу квантовым компьютерам.

Ван поздоровался со Свон и Варамом, быстро бросив «Благодарю», взял конверт, протянутый ему Свон. Как будто уже знал об этом конверте. Он прочел письмо, потом подключил выпавший из него чип к ближайшему письменному столу. Долго вглядывался в настольный экран, внимательно читая и указательным пальцем придерживая изображение на месте.

— Печально потерять Алекс, — обратился он наконец к Свон. — Мои искренние соболезнования. Она была ступицей нашего маленького колеса, и теперь мы как отломанные спицы.

— В письме, предназначенном мне, она велела мне отправиться к вам, — сказала удивленная Свон. — Оставила мне послание в своем кабинете. Что-то вроде плана на случай непредвиденных обстоятельств. И часть этого плана — в конверте для вас.

— Да. Она говорила мне, что поступит так. Алекс сообщает, что ты наверняка скачала содержимое чипа в свой внутренний кваком.

— Верно. Но мой кваком не сообщил мне, что

там.

— Несомненно, по указанию Алекс. Весьма специфическая информация. То, что у тебя, — своего рода страховка, — виновато пояснил Ван.

Свон посмотрела на Вана, потом на Варама и поняла, что они в сговоре, как в сговоре были Варам и Женетт на Меркурии.

— Объясните, что происходит, — потребовала она. — Вы двое работали вместе с Алекс над чем-то.

Они медлили, потом Ван сказал:

— Да. Много лет. Повторю — Алекс была ступицей нашего колеса. Мы работали с ней.

— Но она не хотела, чтобы сведения попали в облако, — сказала Свон, указывая на станцию. — Держала все в голове, верно? А вы ведь работаете с квакомом, верно? Квантовый компьютер Вана, алгоритм Вана.

— Да, — подтвердил Ван.

— Чтобы действовать незаметно, Алекс следовало держаться подальше от квакомов, — сказал Варам. — Но и для этого ей нужна была помощь квакома. Так обстоят дела, и она это знала.

Ван кивнул.

— Поэтому она выбрала меня. Вероятно, приписывая мне прочные связи с тем, что называют

Лигой неприсоединившихся миров. Такие контакты у меня есть, но не всесторонние. Ни у кого нет полноценного понимания происходящего в системе в том виде, в каком она существует сейчас.

— Алекс к этому стремилась? — спросила Свон.

Варам покачал головой.

— Она знала систему не более, чем все. Ван знает неприсоединившихся, но, по-моему, важнее то, что здесь его квантовый компьютер изолирован. Все контакты с остальными частями системы контролирует Ван. Алекс это понравилось, она предпочитала прямые контакты с людьми.

— И тем не менее оставила эти сообщения, — сказала Свон. — Сама она не могла говорить, но хотела, чтобы говорили мы. Чтобы вы двое поговорили со мной.

— Определенно.

— Ну так поговорите. Объясните, в чем дело!

Мужчины переглянулись. Долго смотрели в пол.

Потом Ван взглянул Свон в глаза, что застало ее врасплох. Взгляд его был напряженным.

— Никто не знает, как поступить в этих обстоятельствах, ведь дело связано с квакомами, а у тебя в голове есть кваком. Поэтому Алекс не расска-

зывала тебе об этой части операции, и я не буду. Теперь список контактов Алекс благополучно доставлен, и мы, те, кто работал с ней, попытаемся продолжить работу в соответствии с ее планами.

— Итак, информация от Алекс есть у вас и у моего компьютера, а у меня нет, — заметила Свон. — Никакой.

Ван посмотрел на Варама, чье широкое лицо казалось усеянным булавочными головками. Выпученные глаза смотрели неподвижно, глаза Вана тоже — оба стояли и глазели на нее. Не зная, что сказать. Они не собирались ничего ей рассказывать.

Фыркнув, Свон резко повернулась и вышла из комнаты.

На маленькой станции уйти некуда; Свон сообразила это, только когда вышла. Ее нестерпимо подмывало убежать куда-нибудь в холмы, чтобы улегся гнев, а здесь она была заперта в ящике из нескольких комнат, и только в некоторых из них были окна. В глубине естества Свон всегда таилась боязнь закрытого пространства, и теперь от злости на этих двух мужчин, от горя из-за смерти Алекс (и досады на Алекс — зачем из-за Полины не держала ее в курсе дел) ее охватила ярость, и Свон, бранясь, бегала по станции, пока не оказа-

лась на верху конической башни, в маленьком помещении с широким окном, где смогла, захлопнув за собой дверь, дубасить кулаками по столу. Торцы ладоней при этом болели, но эта боль была только частью хаоса, присоединилась к смешанным чувствам. Как больно!

И тут Свон привлекло движение снаружи. Она перестала колотить кулаками по столу и, подойдя к окну, увидела сквозь слезы, как по желтой плите к станции идет смутно различимая человеческая фигура. Двигалась фигура странно — дергалась, раскачивалась, перелетала с места на место.

— Полина, здесь можно ходить по поверхности? Вне станции?

— Здесь скафандр защищает так же, как станция, — ответила Полина. — Пожалуйста, немедленно сообщи о том, что увидела, охране.

— Неужели они сами не видели?

— Скафандр может защищать много от чего. Возможно, твое зрение — единственный способ установить присутствие этого человека. Пожалуйста, поторопись. Сейчас споры со мной неуместны.

Свон со стоном вышла из комнаты. Слегка заблудившись вначале, она добралась до помещения, куда они с Варамом зашли, когда только

прилетели.

— Кто-то пешком идет к вашей станции, — сказала она удивленным людям внутри. Те начали внимательно вглядываться в экраны. Свон не смогла объяснить, куда выходит то окно, и ей пришлось отвести их туда (она едва вспомнила дорогу), чтобы показать. К этому времени на холмистом склоне ниже станции никого не было видно. Очевидно, люди в помещении центрального поста тоже ничего не заметили.

— Полина, говори, — приказала Свон.

Полина сказала:

— Примерно триста метров вниз по склону, — сказала Полина. — Отпечатки еще должны сохраниться. Фигура двигалась неправильно…

В комнату торопливо вошел Ван; его, несомненно, вызвали.

— Заблокируйте станцию! — коротко приказал он своим людям.

Повсюду прозвучали сигналы тревоги, неприятно резкие и громкие. Помещения быстро заполнились людьми. Свон и Варама отвели по коридору в защищенное убежище. К тому времени как они туда добрались, там уже яблоку негде было упасть; они вошли, и двери закрыли; очевидно, собрались все. Теперь они оказались

внутри самой маленькой матрешки.

На стене был экран, и Полина помогла ИИ станции нацелить камеры наблюдения. Вскоре на экране появилось увеличенное изображение участка платформы внизу; там по наклонной плите продолжала передвигаться маленькая фигура.

— Не лучшая мысль, — заметил Ван. — Кора здесь тонкая.

И тут же далекая фигура, потонув в яркой вспышке, исчезла.

— Продолжайте наблюдать за окрестностями станции, — распорядился Ван в наступившей тишине. — Надо проверить, нет ли еще кого-нибудь. И выпустите зонд, надо поискать поблизости хоппер.

Собравшиеся в серьезном молчании продолжали смотреть на экран. Если клетка Фарадея лишится питания, они сварятся, их тела сгорят дотла в радиационном поле Юпитера.

Но больше ничего как будто бы не происходило. На станции было электричество, а вокруг — никого.

Но вот люди в помещении зашевелились.

— Корабль просит разрешения на посадку, — сказал кто-то.

— Кто это?

— Корабль Интерплана «Скорое правосудие».

— Проверьте, действительно ли это он.

На большом экране появилось изображение корабля, и на глазах у всех маленький космолет опустился на посадочную площадку станции. Вскоре прямо перед камерой службы безопасности появилось лицо в шлеме; оно заполнило экран — проводилась проверка сетчатки, потом человек помахал рукой и поднял большой палец. Очевидно, это друзья.

Их впустили, и в дверях появились трое со снятыми шлемами, один из них низкого роста. Свон удивилась, узнав инспектора, который навестил их в лаборатории Мкарета, — Жана Женетта.

— Ты опоздал, — сказал Ван.

— Прошу прощения, — ответил Женетт. — Нас задержали. Что случилось?

Ван рассказал коротко, закончив словами:

— Похоже, вторгшийся был один. Он приблизился, потом начал спускаться и провалился сквозь кору. Его хоппер мы пока не нашли.

Женетт склонил голову набок.

— Он просто пошел вниз навстречу смерти?

— Очевидно, да.

Инспектор взглянул на своих спутников.

— Надо вытащить из лавы то, что осталось. — Потом снова обратился к Вану и остальным: — Вернемся к делу. Вероятно, вам еще некоторое время придется провести в убежище.

И трое снова вышли через станционный шлюз.

— Так все же, — тяжело сказала Свон, глядя в основном на Варама. — Объясни, что происходит.

— Я сам точно не знаю, — ответил Варам.

— На нас напали!

— Догадываюсь.

— Догадываешься?

Ван заговорил, продолжая смотреть на экраны.

— Должен сказать, весьма глупая попытка.

— А кому нужно на вас нападать? — спросила Свон. — И как инспектор Женетт оказался здесь так быстро? И имеет ли это отношение к вашим делам с Алекс?

— В данный момент сказать трудно, — ответил Варам, и Свон с настойчивостью стукнула кулаком по столу.

— *Прекрати!* — сердито сказала она. — Рассказывай, что происходит!

Она осмотрела забитое людьми помещение: здесь собралось то ли двенадцать, то ли пятнадцать человек, но все делали вид, что заняты своими делами, оставив Вана и его гостей одних

за маленьким столом в углу.

— Рассказывай, или я завизжу.

Она коротко взвизгнула, показывая, как это будет, все в комнате вздрогнули и украдкой посмотрели на нее, старательно притворяясь, что не замечают.

Варам посмотрел на Вана.

— Позволь, я попробую, — сказал он.

— Ну, валяй, — ответил Ван.

Постучав по настольному экрану, Варам вызвал схему Солнечной системы, трехмерное изображение, которое словно бы висело внутри стола. Яркие голографические шары, плывущие в воздухе, придавали изображению сходство с планетарием, хотя Свон видела: здесь небесных тел больше, и некоторые шары соединяет с другими множество линий. К тому же размер шаров не соответствовал относительным размерам планет и спутников.

— Вот изображение, заимствованное из анализа Алекс, — сказал Варам Свон. — Это попытка показать силу, влияние и потенциалы этих сил и влияний. Своего рода график Менарда. Размеры шаров определяются совокупностью важных, с точки зрения Алекс, факторов.

Внизу, у самого Солнца, Свон увидела Мерку-

рий, маленький и красный. Члены Мондрагона все были красные, они образовывали созвездие красных точек, разбросанных по всей системе, — все маленькие, но великого числа. Земля огромная и разноцветная — гроздь шаров, точно праздничная связка надутых гелием воздушных шариков. Марс — один зеленый шар величиной почти с Землю. Цветные линии, соединяющие шары, образуют паутину, более плотную до Сатурна и редкую за ним.

— Какие факторы? — спросила Свон, стараясь успокоиться. Она все еще была взбудоражена — скорее появлением Женетта, чем нападением.

— Накопленный капитал, — ответил Варам, — население, биоинфраструктура здоровья, статус терраформирования, стабильность, минеральные и газообразные ресурсы, взаимоотношения и заключенные договоры, боевая техника. Подробности можем рассказать потом. Сразу видно, что Марс и Земля, рассматриваемые совместно, сейчас намного сильнее всех прочих. А Китай, вот этот большой розовый шар, представляет очень существенную долю силы Земли. Между тем Венера обладает огромным потенциалом, который трудно показать: в настоящее время он намного меньше, чем скоро станет. Венера и Китай окра-

шены в розовый, потому что у обоих хорошие отношения с Мондрагоном. Заметно, что объединение Китай-Венера-Мондрагон самое сильное. Алекс часто говорила, что на протяжении истории господство Китая часто по умолчанию способствовало установлению порядка, и лишь изредка эта роль переходила к Европе. Возможно, сказано слишком сильно, но эта картина красноречиво говорит о современном положении.

К тому же заметь, что все остальные космические поселения малы. Даже вместе взятые, они остаются мелкими. Однако введем в расчет их потенциал терраформирования, как я это делаю сейчас, и смотри: Венера, Луна, Галилеевы спутники Юпитера, кроме Ио, а также Титан и Тритон вместе дают гораздо больше. Они представляют наибольшие возможности создания могущества в космосе. Астероиды по большей части освоены. Их потенциал почти исчерпан, и новыми носителями силы становятся Венера и большие спутники. Венера вскоре вся будет пригодна для обитания и испытает скачок роста, так что положение на ней и на Земле становится необычным и тяготеющим к дестабилизации.

— Но что заботило Алекс? — спросила Свон. — И что она собиралась осуществить?

Варам глубоко вздохнул и продолжил:

— Она считала, что нестабильная система может рухнуть, если не внести некоторые поправки. Хотела стабилизировать положение. И главным источником неприятностей считала Землю.

Он некоторое время смотрел на изображение; оно выглядело весьма эффектно: связка шаров, представляющая Землю, в центре этой многоцветной картины была такой яркой, что рябило в глазах.

— Так что же она хотела сделать? — спросила Свон во внезапной тревоге. — Хочешь сказать, она собиралась изменить положение дел на Земле?

— Да, — решительно ответил Варам. — Собиралась. Она, конечно, знала, что такие попытки для обитателей космоса заведомо считаются ошибочными. Проектами необычными, но обреченными на неудачу. Однако Алекс считала, что сейчас мы достаточно влиятельны, чтобы действовать. У нее был план. Большинство из нас решило, что тут хвост виляет собакой, понимаешь? Но Алекс убеждала нас, что нам не обрести безопасность, пока обстановка на Земле не улучшится. И мы поддержали ее.

— Что это значит?

— Мы накапливали в террариях растительные ресурсы и животных и открывали свои отделения на Земле в дружественных странах. Действовали согласованно. Но смерть Алекс осложнила положение, потому что Алекс лично договаривалась со всеми. И все соглашения были устными.

— Я знаю, она не доверяла квакомам.

— Верно.

— Почему?

— Ну, я… Возможно, сейчас не следует об этом говорить.

После неловкой паузы Свон сказала:

— Рассказывай.

Когда Варам встретился с ней глазами, она посмотрела на него так, как могла бы посмотреть Алекс, — она чувствовала в себе ту же способность. Алекс могла одним взглядом заставить человека говорить.

Но ответил Ван.

— Это связано с некоторыми необычными историями, имеющими отношение к квантовым компьютерам, — осторожно сказал он. — На Венере и в поясе астероидов. Все случаи проверял инспектор Женетт со своей командой. И это, — он показал на дверь, — возможно, еще одна. Так что, пока они не узнали больше, давай оставим этот

разговор. И еще… полагаю, твой внутренний квакком записывает все это? Лучше бы ты приказала ему прервать запись.

Варам сказал Вану:

— Покажи ей схему системы с учетом ресурсов квакомов.

Ван кивнул и постучал по изображению на столе.

— Это изображение учитывает и новые квакомы, и классические ИИ. Оно показывает, в какой степени нашей современной цивилизацией управляют компьютеры.

— Квакомы ничем не управляют, — возразила Свон. — Они не принимают никаких решений.

Ван нахмурился.

— На самом деле кое-что они решают. Например, когда выпустить паром или как распределить товары и услуги по Мондрагону — такого рода вопросы. Если разобраться, они руководят почти всей работой инфраструктуры.

— Но не решают, как ею управлять, — сказала Свон.

— Я понимаю, о чем ты, но посмотри на изображение.

В этой версии, объяснил он, красное обозначает возможности людей, синее — возможности

компьютеров, причем светло-синее — это классические ИИ, искусственные интеллекты, а темно-синее — квантовые компьютеры. Возле Юпитера появился большой темно-синий шар, и повсюду, образуя сплошную сеть, были разбросаны другие синие шары. Люди, представленные группами красных шаров, были в меньшинстве и слабее синих, и их связывало меньше красных линий.

— А что это за синий шар возле Юпитера? — спросила Свон. — Вы?

— Да, — ответил Ван.

— Значит, сейчас кто-то напал на этот огромный синий шар?

— Да. — Ван, хмурясь, смотрел на стол. — Но мы не знаем, кто и почему.

После паузы Варам сказал:

— Такие изображения были одной из забот Алекс. По ее инициативе мы старались разобраться в ситуации. Давай на этом остановимся, пожалуйста. Надеюсь, ты понимаешь.

Его выпуклые глаза еще больше выпучились, подчеркивая мольбу. Он вспотел.

Свон некоторое время смотрела на него, потом пожала плечами. Ей хотелось спорить, и она снова поняла, что хорошо бы найти другой повод

для расстройства и злобы, чем смерть Алекс. Годилось почти все. Но в конечном счете не поможет и это.

Варам постарался вернуть разговор к Земле.

— Алекс говорила, что о Земле нужно думать как о нашем солнце. Мы вращаемся вокруг нее, и она нас притягивает.

А поскольку Земля, как место отдыха, нужна каждому обитателю космоса, мы не можем ею пренебречь.

— Не можем по многим причинам, — вмешался Ван.

— Верно, — согласился Варам. — Итак. Мы намерены продолжить работу над проектами Алекс. Ты можешь помочь. У твоего квакома есть список контактов. Нужны большие усилия, чтобы сохранять единство группы. Твоя помощь будет не лишней.

Свон, не удовлетворенная общими пояснениями, снова посмотрела на изображение. Наконец она сказала:

— С кем она чаще всего контактировала на Земле?

Варам пожал плечами.

— Со многими. Но ее главным контактом был Заша.

— Правда? — удивленно спросила Свон. — Мой Заша?

— В каком смысле твой?

— Когда-то мы жили вместе.

— Не знал. В общем, в оценке обстановки на Земле Алекс несомненно полагалась на Зашу.

Свон смутно припомнила, что у Заши были дела с Домом Меркурия на Земле, но никогда не слышала, чтобы Алекс или Заша говорили друг о друге. Снова нечто новое об Алекс… и Свон неожиданно пришло в голову, что отныне так и будет: новое она станет узнавать не от Алекс, а о ней. Так Алекс продолжит жить, и это хоть немного, но лучше, чем ничего. Лучше пустоты. И Заша с ней работал…

— Хорошо, — сказала Свон. — Когда ваш инспектор выпустит нас отсюда, я отправлюсь на Землю.

Варам неуверенно кивнул.

— А что будешь делать ты? — поинтересовалась Свон.

Он пожал плечами.

— Мне нужно лететь на Сатурн, представить отчет.

— Мы еще увидимся?

— Да, надеюсь. — Хотя эта мысль вызвала у него

легкую тревогу. — Я скоро вернусь в Терминатор. Совет Лиги Сатурна обратился к вулканоидам, а у них, в свою очередь, было устное соглашение с Алекс. Там идет работа по созданию передатчиков света от Лиги Вулкана к Сатурну, и в настоящее время я посол Лиги Сатурна на внутренних планетах. Так что увидимся, когда вернешься на Меркурий.

Извлечения (2)

упрощать историю означает искажать реальность. В начале двадцать четвертого столетия происходило слишком многое, чтобы все можно было увидеть и понять. Усердные попытки историков прошлого достигнуть согласованной парадигмы провалились, и сейчас, оглядываясь на них, мы понимаем, что и сами не в лучшем положении. Трудно собрать достаточно данных даже для того, чтобы строить предположения. По системе разбросаны тысячи городов-государств, и почти у каждого есть отражения в облаке, а у некоторых нет, и все это вместе составляет — что? Все тот же исторический хаос, который существовал и прежде, но сейчас усложнился, математизировался, расцвел — по современному выражению, балканизировался. Никакое описание не способно…

узлы нестабильности, в которых под многочисленными точками напряжений образуются разрывы, — в данном случае выход Марса из Мондрагона, его антиимпериалистическая кампания против Земли и возвращение спутников

Юпитера на большую межпланетную арену. Как и первые поселения за Марсом, спутники Юпитера испытывали затруднения по причине зависимости от прежней, не столь совершенной технологии, а также из-за обнаружения жизни внутри Ганимеда и Европы и радиоактивных излучений Юпитера. Со временем развитие техники и усилия в области терраформирования Венеры и Титана заставили жителей Юпитера заново оценить свои станции и купола и признать Люксембург неподходящим образцом. Даже за вычетом Ио остальные три Галилеева спутника в потенциале обладают огромной территорией, и разрешение их внутренних конфликтов вкупе с общим стремлением к полному терраформированию вызвало обвал рынка газообразного сырья и нелинейные разрывы последующих двух десятилетий

теперь люди проводят над собой неизбежные эксперименты и превращают себя в то, чем никогда еще не были: плодят разнообразие, образуют много полов и, что самое главное, добиваются долгожительства; в данный момент старейшие из них достигли двухсот лет. Но они не стали ни умнее, ни даже сообразительнее. Печальная правда: разум индивида достиг высшей точки

развития, вероятно, в верхнем палеолите, и с тех пор мы превратились в одомашненные существа, стали собаками, тогда как прежде были волками. Но, несмотря на снижение интеллекта отдельной особи, нашли возможность накапливать знания и силу, создавая записи, технику, науку и сложившуюся практику

возможно, умнее как вид, чем как отдельные особи, но склонны к нестабильности в любых отношениях и достигли момента — теперь для нас он в прошлом, — когда люди жили в почти забытой технологической культуре балканизации в годы до 3212…

просто ждите: еще многое будет сказано…

Перечни (3)

алкоголь, пост, жажда, парилка, самоистязания, лишение сна, танцы, потеря крови, грибы, погружение в ледяную воду,

кава-кава, бичевание шипами и зубами животных, мякоть кактусов, табак,

жизнь не под крышей, бег на дальние дистанции, гипноз, медитация, ритмичные удары по барабану и пение, дурман, белладонна, Salvia divinorum (шалфей наркотический), острые или ароматные запахи, жабий пот, тантрический секс,

беганье кругами, амфетамины, успокоительные, опиоиды, галлюциногены,

закись озота, окситоцин, задержка дыхания, прыжки с утесов, нитриты, кратом, листья коки, какао, кофеин, энтеогены… этилен, энтеогенный газ, уход под землю в Дельфи

Свон в темноте

Когда они наконец вернулись со станции на Ио, Свон отправилась на Землю.

Так случилось, что первым транспортом, шедшим в глубину системы, был блэклайнер. Чувствуя из-за отсутствия Алекс тьму внутри, Свон решила лететь на нем. Варам провожал ее с характерно тревожным лицом.

Внутри блэклайнера царит мрак. Темно, словно в пещере глубоко под землей. Террарий вращается очень медленно, и сила тяжести в нем низкая. Поэтому люди здесь плавают — нагишом, в костюмах или скафандрах. Слепое сообщество осторожно передвигается вокруг зданий и плавающих конструкций, люди живут в мире звуков. Люди-нетопыри. Иногда происходят встречи, разговоры, объятия, иногда слышны крики о помощи — ее реализуют дежурные шерифы; чтобы видеть происходящее, они пользуются инфракрасными очками. Но большинство пассажиров предпочитают временную слепоту. Возможно, это наказание, возможно, мысленное странствие; может быть, разновидность секса. Свон не знала,

чего хочет. К ее нынешним ощущениям блэклайнер вполне подходил.

Она плыла в чистой и глубокой темноте. Глаза были открыты, но она ничего не видела: ни руки перед лицом, ни отблеска света откуда-нибудь. Окружающее пространство казалось бесконечным, как сам космос, а может, как надетый на голову мешок. Там и сям с разных сторон доносились голоса. Звучали они приглушенно, словно во тьме люди предпочитали перешептываться, хотя впереди, вдоль центральной линии, где сила тяжести была заметно меньше, шла какая-то игра или занятия спортом — со свистками, выкриками и взрывами смеха. С другого направления доносились звуки гитары и гобоя, там исполняли барочный дуэт. Проплывая, Свон услышала чье-то тяжелое дыхание: пара как будто занималась сексом. Такие звуки, как и звуки музыки и спорта, могли привлечь толпу. Случались и нападения — люди в темноте способны на невообразимые поступки; во всяком случае, она о таком слышала. На самом деле трудно поверить, что кто-то может так нагло вторгнуться в чужое пространство. Кому это нужно? И что даст?

Постоянная темнота вскоре привела к тому, что перед глазами поплыли цветные пятна, а потом

и какие-то видения-воспоминания; они словно сохранились в самих глазах. Свон смежила веки, и цветные пятна умножились. Цвета повсюду; это напомнило Свон о том, как много лет назад она выпила штамм организмов с Энцелада — безумный поступок, о котором она обычно старалась не вспоминать.

Служители этого обряда сидели вокруг горящих свечей; Полина, вживленная Свон совсем недавно, предупредила, что не нужно этого делать; небольшую чашу наполнили Enceladusea irwinii и другими микроскопическими формами жизни с Энцелада. Служитель обряда протягивает Свон чашу со словами: «Понимаешь?» — и Свон отвечает, что, конечно, понимает — величайшая в ее жизни ложь; у жидкости вкус крови; тяжесть в животе; после мгновения темноты свет свечей возвращается и становится таким ярким, что больно смотреть; вокруг рев океанского прибоя, все насыщают яркие краски, Сатурн похож на мятную конфету в виде дыни. Да, период синестезии, когда все органы чувств словно охвачены огнем; и момент истины — я больше никогда не буду прежней. Заразить себя чужаками — разве это разумно? Нет, вовсе нет! Она плачет, словно ее отравили, ее зачаровывает калейдоскоп, в

ушах ревет, и она восклицает без остановки: *«Но я была — я была Свон — я была — я была Свон…»*

Теперь она постаралась выбросить это воспоминание в окружающую тьму, прогнать. Лишенная веса, она с усилием придает себе вращение, для чего приходится завязаться в узел. Крутясь, она начинает думать, что гитара и гобой, которые казались ей дуэтом, на самом деле далеко друг от друга. Дуэт ли это вообще? Как играть дуэт в полукилометре друг от друга? Должен быть лаг, запаздывание звука. Свон сосредоточилась на голосах инструментов, пробуя определить, играют ли они вместе. В полной темноте ей этого никогда не узнать.

Она с ужасом понимает, что так будет все время, пока она здесь. Ни одного лица, к которому можно приклеиться взглядом, вообще не на что посмотреть — воспоминания и воображение взбунтуются, изголодавшиеся органы чувств начнут выдумывать, алчно создавать предметы — но не получится ничего, кроме тоски по обществу. Чистое существование, неразбавленная мысль, открытие, что феноменальный мир может спрятать что угодно, но не может ничего изменить: тьма в сердце существования.

В животе заурчало, и Свон съела часть припасов

из кармана на своем поясе. Потом облегчилась в мешок внутри скафандра и выбросила запечатанный мешок наружу; служители унюхают его и уберут. Она видела лицо Алекс и цеплялась за это драгоценное воспоминание; но и оно заставляло ее стонать. Свон завыла, как раненый зверь, не в силах сдержаться.

— Вероятно, у тебя приступ гипотипосиса, — произнесла вслух Полина. — Зрительные образы, которых нет перед глазами.

— Заткнись, Полина. — Немного погодя: — Нет, прости. Продолжай, пожалуйста.

— Апория в некоторых риториках — это выражение деланного сомнения перед тем, как перейти в нападение, как у Гилберта о Джойсе[19]. Но Аристотель называет ее неразрешимой проблемой, возникающей при наличии равно правдоподобных, но несовместимых предпосылок. Он пишет, что Сократ любил приводить собеседников к апории, дабы показать им, что на самом деле они не знают того, что, как им казалось, они знают. В своей книге о метафизике Аристотель использует множественное число — αποριαι. «Вначале нужно привлечь то, что с

---

[19] Примечания: 19
Стюарт Гилберт. «Улисс» Джеймса Джойса.

самого начала кажется нам сомнительным», — пишет он. Позже термин «апория» использовал Деррида[20], обозначая им нечто вроде лакун в нашем понимании, о существовании которых мы и не подозреваем; он считал, что нам следует видеть их. Это не вполне та же идея, но входит в гнездо значений этого слова. «Оксфордский словарь английского языка» приводит среди примеров цитату из «Мистической риторики» Дж. Смита 1657 года, в которой говорится: апория — это вопрос о том, «что делать или говорить в необычных и двусмысленных обстоятельствах».

— Как сейчас.

— Да. Слушай дальше. Греческое слово происходит от *«a»* — то есть «не», и πορος — проход, переход, поездка и т. д. Платон рассказывает миф, в котором Пения, «дочь бедности», беременеет от Пороса, олицетворения богатства. Их ребенок Эрос сочетает признаки обоих родителей. В данном случае необычным является представление о Пении как воплощении изобретательности и о Поросе как о бездеятельном пьянице…

— Ничего необычного.

— Так что хотя Пения не Порос, она одновремен-

[20] Примечания: 20

Жак Деррида — французский философ и теоретик литературы, основатель деконструктивизма.

но не апория. О ней говорят, что она не мужчина и не женщина, не богатая и не бедная, обладает многими возможностями и не имеет никаких ресурсов.

— Я и есть апория. И я в апории. В этом самом блэклайнере.

— Да.

Все отлично, хорошо думать и разговаривать: «Спасибо, Полина», — но в конечном счете все равно нужно прожить неделю, а смерть Алекс никуда не делась. Свон плывет в бардо[21], пытаясь мыслить, как мог бы мыслить нерожденный. Полная сомнений, дитя нищеты. Которая родится кем-то другим, не Свон.

Но позже — здесь, в пространстве не-времени, где снова и снова думаешь об одном и том же, казалось, что намного позже, — когда в ее скафандре прозвенел звонок, извещающий об окончании полета и посадке, возникла все та же Свон. Спасения не было.

— Полина, расскажи еще что-нибудь. Говори со мной. Пожалуйста, говори со мной.

---

[21] Примечания: 21

Бардо — в буддизме промежуточное состояние, буквально, «между двумя».

— У Макса Брода[22] однажды состоялась весьма занимательная беседа с Францем Кафкой, — сказала Полина, — которую он впоследствии пересказал Вальтеру Беньямину[23]…

[22] Примечания: 22

Австрийский писатель, философ, публицист и журналист Пражской школы.

[23] Примечания: 23

Немецкий философ, теоретик истории, эстетик, историк фотографии, литературный критик, писатель и переводчик.

Извлечения (3)

Homo sapiens эволюционировал при земном тяготении, и по-прежнему остается открытым вопрос, как скажется на индивиде длительное пребывание при силе тяжести менее одного *g*

уменьшение костной массы от полпроцента до пяти процентов за месяц пребывания при силе тяжести 0–0,1 *g*

показано, что неоднократное пребывание при силе тяжести свыше 3 *g* вызывает микроприступы и увеличивает вероятность серьезных сердечных приступов

за годы исследований группы биомедиков не раз меняли мнение по этому вопросу

аэробика и упражнения на сопротивляемость частично компенсируют физиологические последствия длительного пребывания при сравнительно низкой силе тяжести (низкая сила тяжести определяется как находящаяся в диапазоне между 0,17 g Луны и 0,38 *g* Марса), но еще остаются нерешенные проблемы

образ жизни, включающий постоянные физические усилия, облегчает положение

при силе тяжести ниже лунной в некоторых органах и тканях, независимо от объема физических упражнений, происходит этиоляция

очень убедительные статистические данные свидетельствуют, что увеличение продолжительности жизни за пределы исторических норм невозможно не только без частого пребывания при силе тяжести в одно *g*, но и на самой Земле. Почему так, вопрос до сих пор спорный, но факт неопровержимый. Мы предполагаем продемонстрировать

один год из каждых шести, проведенный на Земле, при отсутствии на Земле не дольше десяти лет значительно увеличивает продолжительность жизни. Пренебрежение такой практикой приводит к высокому риску смерти на много десятилетий раньше

сверхстерильное окружение обеспечить невозможно

знаменитые отпуска были предложены по

принципу гормезиса[24] или митридатизма[25] — прием небольших доз яда укрепляет организм против большей

по-прежнему существующая тяга живущих в космосе опираться на Землю имеет физиологический характер и не исчезнет, пока не исследуют все компоненты и не предложат эффективные смягчающие средства

заражения глистами, бактериями, вирусами и т. п. пока еще невозможно классифицировать

возможные физиологические последствия тоже, что означает крайние трудности при установлении причины заболевания и выборе методов лечения

по сложности аналогичны другим рассчитанным на пятьсот лет проектам

последствия кумулятивны и приводят к дис-

---

[24] Примечания: 24

Гормезис — стимуляция какой-либо системы организма внешними воздействиями, имеющими силу, недостаточную для проявления вредных последствий.

[25] Примечания: 25

Митридатизм — постепенное привыкание к токсическим веществам. По легенде о царе Митридате Понтийском, который так боялся быть отравленным своими подданными, что стал постепенно приучать себя к яду.

функции

увеличение продолжительности жизни — статистический факт, не дающий никаких гарантий отдельному индивиду. Жизнь предпочитает чередовать возможности

регенеративная терапия продолжает совершенствоваться

самый большой скачок в увеличении продолжительности жизни приходится на начало Аччелерандо, и многие считают это не простым совпадением. Когда вы понимаете, что можете прожить гораздо дольше, чем полагали, вы испытываете мощный прилив энергии. Проблемы, которые позже осложняют картину, не кажутся очевидными, пока

статистика позволяет предполагать, но причины пока не

жизнь — это комплекс

проблема ВТС (внезапной травматической смерти) пока неразрешима

люди должны сократить пребывание в условиях очень низкой и очень высокой силы тяжести, если хотят достичь новых норм продолжитель-

ности жизни, которые неуклонно растут

невозможно представить себе, что усовершенствования будут продолжаться

мы можем жить тысячи лет

люди идут на компромиссы, сглаживают углы. Они хотят совершать поступки, исполнять свои желания, удовлетворять свою тягу к приключениям

возвращение на Землю, такую грязную и старую, угнетает, это большая неудача. Ужасно печальная планета

они клянутся, что будут жить как придется, но они так молоды

большинство старейших жителей космоса, действуя согласно рекомендациям, возвращаются на Землю раз в семь лет на год, именно поэтому они и живут дольше других, и этот результат находит все больше подтверждений

продолжаются поиски исчерпывающего объяснения

Свон и Заша

Кабины всех тридцати семи космических лифтов всегда заполнены, куда бы лифт ни шел, вверх или вниз. Конечно, одновременно с этим садится и взлетает множество космических кораблей и глайдеров — не все перемещаются через лифты; но в целом лифты перевозят существенную часть пассажиров потока Земля-космос. В их кабинах спускаются провизия (основное необходимое Земле количество), металлы, промышленные товары, различные газы и люди. Поднимаются люди, промышленные товары и то, что обычно на Земле, но редкость в космосе — а такого много; в том числе животные, растения и минералы. Но преимущественно (по массе) редкоземельные элементы, древесина, нефть и почва. В целом спускается и поднимается очень большая физическая масса, перемещаемая равновесием сил тяготения и вращения Земли да еще солнечной энергии.

Якорные скалы на верхнем конце лифтовых тросов не уступают размером гигантским космическим кораблям, и их первоначальная

поверхность — внешняя поверхность астероидов — почти не видна; снаружи они покрыты зданиями, энергетическими установками погрузочными зонами лифтов и т. д. В сущности это гигантские пристани и отели и поэтому они всегда запружены народом. Свон проследовала через один такой астероид, под названием Боливар, и оказалась в одной из гостиничных кабин. Ничего не замечая, она просто миновала множество дверей, шлюзов и коридоров и оказалась перед длинным рядом одинаковых помещений. И приготовилась к долгой поездке вниз, в Кито. Какая ирония — спуск на этом лифте занимает больше времени, чем многие межпланетные путешествия. Пять дней в отеле. Свон проводила дни на представлениях «Сатьяграхи»[26] и «Эхнатона» Гласса[27] и подолгу танцевала в классах для физических упражнений, где людей готовили к тяготению в одно *g*, там Свон приходилось нелегко. Глядя вниз через прозрачный пол, она

[26] Примечания: 26

Сатьяграха — в Индии в период английского колониального господства тактика ненасильственной борьбы за независимость в двух формах: несотрудничества и гражданского неповиновения. Разработана Мохандасом Ганди в начале XX века.

[27] Примечания: 27

«Сатьяграха» и «Эхнатон» — оперы американского композитора XX века Филипа Гласса.

заново знакомилась с бугром Южной Америки, высматривая подробности: синий океан с обеих сторон, Анды, словно коричневый хребет; маленькие коричневые конусы больших вулканов, начисто лишенные снега.

Теперь планета почти лишилась льда, он есть только в Антарктиде и в Гренландии, но в Гренландии быстро тает. Уровень моря на одиннадцать метров выше, чем до перемен. Затопление береговой линии было одной из главных движущих сил земной катастрофы человечества. Вовсе не столкновение с кометой, например. Свободные поверхности пытались покрывать сурфактантами, чтобы увеличить альбедо, использовали разные уровни выброса в атмосферу двуокиси серы, имитируя деятельность вулканов, но это однажды едва не привело к катастрофе, и с тех пор не могут договориться, сколько нужно отражать солнечного света. Многие предложения и уже начатые небольшие проекты тормозятся. И еще существуют придерживающиеся кейнсианства сильные государства и конгломераты с мощными капиталистическими системами, они правят на большей части планеты и сохраняют внутри себя остатки феодализма, в них идет вечная классовая борьба, противоположность горизонтализован-

ной экономике, возникшей внутри Мондрагона. Нет, Земля — это сплошной кавардак, очень печальное место. И все же по-прежнему центр истории. С нею нужно считаться, всегда говорила Алекс, иначе ничто из затеянного в космосе не осуществится.

В Кито Свон поездом отправилась в аэропорт и села на самолет до Нью-Йорка. Глаз наслаждался яркой бирюзой, кобальтом и нефритом Карибского моря, а также яшмовыми очертаниями затонувшей Флориды. Потрясающие земные краски.

Они спускались к Лонг-Айленду, подскакивая и скользя в воздухе, и океан стального цвета белым прибоем ударял в берега. И вот уже они катят по взлетной полосе на материке где-то к северу от Манхэттена, и Свон наконец видит гигантские контейнеры, дома, машины, огромные траншеи и шоссе — все это под открытым небом.

Просто быть под небом, на открытом воздухе, на ветру — вот за что она больше всего любит Землю. Сегодня пушистые облака собрались на высоте около тысячи футов. Похоже на море, катящее свои волны у вас над головой. Свон оказалась на какой-то мощеной площадке с грузовиками, автобусами и троллейбусами и с

криком подпрыгнула в небо, потом наклонилась и поцеловала землю, повыла по-волчьи и, проветрив легкие, улеглась на площадке навзничь. Никаких стоек на руках — она давно усвоила, что на Земле стоять на руках очень трудно. Да и ребра еще болят.

Сквозь разрывы в облаках она видела светло- и темносинее земное небо, нежное и огромное, похожее на голубой купол, приплюснутый в середине, возможно, в нескольких километрах над облаками — она потянулась к нему, хотя знала, что это всего лишь разновидность радуги. Сплошь голубая радуга, которая накрывает все. Сама синева — сложная, составная, в узких границах, но бесконечная в пределах этих границ. Опьяняющее зрелище, и им можно дышать — дышать нужно всегда, и вы уже дышите им. Ветер вдавливает небо в тебя! Дыши и пьяней, о боже, быть свободной от ограничений, почти неодетой, лежать на голой поверхности планеты, глотая атмосферу как aqua vitae — воду жизни, чувствуя в груди, как эта вода дает жизнь. Ни один из знакомых Свон землян не мог по достоинству оценить свой воздух или увидеть небо так, как она. Земляне вообще редко смотрят на небо.

Свон поднялась и направилась к пристани.

Большой громыхающий водный паром принял их и, выбравшись из заполненного кораблями канала, вышел в реку Гудзон и двинулся вдоль Манхэттена. Паром подвалил к пристани на Вашингтон-Хайтс, но Свон не сошла на берег и еще проплыла вниз по Гудзону со стороны мидтауна. Несколько участков Манхэттена еще виднелись над водой, но остальное затонуло, прежние улицы стали каналами, а сам город превратился в продолговатую Венецию, Венецию небоскребов — и оказался прекрасен. Постоянно использовалось клише «наводнение улучшило город». Длинная полоска небоскребов походила на драконий гребень. Если приближаться, здания казались короче, но их вертикальность не вызывала сомнений и изумляла. Лес дольменов!

Свон сошла с парома на причале Тринадцатой улицы и по широкому переходу между зданиями прошла на продолжение Хай-лайн, где люди заполняли длинную площадь, протянувшуюся на север и на юг. Пеший Манхэттен: рабочие толкали узкие тачки по людным переходам, соединяющим здания между собой; эти переходы подвешены на разных высотах между небоскребами. Крыши засажены зеленью, но в основном город состоит из стали, бетона, стекла — и воды.

Под мостиками по всевозможным направлениям плыли лодки; каналы, в которые превратились узкие улицы, запрудил народ. Говорят, так здесь всегда. Свон протискивалась между идущими, она шла по границе двух направлений движения и смотрела в лица. Такие же разнообразные, как в любой толпе, рост в общем средний, даже ближе к малому — но встречается много низеньких и высоких. Азиатские лица, африканские, европейские — любые, кроме туземных американских, вопреки тому что Свон думала о Манхэттене. Вот вам и агрессивная биология!

В здании, которое она миновала, вода из нижних этажей была выкачана, и там теперь образовались большие воздушные пузыри. Свон слышала, что подводная недвижимость и недвижимость, заливаемая приливом, пользуется большим спросом. Поговаривали о том, чтобы выкачать воду из подземной системы метро, которое пока работало только на надземных участках. Снизу от воды доносился громкий, все заглушающий шум. Человеческие голоса, плеск воды, крики чаек на причалах, шум ветра в каньонах, образованных зданиями, — таковы звуки города. По воде внизу шла рябь от перекрывающихся волн. У Свон за спиной, ниже по

улице и западнее, река отражала большие рваные зеркала солнечного света. Вот что она любит — быть вне замкнутых пространств, на открытом воздухе. Стоять на боку планеты. В самом большом городе.

Она спустилась по лестнице и села в маршрутный паром, идущий вниз по Восьмой авеню — низкий и длинный, рассчитанный на пятьдесят сидячих мест и еще на сотню стоячих. Он останавливался через каждые несколько кварталов. Свон свесилась через поручень и смотрела на воду канала — речного каньона, со стенами зданий вместо берегов. Очень футуристично. Она вышла на Двадцать Шестой улице, которую перекрывала широкая эспланада, уходящая на восток до самой Ист-Ривер. Такие платформы накрывали большую часть идущих с запада на восток улиц, и каналы под ними почти весь день оставались в тени. Солнце, прорываясь в просветы, придавало предметам бронзовую окраску, а синяя вода становилась оловянной. Жители Нью-Йорка как будто не замечали этого, но, с другой стороны, здесь, несмотря на затопление, жило двадцать миллионов человек, и такое их число отчасти объяснялось красотой, хотя горожане предпочитали молчать об этом. Крепкие орешки.

Свон рассмеялась. Она сама не крепкий орешек и не живет в Нью-Йорке, но этот город удивителен, и Свон уверена, что местные об этом знают. Вот вам ландшафтное искусство!

— Географию мира создают совместно лишь оптика и человеческая логика, — пропела она, — хитрости света и цвета, украшения, представления о том, что хорошо, что истинно и что прекрасно! На мостиках Манхэттена можно прочесть вслух всю речь Лёвенталя[28], и никто не оглянется.

Где могла, Свон шла по солнцу. Прямые солнечные лучи били по ее обнаженной коже. Поразительно — можно стоять на солнце и не умирать от его излучения! Земля — единственное место во всей Солнечной системе, где это возможно; окружающая звезду сферическая оболочка, пригодная для обитания, тонка, как мыльный пузырь. Расширить этот пузырь жизни — может быть, в этом и есть смысл существования человечества. То, что люди окружили Марс защитной оболочкой, — поразительно. Если то же самое сделают на Венере, это будет еще поразительнее. Но Земля всегда останется самым родным местом.

---

[28] Примечания: 28

Лео Лёвенталь (1900–1993) — немецкий и американский социальный философ, социолог литературы и массовых коммуникаций.

Неудивительно, что старая планета окружена тайной и ошеломлена жизненными переменами. Метаморфозы подходят Земле и никогда не прекратятся. Великое наводнение наступило как раз вовремя, оно помогло миру перейти на новую, более высокую ступень. Мир увлажнен. На ветвях расцветают цветы. Свон вернулась.

Дом Меркурия находился возле Музея современного искусства. Большинство музейных фондов уже перевезли на Меркурий, здесь остались только копии. Неожиданный жест — целый зал музея, посвященный меркурианскому искусству. Конечно, была заметно представлена Группа Девяти. На взгляд Свон, слишком много солнца и скал. Еще ее всегда удивляло, когда картины создавали на холстах: немного похоже на резьбу на раковинах и другие древние экзотические формы. Если перед тобой весь мир, а вместо холста есть собственное тело, зачем пользоваться обоями? Странно, но результат все же интересен. Однажды Алекс и Мкарет устраивали прием для Девяти; Свон познакомилась с ними и с удовольствием общалась.

Во дворике на крыше Дома Меркурия, в тридцати этажах над водой, Свон увидела в баре многих меркуриан. Большинство были в экзоскелетах

или с телесной поддержкой: Свон безошибочно определила это по тому, как удобно они стояли или сидели, словно в воде, даже если устройства прятались под одеждой. Кто был без экзоскелетов, героически держались прямо, с напряжением выдерживая свой вес в земных условиях. Свон тоже было чуть тяжеловато. Что ни делай, какое-то время одно *g* будет давать о себе знать.

Нью-Йоркским офисом руководил старик-землянин по имени Милан, встречавший всех милой улыбкой.

— Свон, дорогая, это прекрасно, что вы нас посетили.

— Я тоже рада, поскольку люблю Нью-Йорк.

— Да будет благословенно твое невежество, дитя. Я рад, что он тебе нравится. И рад тому, что ты здесь. Пойдем, познакомлю с моими новенькими.

После чего Свон пришлось пообщаться с частью местного персонала, выслушать очередные соболезнования по поводу Алекс и описать вкратце свое путешествие к Юпитеру. Все эти люди тоже были сторонниками Мондрагона.

После этого Свон обратилась к Милану:

— А Заша, надеюсь, где-то неподалеку?

— Заша никогда не покидает этот город. Ты

могла бы об этом знать. Еще не бывала в его последней резиденции? Она практически на берегу Гудзона.

Свон вернулась паромом обратно на Восьмую авеню и поднялась по лестнице до пешеходного мостика, идущего на запад.

Здесь все старые причалы оказались в одиннадцати метрах под водой, а новые еще не все доделаны. Некоторые из них представляли собой надстройки над старыми, некоторые созданы независимо от прежних, лишь местами их использовали для опоры. Небольшие плавучие доки пришвартованы к пирсам и к ближайшим зданиям на уровне их прежнего четвертого этажа. Некоторые доки плавали сами по себе, как баржи. В целом это выглядело хитроумной береговой линией.

Некоторые из затопленных доков использовались как садки для различных аквакультур, и Заша, когда-то давно бывший для Свон спутником жизни, руководил здесь фармацевтической компанией, производящей лекарства из обитателей моря и биокерамику, а заодно оказывал различные услуги Дому Меркурия — и Алекс.

На входе в эту компанию Свон представилась, и вскоре Заша появился возле ограды, отделяющей

плавающие доки от группы бизнес-центров на западной границе Мясоразделочного квартала. После кратких объятий он повел ее к доку, и они отправились по Гудзону на изящной и проворной лодке.

Все на воде двигалось, и сама вода тоже. Река Гудзон здесь была очень широка: в Нью-йоркской гавани уместился бы весь город Терминатор. Повсюду виднелись мосты, один — на далеком южном горизонте. Столько воды, что Свон с трудом верилось в это; даже открытого неба было меньше; и все же Гудзон — не самая большая река, особенно если сравнивать с действительно огромными. Земля!

Заша с довольным выражением наблюдал за этой картиной. Ряды окон на вершинах самых высоких небоскребов блеснули, отразив солнечный свет, и все здания засверкали. Остров небоскребов — классический вид Манхэттена, невероятный и великолепный.

— Как дела? — спросила Свон.

— Мне нравится река, — ответил Заша, словно бы отвечая на вопрос. — Я сплавал до конца острова, до самых Палисадов[29], а оттуда спустился

---

[29] Примечания: 29
Крутые утесы в нижнем течении реки Гудзон южнее Нью-Йорка.

вниз. Удил. Иногда попадаются поразительные вещи.

— А в Доме Меркурия?

Заша нахмурился.

— Теперь жителей космоса винят во многом. Люди здесь недовольны. И чем больше мы помогаем, тем сильней они недовольны. Однако продолжают вкладываться в нас.

— Как всегда, — сказала Свон.

— Да, постоянный рост. Но ничто не вечно. Солнечная система столь же конечна, сколь Земля.

— Думаешь, она распадется? Достигла пределов вместимости?

— Скорее инвестирование миновало пик. Но у людей это может вызывать недовольство. Во всяком случае, ведут они себя так, словно обижены.

Лодку Заши из-за отлива слегка сносило течение, пока они не миновали Баттери[30], и тогда перед ними открылся вид на Бруклин. Небоскребы у подножия Манхэттена напоминали группу пловцов, стоящих по колено в холодной воде, прежде чем нырнуть. Вода между зданиями походила на стекло, а каналы заполняли маленькие лодки, гавань тоже, хотя не так густо. В любой

---

[30] Примечания: 30

Парк на южной оконечности острова Манхэттен.

миг видны были одновременно сотни судов. Они были в обеих реках: Гудзоне и Ист-Ривер, и между ними, в узких реках улиц, все под облачным небом. Видение Каналетто. Вода, отражая облака, белела. Это было так прекрасно, что Свон показалось, будто она попала в сон; она слегка покачивалась в такт лодке.

— Чувствуешь «же»? — спросил Заша.

— Немного.

— Хочешь провести ночь у меня? Кстати, я был бы не против перекусить.

— Конечно. Спасибо.

Заша повел лодку по каналу на стороне Джерси, уходившему на запад. Трудно было решить, канал это или ручей. Немного погодя открылся проток на север; Заша свернул туда и пристал к деревянному причалу, установленному словно бы на берегу мелкого озера. Земля тут полого спускалась к воде. Восточному побережью Северной Америки всегда была свойственна затопленная береговая линия, но сегодня больше, чем когда-либо.

Подъем вверх под яростным закатным небом, безвкусно разукрашенным смесью оранжевого и розового. В этот час на восточной стороне неба обычно начиналось представление более тон-

кое и изысканное. Но все равно никто на это не смотрел.

Дом Заши оказался небольшой хижиной под деревьями, собранной вручную и похожей на все фавелы и бидонвили, какие приходилось видеть Свон.

— Что это за место?

— Часть Медоулендс[31].

— И ты можешь построить здесь собственный дом?

— Если бы! Я плачу чудовищную ренту, но часть ее вносит Дом Меркурия — чтобы держать меня подальше.

— Трудно поверить.

— Здесь прекрасно. Мне нравится ездить отсюда.

Свон благодарно опустилась в старое кресло и стала смотреть, как ее давнишний партнер возится в полутьме. Когда-то давно они вместе летали по Солнечной системе, сооружали террарии и растили Зефир; прошло очень много времени со смерти Зефир. Они всегда не слишком хорошо ладили и вскоре после смерти дочери разошлись. Тем не менее Свон казалось знакомым то, как За-

---

[31] Примечания: 31
Большая экосистема из рек и озер в штате Нью-Джерси.

ша возится у печи, поджидая, когда закипит чай; этот его таинственный вид она тоже помнила.

— Значит, ты работал с Алекс? — сказала она.

— Конечно, — отозвался Заша, бросив на нее короткий взгляд. — Она была моим боссом. Ну, ты знаешь, каково это.

— Ты о чем?

— Э… я хочу сказать, что она любила тебя, заботилась о тебе, а ты делала именно то, что она от тебя хотела.

Свон невольно рассмеялась.

— Ну… да. — Она подумала, стараясь не обращать внимания на боль. — Иногда она шла мне навстречу. Помогала добиться того, что мне нужно.

— Угу. Я знаю, о чем ты.

— Но послушай, она умерла и оставила мне сообщение. В основном о том, что я нужна ей как курьер к Вану с Ио, и еще что-то насчет Полины. Все на случай, если с ней что-нибудь стрясется, сказала она.

— О чем ты?

Свон описала визит призрака Алекс, конверты, полет на Юпитер и диверсанта на Ио.

— Об этом я слышал, — сказал Заша, — но не знал, что ты была там.

Он нахмурился над чайной чашкой, лицо его в свете печи стало голубоватым.

— Над чем вы с Алекс работали? — спросила Свон. — И почему она ничего не сказала мне об этом в последнем послании? Она… будто я для нее просто курьер, а Полина — нечто вроде сейфа.

Заша ничего не ответил.

— Ну же, расскажи, — велела Свон. — Мне можно. От тебя я это приму. Привыкла, что ты твердил мне, какая я непутевая.

Заша со вздохом налил чай в две чашки. В полутьме на пар упал откуда-то свет. Заша передал одну чашку Свон, потом сел на кухонный стул напротив нее. Свон грела руки над чаем.

— Есть такое, о чем я не могу говорить…

— Да брось!

— …и такое, о чем могу. Она приняла меня в группу, которая охотилась за необычными квантовыми компьютерами. Это было интересно. Но она хотела держать это в тайне, как и другие свои дела. Может, считала, что ты не сможешь сохранить секрет.

— С чего бы это?

Но даже Заша знал несколько случаев несдержанности Свон, а сама она помнила их гораздо больше.

— Это все были случайности, — наконец сказала Свон. — И не очень важные.

Заша осторожно отпил чай.

— Ну, может, ей показалось, что такие проговорки участились. Ты сама должна признать, что уже не та, как когда-то. Напичкала голову кучей различных усилителей мозга…

— Это неправда!

— Ладно, всего четыре или пять. Мне изначально все это не нравилось. После вмешательства в религиозный сегмент височных долей можно стать совсем другой личностью, не говоря уж о риске заполучить эпилепсию. И это только начало. Теперь в тебе есть частицы животных. В тебе Полина — она записывает все, что с тобой происходит. Это не может проходить без последствий. В конце концов ты станешь постчеловеком. Или совсем иной личностью.

— Да брось, Заша. Я та же, что всегда. Любые действия могут причинить вред. Но ты ведь не бездействуешь из-за этого. Все, что я сама делаю, я считаю частью понятия «быть человеком». Кто бы отказался проделывать то же самое, если бы мог? Я не стыжусь сделанного. Это значит стать не постчеловеком, а *настоящим* человеком! Глупо не делать что-то хорошее, когда можешь, это

было бы *бесчеловечно.*

— Что ж, — сказал Заша, — ты все это испробовала и довольно быстро перестала создавать террарии.

— Я сделала все, что могла! Мы миновали этап дизайна и все время создавали одно и то же. Очень многое из того, что мы делали, все равно обернулось бы глупостью. Тогда не следовало создавать «Вознесения», нужно было спасать от исчезновения традиционные биомы. Нам по-прежнему это нужно! Не понимаю, о чем мы думаем, откровенно говоря.

Заша удивился.

— Мне нравятся «Вознесения». Они помогают развивать генетическое многообразие.

— Оно и так слишком велико. Но дело не в этом. Дело в том, что я захотела заняться другим и занялась.

— Ты стала художником.

— Я всегда была художником. Я просто поменяла материал. Нет, даже не так. Только подумай… Послушай, Заша, я просто живу, как человек. Ты отказался от таких возможностей, но это не сделало тебя в большей степени человеком, ты просто деградировал. Я захожу не так далеко, как некоторые. У меня нет третьего глаза, и я не

ломаю ребра, когда у меня оргазм. Я только…

— Только что?

— Не знаю. Пробую делать то, что кажется полезным.

— И тебе это что-то дало?

Свон сидела в темноте где-то в Нью-Джерси. Снаружи было открытое небо Земли.

— Нет. — Долгая пауза. — В сущности, если хочешь знать, я делала вещи гораздо худшие, ты об этом не знаешь.

Заша смотрел на нее.

— Не уверен, что хочу знать.

— Ха-ха! А Алекс все знала, как мне теперь кажется, ведь я делилась с Мкаретом.

— Он не стал бы автоматически делиться с Алекс.

— Я не запрещала.

— Что ж, — сказал Заша. — Допустим, она знала. Что-нибудь хуже разума животных? Хуже квакома в твоем черепе? Неважно, я не хочу знать. Но, может, Алекс хотела знать и располагала средствами…

— Которые мне не доверяла?

— Которые ей нужно было держать при себе. А тут ты, своего рода гибрид.

— Я не гибрид!

Негодование усилило боль в ребрах. Помимо того, что Свон горевала об Алекс — теперь она еще и немного сердилась на нее.

— Ну, кажется, ты сама говорила, что в тебе много намешано, — заметил Заша. — За те годы, пока мы жили вместе, ты пять или шесть раз вмешивалась в работу своего мозга, у тебя в голове кваком — тогда это было модно.

— Да, да.

— Сама подумай!

Свон поставила чашку на стол.

— Пожалуй, пойду прогуляюсь.

— Хорошо. Не заблудись. Я приготовлю что-нибудь, пока ты ходишь. Скажем, через сорок пять минут.

Свон вышла из хижины.

На улице она сбросила туфли, сунула их в карман, зарылась пальцами ног в землю и пошевелила ими. Перегнулась в поясе, как танцовщица, и впилась пальцами в почву, потом поднесла руки к лицу и вдохнула. Земля, лучшая амброзия. Запах плесени и грибов.

Солнце уже зашло. Асфальтированная дорога шла мимо болота, зеленого с желтым; ветер шумел в камышах. Свон шла по обочине, любуясь болотом и небом. За дорогой под деревьями стоя-

ли какие-то ветхие здания. Еще дальше — квартал старых жилых домов. Кричали лягушки. Свон уселась на краю болота и увидела почти под собой черные точки, наполовину погруженные в воду. Хриплый лягушачий хор. Она послушала, глядя на камыши под ветром, и вдруг расслышала, что лягушки вызывают сородичей и откликаются. Если одна лягушка прохрипит «горе», все остальные вверх и вниз по дороге, насколько она может слышать, вторят ей, пока после недолгой паузы лягушка не прохрипит «хворь», тогда остальные снова какое-то время повторяют это. Потом лягушка произнесет «клистир», и другие подхватывают; они словно разговаривают с нею, как греческий хор, превращенный в лягушек. Так много «клистиров», так много «хворей»! Сидевшая ближе всех к Свон лягушка время от времени просоединялась к хору: раздувала горло, потом квакала. А в остальном была совершенно неподвижна, только глаза, которыми она видела в темноте, подернутые влагой, выпученные, оставались настороженными. «Ползун!» — прохрипела она в паузе, и Свон, воскликнув: «Тебе это подходит!» — несколько раз повторила это слово вместе со всеми.

Октябрь в северном полушарии Земли, глян-

цевитый, изобильный. Внезапно оживают все земные привычки организма. Жизнь в космосе кажется мрачным кошмаром, изгнанием в вакуум, где все закрыты в баках, порождающих сенсорную депривацию, разъединенные, оцифрованные, усиленные оборудованием. Здесь, на Земле, реальность реальна.

— Грабь!

— Грабь-грабь-грабь-грабь…

Когда ты там, тебя грабят: отбирают время. Сейчас она здесь, проходит через пространство. В настоящем. Сумерки на болоте в подвижной вселенной, очень необычной, очень загадочной. Почему все такое? Ветер холодный, в облаках задержалось немного сумерек. Похоже, пойдет дождь. Листья колючей лозы на земле красны, как кленовые. Болото дышит, словно человек. Свон уже немного понимает язык лягушек; они кричат друг другу «кра, кра, кра!», и вдруг одна прокричит так внятно, что явственно слышится «крах», и все брасаются врассыпную. Конечно, слово «кроу», ворона, тоже из их языка. На санскрите ворона — каага. Заимствование из другого языка.

У здания под деревьями стояли какие-то люди. Маленькие. Они могут жить так близко к

городу? Или это часть города, не просто болото и трущобы бедняков, маргиналов, живущих в полузатопленных развалинах? Тяжесть планеты начала пригибать Свон. Эти люди там похожи на фигуры с полотен Брейгеля, людей шестнадцатого века, они в глубинах времени. Возможно, именно они и живут реальной жизнью, а то, что она делает в космосе, всего лишь любительщина полоумной художницы. Может, ей нужно жить здесь и что-нибудь делать, например строить дома, маленькие, но функциональные, совсем другую разновидность голдсуорти. Под небом, при ярком солнце — и в роскоши реальности. Единственного реального мира. Земля — небеса и ад одновременно; природные небеса и рукотворный ад. Как они могли так поступать, почему не старались упорнее?

Может, и старались. Может, эти старания включали в себя полеты в космос как своего рода отчаянную надежду. Выброшенные с Земли, как семена из стручка, туда, где обязательно замерзнут, сгниют, вернутся в землю. В землю у дороги. Она ложится на эту землю, стараясь не соприкасаться с колючей лозой, поворачивается и закапывается в землю. Жительница космоса барахтается в грязи; должно быть, они видят та-

кое постоянно, и это на них больше не действует. «Бедные, потерянные», должно быть, думают о таких. Ведь ничего подобного в космосе нет. Нет ветра. Нет огромного неба над головой. Сейчас почти ночь, и влага еще не выпала дождем… Ах, как могли они покинуть Землю! Космос — это пустота, ничто. В нем можно жить, только забиваясь в маленькие камеры, подобные пузырям; город и звезды — конечно, но их недостаточно! Между ними должен быть мир! Вот о чем забыли горожане. И действительно, в космосе лучше об этом забыть, иначе сойдешь с ума. Только здесь можно помнить и не сходить с ума — ну, хотя бы не полностью.

Но как печален этот мир! Какой он грязный, неряшливый, дешевый, обшарпанный. Жалкий. Печальный до отчаяния. Как они допустили? Как допустили такое же, как то, что сделала с собой Свон. Даже Заша считает, что она зашла слишком далеко, а Заша очень терпимый человек; она уже не та, с кем у Заши был ребенок, она чувствует это, хотя точно не знает, что изменилось. Может, виноваты микробы с Энцелада, живущие в ней… в любом случае она — незнакомка. Единственное место, где она счастлива, одновременно приносит глубокую печаль. Как смириться с этим, понять,

что это значит?

Свон села. Сидела на земле, чувствуя под собой ее комья.

Краем глаза заметила движение и хотела встать, но не рассчитала силы и снова упала. Всмотрелась во тьму.

Лицо. Два лица: мать и дочь. Здесь это так очевидно — похоже на партеногенез. Как раз в этот момент сквозь облака прорвалась луна и осветила небо.

Младшая подошла к Свон. Сказала что-то на незнакомом языке.

— Что? — спросила Свон. — Ты не говоришь по-английски?

Женщина покачала головой, сказала что-то еще. Осмотрелась и кого-то негромко позвала.

Показались две новые фигуры, выше и шире. Два молодых человека. Наклонились, заговорили с дочерью.

— У тебя есть антибиотики? — спросил один из них. — Мой брат болен.

— Нет, — ответила Свон. — Я не ношу их с собой.

Хотя, возможно, в поясе что-нибудь есть; она не знает.

Двое подошли ближе.

— Кто ты? — спросил один из них. — Что ты?

— Я гощу у друзей, — сказала Свон. — Могу их позвать.

Молодые люди подступили еще ближе, качая головами.

— Ты из космоса, — сказал первый, а второй добавил:

— Что ты здесь делаешь?

— Мне пора, — сказала Свон и направилась к дороге, но двое схватили ее за руки. Держали крепко, она даже не пыталась вырваться.

— А ну отпустите! — резко сказала она.

Первый крикнул в темноту, куда-то за спины женщин:

— Киран! Киран!

Вскоре из темноты показалась новая фигура — тоже молодой человек, выше остальных, но поджарый. По тому, как эти люди ее держали, Свон поняла, что они делают это не впервые.

Новый молодой человек удивился, увидев Свон, и сказал что-то резкое тем, кто ее держал. Языка этого Свон не знала. Последовал быстрый напряженный разговор: Киран явно был недоволен.

Наконец он посмотрел на Свон.

— Они хотят взять тебя в плен ради денег. Дай мне еще секунду.

Снова разговор на незнакомом языке. По-видимому, Киран заставил их нервничать и оправдываться. Потом он подошел к Свон, взял ее за предплечье и сильно сжал, словно передавая какое-то сообщение; кивком отослал прочих. Он говорил остальным, что делать. Они тоже кивнули, и тот, что заговорил со Свон первым, посмотрел на нее и сказал:

— Скоро вернусь.

И двое исчезли в ночи.

Свон посмотрела Кирану в глаза, тот поморщился и выпустил ее руку.

— Это мои двоюродные братья, — сказал он. — Придумали глупость.

— Глупость, — согласилась Свон. — Они могли попросить меня о помощи. Что ты им сказал?

— Что задержу тебя, пока они не пригонят машину матери. Так что, думаю, тебе пора.

— Проводи меня, — попросила Свон. — Хочу, чтобы ты был рядом, если они вернутся.

Он вскинул брови и внимательно посмотрел на нее. Немного погодя сказал:

— Ладно.

Они быстро пошли по дороге.

— У тебя будут неприятности? — спросила Свон.

— Да, — мрачно ответил он.

— Что они сделают?

— Побьют меня. И расскажут другим парням.

Руки у нее еще болели там, где ее за них держали, щеки горели. Она смотрела на мрачного молодого человека, идущего рядом. Приятный. И не колеблясь выручил ее из затруднительного положения. Она вспомнила, как резко он говорил с братьями.

— Хочешь уехать?

— То есть?

— Хочешь улететь в космос?

После паузы он спросил:

— Ты можешь это устроить?

— Да, — ответила Свон.

Они остановились перед домом Заши, и Свон посмотрела на своего спутника. То, что она увидела, ей понравилось. Он смотрел на нее с любопытством и ожиданием. По спине Свон пробежал холодок.

— В этом доме живет мой друг, он дипломат с Меркурия. Так что… пойдем, если хочешь. Мы можем отправить тебя куда скажешь, — добавила она, на мгновение посмотрев в небо. Он медлил.

— Ты… не втянешь меня в неприятности?

— Втяну. В космические неприятности.

Она пошла к дому, и через мгновение Киран последовал за ней. Свон открыла дверь.

— Заша? — окликнула она.

— Минутку, — отозвался Заша из кухни.

Парень смотрел на нее, явно гадая, нормальная ли она.

— Тебя зовут Киран? — спросила Свон.

— Да, Киран.

— На каком языке ты говорил?

— Телугу. Южная Индия.

— Что ты здесь делаешь?

— Сейчас мы здесь живем.

Очевидно, беженец. На Земле много законов об иммигрантах. По-видимому, он нелегальный мигрант.

В дверях кухни с полотенцем в руках показался Заша.

— О! Кто это?

— Киран. Его друзья похитили меня, а он помог мне сбежать. В благодарность я пообещала помочь ему убраться с Земли.

— Нет!

— Да! И… вот мы здесь. И я должна сдержать слово.

Заша скептически посмотрел на Свон.

— Стокгольмский синдром? Так быстро? — Он

перевел взгляд на юношу. Тот, не отрываясь, смотрел на Свон. — Или синдром Лимы?

— Что это? — спросил Киран, не отводя глаз.

Заша поморщился.

— Стокгольмский синдром — это когда заложники сочувствуют своим похитителям и защищают их. Синдром Лимы — когда похитители сочувствуют похищенным и отпускают их.

— А это не синдром «вождя краснокожих»[32]? — резко спросила Свон. — Послушай, Заша, я же сказала: он меня спас. Я хочу отблагодарить его, и мне нужна твоя помощь. Брось свою привычку пытаться всем рулить.

Заша досадливо отвернулся, подумал и пожал плечами.

— Можно отправить его с Земли, если ты этого действительно хочешь. Один друг помогает мне в таких делах. Он работает на лифте в Тринидаде, это хавала. У нас с ним соглашение, хотя я остаюсь ему должен. Значит, ты в долгу у меня.

— Я всегда у тебя в долгу. Как нам добраться до Тринидада?

— Дипломатической почтой.

— Что?

---

[32] Примечания: 32
Рассказ О.Генри.

— Частным самолетом. Придется отправить червятник.

— Что?

— Ну, у нас своя система. Отправляем ящики с почвой и червями, и есть договоренность, что их никогда не проверяют.

— Черви? — спросил Киран.

— Совершенно верно, — с легкой мрачной улыбкой ответил Заша. — Ради этой мисс Стокгольм мне придется отправить тебя с планеты, но с учетом обстоятельств нужно это сделать незаметно. Значит, используем нашу систему. Тебе придется переправляться в червятнике, понятно? Сможешь?

— Легко, — ответил Киран.

Извлечения (4)

На последнем этапе формирования планетной системы, примерно четыре с половиной миллиарда лет назад, планет было больше, чем сейчас, все они располагались ближе друг к другу, попадали в область действия тяготения и часто сталкивались. Это продолжалось около миллиарда лет и стало одной из главных особенностей возникновения планетной системы. В тот период все внутренние планеты пережили по меньшей мере одно сильное столкновение.

В точке L5 земной орбиты росла планета под названием Тейя; она достигла размеров Марса — и столкнулась с Землей. Удар пришелся под углом в сорок пять градусов при скорости Тейи пять километров в секунду — небольшой в космических масштабах. Железное ядро Тейи углубилось под земную кору и слилось с ядром Земли, а мантию Тейи и часть мантии Земли выбросило на орбиту. Угловой момент, полученный при ударе, привел к появлению на Земле пятичасовых суток. Из выброшенного вещества быстро сформировались два спутника, оценки срока формирования различаются от месяца до ста лет. Со временем

меньший спутник слился с большим, отчего на обратной стороне Луны, появившейся в результате этого слияния, образовались высокие горы.

Примерно тогда же небольшая планета диаметром три тысячи километров столкнулась с Марсом; возник Северный Бассейн. По существу это все северное полушарие Марса и даже на шесть километров заползает в южное.

Венеру ударила планета величиной с Марс, отчего возник спутник, подобный земной Луне, его называют Нейт[33]; десять миллионов лет спустя новый удар придал Венере медленное обратное вращение. Это изменение замедлило движение Нейт; в результате та упала на Венеру и слилась с ней.

На Меркурий налетела протопланета величиной в половину его, причем на такой скорости и под таким углом, что вся мантия Меркурия была сорвана и выброшена на околопланетную орбиту. Меркурий мог бы поглотить все это вещество, но потребовалось бы четыре миллиона лет; за это время большая часть вещества разлетелась под действием солнечной радиации и к Меркурию не вернулась. Примерно шестьдесят квадрильо-

---

[33] Примечания: 33
Нейт — египетская богиня охоты и войны.

нов тонн коры Меркурия оказались на Земле и еще больше — на Венере. В результате Меркурий сохранил всего семьдесят процентов массы — самую тяжелую ее часть, преимущественно бывшее ядро. Поэтому у Меркурия при диаметре меньшем, чем у Титана, марсианское тяготение.

Позже между молодыми Юпитером и Сатурном установились отношения орбитального резонанса один к двум: за одинаковое время Юпитер делал два оборота, а Сатурн — один. Это создавало мощную комбинированную гравитационную волну, которая воздействовала на всю систему в зависимости от взаимоотношений двух гигантов. Сильнее всего эта волна влияла на Нептун, находившийся близ орбиты Сатурна, и отбросила его далеко за Уран, прихватив при этом и Уран. Именно тогда два меньших газовых гиганта оказались на орбитах, которые занимают по сей день.

Тем временем внутри орбиты Юпитера тот же орбитальный резонанс Юпитера и Сатурна захватывал астероиды и разбрасывал их по всей системе, как шарики для игры в пинбол, — это вызвало так называемый период «поздней тяжелой бомбардировки», примерно 3,9 миллиарда лет назад. Бомбардировке подверглись все внутренние планеты и спутники, так что во многих

случаях их поверхности превратились в моря расплавленного камня.

Эра Могучих Ударов! Поздняя тяжелая бомбардировка! Никогда нельзя сказать, что великая карусель окончательно успокоилась и обрела размеренность движения — хотя иногда она больше напоминает столкновение машин бамперами. Тяготение, загадочное тяготение, неумолимо следующее собственным законам, оказывает влияние на материю, и иногда последствия этого полностью меняют картину движения. Невидимые волны швыряют огромные камни туда и сюда.

Что если и в истории человечества есть такие невидимые волны? Ведь во всем действуют сходные силы. Какие Могучие Удары сделали нас такими, какие мы есть? Может ли новый резонанс создать волну и швырнуть нас в новом направлении? Вступаем ли мы в собственную Позднюю тяжелую бомбардировку?

Киран и Свон

В ту минуту, как Киран увидел женщину, которую схватили его братья, все изменилось. Она была старая, высокая и красивая. Двигалась так, словно плыла. Он сразу понял, что она из космоса и похитить ее — очень скверная мысль. После этого события стали развиваться слишком быстро для него, и он не успевал принимать решения. Так всегда бывало с Кираном в минуты напряжения: он смотрел на себя и на свои действия как бы со стороны. О нем говорили «хладнокровный»; в действительности он был медлителен. И тем не менее с ним происходили благоприятные перемены.

Волосы у нее были черные, похожа на китаянку или монголку. Глаза карие; внизу на одной радужке голубое пятнышко; на самом деле его пленили именно ее глаза. Своего рода совпадение: у девушек на родине Кирана такие же черные волосы и темные глаза с блестящими белками на смуглом лице; Кирану это очень нравится. Когда он взял женщину за руку, она посмотрела на него, желая показать, как хочет освободиться, — очень

страстный взгляд, будто она знала, что значит быть в плену, и боялась этого. Ее друг Заша назвал это «синдромом Лимы» — может, так и есть. Может, он недостаточно ловкий перуанец.

И вот он отправляется в космос. Это значит, он улетит — но сможет отправлять деньги родственникам. Да и они устали от него. Он сможет улететь и увидеть то, о чем всегда мечтал. Он мечтал отправиться куда-нибудь подальше, но лучше всего в космос. Мечтал еще с мальчишеских лет. На Марс, на астероиды — хоть куда. Кто же про все это не слышал!

Женщина отвезла его в Ньюарк. Сидя позади нее на узком сиденье, он начал осознавать, что это действительно происходит. Придурки-братья не смогут найти его и побить. Новая жизнь! Кирана пронизала легкая дрожь, словно это его похитили. В каком-то смысле так и было. Его взяли в плен взглядом и усадили на заднее сиденье машины.

Они приехали в аэропорт, не похожий на Ньюарк. Заехали в ангар, и их сразу провели к небольшому самолету. Киран поднялся по лесенке. Он никогда еще не бывал на борту самолета и поразился скорости взлета. Его посадили у окна, и он видел под собой Манхэттен, точно огромный

залитый светом корабль. Они улетели в ночь.

Наконец он прислонился головой к окну и уснул. Проснулся с затекшей шеей и увидел внизу океан, совсем рядом. Самолет сел на зеленом острове с красноватой почвой.

Они вышли в опьяняющий вечер, влажный, как в середине августа в Джерси, почти как в доме его детства в Хайдарабаде. Рисовые поля. Все, что он видел, все запахи напоминали о детстве, и Киран снова словно бы шел рядом с собой и смотрел на себя со стороны. И был очень рассеян, когда они вошли в здание с надписью «Дом Меркурия».

Внутри его проводили в большое помещение, где запечатывали и укладывали на платформу большие белые пластиковые чаны, как в промышленной кухне.

— Итак, молодой человек, — сказал друг Свон Заша; ему явно не нравилось то, что он делает ради Свон. — Готовься. Сперва надень скафандр, потом шлем. Потом мы закроем тебя землей и червями, и ты полетишь наверх. — Свон: — Мой друг — он работает в следующей смене — не станет осматривать ящики, помеченные моим знаком.

— А зачем черви?

— Чтобы не вызывало сомнений: я не гоняю

транспорты порожняком. Людей таким образом я отправляю раз-два в год. И, конечно, расплачиваюсь с ним своими услугами.

— А если обнаружат ИИ, компьютеры?

— Какое им дело? Мы многое отправляем за пределы системы. — Заша улыбнулся. — Это лифт-хавала, он устроен так, что не все проверяется.

И вот Киран облачен в скафандр, на голове шлем, и дышит холодным воздухом с привкусом меди. Ему помогли, уложили в ящик, словно в гроб, а поверх, на тело и лицо, навалили землю с червями. Он покинет Землю, погребенный под червями.

— Спасибо! — сказал он женщине и ее другу.

Путешествие было долгим. Киран лежал и размышлял. Он чувствовал, как над ним шевелятся черви. Когда он впал в панику и задышал часто, шлем и скафандр выдержали. Постепенно он опять успокоился. Из шейного отдела скафандра выходили трубки, по ним поступали вода и еда, можно их пососать; еда в виде пасты, но очень питательная. Ему не холодно и не жарко. Ощущение движения над ним отвратительно, иногда ужасно. Должно быть, вот что значит умереть и быть погребенным. Черви съедят тебя. Или это как

обряд очищения на некоторых праздниках — например, на Дурга-пуджа, когда тебя вываливают в пепле и навозе, пока не настает время очищения. Ему нравятся праздники. И вот он здесь. Он ест и пьет, потом мочится и испражняется — все в том же скафандре; он очень похож на червя. Мы бедные рабочие черви на этой Земле, часто говорил его дедушка. Птицы нас склевывают.

Со временем он полностью утратил вес. Он где-то слышал, что на подъем уходит пять дней. Ему казалось, что дольше. Сделалось скучно. Когда Киран ощутил толчок и сверху сквозь землю полился свет, а крышка исчезла, он сел, очень осторожно: червей в ящике он считал своими попутчиками, которым нельзя вредить.

— Осторожней! — приказал он людям, которые помогали ему выбраться из ящика, и Свон рассмеялась.

Она отвела его в маленькую ванную. Выбравшись из скафандра, он принял душ. Стоя под горячей водой, он думал: сейчас он смывает грязь; очищение произойдет позже; каким оно будет? Может, женщина, которая увела его, — явление Дурги, матери Ганеши, а может — явление Кали.

— Чистый-красивый, — сказала Свон, когда он вышел из душевой. — Тяжело было?

Киран покачал головой.

— Время подумать. Что дальше?

Свон снова рассмеялась.

— Этот корабль идет к Венере, — сказала она. — Я возвращаюсь на Меркурий. Высажу тебя по пути.

— Разве Венера не планета китайцев? — спросил Киран.

— Нет. Там разные люди. Мои друзья выдадут тебе удостоверение. После этого делай что хочешь. Но для начала Венера хорошее место.

Они летели в террарии под названием «Дельта Венеры», где выращивали продукты для Земли — в основном модифицированный рис и другие злаки, любящие тепло и влагу. Внутри него сила тяжести была как на Земле, знаменитое кориолисово ускорение Киран определить не смог.

Дни проводили на выгнутых дугой полях, работая бок о бок с буйволами, тракторами, лодками на каналах — и со множеством других работников, в основном тоже пассажиров. Через час работы начинала ныть спина, и пассажиры (среди них были маленькие, ростом чуть выше ростков, и высокие, гиганты, на которых вначале было удивительно смотреть) усаживались между грядками и беседовали, чтобы скоротать время.

— У меня праздник.

— Я все испытал.

— Единственное место, где необходимо провести терраформирование, это Земля, а там этого не понимают.

— Это все плохо кончится.

— Если бы мы полетели «Грюнвальдом», могли бы подниматься в горы. Мёнх, Эйгер, Юнгфрау — там воспроизвели каждую расселину.

— Я бы лучше полетел в акварие и поплавал. Целую неделю жил бы с русалками.

Все согласились, что миры, где есть пляжи, замечательны. Теперь, когда на Земле пляжи исчезли, только в астероидах их и найдешь.

Другие выступали за миры влажного тропического леса; погостить в примитивном сельскохозяйственном мире — побывать в раю.

— Такая радость вести себя как мартышка!

— Или шимпанзе, — сказал другой. — Я бы хотел лететь на секс-лайнере.

Тут сдержанности пришел конец, и все заговорили об этих секс-лайнерах, которые создают похожими на курорты Карибского моря. Дионисийские танцы, постоянные тантрические оргии,

панмиксия кундалини[34] — на секс-лайнере возможно все. Один из участников разговора грустно сказал:

— Я готов весь полет провести в ящике «бери и трогай», а тут приходится махать мотыгой.

— Что за ящик «бери и трогай»? — не удержался от вопроса Киран.

— Тебя сажают в ящик с отверстиями размером в ладонь, и люди просовывают в отверстия руки и делают, что хотят.

— Удивительно, что кто-то на это соглашается.

— Полеты такие долгие, заняться нечем и можно многое перепробовать.

— Я мог бы сказать так о червях, — сказал Киран Свон. — И был бы счастлив все дни в лифте.

— Лучше здесь, чем на тех лайнерах, — отозвался один из слушателей. — Фермы такие сексуальные. Вокруг сплошное оплодотворение!

Многие застонали: не слишком популярная шутка.

Кто-то еще поведал:

---

[34] Примечания: 34

Кундалини *(санскрит)* означает «свернутый кольцом», «свернутый в форме змеи». С кундалини связано эзотерическое представление об энергии, сосредоточенной в основании позвоночника; существуют различные методы и практики, цель которых заключается в том, чтобы «пробудить змею», осуществив подъем энергии по позвоночнику. Панмиксия — свободное скрещивание разнополых особей.

— В прошлый раз я путешествовал на секслайнере; как-то в бассейне собралась группа двуполых, человек двадцать, у всех огромные груди и члены, я таких прежде и не видел, и у всех эрекция, и вот они встали в кружок один за другим, и каждый вошел в того, что перед ним. Так иногда в жаркий день совокупляются насекомые, грудой, пока не падают бессильно на землю.

Все замолчали, потом кто-то тяжело сказал:

— Хотел бы я это увидеть.

Тут остальные засмеялись или стали громко возражать, мол, такое просто немыслимо, это фантазия.

— Я просто рассказываю, что видел, — упорствовал очевидец. — Такое бывает. Обычное дело.

Кирану после этого разговора показалось, что работа утомляет меньше. А когда после работы все вернулись в спальню, ферма вполне могла стать местом для секса. Кирану показалось, что он узнает особый блеск в глазах пассажиров.

Извлечения (5)

Возьмите Венеру как она есть. Атмосфера из CO_2 с давлением 95 бар, на поверхности — температура плавления свинца, даже выше, чем на освещенной стороне Меркурия. Сущий ад. С другой стороны, тяготение равно 0,9*g*, чуть меньше земного. На поверхности две материковые плиты: Иштар и Афродита. Планета сестра Земли. Огромный потенциал для творения.

Возьмите один из ледяных спутников Сатурна — прекрасно подойдет Диона. Разрежьте ее фоннеймановскими самовоспроизводящимися экскаваторами на кубические куски размером в десять километров. Прикрепите к этим кускам двигатели и направьте к Венере.

Одновременно постройте круглый солнечный щит из лунного алюминия, очень легкого материала (всего 50 граммов на квадратный метр, — и все же общий вес составит $3x10^{13}$ килограммов); это будет величайшее из людских сооружений всех времен. Концентрические полосы придадут солнечному щиту гибкость и позволят подставить его под солнечный ветер и удерживать в точке L1, где он полностью накроет Венеру своей

тенью. Лишенная солнечного света планета будет остывать со скоростью 5 °К в год.

Через 140 лет атмосферная двуокись углерода выпадет в виде дождя и снега, образовав слой замерзшего сухого льда. Соскребите с Иштар и Афродиты весь сухой лед до основания, тщательно, чтобы осталась ровная поверхность. Очищая материки, одновременно запустите другие самовоспроизводящихся фоннеймановские химические фабрики, которые должны будут извлечь кислород из замерзшего CO_2; это даст атмосфере 150 миллибар кислорода — примерно за то же время, которое необходимо CO_2, чтобы замерзнуть. Чисто кислородная атмосфера легко воспламеняется, поэтому, чтобы сделать смесь более стабильной, добавьте буферный газ, предпочтительно азот. На Титане может уже не оказаться лишнего азота, поэтому поищите замену. В качестве вспомогательного газа годится и аргон, добываемый на Луне.

Когда у вас достаточно кислорода, а равнины укрыты сухим льдом, покройте сухой лед вспененными скалами, чтобы CO_2стал полностью изолированной составляющей литосферы.

Теперь возьмите куски Дионы, которые вы заготовили, и столкните их на нужной высоте

в атмосфере из кислорода с буферными газами, чтобы создать пар и дождь. Это вернет планете немного тепла; температура в этот момент будет ниже благоприятной для человека. Возможно, если понадобится дополнительное тепло, придется пропустить через щит немного солнечных лучей. Воде и снегу потребуется всего два года, чтобы полностью выпасть на поверхность, так что не медлите.

Можно подумать, что к тому времени (140 лет вымораживания и подготовки, 50 лет соскребания и вытаптывания, так что наберитесь терпения) планета будет готова к биологическому заселению. Но помните: с учетом венерианского 224-дневного года и суточного обращения Венеры за 243 дня, вы получите безумную дугу (обратное вращение и солнце, восходящее на западе), а в любой точке планеты длина солнечного дня составит 116,75 земных дней. Испытания давно показали, что это слишком много и ни одна форма жизни с Земли не выживет. Поэтому тут возникли два основных предложения. Первое — запрограммировать солнечный щит так, чтобы он пропускал солнечный свет на поверхность и снова его блокировал; щит при этом должен действовать как жалюзи, создавая более прибли-

женный к земному ритм чередования дня и ночи. Это облегчает создание новой биосферы, но требует от солнечного щита безупречной работы.

Другое предложение сводилось к нанесению новых ударов по планете; на сей раз поверхность планеты должна будет принимать удары под таким углом, чтобы длительность суток составила пятьдесят четыре часа, что терпимо для земных форм жизни. Проблема в том, что осуществление этого предложения надолго затормозит заселение, ведь при ударах высвобождается большое количество сухого льда, залегающего под слоем вспененных скал. Создание биосферы придется отложить на двести лет, удвоив время терраформирования. Но при этом не придется полагаться на солнечный щит. А правильно составленная и поддерживаемая атмосфера сможет справиться с солнечным светом без возникновения парникового эффекта и иных вредных последствий.

Вам выбирать решение. Задумайтесь о том, что хотите получить в итоге, или, если не верите в итог, какой процесс вам больше нравится.

Киран и Шукра

Когда через несколько дней они подлетели к Венере, Киран с радостью отметил, что Свон вместе с ним идет на паром, чтобы спуститься на поверхность. Она хотела повидаться со своим другом, познакомить его с Кираном и отправиться дальше.

На Венере нет космических лифтов: планета вращается слишком медленно, чтобы такая система могла работать. Паром выпустил крылья, и окна окрасились желто-белым, когда он прорывался сквозь атмосферу. Приземлились на огромной посадочной полосе рядом с городом под куполом, спустились в подземку и после короткой поездки оказались в городе. Здесь на улицах они увидели словно бы все население разом. Киран шел сквозь толпу за Свон; они прошагали по боковой улице, поднялись по лестнице и оказались у маленького Дома Меркурия, разместившегося над рыбным магазином. Оставили сумки и снова вернулись на улицу, где смешались с толпой.

На улицах лица были в основном азиатские. Люди разговаривали громко и, поскольку на

улицах было очень шумно, переходили на крик. Свон посмотрела на Кирана и улыбнулась, увидев его лицо.

— Здесь не всегда так! — крикнула она.

— Жаль! — крикнул в ответ Киран.

Насколько он знал, в верхнем слое новой венерианской атмосферы примерно над экватором должны были столкнуться два больших ледяных астероида. Этот город — Колетт — располагался в трехстах километрах к северу от места столкновения, и потому его вскоре зальет дождем. Свон сказала, что дождь будет безостановочно идти несколько лет, после чего сквозь щит пропустят немного солнца и погоду сменит более обычная.

Но сначала большой дождь. Толпы вокруг ждали дождя, люди пели, веселились и кричали. И ровно в полночь южный край неба побелел, потом ярко пожелтел, а потом заалел. На мгновение показалось, что город изнутри виден в инфракрасном свете. Шум праздества стал оглушительным. Где-то играл оркестр; Киран видел музыкантов на помосте на другом краю площади: несколько сотен труб, валторн, баритонов, тромбонов, туб, полный набор — от миниатюрных корнет-а-пистонов до альпийских рожков: огромный разноголосый хор, стремящийся к

гармонии, которой никогда не достигнет. Киран не знал, можно ли назвать это музыкой; играли так, словно нот никогда не существовало. И люди в ответ кричали и выли, прыгали и плясали. Они созидали свое небо.

Через час проливной дождь стер звезды и так забарабанил по куполу, будто хотел его смыть. Они словно оказались на дне водопада. Городские огни отражались от купола и возвращались бегущими цепочками, лицам пробегали тени.

В какой-то миг Свон сжала руку Кирана, как он сжимал ее руку в вечер их знакомства. Он почувствовал пожатие и понял, что оно означает; кровь его загорелась выше и ниже того места, куда легли ее пальцы.

— Все отлично! — крикнул он ей. — Спасибо!

С легкой улыбкой Свон выпустила его руку. Они стояли под тусклым туманно-белым куполом. Рев был подобен прибою у каменистого берега.

— С тобой все будет в порядке? — спросила она.

— Все будет отлично!

— Значит, ты у меня в долгу.

— Да. Но не знаю, чем могу расплатиться.

— Я что-нибудь придумаю, — сказала она. — А сейчас познакомлю тебя с Шукрой. Я когда-то с

ним работала, а теперь он переместился сюда, в очень высокие круги. Так что, если будешь работать на него, и постараешься, и понравишься ему, у тебя будет шанс. А в помощь я дам тебе переводчик.

Вернувшись в колетгский Дом Меркурия, они позавтракали, и Свон повела Кирана через весь город на встречу с ее другом Шукрой. Он оказался мужчиной средних лет с добродушным круглым лицом под копной белых волос.

— Жаль Алекс, — сказал он Свон. — Мне нравилось работать с ней.

— Да, — ответила Свон. — Похоже, это всем нравилось.

Она представила Кирана.

— Я познакомилась с этим молодым человеком в Джерси, он спас меня от неприятностей. Ему нужна работа, и я подумала, что ты мог бы найти ему занятие.

Шукра выслушал ее с бесстрастным лицом, но по движению его бровей Киран понял, что Шукра заинтересовался.

— Что умеешь? — спросил он у Кирана.

— Строительство, розничная торговля, могу быть охранником и бухгалтером, — ответил Киран. — И быстро учусь.

— Придется, — сказал Шукра. — У меня много полезной работы, найдем что-нибудь и для тебя.

— Э-э, — сказала Свон, — ему нужны документы.

— Ага, — сказал Шукра. Свон, не моргнув, встретила его взгляд. Теперь она у него в долгу, понял Киран. — Тебе виднее, — сказал наконец Шукра. — Лебедь ты мой черный. Посмотрю, что можно сделать.

— Спасибо, — сказала Свон.

Ей уже нужно было возвращаться в космопорт, чтобы успеть на шаттл. Она отвела Кирана в сторону и обняла.

— Еще увидимся.

— Надеюсь, — ответил Киран.

— Обязательно. Я тут бываю. — Она улыбнулась. — И у нас всегда остается Нью-Джерси.

— Лима, — ответил он. — У нас всегда остается Лима.

Она рассмеялась.

— Мне казалось, Стокгольм.

Поцеловала его в щеку и исчезла.

Извлечения (6)

Экономическая модель поселений в космосе в значительной степени формировалась тем, что сначала появились научные станции. В ранней модели жизнь в космосе никак не связывалась с рыночной экономикой; в космосе кров и еду вам предоставляла распределительная система, как на научных антарктических станциях. Рынок сводился к индивидуальным предприятиям, ничтожным по объему. Капитализм был маргинальным, а все необходимое для жизни — общим

обмен между Землей и отдельными космическими колониями возник на национальной или договорной основе, это была своего рода колониальная модель; колонии поставляли металлы и газообразное сырье, а также знания, полезные для управления Землей, и позже — продовольствие

как только появились космические лифты (первый запущен в Кито в 2076 году), сообщение между Землей и космосом стократно активизировалось. С того момента открылся доступ в Солнечную систему. Она слишком велика, чтобы

быстро заселить ее, но благодаря росту скорости космических сообщений в двадцать втором веке можно было добраться уже в любой ее уголок. И не случайно во второй половине этого века начинается Ускорение, Аччелерандо, ускоренное развитие

космическая диаспора возникала как раз тогда, когда земной капитализм разрывался между двумя исходами: полным уничтожением земной биосферы или изменением собственных законов. Многие считали уничтожение биосферы меньшим из зол

одна из наиболее значительных экономических перемен ведет свое происхождение от древнего Мондрагона, маленького города в провинции басков, где существовала система кооперативов, связанных взаимной поддержкой. Растущая сеть космических поселений взяла Мондрагон за модель перехода от научных станций к более крупной экономической системе. Как в Мондрагоне, отдельные далеко разбросанные космические поселения объединились для взаимной поддержки и

суперкомпьютеры и искусственный интеллект позволили координировать нерыночную

экономику Мондрагона благодаря математике. Ежегодные потребности рассчитывались с учетом демографических особенностей, а продукция распределялась в полном соответствии с потребностями. Все экономические транзакции — от выработки энергии и добычи полезных ископаемых до (через производство и распределение) потребления и рециклирования отходов — учитывала единая компьютерная система. Когда удалось разрешить политические проблемы, приводившие к острым идеологическим противоречиям, представилась возможность с помощью квантовых компьютеров за секунду дать картину годовой экономики всей Солнечной системы. В результате возник управляемый квантовыми компьютерами Мондрагон, соответствующий модели Альберта-Ханеля[35] или советской кибернетической системе, который способен стать

если бы в программируемом Мондрагоне все происходило как запланировано, все было бы

[35] Примечания: 35

Майкл Альберт и Роберт Ханель — американские экономисты. Разработали экономическую концепцию, которую называют партисипативной экономикой. Они постулируют общество, которым не управляют рынки, которое не контролируется центральным планированием и не знает ни конкуренции, ни контроля. Вместо этого это общество базируется на совместном планировании и разделении задач.

прекрасно; но это была лишь одна из конкурирующих экономик, и все они оставались под пятой капитализма, который по-прежнему контролировал более половины капитала и продукции Земли и с каждой транзакцией настойчиво подтверждал свое господство. Сосредоточение власти никуда не делось, просто на время ее концентрация словно бы разбавилась, субстанция власти разжижилась, а затем снова затвердела, в основном на Марсе, что показал в наступившую эру коэффициент Джинни[36]

в моделях, основанных на исчезновении одного и возникновении другого, любая экономическая система или исторический момент рассматриваются как нестабильное сочетание былой и будущей систем. Таким образом, капитализм был комбинацией (или полем битвы) остаточного элемента — феодализма и возникающего элемента — какого?

после успеха марсианской революции и возникновения единой, охватывающей всю пла-

---

[36] Примечания: 36

Коэффициент Джини — статистический показатель степени расслоения общества данной страны или региона по отношению к какому-либо изучаемому признаку. Наиболее часто в современных экономических расчетах в качестве изучаемого признака берется Уровень годового дохода.

нету социально-демократической структуры управления открылись широкие возможности следования этой схеме. Уверенные в соблюдении Договора, все новые индивидуальные рынки поселений заключали двусторонние сделки, так называемые «дополнительные», на границах системы. Если бы не Марс и его

если остаточная система на Земле — феодализм, остаточная система на Марсе — капитализм

пограничные поселения процветали, в них рос уровень образования и культуры

существование маргинальной экономики, полуавтономной, полурегулируемой, отдающей анархией, пронизанной мошенничеством, двурушничеством и преступностью, приводило в восторг сторонников свободного рынка, либертариев, анархистов и многих других; одним нравился обезьяний бартер, другим — суровость Дикого Запада и безграничные возможности обогащения

маргинальный капитализм — сфера приложения сил для крутых парней, как регби и американский футбол; он для тех, у кого повышенный уровень тестостерона. С другой стороны, при некоторой упорядоченности и изменении

отношений он становится интересной и даже красивой игрой вроде баскетбола или волейбола. На границах это ценный проект, форма самореализации, не жизненно важная, но способная быть отличным хобби и даже, возможно, формой искусства

почти полное оттеснение капитализма было большим достижением марсианской революции, как победа над гангстерством или любыми формами рэкета

Варам и Свон

Варам прибыл в Терминатор раньше, чем вернулась с Земли Свон. В это время город двигался по огромной впадине кратера Бетховена; Варам набрался храбрости и, когда Свон вернулась в город, спросил, не хочет ли она отправиться в концертный зал у западной стены кратера — послушать исполнение музыки и вникнуть в происходящее. Связываясь со Свон, он нервничал (пришлось ему признаться себе). Ее порывистость не позволяла строить предположения, чего ожидать; он даже не мог понять, поедет ли слушать Бетховена со Свон или с Полиной. С другой стороны, Полина ему нравилась. Так что в любом случае должно было получиться хорошо. И если повезет, Свон не будет настойчиво выпытывать, каковы были планы Алекс относительно квантовых компьютеров. Инспектор Женетт очень ясно дал понять, что рассказывать об этом Свон нельзя.

Одной возможности послушать Бетховена хватило, чтобы подтолкнуть его. Он позвонил Свон, и та согласилась поехать.

После этого Варам просмотрел программу концерта, на который они собирались, и обрадовался, узнав, что исполняются редкие транскрипции: во-первых, ансамбль духовых инструментов сыграет аранжировку фортепианной сонаты «Аппассионата»; затем опус 134, собственную аранжировку Бетховена для двух фортепиано его Grosse Fugue для струнного квартета, опус 133. И, наконец, струнный квартет исполнит свое переложение сонаты Hammerklavier.

Прекрасная программа, подумал Варам, присоединяясь к Свон у южного выхода Терминатора; радостное ожидание позволило ему преодолеть смущение и нервнозность — и от встречи с ней, и оттого, что предстояло выйти на поверхность Меркурия. Необходимость будет гнать нас на запад… что ж, сказал он себе, в известном смысле это всегда верно, и сосредоточился на мыслях о предстоящем концерте. Может, никаких причин для тревоги нет. Занятно думать, что он, возможно, просто иррационально боится солнца.

В небольшом музее на западной стене кратера он с удивлением увидел, что в зале они почти единственные слушатели, если не считать музыкантов, тех, которые в эту минуту не играли, а сидели в первых рядах и слушали. Главный

зал мог вместить несколько тысяч человек, но, к счастью, концерт давали не в нем, а в небольшом боковом зале на несколько сотен мест, с маленькой сценой в греческом стиле и превосходной акустикой.

Духовой ансамбль, чуть превосходивший численно сидящих в зале, сыграл «Аппассионату» до конца; такого прекрасного духового исполнения Варам еще не слышал; музыка взволновала его. Переложение в ветры сделало эту сонату новым произведением, как аранжировка Равеля сделала совершенно новыми «Картинки с выставки» Мусоргского.

Когда музыка смолкла, на сцену поднялись два пианиста и на двух больших роялях, прижавшихся друг к другу, как два спящих кота, сыграли переложение Grosse Fugue самого Бетховена. Им пришлось выступать в роли ударников, просто колотить по клавишам. Явстенно как никогда Варам осознал сложное плетение большой фуги, ее безумную энергию, маниакальную имитацию сломанных часов. Резкие удары по клавишам придавали произведению бо́льшую ясность и страстность, чем могли бы достичь лучшие в мире скрипки. Замечательно!

Затем они ознакомились с движением в дру-

гую сторону. Один композитор переложил Hammerklavier для струнного квартета. Здесь, хотя играли четыре инструмента вместо одного, тоже была сделана попытка передать напряжение Hammerklavier'а. Соната, распределенная между двумя скрипками, альтом и виолончелью, звучала великолепно: величественный гнев первой части, изящная до боли красота медленной части, одной из лучших у Бетховена, и финал, снова большая фуга. Для Варама это звучало как один из поздних квартетов — новый поздний квартет, ей-ей! Невероятно волнует. Варам оглянулся на публику и увидел, что исполнители на духовых инструментах и пианисты вскочили и стоят, раскачиваясь, подпрыгивая, подняв лица и закрыв глаза, как на молитве; иногда они судорожно махали перед собой руками, словно дирижировали или танцевали. Свон тоже танцевала стоя, охваченная восторгом. Варам был доволен: он остался один в пространстве Бетховена, в великом пространстве. Его шокировало бы, если бы кто-нибудь вторгся туда; Свон тогда нарушила бы границы его зоны сопереживания.

Затем музыканты объявили, что хотят на бис провести эксперимент. Они раздвинули подальше два рояля, и между ними уселся струнный

квартет, в кружок, лицами внутрь; затем они повторили две большие фуги, играя одновременно. Произведения накладывались одно на другое, усиливая когнитивное смятение; одновременное звучание адажио напоминало глаз бури, раскрывая структурное сходство двух чудовищ. Когда вернулись к большим фугам, шесть инструментов погрузились в собственные миры, яростно, с мессианским гневом исполняя шесть различных мелодий. И каким-то образом закончили вместе и в лад. Варам не совсем понимал, как это возможно, но они доиграли разом, закончив громким всплеском звуков; слушатели, вскочив, могли только рукоплескать, восторженно кричать и свистеть.

— Замечательно, — сказал Варам. — Просто удивительно.

Свон покачала головой.

— Слишком яростный финал, но мне понравилось.

Они остались поздравить исполнителей и приняли участие в обсуждении: музыкантам было интересно, как воспринимают их исполнение в целом и со стороны; по их заверениям, они могли сосредоточиться только на собственной партии. Кто-то проиграл запись выступления, и Варам и

Свон слушали вместе со всеми, пока музыканты не начали останавливать запись и обсуждать подробности.

— Пора возвращаться в Терминатор, — сказала Свон.

— Хорошо. Большое спасибо за чудесный вечер.

— Я рада. Слушай, хочешь, пойдем обратно по городским рельсам? Приятно будет пройтись после такого бурного концерта. Здесь есть скафандры, которые можно использовать, чтобы прогуляться.

— А… мы успеем?

— О да. Придем на платформу задолго до города. Я уже делала так.

Должно быть, она не заметила, как неуверенно он чувствует себя на поверхности Меркурия. Пришлось согласиться. Хотя все прочие слушатели и музыканты решили возвращаться поездом. В котором, несомненно, продолжат увлекательное обсуждение концерта, перестановок в произведениях Бетховена и так далее.

Они выбрали другое. Прогулка по обожженной планете. Когда герметичность скафандров была подтверждена, они вышли через шлюз и направились обратно на север, к рельсам Тер-

минатора.

Поверхность кратера Бетховена была ровной, что на Меркурии редкость. Маленький Белло[37] располагался за горизонтом на востоке. Варам нервничал. Их фонари высвечивали длинные эллипсы черной пустыни. Пыль, поднятая сапогами, медленно оседала на пропеченную землю позади. Отпечатки их ног останутся на миллиарды лет — но они шли по таким же отпечаткам, оставленным раньше. По обе стороны от пыльной тропы шишковатые зернистые скалы ловили лучи фонарей и отражали их алмазными светлыми точками, похожими на изморозь, хотя на самом деле это, наверное, были грани крошечных кристаллов. Миновали скалу с нарисованным кокопелли[38]; божество изображалось не играющим на флейте, а глядящим в телескоп, причем инструмент был направлен на восток. Какое-то время Варам негромко насвистывал тему из Grasse Fugue.

---

[37] Примечания: 37

Небольшой кратер на Меркурии; назван в честь венецианского поэта XIX века Андреса Белло.

[38] Примечания: 38

Кокопелли — одно из божеств плодородия, обычно изображаемое в виде сгорбленного игруна на флейте. Он почитается многими коренными американскими племенами в Юго-Восточной части Соединенных Штатов. Сейчас один из самых распространенных сувениров.

— Ты умеешь свистеть? — удивленно спросила Свон.

— Да вроде бы.

— Я тоже!

Варам, который никогда не думал о себе как о человеке, способном свистеть для других, не стал развивать тему.

Они преодолели небольшой подъем и увидели впереди рельсы Терминатора. Города еще не было видно; по-видимому, он пока оставался за восточным горизонтом. Ближайший рельс скрывал от глаз остальные. Рельс, изготовленный из особой закаленной стали, как слышал Варам, в звездном свете блестел тусклым серебром. Нижняя сторона рельса была поднята на несколько метров над поверхностью, примерно через каждые пятьдесят метров располагались поддерживающие опоры. На северо-западе от Варама и Свон к рельсам примыкала посадочная платформа; Варам обрадовался, увидев ее. Там уже стоял поезд, который привез участников концерта.

Гребень западной стены кратера Бетховен запылал в солнечном свете. Горящий край осветил всю местность. Близился рассвет, медленно, но верно. Когда Терминатор покажется на восточном горизонте, это будет грандиозное зрелище.

Вероятно, уже виден блеск его купола.

Там, где стояла посадочная платформа, возникла ослепительная вспышка. Кроваво-красное пятно — след этой вспышки — разделило поле зрения Варама на две части; когда зрение начало возвращаться к норме, стали видны рушащиеся вокруг скалы; со всех сторон, словно волны, двигались пласты пыли. Варам и Свон охнули, хотя Варам не понимал, что происходит; затем Свон крикнула ему:

— Пригнись, береги голову! — и потянула за руку. Варам пригнулся рядом с ней, обхватив ее за плечи; она в свою очередь как будто обхватила его шлем, одновременно прижавшись к груди. Глядя поверх нее, Варам увидел, что рельсы возле платформы исчезли в огромной туче пыли и вершина этой тучи поднялась так высоко, что ее осветило солнце. Ярко-желтый солнечный свет пробился сквозь облако и залил поверхность вокруг, как свет яркого факела. Поверхность у подножия тучи светилась собственным светом и походила на бассейн дымящейся лавы.

— Метеор, — тупо сказал Варам.

Свон говорила в свой передатчик. Возле них на землю обрушилось еще несколько скал. Земля взрывалась, словно в ней были заложены мины.

Некоторые из падающих скал были раскалены и походили на падающие звезды. Другие еще летели над головой среди звезд. Сейчас попадут в нас. Или не попадут: ужасное ощущение. Обхватить шлем? Вряд ли поможет.

Повсюду медленными полосами и шлейфами оседала пыль: серое, увенчанное желтым. Но когда вершина облака опустилась ниже горизонтальных лучей приближающегося солнца, их вновь окутала чернота меркурианской ночи, только светились отраженным солнечным светом далекие вершины на стене кратера. Перед глазами Варама посреди его поля зрения по-прежнему вставали вертикальные красные полосы. Вокруг как будто стало гораздо темнее.

— Чуть южнее под стеной кратера группа солнцеходов, — мрачно сказала Свон. Она задала вопрос на своей частоте. — Один ранен, нужна помощь. Пошли.

Чувствуя себя слепым, ничего не понимая, он пошел за ней.

— Это был метеор?

— Похоже. Хотя присмотр за рельсами включает систему обнаружения и отражения, поэтому не знаю, что произошло.

Пошли, надо торопиться. Хочу вернуться в го-

род. Это… ох! — Она застонала, вдруг поняв, что город обречен. — Нет! — закричала она, продолжая тянуть Варама на юг. — Нет, нет, нет, нет, нет, нет! — Снова и снова; они все шли, спотыкаясь. Потом: — Как такое возможно?

Варам не знал, считать ли вопрос риторическим.

— Не знаю, — ответил он на всякий случай. Свон продолжала тянуть его за собой, и он старательно смотрел под ноги, чтобы не споткнуться и не упасть. Поверхность усеивали камни. Варам пытался вспомнить, что видел: вспышку? Наверху? Или она поднималась снизу? Нет, движение было сверху вниз. Он закрыл глаза, но в черноте под веками продолжали прыгать красные полосы и облака. Варам открыл глаза и посмотрел на Свон. Может быть, потом они получат визуальный отчет от ее квакома — конечно, если компьютер делал запись. Сейчас Свон говорила негромким раздраженным голосом; таким тоном она общалась только со своим компьютером.

— Эй! — сказала Свон в передатчик; они подняли головы и увидели, что к ним кто-то приближается. Один из этих людей помахал. Несколько минут спустя Свон и Варам присоединились к ним.

— Как вы? — спросила Свон.

— Все живы, — сказал человек, прижимавший к груди руку. — Вот руку задело!

— Вижу. Надо вернуться в город.

— Что случилось?

— Похоже, метеорит попал в рельсы.

— Как такое может быть?

— Не знаю. Идем!

Без дальнейших обсуждений все пятеро пошли к рельсам марсианской походкой, которая позволяла максимально использовать местное *g*. Варам к такой походке привык: он долго жил на Титане, где сила тяжести вдвое меньше, но ходят примерно так же. Вместе они одолели небольшой подъем, двигаясь на восток, чтобы побыстрее пересечься с городом. Варам слышал какой-то странный звук, звериный тоскливый вой; вначале ему показалось, что это стонет раненый солнцеход, но потом он понял: это Свон. Конечно, ведь это ее город, ее дом.

Наконец они одолели подъем и увидели на горизонте купол города, голубой пузырь карманной вселенной. Город как будто продолжал двигаться.

— Рельсы впереди повреждены, — сказал Варам.

— Да, *конечно!*

— Есть способ перебраться через поврежденный участок?

— Нет. Разве это можно сделать?

— Не знаю. Я просто… думал. Кажется, большинство поддерживающих систем должны предотвращать критические ситуации.

— Конечно. Но рельсы защищены. У них надежная противометеоритная система.

— Она, похоже, не сработала?

— По-видимому, нет!

И она опять завыла; этот пронзительный звук не удалось приглушить даже специально настроенному интеркому его скафандра.

Солнцеходы переговаривались; голоса их звучали тревожно.

— Что будем делать, когда доберемся? — спросил Варам на общей частоте.

Свон бросила стонать и спросила:

— Ты о чем?

— Есть спасательные шлюпки? Ну знаешь — корабли, готовые переправить людей в ближайший космопорт?

— Да, конечно.

— Мест всем хватит?

— Да!

— И в ближайшем космопорте найдется достаточно космических кораблей? На все население Терминатора?

— В космопортах есть убежища, куда поместится очень много народа. И машины, чтобы переправиться на запад, к следующему порту. А хопперы могут подобрать тех, кто на яркой стороне.

Они шли по черной равнине, покрытой валунами; из-за горизонта медленно поднимался Терминатор. Теперь стала видна поросшая деревьями верхняя часть Рассветной Стены; отсюда она казалась гораздо более отвесной, чем на самом деле. Широкая зеленая полоска обозначала вершины деревьев парка. За деревьями — фермы среди полей. Снежный шар по серебряным рельсам двигался навстречу своей судьбе. Людей в городе они не могли видеть, хотя купол уже нависал над ними. На террасе Рассветной Стены точно никого не было. Терраса казалась пустой.

И никакой возможности попасть в город. Платформа оказалась в зоне удара. Все участники концерта, находившиеся на ней, должно быть, погибли. Внутри города они увидели трех оленей: самца, самку и детеныша. Крики Свон поднялись на октаву.

— Нет, нет!

Странно было стоять здесь и смотреть на средиземноморское спокойствие пустого города.

Свон побежала под рельсами к северной стороне города, и все последовали за ней. Отсюда стали видны колонны наземных машин на севере и западе, они уходили к разрывам в северо-западной стене Бетховена. Машины двигались быстро и вскоре исчезли за горизонтом.

— Ушли, — заметил Варам.

— Да, да. Полина?

— Наверно, мы можем дойти до космопорта? — встревожено спросил Варам.

Однако Свон разговаривала со своим компьютером, и понять о чем Варам не мог. Голос Свон звучал ядовито.

Оборвав спор, она обратилась к нему:

— Машины не вернутся. Дойдя до разрыва в рельсах, город автоматически остановится. Нужно уходить. На каждой десятой платформе есть лифт, на котором можно спуститься в убежище под рельсами. Надо добраться до одной из таких платформ.

— Далеко до ближайшей такой платформы на западе?

— Примерно девяносто километров. Город

только что миновал платформу на востоке.

— Девяносто километров!

— Да. Нужно идти на восток. До той платформы девять километров. Скафандры выдержат солнечный свет, пока будем добираться туда.

— Может, лучше пройти девяносто? — сказал Варам.

— Нет. Что ты хочешь сказать?

— Думаю, мы смогли бы. Люди такое проделывали.

— Тренированные спортсмены, которые специально к этому готовились. Я много хожу и знаю, что, возможно, я справлюсь, но ты — нет. Такое не сделать на одной только силе воли. А этот солнцеход ранен. Нет, послушай, мы дойдем и под солнцем, все обойдется. Ведь на нас будет падать только свет короны и то не дольше часа или около того. Я часто под него попадала.

— Я предпочел бы воздержаться.

— У тебя нет выбора! Пошли. Чем дольше спорим, тем дольше облучаемся.

Это верно.

— Ну ладно, — сказал он, чувствуя, как колотится сердце.

Свон обернулась, простерла руки к городу, завыла по-звериному:

— О мой город, мой город, ооой… Мы вернемся! Восстановим! Ооооой…

За прозрачной маской лицо ее было мокрым от слез. Свон заметила, что Варам наблюдает за ней, и занесла руку, словно для удара.

— Пошли, у нас мало времени! — Она показала на трех солнцеходов. — Идем!

Они побежали на восток. Свон издавала на общей частоте воющий звук, похожий на сигнал тревоги: сигнал, который сделал свое дело, предупредил, но все звучит в тишине катастрофы. Бежавшие впереди как будто не способны были издавать такой звук; у Варама от него болели уши. Несомненно, в городе осталось множество зверей — целый маленький террарий, сообщество растений и животных. Свон создавала его. Это был ее дом. Внезапно ее вой помог Вараму понять, что мало спасти людей. Позади осталось так много! Целый мир. Если мир погибает, неважно, что люди спаслись, — казалось, говорил этот вой.

Как всегда, близился рассвет.

Вот интересная проблема: сможет ли он сорганизовать свой страх, обуздать его и использовать, чтобы добиться оптимального темпа движения и в свете надвигающегося дня быстрее добежать до восточной платформы? А может ли он угнаться

за той, что идет впереди? Ибо Свон, продолжая стонать, плакать и браниться, двигалась в ритме своего плача, неслась большими прыжками, возможно, не умея медленнее, мчалась так быстро, что Варам не поспевал за ней. Пришлось отстать и двигаться в своем темпе, стараясь по хотя бы не отстать настолько, чтобы Свон ушла за горизонт. Хотя, конечно, ее след приведет его прямо к платформе, так что пусть даже исчезнет за горизонтом, неважно. Однако он не хотел терять ее из виду. Трое солнцеходов Уже значительно опередили ее, даже тот, с раненой рукой. Так что, возможно, Свон сознательно замедляла шаг.

Местность опускалась и поднималась, поэтому Варам мог видеть на много километров к северу; вершины в той стороне уже озарило солнце. Эта высвеченная часть отражала свет, накрывая им всю тень, и Варам видел неровности и камни на редкость хорошо и для Меркурия, и вообще. Все, казалось, покрывал слой хрупкого порошка — несомненно, вследствие ежесуточной смены жары и холода.

Свет на севере делался таким ярким, что Вараму пришлось отвести взгляд, чтобы не потерять возможность видеть землю в тени под ногами и впереди. Перед ним силуэтом на фоне звезд

двигалась стенающая Свон. Варам начал дышать в такт бегу, смотрел на поверхность, по которой бежал, и заставлял себя бежать быстрее. Треть *g* бывает обманчива, ведь при ней ты ни легок, ни тяжел. Это помогает бежать быстро, но падать, особенно в такой ситуации, очень опасно. Свон в родных местах, она как будто совсем об этом не думает.

Варам бежал. Он прикинул, что при обычных условиях он преодолел бы такое расстояние за сорок пять минут — в зависимости от особенностей местности. Достаточно долго, чтобы самые опытные бегуны сбавили темп. Она собирается все время бежать так быстро? Он не замечал никаких признаков уменьшения скорости.

С другой стороны, далеко вперед Свон не уходила. И ему казалось, что свою теперешнюю скорость он выдержит. Он пыхтел, отдувался и внимательно глядел под ноги. Быстрые взгляды показывали, что Свон всегда на одном и том же расстоянии от горизонта. У него получится… но тут он споткнулся и удержался от падения только бешено замахав руками; после этого он опустил голову и смотрел только на землю.

В одно из таких мгновений внезапное потрясение заставило его отвести взгляд. Он видел

отпечатки Свон поверх палимпсеста предыдущих ходоков. Ее шаг был короче, чем у Варама. Он летел над ее отпечатками и все равно отставал. Солнцеходы были на полпути к горизонту. Вой Свон все еще наполнял его уши, но Варам не уменьшал звук и не выключал.

И тут над горизонтом мелькнуло солнце, и Варам почувствовал, как сердце вновь забилось чаще. Вначале над горизонтом показались и тут же исчезли языки оранжевого пламени. Как он помнил, температура короны выше температуры поверхности Солнца. Магнитные потоки, свиваясь характерными огненными петлями, величественно вздымались над горизонтом и зависали, прежде чем уйти вниз в ту или другую сторону. Пламя солнца, порождаемое громадными взрывами, направляли магнитные поля. Варам бежал, глядя под ноги, на поверхность, но когда в очередной раз поднял голову, почти весь горизонт впереди был оранжевым — само солнце, эта оранжевость вскипала пузырями и желтыми полотнищами. Чтобы затемнить ее и позволить глазам хоть что-то видеть, лицевая пластина погрузила все окружающее в космическую черноту. Теперь видна была только линия горизонта — не высокая, не гладкая, сплошь

возвышения и впадины, которые подпрыгивали и расплывались. Бегущая Свон казалась черным силуэтом, окруженным белым пламенем. Под ногами землю цвета соли с перцем теперь разглядеть было невозможно, белое и черное слилось, и только на периферии зрения пульсировали и мерцали белые участки. Пришлось поверить, что поверхность достаточно ровная для бега, — он ее больше не видел. А через мгновение все превратилось в белую простыню с черными пятнами. Они вышли на дневной свет.

Варам начал потеть. Вероятно, вначале причиной был только страх; неожиданная беспомощность заставляла его ускорить шаг. Скафандр загудел, компенсируя повышение температуры внутри — звук негромкий, но жуткий. Пот стекал по бокам и ногам и накапливался в шве над ботинками. Варам сомневался, что пота накопится столько, что он захлебнется, но не был уверен и в обратном. Черное изображение Свон на солнце стало чем-то вроде брокенского призрака, оно взрывалось и исчезало в дрожащих потоках. Вараму показалось, что Свон оглянулась через плечо, но он не решился помахать ей, чтобы не споткнуться и не упасть. Она казалась слишком низенькой. И вдруг он понял, что видит ее только

выше колен. Горизонт был примерно на том же удалении, что на Титане. Это означало, что он отстает от Свон минут на пять-десять.

И тут на горизонте слева от Свон, совсем рядом с ней, появился край платформы возле южного рельса, и Варам снова ускорил шаг. В любом физическом испытании под самый конец всегда находишь небольшой дополнительный источник сил.

Но, казалось, в этот раз он дошел до предела. Очень скоро его усилия превратились в отчаянную попытку сохранять скорость. Варам тяжело отдувался и вынужден был сообразовывать дыхание со своими тяжелыми шагами — один вдох на два шага. Было очень страшно поднимать голову и видеть почти весь восточный горизонт увенчанным короной; небольшой изгиб свидетельствовал, что корона вскоре займет без малого все небо, как будто впереди вставало какое-то вселенское солнце. Меркурий казался шаром для боулинга, катящимся в этом свете.

Пот заполнял скафандр уже до бедер, и Варам снова подумал: как бы не захлебнуться. Но ведь можно для спасения просто глотать пот. К счастью, воздух к лицу по-прежнему поступал.

Поляризация лицевой пластины изменилась,

и текстура Солнца за черным стеклом пластины превратилась в тысячи огненных языков. Огромные поля щупалец двигались согласованно, целые области колыхались, как рябь на воде. Словно живое существо, тварь, созданная из огня.

Платформа была черным прямоугольником на черном фоне, а Свон — черным движением рядом с прямоугольником. Варам добрался до нее, немного отдохнул, упираясь руками в колени и повернувшись спиной к солнцу. Вой Свон прекратился, хотя время от времени она принималась стонать. Солнцеходы, очевидно, уже спустились в лифте; Свон ждала его.

— Прости, — сказал он, обретя дар речи. — Прости, что опоздал.

Она смотрела на солнце, которое теперь поднялось над горизонтом на четыре пальца.

— О боже, посмотри! — выдохнула она. — Только посмотри!

Варам попытался, но оно было слишком яркое, слишком большое.

И тут ввысь взвилась петля короны, невиданно высоко, будто солнце пыталось дотянуться до них и ожечь.

— О нет! — закричала Свон, дернула Варама

к себе и прижала к двери; она передвинулась и закрыла его собой, нажимая кнопки лифта и бранясь.

— Быстрей! — кричала она. — Это большое пламя, очень! Если видишь такое — ты уже мертв.

Дверь лифта наконец отворилась, и они ввалились в кабину. Дверь закрылась. Они почувствовали, что лифт идет вниз.

Когда лицевая пластина и глаза Варама привыкли к обычному свету, он увидел, что лицо Свон под пластиной мокро от слез и черно от сажи.

Она фыркнула.

— Черт возьми, вот это огонь! — сказала она, вытирая лицо. Когда лифт остановился и они вышли, она спросила у солнцеходов: — У кого-нибудь есть с собой дозиметр?

Один из них ответил, словно цитируя:

— Если хочешь это знать, ты не хочешь это знать.

Свон посмотрела на Варама. Такого мрачного лица он у нее никогда не видел.

— Полина? — окликнула она. — Найди в скафандре дозиметр. — Немного послушала, потом прижала руки к груди, глядя вниз, на одну ногу. — Черт, — негромко сказала она. — Я убита.

— Сколько ты получила? — тревожно спросил Варам. Он проверил по прибору на запястье: 3,762 зиверта[39]. Варам присвистнул. Придется пройти очень долгий курс ДНК-терапии — если они доберутся туда, где это возможно. Он повторил вопрос: — Сколько ты получила?

Она встала, не глядя на него.

— Не хочу об этом говорить.

— Большой был кусок солнца, — сказал он.

— Не в нем дело, — ответила она. — Вспышка. Не повезло.

Солнцеходы закивали, и Варам почувствовал, как по спине

пробежал холодок страха.

Они были в шлюзе. Двери лифта за ними закрылись, открылись двери с другой стороны, вызвав легкое дуновение воздуха. Они прошли в низкое, но очень длинное помещение с несколькими дверями и отходящими от них коридорами.

— Это убежище? — спросил Варам. — Нам придется провести здесь все время меркурианского дня? Это возможно?

— Это часть большой системы, — объяснила

---

[39] Примечания: 39

Единица измерения эффективной и эквивалентной доз ионизирующего излучения в Международной системе единиц; один зи-верт соответствует дозе в сто рентген.

Свон. — Ее строили, чтобы облегчить прокладку рельсов. При каждой десятой платформе есть такое помещение, все их соединяет служебный коридор. Рабочий туннель.

Солнцеходы уже проверяли шкафчики в стене.

— Значит, мы можем выйти по этому туннелю под землей на ночную сторону? Получить помощь?

— Да. Но я не знаю, остался ли проход в той части, куда попал метеорит. Но, наверно, можно пойти посмотреть.

— В тоннеле есть отопление и воздух?

— Да. После того, как в таком убежище погибли несколько человек, все станции сделали пригодными для жизни. Хотя, подозреваю, придется впускать воздух в одну часть туннеля за другой. Как включать и выключать свет.

Один из солнцеходов поднял большой палец, и Свон, а за ней и Варам сняли шлемы.

— У кого-нибудь из вас есть радиосвязь? — спросил один из них. — Наша не работает, мы думаем, ее сожгло солнце. И местный телефон не работает. Мы не можем сообщить, что мы здесь.

— Полина, ты в порядке? — спросила Свон и замолчала.

— Как твой кваком? — немного погодя спросил

Варам.

— Ничего ей не сделается, — угрюмо ответила Свон. — Моя голова, видите ли, послужила ей хорошей изоляцией.

— Боже!

Вслед за солнцеходами они прошли в конец помещения и по лестнице спустились в просторные комнаты.

В самой большой стояло несколько диванов и низких столиков и длинный разделочный стол, как в общей кухне. Свон представила Варама троим солнцеходам, людям неопределенного возраста и пола, и представилась сама. Они вежливо кивнули, но не назвались.

— Как рука? — спросила Свон раненого.

— Сломана, — просто ответил тот и чуть приподнял ее. — Перелом чистый — камень был маленький. Думаю, просто осколок после мощного удара.

Теперь Вараму показалось, что по крайней мере этот совсем молод.

— Мы ее перевяжем, — сказал другой, тоже молодой.

— Кто-нибудь из вас видел удар метеора? — спросила Свон.

Троица покачала головами. Все юнцы, поду-

мал Варам. Из тех, кто обходит Меркурий перед самым рассветом, прокаливая себя солнечным излучением. Хотя и Свон явно такая же. Молода душой, стало быть.

— Что будем делать? — спросил Варам.

— Можно пройти служебным туннелем до следующей станции на ночной стороне, — ответил один из юнцов.

— Думаете, после удара по служебному туннелю можно пройти? — спросила Свон.

— О, — сказал один из юнцов. — Я об этом не подумал.

— Возможно, — сказал Сломанная Рука. Третий тем временем осматривал шкафчики на дальней стене. — Заранее не скажешь.

— Да уж, — сказала Свон. — Но, наверно, можно глянуть. Это всего девять километров.

Всего девять! Варам промолчал. Они стояли, глядя друг на друга.

— Черт! — сказала наконец Свон. — Пойдемте посмотрим. Не хочу просто сидеть здесь.

Варам сдержал вздох. У них как будто не очень много вариантов. Если получится пройти на запад, можно догнать ночь и добраться до космопорта, куда эвакуировались жители Терминатора.

Поэтому они отправились к двери на западной стороне комнаты и вышли через нее в проход, тускло освещенный цепочкой фонарей, составлявших часть потолка. Стены туннеля покрывал потрескавшийся пластик, местами выступал голый камень со следами пробуренных отверстий; слева отверстия тянулись вверх, справа вниз. Шагали быстро. Тот, что со сломанной рукой, шел быстрее всех, другой из солнцеходов держался сразу за ним. Все молчали. Прошел час.

— У Полины есть съемки удара? — спросил Варам у Свон, когда они отправились дальше. Туннель был достаточно широк для трех-четырех человек, и солнцеходы шли впереди.

— Я просмотрела, но там просто вспышка в одной стороне. Всего несколько миллисекунд света, потом вверху и снаружи взрыв, горячий и быстро спускающийся. Но почему горячий? Атмосферы, чтобы нагреться, здесь нет, так откуда жар? Похоже, пришел со стороны, ну не знаю, откуда-то еще. Из другой вселенной.

— Кажется, любое иное объяснение преждевременно, — не сдержался Варам.

— Тогда объясни ты, — фыркнула Свон, словно разговаривала со своим компьютером.

— Не могу, — спокойно ответил Варам.

Они пошли молча. По-видимому, в какой-то момент проходили под городом. Над ними под горячим световом ливнем горел Терминатор.

Затем туннель впереди как будто закончился. Все снова надели шлемы, словно так их легче было нести, и теперь светили фонарями в темноту впереди. Туннель от пола до потолка оказался завален камнями. Было холодно. Свон вдруг сказала:

— Лучше закрыть шлемы, — и опустила лицевую пластину. Варам последовал ее примеру.

Они стояли, глядя на завал.

— Ладно, — мрачно сказала Свон. — На запад идти нельзя. Придется идти на восток.

— Но сколько на это потребуется времени? — спросил Варам.

Она пожала плечами.

— Если просто сидеть здесь — до захода солнца восемьдесят восемь дней. Если идти — меньше.

— Пройти половину Меркурия?

— Меньше половины, ведь мы будем идти, а планета — вращаться. В этом-то и смысл. Я хочу сказать: а что еще нам остается? Я не намерена сидеть здесь три месяца!

Он видел, что она едва не плачет.

— А далеко это? — спросил он, думая о половине

Титана. Живот у него свело.

— Примерно две тысячи километров. Но если идти на восток со скоростью, скажем, тридцать километров в день, сократим время до сорока дней. Наполовину. Мне кажется, можно попробовать. Идти все время не придется. То есть я хочу сказать, что будет не как у солнцеходов. Днем идем, едим, ночью спим, потом снова идем. Устанавливаем распорядок дня. Если идти по двенадцать из каждых двадцати четырех часов, будет нелегко, но сэкономим еще больше времени. Что скажешь, Полина?

— Можешь включить голос Полины? — попросил Варам.

— Сейчас не хочу. Она говорит, что ежедневные двенадцатичасовые переходы сократят время до сорока пяти дней. Мне это кажется приемлемым.

— Что ж, — ответил Варам. — Все-таки ходьбы многовато.

— Знаю, но что остается? Сидеть здесь вдвое дольше?

Хотя на самом деле не так уж долго. Перечитывать Пруста и О'Брайана или несколько раз послушать цикл «Кольцо нибелунга»; у него на запястье очень хорошо заполненная память. Но Свон смотрела на него так, что Варам понял: эти

соображения ее не утешат.

— Я включу Полину, — сказала Свон, словно отдавая ему что-то в обмен на согласие.

— Solvitur ambulando, — сказала Полина. — По-латыни это значит «решается ходьбой». Диоген Синопский.

— Так доказывается реальность движения, — сказал Варан.

— Да.

Варам вздохнул.

— В этом я уже убедился.

Вернувшись на первую подземную станцию, они подвели итоги. Трое солнцеходов были согласны идти шесть или семь недель — это вполне напоминает их обычный образ жизни. Звали их Трон, Тор и Нар. По мнению Варама, полу они были неопределенного, но молоды и простодушны. Жили только для того, чтобы обходить Меркурий; казалось, они больше ничего не знают, а может, не часто общаются с незнакомыми людьми. То, что они говорили, казалось Вараму наивным или донельзя провинциальным. Конечно, все террарии кишели такой публикой, но Варам привык думать о жителях Меркурия как о людях образованных, сведущих в истории, искусстве, культуре. Теперь он узнал, что это вовсе не так.

Еще ему прежде казалось, что солнцеходы — обязательно последователи каких-нибудь древних солнечных культов: египетского, персидского, инков. Но нет, они просто любили солнце.

Похоже, несколько ночей между станциями придется спать на полу служебного туннеля.

— Каждый третий день сможем пополнять припасы, — сказала Свон. — Это ставит перед нами хорошую цель.

— Наверное, мы сможем идти быстрее, — застенчиво сказал Трон.

Троном звали человека со сломанной рукой, поэтому Варам не стал говорить ему, что тридцать три километра в день для него вполне может быть достаточно или даже чересчур. Что он может стать помехой для всей группы — какая угнетающая мысль! Свон руководила заполнением рюкзаков, которые нашла в шкафчиках, где хранились запасы на чрезвычайный случай: шлемы к скафандрам, дополнительный воздух, бутылки с водой, продукты, надувные матрацы, небольшой котелок и печка. Стопка аэрогелевых одеял, не слишком теплых на вид, но Свон сказала, что в туннеле будет такая же температура, а здесь было вполне тепло.

Итак, поход по туннелю. Похоже, нечто вроде

длительной спелеологической экспедиции. В рюкзаки положили еще небольшие наголовные фонари, хотя сейчас они не были нужны: примерно через каждые двадцать метров на потолке горел теплый желтый квадрат, очень хорошо освещая служебный туннель. Свон сказала, что они на глубине примерно пятнадцати метров. Туннель был пробит в коренной породе или реголите, и здесь еще сохранялось тепло после применения многочисленных буров; стены разноцветные, часто встречались срезанные поверхности метеоритов. На некоторых участках серебряные изгибы лежали поверх оловянных и черных. Пол с насечкой, идти удобно: подошвы хорошо цепляются и не скользят. Из-за кривизны поверхности Меркурия дальние огни над головой сливались в сплошную полоску света. Путники как будто видели кривизну планеты, и Варама это слегка ободряло. Мысль о том, что на протяжении месяца с лишним придется ежедневно проходить по тридцать три километра, его пугала. Следовало помнить, что они здесь на сорок пятом градусе южной широты; вдоль экватора пришлось бы идти дольше. Он вспомнил, что кое-где рельсы Терминатора отклоняются дальше на юг. Могло быть гораздо хуже.

Все происходило так, как и было намечено. Ходьба в течение часа по туннелю, который меняется очень мало, а все перемены обязательно повторяются. Остановка. Все садятся на землю — короткая передышка; потом снова час ходьбы. Через каждые три часа привал и еда. Этот промежуток казался невероятно длинным, чем-то вроде недели в обычном течении времени. Но они проделали это трижды, прежде чем сделать большой привал, поесть и проспать восемь или девять часов.

Час, час, час — час, час, час — час, час, час.

Варам очень остро ощущал, как растягивается время. Трудно сказать, почему его течение казалось таким неспешным; он полагал, что повторение одних и тех же действий в течение дня должно, напротив, ускорить прохождение часов — но нет. Вместо этого ощущение медленности, очень сильное ощущение медленности. В конце первого дня, садясь, усталый, со стертыми ногами, он мог вытянуться на матраце со словами:

— Минус один, осталось идти тридцать семь.

И испытать острый приступ отчаяния. Каждый час казался неделей! Как им удается это выдерживать?

Солнцеходы обычно шли чуть впереди, и к

тому времени как Варам и Свон догоняли их, уже заваривали чай. Затем, задолго до того как Варам готов был идти дальше, молодые дикари с почти виноватым видом вставали и, помахав рукой, удалялись. Поэтому Варам почти все дни проводил со Свон.

Перспектива длительной ходьбы ей явно не нравилась, хотя это была именно ее идея. Она делала это только потому, что альтернатива в ее понимании была еще хуже. Нужно было терпеть, угрюмо молчать или разговаривать. Иногда она уходила вперед, в другие дни отставала.

Однажды она сказала:

— Сейчас меня стошнит.

Постепенно Вараму делалось ясно, что ситуация нравится ей еще меньше, чем ему представлялось. Она сказала, что от всего этого с души воротит, она страдает от клаустрофобии, не может больше безвылазно торчать в помещении, ей каждый день нужны солнечный свет, разнообразие в рутине и разнообразие сенсорных ощущений. Это *необходимо,* заявила она Вараму — заявила весьма определенно и решительно.

— Здесь ужасно! — часто восклицала она, произнося три этих слога как вульгарное ругательство. — Ужасно, ужасно, ужасно! Я этого не

вынесу.

— Давай поговорим о чем-нибудь другом, — предлагал Варам.

— Как я могу? Это ужасно!

Бесконечные повторения этих утверждений скоро стали занимать только первый час их ежедневного двенадцатичасового дня ходьбы и отдыха. После такого первого часа Варам обычно решал, что стоит заметить: нужно говорить о чем-то другом, чтобы не повторяться бесконечно.

— Уже устал от меня? — заключила Свон после этого его высказывания.

— Вовсе нет. Все чрезвычайно занимательно. Даже интересно. Но этот мотив — о необходимости путешествия — все же ограничен. Отыгран. Я хочу чего-то другого.

— Тебе повезло — я намерена сменить тему.

— Поистине повезло.

Она вышагивала перед ним. Не было необходимости торопиться с пояснением: впереди целый день. Варам смотрел, как она идет перед ним: походка изящная, шаги длинные, при таком *g* она чувствует себя как дома, мускулистая и уверенная. Очень скоро она начала удаляться от него. И пока не казалась больной. Иногда он слышал, как она впереди разговаривает со своим ком-

пьютером. Неизвестно почему, но она сделала голос Полины слышным; выполняла данное ему обещание? Их беседы всегда напоминали спор; голос Свон звучал яснее и резче, но альт Полины, чуть приглушенный кожей Свон, тоже казался сварливым. Если позволяет программа, квакомы могут быть заядлыми спорщиками. Однажды Варам оказался так близко, что смог подслушать разговор; то, что он услышал, по-видимому, продолжалось уже давно.

— Бедная Полина, — говорила Свон, — на твоем месте мне было бы очень грустно! Мне так жаль тебя. Наверное, ужасно быть всего лишь набором алгоритмов!

— Это риторический прием, известный как анакенез, — ответила Полина, — говорящий ставит себя на место собеседника.

— Вовсе нет, — заверила Свон. — Я правда тебе сочувствую. Вечно действовать в соответствии с алгоритмами! Если помнить об этом, выходит, ты держишься очень хорошо.

— А этот риторический прием называется синхорез, — прокомментировала Полина, — говорящий делает уступку, прежде чем снова напасть.

— Может, ты и права. Принимая во внимание

силу твоих аргументов, не знаю, почему я считаю тебя глупой. И все же…

— А это одновременно сарказм и апория в дурном смысле, о котором я уже упоминала: выражение сомнения, часто ложное, перед тем как возобновить наступление.

— А такая защита называется казуистикой: тебе нечего возразить, и ты погружаешься в облако слов. Может, ты права; может, просто существует глупое сознание и умное сознание. Это многое бы объяснило.

Полину невозможно было отвлечь.

— Готова подвергнуть наши речевые действия двойному анализу. Проверить, есть ли разница между твоими и моими словами.

— Правда? — сказала Свон. — Ты хочешь сказать, что можешь пройти тест Тьюринга?

— Это зависит от того, кто задает вопросы.

Свон презрительно рассмеялась, хотя на самом деле ей было не весело, Варам чувствовал. Но по крайней мере на это компьютер годился.

Каждые полчаса они менялись местами, просто чтобы обозначить время и изменить картину, какова бы она ни была. Разговаривали они не всегда. Это было бы невозможно, думал Варам. Во всяком случае они подолгу шли молча. Над

ними как будто бы сами собой перемещались туннельные фонари, словно Варам и Свон шли по вершине огромного чертова колеса и нужно было только компенсировать его обратное вращение. На исходе часа у Варама начинали ныть ноги, и он с радостью садился. Аэрогелевые спальные мешки они использовали как подушки, чтобы сидеть. Еда из пакетов, найденных на станции, оказалась в основном безвкусной. Немного погодя им хотелось только пить, хотя был еще порошок, который при желании можно было подмешивать в воду.

В сумме периоды отдыха занимали полтора часа. Если задерживаться дольше, у Варама затекали ноги, а Свон начинала раздражаться. А солнцеходы уходили слишком далеко. Поэтому Варам тяжело поднимался и шел дальше.

— Как думаешь, на станциях могут быть трости для ходьбы?

— Сомневаюсь. Можно поискать на следующей. Вдруг что-нибудь удастся использовать в качестве трости.

Обычно после очередного периода молчания она резко говорила: «Ладно, расскажи что-нибудь! Расскажи о себе!»

— Расскажи, какие у тебя первые воспомина-

ния?

— Не знаю, — ответил Варам, пытаясь вспомнить.

— Мое первое воспоминание, — сказала она, — относится ко времени, когда, по словам родителей, мне было три года. Мои родители были частью большой семьи, которая решила переселиться в другую часть города. Кажется, мы перебирались с севера на юг, чтобы иметь возможность смотреть на другую часть движущейся мимо местности. А может, мне просто так сказали. Вскоре пришло много машин, и обе меняющиеся жилищами семьи перемещались туда-сюда. Все наше с родителями имущество поместилось в одну потрепанную машину и две тележки. Когда все вынесли, мама завела меня в дом, и я испугалась. Думаю, потому и запомнила. Моя опустевшая комната показалась ужасно маленькой, оттого я и оробела: я решила, что мир съеживается. Мы обставляем комнаты, чтобы они казались больше. Потом мы вышли, и мне запомнилось другое, не только пустые комнаты: наши вещи в машине, и все стоят на обочине, под деревьями. А над деревьями — Рассветная Стена.

Она некоторое время шла молча, и Варам услышал урчание в животе: приближалось время

очередного приема пищи.

— Теперь все это сгорело, — сказала она.

Но в ее голосе прозвучало неестественное спокойствие. Казалось, она уже не горюет, как прежде.

— Когда солнце так высоко, что город не закрывает тень Рассветной Стены, все заканчивается очень быстро, — добавила она.

— Я знаю, что рельсы на яркой стороне не расплавятся, — сказал Варам. — Что еще останется?

— Инфраструктура города уцелеет, — признала она. — Купол. Некоторые металлы, керамика, их смесь. Стекломасса. И обычная закаленная сталь, нержавеющая сталь. Аустенитная сталь. Увидим. Пожалуй, интересно, как это будет, когда снова наступит ночь. Все выгорит, кроме каркаса, я думаю. Растения погибают сразу, как попадают под свет солнца. Сейчас они уже мертвы, все растения и животные, даже бактерии и прочее. Придется все восстанавливать.

— Возможно, — сказал он.

— О чем ты?

— Ну, мне хочется узнать, что же случилось с рельсами, и убедиться, что такое не повторится. Иначе придется создавать что-то другое. Снять город с рельсов и катить на колесах, например.

— Для этого потребуется двигатель, — заметила Свон. — Ведь город передвигался благодаря расширению рельсов.

— Что ж, интересно, что получится. — Варам мешкал. — Бессмысленно просто восстанавливать город, чтобы все повторилось.

— Если то, что случилось, было очень маловероятно, повторение будет несколько другим.

— Мне казалось, все возможные меры предосторожности были приняты.

— Мне тоже. Ты хочешь сказать, это нападение?

— Ну… я об этом думал. Вспомни, что случилось с нами на Ио.

— Да кому понадобилось нападать на Терминатор? — спросила Свон. — Напасть и промахнуться на несколько километров, уничтожив город, но оставив людям жизнь?

— Не знаю, — тяжело сказал Варам. — Ходили слухи о конфликте между Землей и Марсом, который даже мог привести к войне.

— Да, — сказала она, — но ведь говорят, что это невозможно, все очень уязвимы. Всегда неизбежно взаимное уничтожение.

— Я часто размышлял об этом, — признался Варам. — Что если первый удар будет похож на

случайность, причем столь несомненную, что никто не поймет, кто его нанес? А между тем жертвы уже испарились. Такой сценарий, пожалуй, заставит поверить, что взаимное уничтожение не обязательно.

— Но кто может организовать такое? — спросила Свон.

— Подобное может проделать любое земное государство. Они там в большей безопасности, чем мы. А Марс, как известно, не имеет единого центра: одним ударом его не накроешь. Нет, я не верю, что кто-то вообразил себя неуязвимым. Или так рассердился, чтобы не думать о последствиях.

— Но что это может быть? — спросила Свон. — И в чем причина такого гнева?

— Не знаю… скажем, еда, вода, земля… власть… престиж… идеология… различные преимущества. Безумие. Таковы обычные мотивы. Верно?

— Невероятно!

Свон пришла в ужас от перечисленного, как будто на Меркурии это не обсуждали; впрочем, на самом деле это Макиавелли или Аристотель. Полина может подсказать.

— Когда выберемся, мне будет очень интересно узнать, что говорят.

— Осталось всего тридцать дней, — мрачно сказала Свон.

— Шаг за шагом, — смело сказал он.

— Ох, я тебя умоляю! Тебя послушать, это пустяки — а ведь это целая вечность.

— Вовсе нет. Но я больше не буду.

Немного погодя он сказал:

— Интересно, как наступает момент, когда начинаешь ощущать голод? Сначала ничего, а потом сразу хочешь есть.

— Это неинтересно.

— У меня стерты ноги.

— И это неинтересно.

— Каждый шаг вызывает боль. Наверное, пяточная шпора.

— Хочешь отдохнуть?

— Нет. Особой боли нет. И ноги согреваются. А потом устают.

— Ненавижу.

— И все же мы идем.

Минул час ходьбы. Привал. Еще час. Еще привал. Туннель оставался прежним. Станции (в каждую третью ночь) тоже, но не совсем. Они обыскивали такие места в поисках чего-нибудь необычного, иного. Наверху, над лифтом, поверхность Меркурия согревали прямые лучи солнца,

температура доходила до 700 градусов Кельвина; воздуха не было, а потому не было и температуры воздуха. Сейчас они находились более или менее под кратером Толстого; Полина вела математические расчеты их маршрута, ее радио тоже не работало. Не работали и телефоны на станциях. Свон считала, что эти телефоны обслуживают только лифты — или же вся система вышла из строя при ударе, но поскольку населения в Терминаторе больше нет, а разрушенная часть туннеля открыта солнцу, никто систему не чинит.

Час за часом они шли. Легко было потерять счет дням, тем более что Полина такой счет не вела. Псевдоитеративность была в меньшей степени псевдо, чем всегда. Подлинная итеративность, повторяемость.

Свон шла перед Варамом, плечи ее поникли, как у мима, изображающего отчаяние. Минуты тянулись, и каждая казалась десятью; это было экспоненциальное расширение времени, признак промедления. Но это означало, что и жить они будут в десять раз дольше. Варам искал, что бы такое сказать, чтобы не раздражать ее. Она что-то говорила Полине.

— В детстве я свистел, — сказал он и попробовал свистнуть. Губы казались гораздо толще,

чем в молодости. Ах да, язык выше к нёбу. Хорошо. — Буду насвистывать симфонии, которые мне нравятся.

— Свисти, — сказала Свон. — Я тоже умею.

— Правда?

— Да, я же говорила. Но сначала ты. Можешь Бетховена, которого мы слышали на концерте?

— Да. Но всего несколько тем.

— Давай.

В молодости Варама был период, когда он каждое утро начинал с «Героической», потрясающей Третьей симфонии, знаменовавшей новую эру в музыке и вообще в человеческой душе; Бетховен написал ее, когда узнал, что глохнет. Варам просвистел две ноты, с которых начиналась первая часть, а потом главную тему — в темпе, соответствующем ходьбе. Почему-то это оказалось совсем нетрудно. Насвистывая, он всякий момент сомневался, что помнит пассаж до конца, но неуклонно следовали новые ноты, и исполнение продолжалось — вполне удовлетворительное. Где-то в нем все это хранилось. Длинные, сложные темы этой последовательности гладко переходили одна в другую, подчиняясь безупречной логике мышления Бетховена. Последовательность слагали одна волнующая тема за другой. Большинство пасса-

жей требовали контрапунктов и полифонии, и он переходил от одной оркестровой части к другой, руководствуясь тем, что казалось ему лейтмотивом. Но надо сказать, что даже при считанных неумело насвистываемых темах в туннеле было ощутимо величие музыки Бетховена. Трое солнцеходов вернулись, словно чтобы послушать. Закончив первую часть, Варам обнаружил, что остальные части приходят к нему так же легко, и в целом на исполнение всей симфонии у него ушло почти те же сорок минут, что у оркестра. Большие вариации финала были такими трогательными, что Вараму едва хватало дыхания для их исполнения.

— Замечательно, — сказала Свон, когда он умолк. — Очень хорошо. Какие мелодии! Боже. Давай еще. Можешь?

Варам рассмеялся. Потом задумался.

— Ну, думаю, могу Четвертую, Пятую, Шестую, Седьмую и Девятую. И еще, пожалуй, кое-что из квартетов и сонат. Но, боюсь, почти в каждой где-нибудь собьюсь. Разве только последние квартеты… Вся жизнь у меня прошла под них. Надо попробовать, посмотрим, что получится.

— Как ты можешь столько помнить?

— Я их очень много слушал.

— Это безумие. Но все равно, попробуй Четвертую. Можешь по порядку.

— Позже, пожалуйста. Нужно отдохнуть. Губы отваливаются. Чувствую, они стали вдвое толще. Сейчас они как две старые прокладки.

Свон рассмеялась и отстала от него. Однако час спустя вернулась к теме, и ее слова звучали так, будто она очень расстроится, если он не согласится.

— Ну ладно, но ты меня поддержи, — сказал он.

— Я не знаю мелодии. Не помню, что эти люди играли на концерте.

— Неважно, — сказал Варам. — Просто насвистывай. Ты сказала, что умеешь.

— Да, но вот так.

И она немного посвистела: великолепная мелодия, точно как у какой-нибудь певчей птицы.

— Ого, точь-в-точь птица, — сказал он. — Скользящие глиссандо, и… ну, не знаю, что это, но очень похоже на птицу.

— Верно. Во мне есть немного полипов жаворонка.

— Ты хочешь сказать… в мозгу? Птичий мозг поместили в твой?

— Да. Alauda arvensis[40]. А также немного Sylvia borin[41], садовой певчей птицы. Но ты ведь знаешь, что птичий мозг организован совсем не так, как мозг млекопитающих?

— Нет, не знаю.

— Мне казалось, это все знают. Архитектура квантового компьютера частично основана на птичьем мозге, и эта проблема много обсуждалась.

— Я не знал.

— В общем, мышление млекопитающих совершается в слоях клеток по всей коре головного мозга, а птичье мышление — в группах клеток, распределенных, как гроздья винограда.

— Не знал.

— Поэтому можно взять твою стволовую клетку, ввести в нее узел ДНК, отвечающий за песни жаворонка, ввести эту клетку через нос в мозг, и в лимбической системе возникнет группа клеток. Когда начинаешь свистеть, эта группа клеток вливается в твою существующую музыкальную сеть. Все это очень старые участки. Они вообще похожи на участки птичьего мозга. Новые груп-

---

[40] Примечания: 40
Полевой жаворонок.

[41] Примечания: 41
Садовая славка.

пы клеток поддерживают их, и ты свистишь.

— Ты это сделала?

— Да.

— И каково это?

Вместо ответа она засвистела. В туннеле одно текучее глиссандо сменялось другим; теперь под землей с ними были певчие птицы.

— Поразительно, — сказал Варам. — Не знал, что ты так можешь. Это ты должна насвистывать, а не я.

— Не возражаешь?

— Напротив.

И вот она принялась насвистывать на ходу и свистела иногда весь час между перерывами на отдых. В ее свисте было множество фаз и фраз, и Вараму казалось, что поет множество птиц, а не только две разновидности. Но он не знал наверняка, и ему пришло в голову, что Свон может быть так же вокально ограничена, как эти две птицы, и он слышит просто варианты пения одних и тех же настоящих певчих птиц. Великолепная музыка! Временами чуть-чуть похоже на Дебюсси и, конечно, на нарочитые подражания Мессиана птицам, но свист Свон был с большими вариациями, с большим числом повторов, с бесконечными взаимозаменами фи-

гур; часто возникали одинаковые настойчивые упрямые трели, которые буквально терзали слух и иногда злили.

Когда она смолкла, он смог припомнить некоторые ее трели. Конечно, поют киты, но первыми музыкантами были птицы. Если только у динозавров не было своей музыки. Он припоминил про большую полость в черепе гадрозавра — ее наличие могли объяснить только одним: это средство издавать звуки. Интересно было бы представить себе их. Он даже немного погудел, пробуя, как резонирует звук в его широкой груди.

— Так кто свистел, птица или ты? — спросил он, когда Свон сделала паузу.

— Мы одно, — ответила она.

Немного погодя она сказала:

— Любимый скворец Моцарта однажды переделал написанную им музыкальную фразу. Когда композитор сыграл фрагмент на пианино, птица спела его, но заменила все высокие звуки на низкие. Моцарт записал это происшествие на полях партитуры. «Прекрасно!» — написал он. Когда птица умерла, он пел на ее похоронах и прочел стихотворение. А следующая композиция, которую издатель назвал «Музыкальная шутка»,

поразительно напоминала пение скворца.

— Отлично, — сказал Варам. — Птицы всегда кажутся мне разумными.

— Но не голуби, — сказала она. И мрачно добавила: — Можно иметь либо высокий специфический интеллект, либо высокий общий интеллект, но то и другое сразу невозможно.

Варам не знал, что на это ответить: Свон неожиданно помрачнела.

— Что ж, — сказал он, — мы редко свистим вместе.

— А должны оба?

— Что?

— Неважно. Ладно.

И вот он вернулся к «Героической», а она подсвистывала — в птичьем контрапункте или подхватывая мелодии. Ее темы вливались в его темы как внутренние каденции или джазовые импровизации, а в редкие героические моменты музыки Бетховена ее партия становилась яростным вмешательством, словно дерзость Бетховена доводила птицу в ней до безумия.

Они высвистывали очень трогательные дуэты. Это помогало скоротать время, как никогда прежде. Нужно много времени, подумал Варам, чтобы открыть такое наслаждение. Он мог ис-

пользовать всего знакомого Бетховена, потом четыре симфонии Брамса, очень благородные и искренние, а также три последние симфонии Чайковского. Все великие произведения из музыкальной подборки его романтической юности. Свон между тем готова была подхватить что угодно, и ее вариации добавляли в его мелодии дикое барокко или авангардные нотки, и это изумляло обоих. Ее пронзительный свист, должно быть, далеко разносился по туннелю, и солнцеходы в какой-то момент замедлили шаг и теперь шли прямо перед ними, подпрыгивая в такт музыке, иногда даже подсвистывая, неожиданно, но с энтузиазмом. Особенно удался с ними финал Седьмой симфонии Бетховена — ведь это марш; и впоследствии, поднимаясь, чтобы идти дальше, солнцеходы часто просили изобразить звук рога, с которого начинается Четвертая симфония Чайковского, а потом — всю первую часть, полную такого чувства, словно рядом шагает судьба, мрачная и величественная.

В финале одного общего исполнения Девятой симфонии Бетховена все удивленно покачали головами, а Нар повернулся к ним и сказал:

— Господа, вы отлично свистите! Какие мелодии!

— Ну, — ответил Варам, — мелодии Бетховена.

— О! Я думал, вы насвистываете просто так.

— Мы думали, вы их сочиняете, — добавил Трон. — На нас они произвели большое впечатление.

Позже, когда молодые люди снова ушли вперед, Варам спросил:

— Все солнцеходы под солнцем такие?

— Нет, — раздраженно ответила Свон. — Я тебе говорила: я сама солнцеход.

Он не хотел ее злить.

— Скажи, у тебя есть еще интересные добавки к мозгу?

— Есть, — отвечала она по-прежнему недовольно. — В детстве мне в мозолистое тело подсадили ИИ, чтобы справиться с судорогами. Потом — часть мозга одного моего любовника; нам захотелось объединить свои сексуальные реакции и посмотреть, что это даст. Как оказалось, ничего, но, я полагаю, он еще там. Есть и другое, но я не хочу говорить об этом.

— О боже! Это не мешает?

— Нисколько. — Она все больше мрачнела. — А в тебе что, ничего нет?

— Ну, вероятно, как у всех, какие-то мелочи, — примирительно ответил Варам, хотя на самом

деле ему редко приходилось слышать о таком количестве добавок. — Я принимал вазопрессин и окситоцин — по назначению.

— Они оба — производные от вазотоцина, — авторитетно сказала она. — Из трех аминокислот отличается только одна. Поэтому я принимаю вазотоцин. Очень древний. Он контролирует сексуальную жизнь лягушек.

— И мою.

— Нет, это именно то, что тебе нужно.

— Не знаю. Я прекрасно себя чувствую с вазопрессином и окситоцином.

— Окситоцин — это социальная память, — сказала она. — Без него человек не замечает других людей. Мне нужно его больше. И вазопрессина, вероятно, тоже.

— Гормон моногамии, — сказал Варам.

— Моногамии у самцов. Но всего три процента млекопитающих моногамны. Даже у птиц больше.

— Например, лебеди, — подсказал Варам.

— Да. А меня зовут Свон-Лебедь. Но я не моногамна.

— Нет?

— Нет. Зато я пристрастилась к эндорфи-

нам[42].

Он нахмурился, но решил, что она шутит, и попытался продолжить:

— Это же примерно как завести собаку или кого-то еще?

— Мне нравятся собаки. Собаки — это волки.

— Но волки не моногамны.

— Нет, зато эндорфины моногамны.

Он вздохнул, чувствуя, что перестал понимать Свон и ее речи.

— Прикосновение любимого вызывает усиление выработки эндорфинов, — сказал он и на этом оставил тему. Невозможно вечно высвистывать «Лунную сонату».

Ночью, когда они спали в туннеле на своих маленьких аэрогелевых матрацах под тонкими одеялами, он проснулся и обнаружил, что Свон передвинулась и теперь спит, прижавшись спиной к его спине. Прилив окситоцина на какое-то время облегчил боль в ногах: так это можно было истолковать. Разумеется, стремление спать рядом с кем-то, удовольствие от неодинокого сна не вполне синонимичны сексу. Это успокаивало.

---

[42] Примечания: 42

Химические соединения, которые контролируют деятельность эндокринных желез в организме человека. Эндорфины приводят человека в состояние эйфории.

В другом конце помещения три дикаря спали, свернувшись, как котята. В туннеле было тепло, иногда слишком тепло, но на полу делалось холодно. Варам слышал, как Свон очень тихо мурлычет. Кошачьи гены — да, он слышал о таком: говорят, очень приятное ощущение, сродни негромкому пению. Мне хорошо, мурр, мурр, мне лучше: позитивная обратная связь добавляет удовольствия, образуется петля, в такт дыханию; во всяком случае, судя по мурлыканью Свон. Другой тип музыки. Хотя Варам очень хорошо знал, что иногда больные кошки мурлычут от временного облегчения или даже в надежде почувствовать себя лучше — пытаясь начать петлю обратной связи. У него был кот, который перед самой смертью так делал. Пятидесятичетырехлетний кот способен произвести сильное впечатление. Утрата этого древнего евнуха была одной из первых утрат Варама, и он вспоминал особенно жалобное его мурлыканье перед самым концом — звук слишком интимного переживания, чтобы можно было его назвать. Его добрый друг умер мурлыча. И теперь, слыша мурлыканье Свон, Варам почувствовал легкую тревогу.

После сна — дальше по туннелю, еще не полностью проснувшись. Утренний час. Вы-

свистывание медленной части «Героической» — похоронного марша Бетховена, казалось Вараму: написано так, словно внутри его кто-то умирал.

— Мы живем час, и он всегда один и тот же, — процитировал Варам.

Потом адажио первого из поздних квартетов, опус 127, вариации на тему, очень богатые, такие же величественные, как похоронный марш, но более обнадеживающие, полные любви к красоте. И дальше третья часть, до того сильная и жизнерадостная, что могла бы быть четвертой.

Свон угрюмо взглянула на него.

— Будь ты проклят. Тебе это нравится.

Хриплый смех вызвал приятное ощущение в груди.

— Опасность для него как вино, — проворчал Варам.

— А это что?

— «Оксфордский словарь английского языка». Там вычитал.

— Любишь цитаты.

— «Мы прошли большой путь и нам еще долго идти. И мы где-то посреди».

— Послушай, что это? Предсказание будущего из печенья?

— Кажется, Райнхольд Месснер[43].

Надо было признаться, что ему это действительно нравится. Еще всего двадцать пять дней — более или менее; не так уж много. Терпимо. Самая итеративная псевдоитеративность в его жизни; она интересна тем, что это крайний случай, которого он, вероятно, искал. Reductio ad absurdum[44]. Этот туннель дает не только сенсорную депривацию, но и сенсорную перегрузку, хотя лишь в нескольких отношениях: стены туннеля, бесконечные огни на потолке впереди и позади — вот все, что они могут видеть.

Но Свон это не нравилось. Этот день казался хуже предыдущих. Она даже пошла медленнее, чего никогда еще не бывало; Вараму пришлось остановиться и ждать ее, чтобы не уйти далеко вперед.

— Ты в порядке? — спросил он, когда Свон догнала его.

— Нет. Чувствую себя дерьмово. Думаю, начинается. Ты что-нибудь чувствуешь?

---

[43] Примечания: 43

Итальянский альпинист из немецкоговорящей автономой провинций Южного Тироля, первый в одиночку покоривший все 14 «восьмитысячников» мира.

[44] Примечания: 44

Доведение до абсурда *(лат.)*.

У Варама ныли ноги и колени. Но лодыжки были в порядке. И спина не болела, когда он начинал идти.

— Тело болит, — признался он.

— Меня беспокоит эта последняя солнечная вспышка. Когда видишь такую, более быстрое излучение уже настигло тебя. Боюсь, мы поджарились. Я себя ужасно чувствую.

— Мне немного больно, и все. Но ведь ты прикрыла меня у лифта.

— Вероятно, мы получили разные дозы. Надеюсь. Спросим дикарей, как они.

Спросили на следующем привале; судя по выражению их лиц, солнцеходы ждали так долго, что начали тревожиться.

— Как дела? — спросил Трон.

— Мне плохо, — ответила Свон. — Как вы трое?

Они переглянулись.

— Все в порядке, — сказал Трон.

— Ни тошноты, ни поноса? Голова не болит, мышцы не ноют? Волосы не выпадают?

Солнцеходы снова переглянулись, пожали плечами. Они тогда успели спуститься в лифте.

— Я не очень хочу есть, — сказал Нар, — но и пища здесь не слишком хорошая.

— У меня рука еще болит, — добавил Трон.

Свон, негодуюя, посмотрела на них. Солнцеходы молодые и сильные, они делают то же, что всегда, только под землей и против движения солнца. Она посмотрела на Варама.

— А как ты?

— Устал, — ответил Варам. — Не могу идти быстрей, чем сейчас, или дольше без перерывов.

Свон кивнула.

— Я тоже. Я, наверно, пойду еще медленнее. Поэтому, может, вам втроем пойти вперед? А когда дойдете до заката или встретите людей, расскажете им о нас.

Солнцеходы кивнули.

— Как узнать, когда мы будем на месте? — спросил Трон.

— Через две недели на очередной станции можете подняться на лифте и выглянуть.

— Хорошо. — Трон посмотрел на Тора и Нара, те кивнули. — Мы пришлем помощь.

— Отлично. Не слишком спешите, старайтесь не пораниться.

После этого Варам и Свон шли одни. Час ходьбы, полчаса отдыха, снова и снова — девять раз; потом долгая еда и сон. Час — это много; девять часов их переходов с отдыхом казались двумя неделями. Время от времени путники свистели,

но Свон плохо себя чувствовала, а Варам не хотел свистеть один — только если она просила. Иногда Свон останавливалась и уходила в туннель облегчиться.

— У меня понос, — сказала она однажды. — Нужно очистить скафандр.

Потом она говорила только:

— Подожди немного.

Минут через пять или десять она появлялась, и они шли дальше. По ней стало заметно обезвоживание. Свон сделалась очень раздражительной и часто разговаривала с Полиной, а иногда и с Варамом злобно. Сварливая, вздорная, неприятная. Варам, раздраженный ее несправедливостью, тем, как бессмысленно она создает конфликты, шел молча, негромко насвистывая мрачные музыкальные фрагменты. В такие минуты он вспоминал урок, усвоенный еще в яслях: если окружающие угрюмы, перетерпи их трудные минуты, иначе вообще ничего не получится. В его ясли входило шестеро, и один из них был постоянно мрачен до депрессивности — в конечном счете, как считал Варам, именно это привело к распаду группы; сам он был из тех, кто меньше способен видеть личность во всем ее диапазоне. У шести человек складываются тридцать парных

взаимосвязей; чтобы ясли выдержали, плохими из этих тридцати должны быть всего одна или две пары связей. Их ясли даже близко к этому не подходили, но позже Варам понял, что именно этого самого мрачного, каким сам он сделался в депрессивной половине своего цикла, остальным и не хватало больше всего. Урок следовало помнить и руководствоваться им.

Однажды прошло десять минут с того момента, как Свон ушла в боковой коридор и пропала; Вараму почудился стон.

Поэтому он вернулся и увидел, что она в полуобмороке лежит на полу, скафандр спущен, процесс испражнения прерван. И действительно стонет.

— О нет! — сказал Варам, склоняясь к ней. На Свон была рубашка с длинными рукавами, но обращенный к земле бок посинел от холода. — Свон, ты меня слышишь? Тебе больно?

Он приподнял ее голову: ее взгляд плыл.

— Проклятье, — сказал Варам. Ему не хотелось снимать с нее скафандр из-за грязи между ног. — Сейчас, — сказал он, — я тебя почищу.

Ему доводилось менять пеленки младенцам и подгузники детям постарше, и он знал, как это делается. В кармане скафандра лежала туалетная бумага; недавно ему самому пришлось несколько

раз в спешке ее использовать, и это тревожило его больше, чем он сознавал. В скафандре нашлись и вода, и даже упаковки влажных салфеток. Он достал все это, раздвинул ноги Свон и вытер ее дочиста. Даже отводя взгляд, он не мог не видеть в путанице лобковых волос там, где обычно находится клитор, маленький член и яички. Гинандроморф; его это не удивило. Он закончил обтирать Свон, стараясь действовать тщательно, но быстро, потом положил ее руки себе на плечи, поднял — она оказалась тяжелее, чем он думал, — подтянул ее скафандр до талии и посадил ее на землю. Потом всунул ее руки в рукава. К счастью, ИИ скафандра ему помогал. Варам посмотрел на ее лежащий на земле рюкзак: его надо было забрать с собой. Он пристроил его себе на плечи, затем взял Свон на руки и понес. Голова ее запрокинулась; ему это не понравилось, и он остановился.

— Свон, ты меня слышишь?

Она застонала и моргнула. Он продел руку ей под шею и снова поднял.

— Что? — спросила она.

— Ты потеряла сознание, — сказал он. — Когда у тебя был понос.

— О! — сказала Свон. Подняла голову и обняла

его за шею. Он снова пошел. Теперь, когда она ему помогала, она казалась не такой уж тяжелой.

— Я чувствовала приближение вазовагинального приступа, — сказала она. — Что, начались месячные?

— Нет, не думаю.

— А похоже. Живот крутит. Но не думаю, что у меня в организме осталось достаточно жира для этого.

— Может, и нет.

Она вдруг дернулась в его руках, отстранилась и посмотрела в лицо.

— О боже! Послушай, некоторые опасаются прикасаться ко мне. Должна предупредить. Видишь ли, есть люди, которые глотают чужаков с Энцелада.

— Глотают?

— Да. Вводят себе штамм бактерий с Энцелада. Едят их; теоретически это очень полезно. Я их проглотила. Очень давно. Ну и вот, некоторым это не нравится. Не любят даже вступать в контакт с теми, кто это сделал.

Варам с трудом сглотнул, подавляя приступ рвоты. Сам ли действует этот чуждый микроб, или только мысль о нем? Не узнаешь. Что сделано, то сделано; тут он ничего изменить не может.

— Насколько я помню, — сказал он, — жизнь с Энцелада не считается заразной.

— Верно. Но она передается с телесными жидкостями. То есть я хочу сказать, что она вводится в кровь. Хотя я свой штамм выпила. Может, он попал только в желудок. Но люди опасаются. Так что…

— Ничего мне не сделается, — сказал Варам.

Какое-то время он нес ее, зная, что она разглядывает его лицо. Судя по тому, что он видел в зеркале, когда брился, смотреть там было особенно не на что.

Не собираясь заводить об этом беседу, он вдруг сказал:

— Ты проделывала с собой очень странные вещи.

Свон поморщилась и отвернулась.

— Осуждение чужой нравственности — всегда грубость, тебе не кажется?

— Да, кажется. Конечно. Хотя я замечаю, что мы постоянно это делаем. Но я говорю только о необычности. Вовсе не осуждая.

— О, конечно. Необычность — это замечательно.

— Разве нет? Мы все необычны.

Свон повернула голову и снова посмотрела

на него.

— Я необычна и знаю это. Во многом. У тебя, думаю, другие взгляды.

И она посмотрела на нижнюю часть тела.

— Да, — согласился Варам. — Хотя необычной тебя делает не это.

Свон негромко рассмеялась.

— У тебя есть дети? — спросил он.

— Есть. Наверно, и это кажется тебе необычным.

— Да, — серьезно ответил он. — Хотя я сам андрогин и тоже однажды родил ребенка. Понимаешь, мне это кажется очень необычным, как ни крути.

Она закинула голову и снова посмотрела на него, явно удивленная.

— Не знала.

— К действиям в настоящем это не имеет никакого отношения, — сказал Варам. — Часть прошлого, понимаешь? И вообще мне кажется, что большинство жителей космоса в определенном возрасте должны испробовать почти все возможное, тебе не кажется?

— Наверно. Сколько тебе лет?

— Сто одиннадцать, спасибо. А тебе?

— Сто тридцать пять.

— Отлично!

Она отклонилась, занося кулак в насмешливой угрозе. Варам мстительно спросил:

— Идти можешь?

— Не знаю. Давай попробуем.

Он опустил ноги Свон на землю и поставил ее прямо. Она прислонилась к нему. Захромала, держа его за руку, потом выпрямилась, отпустила руку и медленно пошла сама.

— Знаешь, идти необязательно, — сказал он. — Доберемся до следующей станции и там подождем.

— Посмотрим, каково мне будет. Решим, когда придем туда.

— Думаешь, ты больна из-за солнца? — спросил Варам. — О себе могу сказать: от тяготения Меркурия у меня ноют суставы.

Свон пожала плечами.

— Мы получили большую дозу. Полина говорит, у меня десять зивертов.

— Ого! — «Смертельная доза — около 30», — подумал он. — От такой дозы счетчик у меня на запястье вышел бы из строя. Он показал три зиверта. Но ты закрыла меня, когда мы ждали лифта.

— Нам обоим незачем было получать полную

дозу.

— Наверно. Но мы могли бы поменяться.

— Ты не знал о вспышке. Какова ожидаемая продолжительность твоей жизни?

— Около двухсот лет, — сказал Варам.

Чтобы столько времени прожить в космосе, необходимо полагаться на восстановление компонентов ДНК и другие средства продления жизни.

— Неплохо, — сказала Свон. — У меня пять сотен. — Она вздохнула. — Может, в этом дело. А может, излучение просто убило бактерии у меня во внутренностях. Думаю, именно это и произошло. Надеюсь. Хотя у меня начали выпадать волосы.

— Суставы у меня болят, наверно, просто от ходьбы, — сказал Варам.

— Может быть. Какую ты делаешь зарядку?

— Хожу.

— Это слишком серьезное испытание для твоей дыхательной системы.

— Начинаю пыхтеть при ходьбе. И еще разговариваю.

Попытка отвлечь.

— Опять цитата?

— Кажется, я придумал это сам. Одна из моих

ежедневных мантр, рутина.

— *Рутина?*

— Люблю рутину.

— Неудивительно, что тебе здесь нравится.

— Да, рутины здесь определенно хватает.

Они долго молча шли по туннелю. Добравшись до следующей станции, объявили дневной привал и позволили себе несколько лишних часов отдыха и полный ночной сон. Однажды Свон ушла в глубину туннеля, что-то сделала там и вернулась; спала она как будто хорошо, без мурлыканья. На следующее утро захотела идти дальше, заявив, что пойдет медленно и будет осторожна. Так они и двигались.

Огни вначале показывались далеко впереди на полу, потом постепенно поднимались и уходили назад; в итоге складывалось впечатление постоянного движения под уклон. Варам пытался следить за одним определенным фонарем, но не был уверен, что не спутал его с другими. Или это всегда один и тот же фонарь: вид до горизонта, многократное умножение — он не мог разобраться.

— Полина может рассчитать видимое расстояние до горизонта? — спросил он однажды.

— Я сама знаю, — коротко сказала Свон. — Три

километра.

— Понятно.

Неожиданно ему показалось, что это не совершенно неважно.

— Посвистим? — спросил он после получасового молчания.

— Нет, — сказала она. — Хватит с меня свиста. Расскажи что-нибудь. Расскажи о себе; я хочу знать о тебе больше.

— Конечно, легко. — И вдруг понял, что не знает, с чего начать. — Что ж, я родился сто одиннадцать лет назад на Титане. Моей матерью стал мужчина с вульвой, родом с Каллисто, обитатель системы Юпитера в третьем поколении. Отец — андрогин с Марса, отправленный в изгнание в ходе некоего политического конфликта. Вырос я в основном на Титане, но тогда там были очень скромные условия: станция и несколько небольших куполов. Так что когда я пошел в школу, то жил сначала на Гершеле, потом на Фебе, спутнике с полярной орбитой, а в последнее время — на Япете. Почти все жители системы Сатурна постоянно перемещаются, чтобы увидеть все, особенно те, кто на гражданской службе.

— Много таких?

— При базовом обучении все — и, как у нас

говорят, какое-то время отдают Сатурну; к тому же можно по жребию получить пост в правительстве. Некоторым это нравится, и они продолжают в том же духе. Так и я. Один обязательный период моей службы пришелся на Гиперион; срок был небольшой, но мне понравилось: очень необычное место.

— Опять это слово.

— Ну, жизнь вообще необычна; так мне, во всяком случае, кажется. — Он запел: — Люди необычны, когда ты сам необычен. — И тут же оборвал пение. — Гиперион действительно необычен. Очевидно, он — результат столкновения двух спутников средней величины. Получилось что-то вроде медовых сот, причем границы провалов белые, а сами провалы до половины заполнены черным порошком. Так что, когда идешь по этим границам или летишь над ними, они очень похожи на произведение искусства.

— Большое старое голдсуорти, — сказала она.

— Что-то в этом роде. И наше вмешательство там сразу сказывается. Даже обсуждался вопрос, стоит ли открывать там станцию, а если открывать, то как ею управлять. Я участвовал в этом, и мне казалось, что я хранитель или кто-то в этом роде.

— Интересно.

— Да, мне тоже так кажется. Я вернулся на Япет — кстати, тоже отличное место для жизни, притягательное и дает возможность лучше разглядеть систему в целом. Здесь я изучал управление процессами терраформирования и обретал мастерство дипломата на живых примерах…

— Честный человек, посланный своей страной лгать.

— Надеюсь, это описание дипломата не точно. Неприменимое ко мне и, надеюсь, к тебе.

— Не думаю, что мы можем выбирать значение слов.

— Да? А мне казалось, мы выбираем.

— Только в очень узких пределах, — сказала Свон. — Но продолжай.

— Ну, после этого я вернулся на Титан и работал над терраформированием. В те годы у меня появились дети.

— С родителями?

— Да, в моих яслях шесть родителей и восемь детей. Почти всегда это удовольствие. Я стараюсь не волноваться за них. Я люблю детей, помню часть их жизни, которую сами они не помнят. Думаю, мне это интересней, чем им. И все. Память обманчива. Помнишь времена, которые тебе

нравятся, и хочешь чего-нибудь такого же. А получать можешь только новое. Так что я стараюсь хотеть того, что получаю. Не очень понятно, как это делать. Начинаешь второе столетие жизни, и это трудно, по-моему.

— Трудно всегда, — сказала она.

— Верно. Мир для меня загадка. Я хочу сказать, я слышу, что говорят люди о Вселенной, но не знаю, как это использовать. Мне это кажется бессмысленным. Поэтому я согласен с теми, кто говорит, что нам самим нужно создавать смысл.

Эту концепцию я нахожу полезной. Иногда ты что-то делаешь в настоящем, помнишь, что делал в прошлом, и думаешь делать то же самое в будущем — чтобы создать что-нибудь. Произведение искусства, которое само по себе не обязательно будет искусством, но чем-то, достойным, чтобы его создал человек.

— Это экзистенциализм, верно?

— Да, думаю, он самый. Не вижу, как можно этого избежать.

— Гм. — Она задумалась. Свет отражался на белых прядях в ее черных волосах. — Расскажи о твоих яслях. Каково оно?

— На Титане это люди примерно одних лет, учившиеся вместе и работающие вместе. Не-

большие группы создаются для воспитания детей. Обычно в группу входит шесть человек. Существуют разные способы их построения. Все зависит от совместимости. Кажется, парных связей недостаточно, чтобы выдержать долго; пары терпят неудачу чаще, чем в половине случаев, а детям двух родителей мало. Поэтому обычно численность больше. Почти всегда это договоренность о совместном воспитании детей, а не об отношениях на всю жизнь. Отсюда название «ясли». С годами накапливаются обиды. Но, если повезет, некоторое время все просто замечательно, а когда приходит срок, надо принимать новых и новых. Я стараюсь поддерживать с ними контакт: мы до сих пор составляем ясли. Но дети выросли, и теперь мы видимся очень редко.

— Понятно.

Долгое время они шли молча; Варам был доволен общением, да и боль притихла.

И вдруг Свон резко сказала:

— Больше не могу! Тут ничего не меняется. Мы словно в тюрьме или в *школе.*

— Эта наша жизнь под поверхностью Меркурия, — сказал Варам чуть обиженно: ему здесь как раз нравилось. С другой стороны, она ведь больна. — Скоро кончится.

— Недостаточно скоро.

Она мрачно покачала головой.

Они шли час за часом. Ничто вокруг не менялось. Свон шла лучше, чем сразу после своего беспамятства, но все равно медленнее обычного. Вараму это было неважно: медленная ходьба нравилась ему даже больше. По утрам по-прежнему затекало тело, но хуже как будто не становилось; он не чувствовал ни слабости, ни тошноты, хотя постоянно ожидал появления этих симптомов. Часто кружилась голова. У Свон выпало много волос и на голове появились проплешины.

— А ты? — спросил однажды Варам. — Расскажи о себе. Ты действительно часами лежала обнаженная на льду? Вырезала на коже схемы движения планет, рисовала кровью?

Она шла впереди, но тут остановилась, помешкала и позволила Вараму обогнать ее.

— Не хочу кричать себе за спину, — сказала она, когда он проходил мимо нее. — Да, — продолжила она, едва они пошли дальше. — Я делала все это и другие виды абрамовичей. Тело, по-моему, очень хороший материал для искусства. Но это я устраивала, в основном, когда мне было всего пятьдесят.

— А до того?

— Говорю же, родилась я в Терминаторе. Он тогда только строился; мое детство прошло на ферме — тогда только еще собирали ирригационную систему. Было здорово, когда привезли почву. Она прибывала в больших емкостях, как влажный цемент, только черный. Я играла с почвой, когда собирали первый урожай и начинали выращивать парковые растения. Прекрасное место для ребенка. Трудно поверить, что сейчас все это мертво. Надо увидеть, чтобы поверить. Как бы то ни было, здесь я выросла.

— Прошлое всегда уходит, — сказал Варам. — Ему все равно, есть место или нет.

— Может, для тебя, о мудрец, — сказала Свон. — Я этого никогда не чувствовала. Потом я жила на Венере и работала с Шукрой. Потом создавала террарии. Потом занялась искусством, работала с природой и телом. Меня по-прежнему интересуют голдсуорти и абрамовичи, это сейчас мое основное дело. Поэтому я всегда выискиваю для них возможность. Но у меня есть комната в Терминаторе. Родители умерли, и моими родителями стали бабушка и дедушка: Алекс и Мкарет. Глядя на них, невозможно критиковать парные отношения. Бедный Мкарет.

— Да, знаю, — сказал он. — Я говорил о вос-

питании детей — для этого нужно больше двух родителей. Ты, наверно, тоже это поняла.

Она покосилась на него.

— На своем горьком опыте. Ребенок, который родился у нас с Зашей, умер.

— Мне жаль.

— Ну, ей было уже много лет. Не хочу говорить об этом.

Она пошла медленнее, и Вараму показалось, что она горбится. Он спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

— Слабею.

— Хочешь, остановимся и отдохнем?

— Нет.

Дальше они шли молча.

Дважды за час он помогал ей, поддерживал одной рукой за спину, другой — под мышкой. После отдыха Свон с трудом встала, но пошла дальше, не слушая никаких возражений. На следующей станции он обшарил все шкафы и ящики и в последнем (что-нибудь интересное всегда отыскивается в последнюю очередь) нашел небольшую ручную тележку с рукоятью на уровне его груди. На колесах была укреплена плоская платформа метр на два, в противоположной от рукояти стороне — два колеса, со стороны

рукояти — одно.

— Положим рюкзаки, я их повезу, — предложил он.

Свон сердито посмотрела на него.

— Ты думаешь, что сможешь меня везти.

— Все легче, чем нести, если дойдет до этого.

Она бросила рюкзак на тележку и на следующее утро пошла впереди. Вначале Вараму приходилось торопиться, потом он ее догнал, потом пошел медленнее, в ее темпе.

Час за часом. Иногда она садилась в тележку, не споря. Над ними сменялись кратеры и горы, названные именами великих земных людей искусства: они прошли под Цао Чаном[45], Филоксеном, Руми, Айвзом. Варам высвистывал «Колумбия, жемчужина океана», которую Айвз вставил в одну из своих композиций. Размышлял над «Я умер камнем» Руми, сожалея, что не выучил наизусть. «Я умер камнем и ожил растением. Я умер растением и вновь родился — животным. Терял ли я что-нибудь, умирая?»

— Кто это?

— Руми.

Снова молчание. Вниз по изгибу туннеля. Здесь

---

[45] Примечания: 45
Китайский писатель 18 века.

стены потрескались, казалось, под воздействием огня. Глазировка черным по черному. Трещинки в бесконечность.

Свон застонала, слезла с тележки и быстро пошла обратно.

— Минутку. Мне снова нужно.

— Ох ты. Удачи!

После долгого ожидания он услышал далекий стон, может, даже призыв на помощь. И пошел назад по туннелю, таща за собой тележку.

Она снова упала со спущенным скафандром. Снова ему пришлось обтирать ее. На этот раз Свон была в сознании и отводила взгляд, а один раз даже отпихнула его. В разгар действа она посмотрела на него со смутным негодованием.

— Это не я, — сказала она. — Меня здесь нет.

— Что ж, — отозвался он чуть обиженно. — В таком случае меня тоже нет.

Она опять откинулась на спину. Немного погодя сказала:

— Выходит, здесь нет никого.

Закончив и одев Свон, Варам посадил ее на тележку и повез дальше. Она лежала молча.

На следующем привале он заставил ее выпить воды с питательным раствором и электролитами. Как она сказала однажды, тележка теперь

напоминала больничную койку. Время от времени Варам принимался негромко насвистывать, обычно Брамса. В меланхолии Брамса чувствовалась стоическая решимость, что очень соответствовало положению. Им оставалось идти двадцать два дня.

Вечером они лежали молча. Суетливое животное поведение, которое часто следует за кризисом: повороты головы, рассеянная подготовка ко сну. Нужно было держаться за псевдоитеративность. Зализать раны. Такое бывало раньше и будет еще.

На следующее утро Свон встала и попробовала идти, но через двадцать минут снова села на тележку.

— Утомительно, — слабым голосом сказала она. — Если сгорело много клеток…

Варам ничего не ответил. Потащил тележку дальше. Внезапно он подумал, что Свон может умереть в этом туннеле и он ничего не сможет поделать; его захлестнула волна тошноты, и он почувствовал, как подгибаются ноги. Ее вылечат только в больнице.

После еще одного долгого молчания она тихо сказала:

— Наверно, мне нравилось играть со смертью.

Испытывать страх. Возбуждение от того, что выжила. Это своего рода порочность.

— Так говорила моя мама, — сказал Варам.

— Как в рассказах ужасов, когда пытаешься встряхнуться, чтобы проснуться, или еще что-то. Но в них все ложь. Ты просто присутствуешь при смерти человека и пытаешься ему помочь. Вот каковы образы из рассказов ужасов. Ты видишь, откуда берутся эти образы. И немного погодя начинаешь понимать — так оно и есть. Все туда уходят. Ты помогаешь, но на самом деле не можешь помочь, просто сидишь и ждешь. И вот у тебя в руке рука мертвеца. Предположим, кошмар. Кости высовываются из земли и хватают тебя. И, однако, это естественное действие. Все это естественно.

— Да? — сказал Варам, когда она ненадолго замолчала.

Свон услышала и продолжила:

— Организм пытается сохранить жизнь. Это не так… Это естественно. Может, сейчас ты это поймешь. Вначале умирает человеческий мозг, потом мозг животного и наконец мозг ящерицы. Как у твоего Руми, только наоборот. Мозг ящерицы пытается использовать всю энергию до последней капли, чтобы сохранить жизнь. Я это

видела, такое желание. Настоящая сила. Жизнь хочет жить. Но связь постепенно рвется. Энергия перестает поступать туда, где она нужна. Используется последний АТП. Затем мы умираем. Наше тело возвращается в землю, становится почвой. Естественный цикл. Поэтому… — Она посмотрела на него. — И что? Откуда ужас? Кто мы?

Варам пожал плечами.

— Животные-философы. Странная случайность. Редкость.

— Или самая обычная, но…

Она не продолжила.

— Рассеивается? — предположил Варам. — Временно?

— Одна. Всегда одна. Даже если касаешься кого-то.

— Ну, мы можем разговаривать, — неуверенно сказал он. — Это тоже часть жизни. Не только ум ящерицы. Иногда мы перепрыгиваем пропасть.

Свон печально покачала головой.

— Я всегда в нее падаю.

— Гм, — сказал он в замешательстве. — Это ни к чему. Но не вижу, как это может быть правдой. Учитывая, что ты мне рассказала. И что я в тебе видел.

— Все дело в том, что чувствуешь.

Он немного подумал. Над головой мелькали огни, он толкал тележку. В чем правда? Делают поступок хорошим или плохим твои чувства в отношении его или, наоборот, поступок рождает чувства? Или критерий — то, что видят другие? Запутаешься в мыслях. Современное медицинское определение термина «невротик» — просто «склонный мрачно смотреть на вещи». Если у тебя есть такая склонность, думал он, глядя на почти лысую голову Свон, если ты невротик, материал для работы почти неиссякаемый. Правда ли это? Вот они здесь, маленькие комки атомов, которые думают, будто что-то имеет смысл, когда смотрят на звезды или даже идут внутри туннеля, который непрестанно уходит вниз. Но вот комок потеряет связанность и распадется. Так что это: мрачные мысли или хорошие мысли?

Он начал насвистывать начальные такты Девятой симфонии Бетховена, надеясь вывести Свон из угрюмости и переправить на другую сторону с помощью величайшей трагедии маэстро, первой части его Девятой. Перешел на повторяющуюся фразу в конце части, ту самую, которую Берлиоз считал признаком безумия. Повторил. Простая, в сущности, мелодия, которую он не раз насвистывал, поднимаясь на холм. Сейчас они спускаются

с вершины огромного округлого холма, но мелодия прекрасно соответствует его настроению. Он снова и снова высвистывал эти восемь нот. Шесть нисходящих, две восходящие. Просто и ясно.

Наконец Свон, сидя в тележке спиной к рукояти, за которую он держался, снова заговорила, глядя перед собой, но голос ее звучал растерянно, и обращалась она как будто бы к Полине.

— Интересно, знают ли люди, что мы живы? Невозможно сказать. Когда-то это было главным, но время изменилось, и ты изменилась, и они. А потом все исчезло. Ей нечего мне сказать.

Долгая пауза. Варам спросил:

— Кто был отцом твоего ребенка? У тебя ведь были дети в обеих ролях?

— Да, но я не знаю, кто отец. Я забеременела на маскараде, когда все в масках. Какой-то мужчина, кто понравился мне внешне. Она знает, кто это, она его выследила.

— Тебе внешне понравился человек в маске?

— Да. Его поведение.

— Понятно.

— Я хотела, чтобы все было просто. Тогда это была обычная практика. Теперь я бы так не поступила. Но все мы крепки задним умом. На несколько лет тебя охватывает мания парности,

очень интенсивная, но это глупость, и после ты не можешь смотреть на это без чувства… Начинаешь гадать, хорошо это было или плохо. Тебе его не хватает, но в то же время ты понимаешь, что это глупо, что тебе это не нужно. Я продолжала пробовать всякое, но до сих пор не поняла, что нужно.

— Жить и творить искусство, — сказал он.

— Кто сказал?

— Ты делаешь, а я подумал.

— Не помню. Может, так и было. Но что если я не слишком хороший художник?

— Это долговременный проект.

— Некоторые расцветают поздно, это ты хочешь сказать?

— Да, вероятно. Что-то в этом роде. Ты же не перестаешь пробовать разные возможности.

— Может быть. Но знаешь, хорошо бы хоть в чем-то продвинуться. Не повторять снова и снова те же ошибки.

— Спираль, — предположил он. — Подъем по спирали — делаешь все то же, но на более высоком уровне. В этом искусство, что бы ты ни делала.

— Для тебя — может быть.

— Во мне нет ничего необычного.

— Мне нужны отличия.

— Нет, ничего необычного. Принцип усредненного.

— Ты защищаешь этот принцип?

— Я его пример. Средний путь. Середина космоса. Но в такой же степени, как и все остальные. Необычная особенность бесконечности. Мы все посреди чего-то. Такой взгляд я нахожу полезным. Использую в работе. Чтобы структурировать свой проект, так сказать. Часть философии.

— *Философия.*

— Да.

Она замолчала и задумалась.

* * *

— Может, мы ее проглядели? — сказала однажды Свон, шагая за ним. — Прошли под яркой стороной и под темной тоже и вернулись под солнце? Потеряли счет времени и пространству? Что если к этому привели твоя неумелость, твоя глупость? Совсем как у Полины.

— Нет, — сказал он.

Свон словно не услышала и продолжала перечислять, что они под поверхностью могли сделать не так. Получился поразительно длинный список, мрачно изобретательный: они могли

сбиться с курса и в действительности идти на запад; могли попасть в другой служебный туннель, идущий на север; население Меркурия могли эвакуировать, и они остались на планете одни; они могли умереть на солнце, и лифт увез их прямо в ад. Варам гадал, всерьез ли она говорит, и надеялся, что нет. Ее очень многое огорчало. Суточный ритм: возможно, она идет, когда должна бы спать? Много лет назад он узнал, что нельзя доверять мыслям, приходящим между двумя и пятью часами утра: в эти темные часы мозг лишается энергии, необходимой для правильного мышления. В это время мысли и чувства омрачаются, становятся черными. Эти часы лучше проспать, а если не получается — заранее отринуть угрюмые мысли, увидеть, как новый день создает новую перспективу. Он думал, можно ли спросить ее об этом, не обидев. Вероятно, нет. Она и так злится и кажется несчастной.

— Как настроение? — время от времени спрашивал он.

— Мы никогда никуда не придем.

— Вообрази, что еще до того, как оказаться тут, мы и так никуда не приходили. Куда бы мы ни пошли, никуда не придем.

— Но это неправда. Боже, ненавижу твою *фило-*

софию! Конечно, мы куда-нибудь придем.

— Мы много прошли, и нам еще долго идти.

— Ради бога! Будь ты проклят, и твои печенья с предсказаниями тоже! Сейчас мы *здесь*. Давно. Слишком *давно*…

— Думай об этом как о монотонном походе. Упорствующем в повторениях.

Тут Свон замолчала, а потом застонала — не сознавая того, она почти мычала. Тихо, жалобно скулила. Некое подобие плача.

— Не хочу разговаривать, — огрызнулась она в ответ на его вопрос. — Заткнись. Отстань. Ты мне не нужен. Когда приходится туго, ты бесполезен.

Вечером они дошли до очередной станции с лифтом. Свон ела так, словно заправляла аккумулятор в машине. Потом долго бормотала — он не мог понять, о чем она говорит. Возможно, общалась со своей Полиной. Это бормотание продолжалось бесконечно и утомляло. Они благополучно облегчились в глубине туннеля, потом легли на матрацы и попытались уснуть. Бормотание продолжалось. Немного погодя она уснула.

Утром Свон отказалась есть, не разговаривала и даже не двигалась. Лежала — в приступе кататонии, или в обмороке, или уже в параличе.

— Полина, ты можешь говорить? — негромко

спросил Варан, когда Свон ничего ему не ответила.

Чуть приглушенный голос из шеи Свон ответил:

— Да.

— Можешь рассказать о жизненных показателях Свон.

— Нет, — возразила Свон.

— Доступные мне жизненные показатели почти в норме — кроме сахара крови.

— Тебе нужно поесть, — сказал Варам.

Свон не ответила. Он ложкой влил ей в рот немного питательного бульона и терпеливо подождал, пока она проглотит. Когда Свон, почти не проливая, выпила несколько децилитров, он сказал:

— Наверху полдень. Над нами, на поверхности, полдень. Мы пересекли половину яркой стороны. Думаю, нужно поднять тебя, чтобы ты увидела солнце.

Свон открыла глаза и посмотрела на него.

— Нам нужно его увидеть, — сказал он.

Она попробовала подняться.

— Ты думаешь?

— Это возможно? — спросил Варам в ответ.

— Да, — ответила она, прикинув. — Можно

оставаться в тени рельсов. В полдень это легче, чем перед восходом, потому что свет падает вертикально и на меньшей площади попадает на скафандр. Но долго быть там нельзя.

— Отлично. Тебе нужно увидеть солнце, и сейчас самое время. На Меркурии полдень. Пошли.

Варам помог ей встать. Отыскал шлемы и отнес в лифт, потом вернулся, подхватил Свон и тоже отнес в лифт. Они поднялись. Варам надел на Свон шлем, закрыл его, проверил, поступает ли воздух, и сделал то же самое для себя. Скафандры показали, что все в порядке. Лифт остановился. Варам чувствовал, как в кончиках пальцев бьется кровь.

На верхней платформе дверь лифта отворилась, и мир побелел. Лицевые пластины адаптировались, и перед ними появился черно-белый чертеж окружающего. Слева и чуть ниже — рельсы, погруженные в насыщенную яркую белизну. Справа к самому горизонту уходит полуденный Меркурий. В отсутствие атмосферы удар солнца принимала только поверхность, раскаленно-белая. Лицевая пластина так потемнела, что не стало видно звезд на небе. Белая равнина, а над ней черное полушарие. Белое слегка пульсировало.

Свон вышла из двери на платформу.

— Эй! — Варам пошел за ней. — Немедленно вернись!

— Как мы увидим отсюда солнце? Идем! Недолго можно.

— Платформа нагрета до 700 градусов Кельвина, как и все остальное.

— Подошвы твоих сапог полностью изолируют от этой температуры.

Удивленный, Варам отпустил ее. Она запрокинула голову и посмотрела на солнце. Варам не мог не проследить за ее взглядом — ошеломляющее впечатление… он в страхе опять опустил глаза. Можно было подумать над стойким отпечатком изображения: гигантский круг, одновременно белый и красный. Солнце Дальгрена[46], ставшее реальностью. Очевидно, лицевая пластина стала почти непрозрачной, и все же земля осталась белой, разрезанной черными линиями. Свон продолжала смотреть вверх. Умирая от жажды, она обливалась потом. Тоже весь потный, он снова посмотрел вверх, следуя ее примеру. Поверхность солнца покрывала масса шевелящихся белых Щупалец. Она колыхалась, словно выбра-

---

[46] Примечания: 46
Фантастический роман Сэмюэля Дилени.

сывая термальные волны; потом он понял, что биение его сердца сказывается на визуальном восприятии. Кипящий белый круг в беззвездном угольно-черном небе. От круга во все стороны отходят белые потоки, напоминая о движениях живого разумного существа. Конечно, бог, почему бы нет? Похоже на бога.

Варам отвел глаза и взял Свон за руку.

— Пошли, Свон. Вниз. Не то получишь новый ожог.

— Еще секунду.

— Свон, не надо.

— Нет, погоди. Посмотри ниже, на рельс. — Она показала. — Что-то едет.

И действительно. С востока по ровной поверхности на внешней стороне крайнего рельса к ним приближалась маленькая машина. Она остановилась у подножия платформы, и в ней открылась дверь. Появилась фигура в космическом скафандре, посмотрела на них и помахала.

— Мог кто-нибудь из солнцеходов послать нам помощь? — спросил Варам.

— Не знаю, — ответила Свон. — Разве прошло достаточно времени?

— Вряд ли.

Они спустились по лестнице с платформы,

Варам держал Свон за руку. Свон как будто бы уверенно держалась на ногах. Очевидно, ее оживило полуденное солнце. Или перспектива спасения. Они вошли в шлюз машины, и, когда тот закрылся, их впустили внутрь; в довольно просторной кабине они смогли снять шлемы и поговорить. Их спасители были страшно удивлены. Они на большой скорости пересекали дневную сторону и не рассчитывали найти здесь кого-либо живого.

— К тому же глядящего прямо на солнце! Как вы сюда попали? И что делаете?

— Мы из Терминатора, — объяснил Варам. — Еще трое внизу, но восточнее.

— Ага. Но как вы… ну, поехали. Расскажете по дороге.

— Конечно.

— Садитесь к окну, полюбуйтесь — здесь прекрасный вид.

Машина поехала. Миновала станцию, на которой они стояли. Их спасли. Свон и Варам переглянулись.

— О нет! — тихо сказала Свон — словно они столкнулись с непредвиденной катастрофой, словно ей будет недоставать второй половины похода. Это заставило Варама улыбнуться.

Перечни (4)

сангвиник, холерик, флегматик, меланхолик
интроверт, экстраверт
амбиверсия, доминирование

стабильный, лабильный
рациональный, иррациональный
невротик, шизоидный, параноидный, гебефренический, маниакально-депрессивный, анально-ретентивный, обсессивно-компульсивный, психотический, садистский, мазохистский

репрессивный, асоциальный, маниакально-депрессивный, шизофренический, шизотипальный, психопатический, социопатический, мегаломаниакальный
депрессивный, антисоциальный, гистрионический, тревожный, зависимый, пассивно-агрессивный, нарциссический, солипсический, дистимический
пограничная личность, множественная личность

безумный, разумный, нормальный, эксцентричный

аутистический, с синдромом Аспергера, застенчивый, гениальный, умственно отсталый

аполлонийский, дионисийский
идеалисты, художники, рационалисты, купцы, охранники
сознание, подсознание, эго, ид, суперэго
архетипы, тени, анимус и анима, психастения

счастливый, печальный; веселый, мрачный; посттравматический; приспособленный
открытость, эмпатия, способность соглашаться

деятель, мыслитель; обезьяны и тыквы; порывистый, рассудительный

эгоистичный, гордый, алчный, ленивый, похотливый, завистливый, гневный;
глупый, умный; быстрый, медлительный; эмпатический, симпатический; отчужденный
доверчивый, подозрительный

Либо то, либо это. Это или то. Выбирайте. Все, что выше

таксономии, типологии, категории, ярлыки, системы за три тысячи лет

афазия Брока, афазия Вернике

гипергиппокампальный, недостаточная чувствительность миндалевидного тела к серотонину; повышенная чувствительность узел 12 правой височной доли; сверхактивный зрительный бугор; ринотопические искажения

Инспектор Жан Женетт

Инспектор Жан Женетт, много лет проработавший старшим следователем интерпланетной полиции, любил, встав поутру, отправиться пешочком в какую-нибудь кофейню за углом (сесть там на террасе или на тротуаре), выпить большую чашку несладкого кофе по-турецки и почитать на экране последние новости системы, показываемые его Паспарту. После кофе Женетт предпочитал прогуляться по тому городу, где оказался этим утром, и уж потом явиться на работу в местный офис Интерплана (всегда несколько маленьких комнат вблизи здания администрации). К сожалению, Интерплан не везде признавали полицейской организацией, скорее считали полуавтономным правительственным надзирателем за соблюдением условий договоров, так что Женетт часто чувствовал себя частным детективом или «оводом» из негосударственной организации — но в таких организациях нередко бывают ценные сведения.

Добывая такие сведения, Женетт любил ходить. Офис удобный, коллеги решительные и смелые,

данные важные, но важнее всего сама ходьба. Именно во время ходьбы инспектора посещали те видения и бывали те богоявления, которые приносили решение проблемы, одновременно становясь лучшими минутами его жизни.

Иногда это происходило прямо в офисе, когда он знакомился с новыми работниками или рылся в архивах, чтобы проверить гипотезу, возникшую за кофе. Демонстрационные помещения в таких офисах всегда обеспечивают удивительно точное моделирование, с трехмерным, организованным во времени виртуальным потоком, интересным и красивым. Конечно, справедливо и то, что многоцветные точки и линии вокруг тебя иногда усугубляют смятение. Но чаще, возвращаясь после такого моделирования в реальный мир, Женетт замечал то, чего никто не заметил раньше, и это было очень приятно. Это была лучшая часть.

А вот действовать на основании видений всегда оказывалось вовсе не столь увлекательно и забавно. Инспектор никому не признался бы в этом, но часто, чтобы покончить с очередным злом, требовалось заключать сделки в каких-либо стесненных условиях — человек в дурном настроении назвал бы это хаосом. Но пока Интерплан ни в чем не обвиняли, а в таком деле о

большем просить нельзя.

Старший следователь Женетт обычно сам выбирал дела для расследования, но, конечно, гибель Терминатора оттеснила все остальное и привлекла внимание всей Солнечной системы. К тому же Терминатор входил в Мондрагон, а Интерплан был связан с Договором теснее, чем с любыми другими политическими организациями. Естественно казалось заняться этим. К тому же дело было беспрецедентное. Уничтожить единственный город на Меркурии (строится Фосфор, рельсы для него прокладывают по северу Меркурия; если подумать, не впервые конфликты из-за недвижимости приводят к пожарам)… естественно, это потрясло всю систему. Неясно, что случилось или как, и почему, и кто это сделал, а люди любят такие загадки и требуют ответов. На самом деле велось несколько независимых расследований катастрофы. Но Львица Меркурия была близким другом инспектора, и когда «львята» собрались после эвакуации и установили старшинство Меркурия в расследовании, они, естественно, попросили Женетта возглавить расследование. Отказаться от такой просьбы было невозможно; к тому же это расследование позволяло продолжить дело, которым Женетт

занимался с Алекс и Варамом. И действительно, инспектор считал разрушение Терминатора вскоре после нападения на Ио и смерти Алекс частью общей картины. Вскрытие подтвердило естественную смерть Алекс, но в сознании Женетта по-прежнему гнездились сомнения: даже самую естественную причину можно организовать.

Именно в начале полета на Меркурий, когда он шел по вокзалу космопорта к выходу на паром, как обычно любуясь людьми, с неосознанной ловкостью двигавшимися к своим выходам, в голову инспектору пришел ответ на загадку нападения на Терминатор. Яркий образ был подобен единственной картине, которая остается после сна, и эта картина указала сразу на несколько нитей, полезных для расследования в нижних слоях системы, но, главное, она создавала ощущение уверенности. Развеивала то, что могло перерасти в большую тревогу.

К тому времени как инспектор добрался до Меркурия, большинство беженцев из Терминатора укрылись в убежищах или были эвакуированы с планеты. Погибло восемьдесят три человека, в основном от ухудшения здоровья или вследствие несчастных случаев со скафандрами и шлюзами — обычные для чрезвычайных положений совпа-

дения ошибок, отказов оборудования и паники. Как известно, эвакуация — один из опаснейших видов человеческой деятельности, хуже родов.

Учитывая это, а также то, что сам Терминатор еще кипел на яркой стороне, расследование только начиналось. Удалось установить, что все камеры на этом отрезке рельсов погибли при ударе. Была уничтожена и платформа Хаммерсмит; опасались, что там погиб коллектив музыкантов. С другой стороны, орбитальная система, защищавшая Терминатор от метеоритов, предоставила свои записи за нужное время, и ни радар, ни визуальное наблюдение, ни наблюдение в инфракрасных лучах не показали ударивший по рельсам метеорит. «Нападение из пятого измерения!» — говорили люди.

Женетт, приметивший разгадку этого аспекта проблемы, решил, что, изображая неведение, может дать преступнику время ускользнуть; к тому же это помогло бы избежать попыток подражания. Поэтому инспектор ничего не сказал и остался в одном из помещений космопорта Рильке опрашивать свидетелей. *Большая вспышка.* Спасибо. Пора привлечь Вана и проверить осуществимость предположения Женетта.

Пришло сообщение, что на яркой стороне по-

добрали еще двух уцелевших, одной оказалась внучка Алекс, художница Свон Эр Хон. Казалось странным, что эти люди выжили посреди яркой стороны, и инспектор отправился повидаться с ними в Шуберт, в больницу.

Свон, очень бледная, лежала в постели под несколькими капельницами; она выздоравливала после радиационного заражения, вызванного солнечной вспышкой, случившейся непосредственно перед тем, как Свон с ее спутником укрылись под землей.

Женетт вскарабкался на стул у кровати. Темные круги вокруг карих покрасневших глаз. По другую сторону кровати сидел Варам, сопровождавший Свон в путешествии по служебному коридору. Очевидно, он не заболел. Но выглядел очень усталым.

Свон заметила присутствие Женетта.

— Опять ты, — сказала она. — Какого черта? — Она сердито посмотрела на Варама. Тот побледнел и даже закрылся рукой от ее взгляда. — Чего вам обоим надо? — спросила она.

Женетт включил Паспарту, небольшой квантовый компьютер, похожий на старинные наручные часы, и сказал:

— Пожалуйста, не волнуйся. Я старший инспек-

тор интерпланетной полиции, как уже говорил, когда мы познакомились. Меня встревожила внезапная смерть Алекс, и хотя смерть ее как будто бы вызвана естественными причинами, я продолжал расследовать обстоятельства, которые могли быть связаны с этой смертью. Ты была близка к Алекс и стала свидетельницей происшествия на Ио, а теперь ты здесь, — и происходит нападение на Терминатор. Конечно, возможно, это совпадение, но понимаешь, почему мы продолжаем натыкаться друг на друга?

Свон недовольно кивнула.

— Узнали что-нибудь по останкам того, кто провалился в лаву на Ио? — поинтересовался Варам.

— Поговорим об этом позже, — ответил Женетт, бросив предостерегающий взгляд на Варама. — Сейчас нам надо сосредоточиться на уничтожении Терминатора. Может, расскажете, что видели, оба?

Свон села. Она описала удар, потом как они вернулись в город, осознали, что опоздали на эвакуацию, пошли на восток к ближайшей платформе и углубились в служебный туннель. Варам лишь согласно кивал время от времени. Через несколько минут рассказ Свон о событиях в туннеле стал очень кратким, но Варам ничего не

добавлял, только продолжал кивать. Двадцать четыре дня — это долго. Женетт переводил взгляд с одного на другую. Было ясно, что в момент удара они почти ничего не видели.

— Значит… Терминатор еще горит? — спросила Свон.

— Строго говоря, горение прекратилось. Город раскален.

Она отвернулась, морщясь. Последние передачи камер и ИИ, оставленных в городе, показывали, как город вспыхивает на солнечном свету — горит, плавится, взрывается и так далее; потом записывающие приборы вышли из строя. Это не было общее пекло — скорее россыпь малых пожаров, начинавшихся в разное время. Некоторые защищенные от температуры ИИ продолжали передавать сведения о том, что происходит при температуре 700 градусов по Кельвину. Коллаж из зафиксированных ими изображений создавал общее впечатление большого пожара, хотя ясно было, что Свон не хочет на это смотреть.

Но, конечно, посмотрела. Собравшись с силами, она заявила:

— Я хочу увидеть все. Покажите все. Мне нужно это видеть. Я хочу покаяния… создать мемориал. А теперь расскажите все, что знаете. Что слу-

чилось?

Инспектор пожал плечами.

— Что-то повредило городские рельсы. Сам город пока остается на яркой стороне, и до захода солнца расследование невозможно. Тело, нанесшее удар, ваша защитная противометеоритная система пропустила, чего быть не может, поскольку упомянутое тело должно было весить много тысяч килограммов. Некоторые говорят, мол, упала комета. Я предпочитаю называть это «событием». Пока еще точно не доказано, что это не был взрыв снизу.

— Как если бы подложили мину? — спросил Варам.

— Ну, снимки со спутников скорее свидетельствуют, что это был удар. Но возникают вопросы.

Компьютер инспектора звонким голосом доложил:

— К Свон пришел посетитель по имени Мкарет.

— Скажи ему, что мы все здесь, — обратился инспектор к компьютеру. — Пусть присоединяется к нам.

Щеки Свон жарко покраснели.

— Я хочу увидеть Терминатор, — объявила она.

— Можно съездить туда в защищенной машине, но делать там сейчас ничего нельзя. Наблюдатели, находящиеся там, в основном укрываются в тени. Солнце на той широте зайдет через семнадцать дней.

Тут в палату вошел Мкарет; Свон назвала его по имени и позволила обнять себя.

— Мы думали, ты погибла! — воскликнул Мкарет. — Вся концертная группа пропала, и мы считали, что вы с ними, а потом начался хаос эвакуации. Мы решили, что вы погибли.

— Мы спустились в служебный туннель, — сказала Свон.

— Его проверяли, но никого не нашли.

— Мы решили пойти на восток, чтобы добраться быстрей.

— Теперь я понимаю, как вы это сделали, но следовало оставить записку.

— Мне казалось, мы оставили.

— Правда? Неважно… как ты исхудала! Надо перевезти тебя в лабораторию, посмотреть внимательней. — Мкарет обошел кровать и обнял Варама. — Спасибо, что вернул Свон домой. Мы слышали, ты в пути заботился о ней.

Женетт заметил, что эти слова не понравились Свон.

— Мы помогали друг другу, — сказал Варам. — С нетерпением ожидаем встречи с молодыми солнцеходами, с которыми мы были в туннеле.

— Они сейчас выздоравливают, — сказал Мкарет, — и, надеюсь, у них все будет в порядке. Подобрали много солнцеходов.

— Наши очень нам помогли, — заметил Варам, а Свон, услышав это, фыркнула.

Уничтожение города, казалось, не повлияло на Мкарета; это случилось почти сразу после смерти Алекс, и он благоразумно рассудил, что особого значения оно не имеет. Однако теперь, после гибели Терминатора, жители Меркурия вынуждены были скрываться в подземных убежищах — почти как обитатели Ио. А это не лучшие условия для возрождения. Но им это по силам; по существу, работы уже начались, используются убежища, защищенные от высокой температуры, и роботы. Как только закат доберется до сгоревшего города, возьмутся восстанавливать рельсы и снова стронут с места основание города, а потом, в безопасной темноте, начнут строительство под куполом, как и в первый раз.

Между тем на планете сохранялось чрезвычайное положение, и заодно уменьшилось ее влияние в Системе.

Мкарет, взглянув на Женетта и Варама, сказал Свон:

— Мы восстановим город, и все будет хорошо. У тех, кто говорит, что мы в критическом положении, у самих не все в порядке. В космосе мы все уязвимы. Нет ни одного внеземного поселения, кроме Марса, которое нельзя уничтожить.

— Отчасти это и делает Марс несносным, — заметил Женетт.

— Я создам памятник нашей утрате, — заявила Свон, напрягаясь, словно собралась встать с кровати. Драматически натянулись трубочки капельниц. — Я устрою абрамович на руинах, чтобы выразить горе города. Может, подойдет сцена распятия.

— Сожжение на колу, — предложил Варам.

Свон бросила на него убийственный взгляд. Мкарет возразил тактичнее, указав, что Свон еще недостаточно поправилась, чтобы использовать свое тело как материал для искусства.

— Тебе всегда приходится так трудно, Свон. Не нужно.

— Нужно! Обязательно нужно!

Но тут из шеи Свон, справа, послышался голос ее компьютера:

— Должна напомнить, что ты приказала мне

самым энергичным образом возражать против создания абрамовичей, когда твое здоровье не идеально. Таковы твои собственные инструкции тебе самой.

— Нелепость, — сказала Свон. — Иногда обстоятельства требуют перемены планов. Это катастрофа. Событие, побеждающее жизнь. Оно требует особого подхода.

— Должна напомнить, что ты приказала мне самым энергичным образом возражать против создания абрамовичей, когда твое здоровье не идеально.

— Заткнись, Полина. Не хочу тебя слышать.

Мкарет передвинулся, чтобы помешать Свон встать с кровати; теперь заговорил он:

— Дорогая Свон, Полина права. Она желает тебе добра и говорит с точки зрения большей перспективы, чем твоя нынешняя. Не торопись. В эти тревожные дни есть лучшие способы самовыражения. И работа, которую нужно сделать.

— Моя работа — отразить в искусстве судьбу Терминатора.

— Знаю, и это твоя особая работа. Но ты — в числе наших лучших специалистов по биомам и очень нужна именно в этом качестве. Нам нужен твой талант для воссоздания парка и фермы.

Свон встревожилась.

— А нельзя их просто восстановить? Никто не хочет перемен — я сама точно не хочу.

— Ну, посмотрим. Но городу наверняка потребуется возможность использовать тебя.

Свон рассердилась.

— Я и так буду работать для города. Нельзя хотя бы взять хоппер и осмотреть город на яркой стороне?

— Думаю, можно. Как только будет возможность, попрошу место на одном из ежедневных транспортов. Но сперва ты должна поправиться.

Через несколько дней они все отправились в хоппере вдоль рельсов на восток, к солнцу и к разрушенному Терминатору. Видная сквозь мощные фильтры поверхность казалась белой бумагой, исчерченной черными хребтами и иногда волнистыми линиями; в целом все это напоминало алфавит, созданный при посредстве циркуля. Сами рельсы казались узкими, длинными сверкающими проводами.

Затем на горизонте показался Терминатор. Рамы основания купола белизной не уступали рельсам. Внутри — черная масса; когда подъехали ближе, эта масса распалась на небольшие груды обломков, пепла, черных пятен и черного

порошка. Отдельные металлические поверхности раскалились докрасна. Все это походило на старые снимки земных городов, уничтоженных пожарами.

При виде этой картины Мкарет покачал головой.

— Наглядно видно, почему следует оставаться на ночной стороне.

Свон смотрела вниз, будто ничего не слышала. На этот раз никаких театральных жестов, заметил Женетт. Мрачное отчаяние на пустом лице. Вид такой, словно она где-то в другом месте. Варам незаметно наблюдал за ней.

Над светящимися руинами города доминировала как ни в чем не бывало Рассветная Стена. Ее внешняя, обращенная на восток поверхность была серебриста и чиста, как всегда, а вот внутренняя сторона представляла собой мешанину черных обгоревших террас. Некоторые крыши, крытые голубой эмалированной черепицей, уцелели и даже сохранили цвет. Главная Лестница по-прежнему рассекала все черные полосы; привозной мрамор ее ступеней от жара сделался перламутровым. Светящиеся балки купола на фоне неба напоминали знаменитые очертания дома в Хиросиме.

— Он был так прекрасен, — сказал Мкарет.

— Он и сейчас прекрасен, — ответила Свон.

— Мы привезем несколько взрослых деревьев и заново вырастим лес из семян, — сказал Мкарет. — Хотя, должен заметить, страховка оказалась неудовлетворительной. Сейчас идут споры о формулировке «полное восстановление». К тому же неясно, что это: стечение обстоятельств или враждебные действия. Совет юристов полагает оба случая страховыми, но кто знает… Главное, все это обойдется очень дорого. Нам нужна помощь. К счастью, Договор нас поддерживает. И легко будет заменить животных: в террариях их больше, чем нужно.

Он посмотрел на Варама, кашлянул.

— Я слышал, вулканоиды тоже хотят помочь. Естественно, они встревожены.

— Мы им нужны, — сказала Свон. — Они приняли просьбу Алекс о помощи прежде всего поэтому.

— Что ж, вот и проверим, насколько мы им нужны.

Свон затрясла головой, как собака. Женетт видел — сейчас она не хочет думать о вулканоидах. Вероятно, ее раздражало, что Мкарет говорит о следующей стадии сейчас, когда они смотрят на

светящиеся развалины города.

Варам внимательнее отнесся к ее настроению.

— Воспоминания о вещах — это всего лишь сожаления о мгновениях прошлого; дома, дороги, улицы так же непостоянны и ускользающи, как время.

Свон сердито посмотрела на него.

— Опять печенье с предсказаниями?

— Да.

Легкая улыбка. Женетт заметил, что Варам все еще способен выносить ее, даже после их долгого заключения в туннеле. Может даже, там он этому и научился. Поразительно, как мало они рассказали о времени, проведенном в туннеле.

— Я хочу участвовать в работе инспектора Женетта, — сказала Свон. — Можно, инспектор? Я хотела бы представлять Меркурий в вашем расследовании.

— Мы всегда рады принять помощь, — дипломатично ответил инспектор. — Этот инцидент вызывает у всех серьезную озабоченность, но, конечно, для Меркурия он затрагивает самые основы существования. Я предполагал, что вы захотите, чтобы кто-нибудь принял участие в расследовании.

— Хорошо, — сказала Свон. — Буду на связи с

группой дизайнеров, — сказала она Мкарету.

И никаких разговоров о перформансах с самоистязанием (хотя инспектору пришло в голову, что расследование можно рассматривать как форму такого самоистязания).

Они вернулись в космопорт. Варам кивнул и попрощался с Женеттом, потом повернулся к Свон и поклонился, прижав руку к сердцу.

— Я должен вернуться на Сатурн и заняться делами. Уверен, скоро мы снова встретимся. Терминатор воскреснет, как феникс, и у нас окажется в нем множество незавершенных дел.

— Конечно, — сказала Свон. Она вдруг обняла его, на мгновение прижалась головой к широкой груди. И отступила. — Спасибо, что спас меня. Прости, что не помогала.

— Вовсе нет, — ответил Варам. — На самом деле это ты меня спасла. И мы выстояли.

Еще раз неловко поклонившись, он ушел.

Перечни (5)

Зона Весты — облако террариев, образующих единый кооператив.

Аймара — амазония, внутреннее пространство которой полностью занято дождевым лесом.

Татарская Душа — травяные степи, где люди говорят на восстановленном общеиндоевропейском языке.

Копенгагенская Интерпретация — город со многими каналами и экономикой дарения.

Занзибарская Кошка — саванна анархистов, где живут тысячи крупных кошек и вообще нет зданий.

Аравийская Пустыня — пустыня, отданная переселенцам из Британии.

Аспен — рай для лыжников.

Безымянные астероиды-тюрьмы с охраной из роботов.

Гермафродит — все постоянные жители гинандроморфны или андрогинны.

Святой Георгий — социальный террарий, где мужчины считают, что живут в полигамии

мормонов, а женщины — в лесбийском мире с небольшим количеством лесбиянов.

Астероиды, у которых внутри не цилиндрическое пространство, а муравейники, ульи, пещеры, ямы, секционные жилища и т. д.

Мальдивы — акварий, предоставленный жителям затонувших Мальдивских островов.

Микронезия — аналогично.

Тувалу — аналогично.

Все затонувшие острова Земли воспроизведены таким образом.

Большая Йеллоустоунская экосистема-34 — последний из тридцати четырех террариев, представляющих собой различные версии, созданные по шаблону этой великой биомы.

Экстремофильные биомы, гибельные для человека, но пригодные для жизни организмов, выделяющих лекарственные вещества и модификаторы.

Обреченные на исчезновение биомы, созданные по старым параметрам и запечатанные, как пробирки с образцами.

Маленький Принц — накрытый пологом внеш-

ний террарий с атмосферой, из-за чего край его кажется голубым.

Вихрь, обитатели которого наблюдают за чужаком.

Миранда — ставшие троянцами (троянскими астероидами) сведенные спутники Урана на орбите вокруг Солнца, полностью накрытые пузырями-оболочками; глубокие пропасти и грандиозные хребты покрыты снегом, идущим при низком тяготении; швейцарская архитектура — мечта жителей Альп.

Икар — мир летунов, освещается солнцем через прозрачную щель на поверхности, чтобы сделать максимальным открытое воздушное пространство.

Персиковый Источник — реконструкция династии Тан; похоже на ожившую китайскую картину.

Террарии миоцена, мелового периода, юрского периода и докембрия.

Капля — акварий, заполненный водой и населенный океаническими существами.

Каньон Королевских Секвой — расширенное воспроизведение калифорнийской Сьерра-Невады.

И так далее. Примерная оценка — девятнадцать

тысяч населенных астероидов и спутников.

Свон и Мкарет

Свон сидела в космопорте между кратерами Шуберта и Браманте, переполненная непонятно откуда взявшимися сожалениями. Невозможно, чтобы она сожалела о служебном туннеле — его Свон уже начала забывать. Пусть помнит Полина. Никогда не оглядывайся. Зачем? Но все-таки что-то было — она словно оказалась у границы чего-то очень важного. Что он сказал? Что туннель не отличается от всего остального? Она никогда с этим не согласится.

Когда она собралась отправиться с Женеттом и его группой из интерпланетной полиции, к ней снова пришел Мкарет.

— Ты такая стойкая, — сказал он и погладил Свон по голове, как маленькую. Но она знала, что он принимает ее всерьез. Поэтому покачала головой.

— Нет, — сказала она. — Я распадаюсь. Не могу с этим справиться.

Он тут же встал на ее сторону.

— Конечно, вынужденное заключение не для тебя. Никогда не попадай в тюрьму и не отправ-

ляйся в космос в скафандре. Это не твое. Но в этот раз ты молодцом, справилась.

— Не вижу, в чем это проявилось.

— Ну, эта солнечная вспышка ударила раньше, чем ты оказалась в укрытии; дозиметр твоего скафандра показал, что тебе досталось гораздо больше, чем остальным. Не хочу тебя пугать — с тобой все будет в порядке: я слежу за твоим восстановлением, и все идет прекрасно, — но на самом деле ты получила очень большую дозу.

— Десять зивертов, — пренебрежительно сказала Свон. — Не так уж много.

— На самом деле очень много. Ты смотрела на солнце дольше остальных. Разве не ты загородила товарища?

— Да, я загородила, но он вдвое шире меня. Уверена, что не очень-то я его защитила.

— Он получил всего три зиверта. На самом деле, кстати, ты лишь немного уже его. Ты спасла его от полной мощности.

— А потом он спас меня. Несколько дней нес меня на себе.

— Вы квиты. Но послушай, десять зивертов — смертельная доза, и ты должна была сильно ослабеть. Хотя, как я сказал, все будет хорошо. Поэтому мне хотелось бы понять, почему ты так

прекрасно справилась. Я задумался, не связано ли это с твоим энцеладским симбионтом. Он отлично переносит радиацию и, как детритоядный организм, мог, процветая в твоей крови, поглотить все поврежденные клетки. Помочь твоим собственным Т-лимфоцитам в очистке организма.

Свон удивилась.

— Ты меня тогда бранил, — сказала она. — Обозвал дурой.

Мкарет кивнул.

— И был прав. Послушай, Свон; если ты любишь жизнь — о чем трубишь, оправдывая свои дикие выходки, — береги ее. Некоторые действия влекут за собой неведомый риск, и это было одно из них. И остается таким. Но просто риск, а не бесспорный вред. Вероятно, поэтому ты так и поступила. Ты ведь не стремишься к самоубийству, правда?

— Конечно, — неуверенно ответила она.

— Тогда ты дура, ты ведь до сих пор не знаешь, не убьют ли тебя эти штуки через десять или сто лет.

— Мы все дураки.

— Точно. Это правда. Но зачем же при этом быть круглой дурой?

— А есть разница?

— Есть. Подумай об этом и пойми, в чем она. Надеюсь, это произойдет раньше, чем ты снова что-нибудь выкинешь. Если такое вообще возможно.

Мкарет все это время посматривал на свой компьютер; теперь он пожал плечами.

— С твоего разрешения, я отвезу твои анализы в лабораторию для изучения. Может, это нам что-нибудь скажет.

— Конечно, — согласилась она. — Будет приятно, если от моей глупости будет толк.

Он поцеловал ее в голову.

— Больше, чем уже получилось, ты хочешь сказать?

После ухода Мкарета Свон размышляла о своей глупости. Исхудавшее тело подчинялось ей так же плохо, как и все остальное: она словно управляла им при посредстве еще чего-то. У нее крепкое тело. Все еще выдерживает ее. И голодное. Свон звонком вызвала сестру и попросила еды.

— Полина, пожалуйста, выведи мою историю болезни на стол.

— Подробное изложение или резюме?

— Резюме, — сказала Свон, зная, что подробное описание занимает сотни страниц.

Она посмотрела на проекцию на поверхности стола, но не могла заставить себя прочесть ее. Оттуда выпрыгивали отдельные фразы. *Родилась в 2177,* роды были трудными, говорили ей, в некоторые минуты — с гипоксией. *Приступы в возрасте двух лет. Грибковые и бактериальные инфекции в школе на ферме. Синдром Ветланда, ADHD* [47] *в период с 4 до 10 лет.*

Применялось медикаментозное лечение (описано отдельно). Поздние школьные годы прошли на ферме, там ей стало гораздо лучше. Но на столе множество слов: *дискалькулия (неспособность к счету), электростимуляция коры правой височной доли. Первые прививки перед отпуском на Земле — в Синьцзяне (Китай) — в возрасте 15 лет, полный набор плюс глистогонное…*

…то есть были паразитические черви, в данном случае *Trichuris suis,* власоглав (изгнан при лечении).

ВОР, в возрасте 15–24 года.

Вызывающее оппозиционное расстройство, связано с синдромом тревожности; оба гиппокампальные, но синдром тревожности не выявлен.

Синдром одного g, второй отпуск — в Монпе-

[47] Примечания: 47

Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder (ADHD) — неврологическо-поведенческое расстройство развития, начинающееся в детском возрасте.

лье (Франция), в 25 лет. Венерианский насморк. Генитальные модификации в возрасте 25 лет. В возрасте 35 лет вживлена гормональная капельница, гормонотерапия до настоящего времени. Пристрастие к окситоксину, в 37–86 лет. Имплантированы певчие центры жаворонка и другие — в 26 лет. Подъязычные кошачьи косточки (для мурлыканья) — в 27. Вживление субдурального квантового компьютера в 2222 году — в 45 лет. Когнитивная терапия — с 9 до 99 лет.

Отец одной дочери (в 28 лет). Дочь умерла в 2296 году. Мать одной дочери (естественные роды в возрасте 63 лет).

Здесь запись, сделанная Мкаретом: *«Усвоение жизненной формы с Энцелада — глупая девчонка, возраст 79 лет».*

Использование средств увеличения продолжительности жизни — с 40 лет до настоящего времени.

Симулятивное расстройство, лечению не подвергалось, — насмешка; вставлено, должно быть, Мкаретом или Полиной.

— А как насчет *«сконструировала сотню террариев*?» — возмутилась Свон. — А «*провела три года в облаке Оорта, устанавливая двигатели на ледяных шарах?»* Или *«пять лет на Венере?»*

— Это не медицинские события, — сказала Полина.

— Медицинские, поверь мне.

— Если хочешь свою Curriculum vitae[48], только попроси.

— Молчи. Хватит. Ты слишком хорошо стимулируешь раздражение.

— Ты сказала «стимулируешь» или «симулируешь»?

[48] Примечания: 48

Curriculum vitae, CV (в переводе с лат. — «ход жизни») — биография, жизненный путь.

Извлечения (7)

Увеличение продолжительности жизни, связанное с двуполовой терапией, привело к очень сложным хирургическим и гормональным внутриполостным вмешательствам в подростковом и взрослом возрастах. Дихотомия XX/XY[49] по-прежнему существует, но при широчайшем разнообразии привычек, образов жизни и терминологии

формирование половой принадлежности происходит в гиппокампе и гипоталамусе на втором месяце жизни зародыша, после чего устойчиво сохраняется первоначальная ориентация. Если есть желание усилить дифференциацию или создать двусмысленность, начинать нужно внутриутробно

в первые восемь недель беременности оставляйте активными Мюллеров и Вольфов протоки, где все еще находятся бипотенциальные гонады. Антимюллеровы гормоны, которые активируются генами в Y-хромосомах, могут быть допущены

---

[49] Примечания: 49
Деление хромосом на мужские и женские.

только в один из Мюллеровых протоков. Результат обычно ипсилатеральный[50], оба яичника подавляют развитие Мюллерова протока каждый только со своей стороны, вследствие чего

далее эмбрионы XY нуждаются в умеренной интенсификации андрогенной функции, производимой на четвертой неделе, чтобы избежать маскулинизации гипоталамуса, отвечающего за сексуальные различия. Эмбрионы XX нуждаются в применении андрогенов в одном Мюллеровом протоке, чтобы стимулировать рост Вольфова протока. По мере развития Вольфова протока Мюллеров проток с этой стороны будет подвергаться апоптозу[51]

базовой генетической структурой обусловлена разница между гермафродитизмом и гинандроморфизмом, часто не распознаваемая по внешним особенностям. Люди XX с законсервированными Вольфовыми протоками суть гинадроморфы, а люди XY с законсервированными Мюллеровыми протоками — гермафродиты. В

[50] Примечания: 50

Относящийся только к одной стороне тела.

[51] Примечания: 51

Апоптоз — программируемая клеточная смерть, регулируемый процесс самоликвидации на клеточном уровне.

обоих случаях применяются андрогены и эстрогены вместе с гормональными добавками, ребенок рождается с потенциалом развития обоих полов, и организм ждет выбора

пренатально заложенная избирательная двуполость обладает сильнейшей положительной корреляцией с долгожительством. Гормональное лечение в подростковый период или во взрослом возрасте также обладает позитивным воздействием на рост продолжительности жизни, но при этом следует принимать во внимание психологические

гормональное лечение поддерживается хирургической пересадкой живой, функционирующей матки в брюшную стенку над пенисом

изменение клитора в маленький функционирующий пенис, с образованием яичников по обе стороны от законсервированных Вольфовых протоков или из стволовых клеток субъекта. Гинандроморфы обычно могут зачинать только дочерей, поскольку создание Y-хромосомы на основе X-хромосомы представляется проблематичным

у женщин функциональная мужская репродук-

тивность повышается имитацией естественного недостатка 5-альфа-редуктазы

главные категории гендерной самоидентификации (осознания собственного пола): женщины, мужчины, гермафродиты, гинандроморфы, амбисексуалы, бисексуалы, интерсексуалы, нейтралы, евнухи, нонсексуалы, индифферентные, геи, лесбиянки, с тягой к странному, инвертные, гомосексуальные, полиморфные, лабильные, бердаши, хиджры, двудушные

культуры, в которых сексуальные различия принижаются, обычно называют урсульными[52]; происхождение этого термина неизвестно; возможно, оно связано с тем, что у медведей трудно определить пол

[52] Примечания: 52
Ursus *(лат.)* — медведь.

Киран на Венере

Как только Киран остался наедине с Шукрой, тот сказал:

— Пройдешь ряд проверок, мой мальчик.

— Что за проверки?

— Всякие.

Трое рослых мужчины увели его с грязных бульваров Колетта, и Киран понял, что ему остается только делать, что говорят. Когда вошли в здание с эркерами, выходящими на улицу, он постарался разглядеть названия улиц и запомнить их. Восьмая и Дубовая. Хотя на перекрестке росла ива.

— Расскажи еще раз, почему Свон привезла тебя сюда, — сказал Шукра, когда они вошли в здание.

— Я спас ее от похищения, когда она оказалась по соседству. Она хотела отблагодарить за помощь.

— Ты просил отвезти тебя сюда? — спросил Шукра.

— Ну… вроде.

Шукра покачал головой.

— Итак, теперь ты шпион.

— Как это?

Шукра посмотрел на него.

— В данный момент ты ее шпион, знаешь ты об этом или нет. Это мы проясним с помощью проверок. А потом ты станешь моим шпионом.

— Зачем ей здесь шпион?

— Она была очень близка к Львице Меркурия и после смерти Львицы начала шаги в том направлении, которое выбрала бы Львица. А у Львицы здесь всегда было много шпионов. Поэтому давай посмотрим, что покажет проверка.

Сердце у Кирана забилось чаще; но его окружали трое взрослых мужчин, и единственное, что ему оставалось — пройти в соседнюю комнату. Она походила на больничную палату. Проверка больше всего напоминала медицинское обследование, и для Кирана это стало большим облегчением. Хотя, когда медицинский осмотр — хороший выход, ситуация не слишком привлекательна.

В конце дня его снова привели к Шукре. Шукра рассматривал консоль, вероятно, с результатами проверок. Он обратился к сопровождающим Кирана:

— Вроде чистый, но я почему-то сомневаюсь. Пока будет приманкой.

После этого Кирана включили в китайский рабочий отряд; китайцы жили в доме на краю кратера и каждый день выходили из города на работу снаружи. Они нимало не распоряжались собственной жизнью: шли туда, куда пошлют, делали что велено. Киран словно опять оказался дома.

Единственным собеседником Кирана стал небольшой, примитивный пояс-переводчик, полученный от Свон. Когда он впервые попробовал его использовать, на него бросали удивленные взгляды, однако с помощью переводчика ему удалось провести десятиминутный разговор, а это лучше, чем ничего. Но в основном он оставался одиноким в толпе и делал то, что поручали отряду на день. После проверки он больше ни разу не видел Шукру, отчего ему казалось, что она провалена — хотя однажды произошло нечто, внушающее ему мысль, что он выдержал испытание.

Как бы ни было, его ждала бесконечная работа, почти всегда за пределами Колетта, в вечной пурге, в которую превратился Большой Дождь. Глубокие снежные сугробы накрывали сухие ледяные моря раньше, чем вспененный камень, и это создавало проблемы. Ежедневно из горо-

да выходили большие отряды и гигантскими бульдозерами и снегоуборочными машинами сгребали снег с сухого льда, чтобы бригады рабочих успели напылить вспененный камень, прежде чем лед снова завалит снегом. Говорили, что на эту работу уйдет лет десять, но Киран слышал, как кто-то сказал — год, а другие утверждали — сто лет. Точно никто не знал, а переводчик Кирана едва позволял следить за болтовней за столом после еды, когда кто-нибудь из рабочих пытался сделать собственные расчеты. Всякий раз выходило десять лет. Вот вам бесконечные работы! Нужно подтянуть свой китайский.

Ночевал он в общей спальне. Это было самое интересное: люди укладывались на длинный матрац, который его пояс назвал matrazenlager, матрац длиной с комнату с номерами в изголовье, обозначающими отведенное для человека место; это регулярно приводило к сексу в темноте, иногда с участием Кирана. Утром подъем, еда в кафетерии и длинная очередь на выход к роверам, чтобы выйти на равнину и к воздушным кораблям, чтобы переправиться на сухие ледяные моря; здесь работали на бульдозерах, уолдо-манипулторах, снегоуборочных машинах (так называемых «драконах»), машинах для рас-

калывания льда и резчиках льда, почти таких же, как резчики асфальта и бетона, на которых ему приходилось работать в Джерси, но в сотни раз больше. Через неделю он мог управлять любой из этих машин. Это оказалось несложно: обычно он просто говорил ИИ, что делать. Точно капитан корабля. За день отряд в тысячу человек очищал много квадратных километров сухого льда, а за людьми неумолимо следовали черные передвижные фабрики, покрывая лед вспененным камнем. Говорили, что дальний берег этого ледяного моря в шестистах километрах.

Потом несколько недель он работал с монументальным уолдо, высвобождая то, что называлось «стегозавровыми плитами», и перенося их в кузовы гигантских грузовиков. Работа с уолдо была трудной, требовалось участие всего тела, как в танце, трудно не физически — но каждое твое действие многократно усиливалось, и требовались полная концентрация внимания и полное напряжение, чтобы заставить уолдо действовать должным образом. Так что и интересная работа, и простая погрузка очень выматывали.

Все дни он упорно изучал китайский язык. Никто из тех, с кем Киран познакомился, не говорил по-английски, и его учителем стал пояс-перевод-

чик. Было трудно. Он произносил слово, слушал перевод и старался правильно его повторить. Но, когда он выговаривал слово по-китайски и просил перевести на английский язык, никогда не получалось правильно. Он говорил «Мой радар сломан» точно так, как это произносят китайцы, а в переводе выходило «начинаем встречу на открытом воздухе». «Где ты живешь?» — спрашивал он, а возвращалось «твой лотос материализовался».

— Если бы, — мрачно смеялся Киран. — Я бы хотел, чтобы мой лотос материализовался, но как это сделать?

Очевидно, когда он говорил с другими, его слова звучали нелепо. Он что-то делал неверно, но что?

— Это трудный язык, — сказал один из его соседей по спальне, когда Киран пожаловался. Он попытался верно запомнить услышанное.

Тем не менее его лучшим другом оставался переводчик. Они много разговаривали. И Киран надеялся скоро усвоить от него больше. «Здравствуйте» и «Как поживаете?» в разговорах с другими рабочими получались все лучше. И люди дружелюбнее отзывались на его просьбу говорить медленно.

Эти рабочие выполняли в море грандиозную работу — в тысячи раз более сложную, чем такая же работа на Земле. Но если столь сложная работа — просто уборка снега, что в этом хорошего?

Однажды он отправил сообщение Свон: мол, рад, что она выжила при нападении на Терминатор, и упомянул, что больше ни разу не видел Шукру. Несколько недель спустя пришел ответ: «Попробуй связаться с Лакшми». И адрес в облаке Венеры.

Заглянув в облако, Киран понял, что упоминание Лакшми заставляет собеседников замолкать и отворачиваться. Могущественная сила, с центром в Клеопатре, но друг Шукры или враг — люди не знали или не хотели говорить.

Итак: возможно, Свон хотела переместить своего осведомителя ближе к месту событий. Или просто пыталась помочь.

А возможно, он предоставлен самому себе.

Перечни (6)

северный лес (хвоя), лес умеренного пояса (широколиственные породы, хвоя или смесь хвойных и лиственных деревьев); тропический лес; пустыня; альпийская зона; степь; тундра; буш — таковы главные земные биомы

города, деревни, поля, пастбища, леса и пустыни — таковы главные территории, освоенные землянами

смешайте все вышеперечисленное и получите 825 земных экологических зон: 450 на суше, 229 морских

сейчас 65 процентов этих экозон существуют только за пределами Земли

начертите график в координатах x и y, создавая диаграмму биом Уайттекера, на которой осадки обозначаются по оси ординат, а температура — по оси абсцисс. Можно нанести на этот график биомы, и появится карта, показывающая, какие именно биомы возникают в данных условиях. Левее — жарче, правее — холоднее; выше влажно, ниже сухо; в результате получатся следующие

основные версии:

Влажный тропический лес		
Сезонный тропический лес	Дождевой лес умеренного пояса	
Саванна	Умеренное чернолесье	Тайга
Субтропические пустыни	Степь	Пустынная тундра

Возможна гораздо более подробная классификация; 450 существующих на суше биом определяют не только влажность и температура, но также комбинация широты, долготы, географии, геологии и других факторов

сами экозоны могут быть далее разделены на экологические микрониши площадью до гектара

с 1900 по 2100 годы вымерли 34 850 видов. Это шестое массовое уничтожение жизни в истории Земли

ни одно уничтожение с этих пор не было необратимым (впрочем, то же справедливо и для всех предыдущих)

известно, что в Солнечной системе существуют 19 340 террариев. Примерно 70 процентов их существуют как миры-зоопарки; они либо сохраняют и поддерживают экозоны животных и растений, либо создают комплексы новой разновидности, известные под названием «амазонии»

29 процентов видов млекопитающих либо полностью исчезли с лица Земли, либо им грозит такая опасность и теперь они живут преимущественно в террариях

космос превратился в зоопарк и поставщика материалов для прививок

Свон и инспектор

— В деле о нападении на Терминатор существуют два главных вопроса, — сказал Свон инспектор Женетт по пути к поясу астероидов. Они летели с небольшой группой людей из Интерплана и жителей Терминатора, но часто по вечерам оказывались вдвоем на камбузе. Свон это нравилось; чтобы поесть, инспектор садился прямо на стол, на специальную подушку, принесенную для этой цели, а потом просто сидел с бокалом в руке, так что они могли разговаривать глаза в глаза. Это немного напоминало разговор с кошкой.

— Всего два? — спросила Свон.

— Два. Первый — кто это сделал, второй — как найти и изловить агента виновных, чтобы пресечь мысли о подобных поступках у большинства людей. Так называемая проблема подражателей и, в более общем виде, проблема предотвращения повторных нападений. Вторая задача более трудная.

— А что насчет технических деталей? — спросила Свон. — Разве это не проблема?

— Я знаю, как это было сделано, — спокойно

сказал инспектор.

— Знаешь?

— Думаю, да. Существует, по-моему, единственная возможность осуществить такое нападение, и я знаю, какая именно, сколь бы невероятным это ни казалось, когда произошло. Хотя в данном случае ничего невероятного нет. Но должен сознаться: сейчас, когда разговор записывают наши квакомы, я не хочу говорить об этом. — Женетт поднял запястье и показал толстый браслет, в котором находился его Паспарту. — Полагаю, ваш кваком записывает, как всегда?

— Нет.

— Но частенько записывает?

— Да, наверно. Как у всех.

— Ну, в моем случае я хочу кое-что увидеть в поясе, прежде чем заявить о своей гипотезе. Поговорим об этом на месте. Но я хочу, чтобы ты подумала о второй проблеме: предположим, мы схватим преступника и объясним, что он натворил, — например, при предъявлении обвинения. Как помешать другим повторить его поступок? Вот тут, я думаю, ты сможешь мне помочь.

* * *

Они летели на террарии «Молдова», движущемуся по циклу Олдрина[53], и через восемь дней должны были достичь Весты. Все внутреннее пространство «Молдовы» было отведено под выращивание пшеницы; многие путники, поработав какое-то время на полях, перебирались на курорт на торце в носу; с этого курорта, словно с высокого холма, открывался вид на изгиб полей разных оттенков зеленого и золотых, в зависимости от выращиваемого сорта: что-то типа лоскутного неба.

Свон много времени общалась с местными экологами — у тех возникли проблемы с пшеницей, и они хотели их обсудить. Инспектор Жан Женетт оставался в помещениях Интерплана, а когда миновали Марс, опрашивал людей в террариях возле Весты. На исходе таких дней Свон встречалась с группой Интерплана за ужином, а потом допоздна беседовала с инспектором. Иногда она рассказывала о своей дневной работе. Местные пытались вывести сорта пшеницы, ко-

[53] Примечания: 53

Космическая орбита, соединяющая Землю и Марс оптимальным способом; по имени рассчитавшего ее в 1985 году Базза Олдрина.

торые быстрее сбрасывают воду с колосьев; они экспериментировали с генетическим созданием микроскопических капательниц вроде тех, что известны в макромире тропиков, где у листьев бывают длинные тонкие кончики, позволяющие воде стекать каплями, несмотря на поверхностное натяжение.

— Вот бы мне такие капательницы в мозгу, — говорила Свон. — Не хочу держать в нем то, что причиняет боль.

— Желаю успеха, — вежливо сказал маленький инспектор, сосредоточиваясь на еде и поглощая поразительно много для такой миниатюрности.

Несколько дней спустя они прибыли в зону Весты — один из самых заселенных районов в поясе астероидов. В эпоху Ускорения многие террарии располагались поблизости друг от друга, создавая своеобразные общины, и одной из самых больших таких областей стала зона Весты. «Молдова» выпустила паром с группой из Интерплана, и, когда паром сбросил скорость и оказался близ Весты, они снова пересели, на этот раз на корабль Интерплана с экипажем из сотрудников Интерплана.

Это был впечатляюще быстрый космический корабль «Скорое правосудие», и вот уже они дви-

гались вдоль потока астероидов. Раз или два они останавливались у очередного «камня», чтобы инспектор мог поговорить с его обитателями. Он никак не объяснял эти разговоры, а Свон не спрашивала. Они посетили «Ориноко фантастико», «Крым», «Долину Оро», «Иравади-14», «Триест», «Камбоджу», «Джон Муир» и «Виннипег», и только тогда Свон решилась задать вопрос.

— Все эти малые миры недавно столкнулись с орбитальными помехами, — объяснил инспектор, — и я хотел бы знать, как они их объясняют.

— И как?

— Недавно кое-кто резко покинул зону Весты, и это, по их мнению, сбило соседей с курса.

Веста — один из самых крупных астероидов, диаметром шестьсот километров, приблизительно шарообразный и полностью обработанный, что делает ее одним из крупнейших примеров паратерраформирования способом, который называется «оболочка-пузырь». Обычно пузыри накрывают часть небесного тела, как старые купола; такие структуры распространены на Каллисто, Ганимеде и на Луне, но все это большие тела, и полное их покрытие даже не рассматривалось. Накрытие всей поверхности большого спутника пузырем — это следующая стадия,

ценная возможность освоения внешней поверхности, противопоставленная внутреннему выдалбливанию. Свон догадывалась, что Терминатор тоже можно считать примером паратерраформирования, хотя не привыкла так думать, с предубеждением относясь к использованию внешней поверхности астероидов: наружная поверхность открыта, здесь чересчур низкая сила тяжести по сравнению с выдолбленным нутром; внутри и безопасно, и можно посредством вращения установить любую силу тяжести.

С близкого расстояния Веста производила прекрасное впечатление. Были и погода, и небо (поверхность пузыря была в двух километрах над поверхностью астероида); Полина сообщила Свон, что на Весте вырастили северные леса, альпийские луга, тундру, степи и создали большие пространства холодной пустыни. И все это при очень низком тяготении, а значит, что здесь люди летают и танцуют на почти висящем в невесомости ландшафте. Не такая уж плохая мысль. Здесь даже есть высокие горы.

Свон с удовольствием посетила бы Весту, но у Женетта была иная цель, и, после того как к группе присоединилось еще несколько сотрудников Интерплана, они направились к ближайшему

террарию — «Иггдрасилю».

Приблизившись к «Иггдрасилю», Свон увидела, что это типичный астероид-«картофелина», в данном случае темный и не вращающийся.

— Он заброшен, — пояснил инспектор. — Холодный след.

В шлюзе хоппера Свон маленькими легкими плие подплыла к шкафчику, оделась и вслед за Женеттом и несколькими интерплановцами вышла через внешнюю дверь шлюза в пустоту.

В «Иггдрасиль» — стандартный полый астероид длиной примерно тридцать километров, — они вошли через большое отверстие, оставленное в корме; главный двигатель был изъят. Они осторожно перемещались с помощью своих двигателей, сохраняя вертикальное положение. Плыли вперед бок о бок, напоминая статую фараона наоборот — статую, в которой обычно сестра-жена ростом по колено супругу.

Внутри они остановились. В астероиде царила тьма, виднелось лишь несколько далеких отражений их фонарей. Свон не раз бывала в строящихся террариях, но здесь было совсем не то. Женетт бросил вперед ярко светящую лампу, включив на короткое время двигатель, чтобы погасить инерцию броска. Огненная точка по-

плыла вперед, отчетливо освещая внутренность астероида.

Свон стала осматриваться, и ее чуть не завертело в пространстве. Все было темно, брошено; она подавила эмоции (по-видимому, отзвук судьбы Терминатора); прижав кулак к лицевой пластине, услышала вдруг собственный всхлип.

— Да. — Мимо проплыла маленькая серебряная фигура. — Ни с того ни с сего была нарушена герметичность. Астероид-хондрит, ледяной конгломерат, очень распространенный. Расследование показало: небольшой метеорит случайно попал в оставшийся неукрепленным ледяной сегмент стены цилиндра; лед испарился, и давление резко упало. Подобное произошло не впервые, но этот случай получил категорию тройное *«А»*. Другие похожие случаи получили категории «В» или «С», причиной всякий раз оказывалась людская небрежность. Поэтому я стал пересматривать старые случаи и решил осмотреть этот террарий. Главным образом снаружи, но вначале — изнутри.

— Много погибло?

— Да, около трех тысяч. Все произошло очень быстро. Очень мало кто выжил; одни находились в зданиях с убежищами и успели в них спрятать-

ся, другие были возле скафандров или шлюзов. Весь остальной город-государство погиб. Уцелевшие решили сохранить его как памятник.

— Так сейчас это кладбище?

— Да. Где-то здесь есть мемориал, думаю, на другой стороне. Хочу посмотреть на пробоину изнутри.

Инспектор проконсультировался с Паспарту и отвел Свон на другую сторону внутреннего пространства к бульвару. Здесь все напоминало план Парижа — широкие улицы между трапециевидными жилыми кварталами, дома в четыре-пять этажей.

Они парили над потрескавшимся тротуаром и покосившимися зданиями, которые напоминали старые снимки земных городов после землетрясения. Удивительно похоже.

— Разве поблизости недостаточно железоникелевых астероидов, чтобы использовать такую рыхлую основу? — спросила Свон.

— Да, казалось бы. Но опробовали несколько таких, и получилось удачно. Если оставить достаточно толстые стены, вращения и внутреннего давления не хватит, чтобы разорвать их. Такие астероиды должны работать и работают. А этот сломался. Маленький метеорит попал в неудач-

ную точку.

Они подплыли к месту, где внутреннее выпячивание разорвало стену: белые бетонные плиты разошлись, между ними возникла щель. Дыра в открытый космос; Свон видела сквозь нее звезды.

Покинув опустевшую улицу, они выплыли из астероида. Прошлись по поверхности при обычном для таких астероидов малом тяготении. Занимаясь строительством террариев, Свон немало времени провела в таких условиях; она обратила внимание, что и инспектор привык к малым *g*, что, конечно, неудивительно, если живешь в поясе астероидов.

Добравшись до отверстия с наружной стороны, они застали там группу интерплановцев за работой. Женетт совершил несколько балетных прыжков, перевернулся, головой вниз вплыл в трещину и сделал несколько снимков изнутри. Две небольшие ямки с боков от трещины он осмотрел, стоя на руках; его лицевая пластина была в нескольких сантиметрах от породы.

Немного погодя он заявил:

— Думаю, я получил, что хотел.

Они понаблюдали за работой остальных. Женетт сказал:

— У тебя ведь в голове кваком, верно?

— Да. Полина, поздоровайся с инспектором Женеттом.

— Здравствуйте, инспектор Женетт.

— Можешь ее выключить? — спросил инспектор.

— Да. А ты выключишь свой?

— Да. Если они действительно выключаются, когда мы их выключаем. — Через лицевую пластину Свон видела ироническую улыбку инспектора. — Отлично. Паспарту спит. Как Полина?

Свон придавила пластинку под кожей справа на шее.

— Да.

— Хорошо. Теперь можно говорить откровеннее. Скажи, когда твой кваком включен, он регистрирует все, что ты слышишь и видишь?

— Обычно да. Конечно.

— А есть у него прямой контакт с другими квантовыми компьютерами?

— Прямой контакт? Ты имеешь в виду квантовую сеть?

— Нет, нет. Уверяют, что из-за декогеренции это невозможно. Я только о радиоконтакте.

— Ну, у Полины есть радиопередатчик и ра-

диоприемник, но я выбираю, что именно ей принимать и передавать.

— Ты уверена?

— Да, думаю, да. Я ставлю задачи, она их выполняет. Я могу по ее записям проверить, что она делала.

Маленькая серебряная фигурка с сомнением качала головой.

— Разве у тебя не так? — спросила Свон.

— Наверное, да, — сказал Женетт. — Просто я не уверен во всех квантовых компьютерах, которые не Паспарту.

— Почему? По-твоему, квакомы как-то связаны с тем, что произошло здесь? Или на Меркурии?

— Да.

Свон с удивлением и легким испугом смотрела на плывшую рядом с ней большую куклу в скафандре. Голос инспектора отчетливо звучал из микрофона в ее шлеме, так же, как голос Полины, потому что инспектор был рядом. Чистый высокий контртенор, приятный и забавный.

— С боков от щели несколько маленьких кратеров. Вроде этого, — ткнул указательным пальцем инспектор, и на краю кратера появилась зеленая лазерная точка, быстро описала окружность и сосредоточилась в центре. — Видишь? И вот

еще? — Точка очертила другой кратер. Оба очень маленькие. — Они такие свежие, что могли возникнуть при ударе или сразу после него.

— Значит, это выбросы?

— Нет. Тяготение здесь такое небольшое, что выброшенное не возвращается. Ну разве что остатки. А эти ямы глубже.

Свон кивнула. Поверхность астероида во множестве усеивали свободно лежащие камни.

— Как в отчете о катастрофе названы эти кратеры?

— Аномальными. Там рассуждают, что, возможно, ямы — места прорыва талой воды, нагретой при ударе. Возможно. Но, я полагаю, ты смотрела отчет о катастрофе Терминатора?

— Да.

— Помнишь, там тоже были аномалии? Внешние кратеры, очень маленькие, возникшие после события. Но на Меркурии это может быть вернувшийся материал выбросов.

— Ударивший предмет не мог расколоться при входе?

— Такое обычно происходит, когда он нагревается в атмосфере и теряет скорость.

— Не могло ли тяготение Меркурия привести к этому?

— Его воздействие незначительно, им можно пренебречь.

— Ну, не знаю, может, ничего и не разбилось.

Маленькая фигура кивнула.

— Да, верно.

— Что это значит?

— Ничего не разбилось. Наоборот, сложилось.

— Как это?

— Я хочу сказать, что до удара оно не было единым целым. Именно поэтому меркурианские системы обнаружения не сработали. Они не могли его не видеть, оно должно было откуда-то появиться — но не среагировали. Возникает проблема МГО — минимальной границы определения. Такая граница всегда существует — либо как свойство самого метода обнаружения, либо искусственно обозначенная выше некоего минимума.

— Почему?

— Чтобы не поднимать тревогу, когда опасности нет.

— Ага.

— Так что системы различны, но система защиты Меркурия с так называемым уровнем обнаружения почти аналогична местной, основанной на методе границ обнаружения. Иными

словами, уровень обнаружения на Меркурии вдвое выше границы здешней системы, что в шесть-семь раз превышает стандартные погрешности обнаружения. В типичных случаях для обеспечения безопасности системы генерируют небольшие ложные отклонения в ту или иную сторону.

Но посмотрим, что лежит ниже уровня обнаружения. В основном очень небольшие камни — булыжники весом меньше килограмма каждый. Но если их много и если они соберутся вместе только в последнюю секунду, причем каждый придет из другого сектора неба с разной скоростью, но с таким расчетом, чтобы все они собрались в одном месте в одно время… В таком случае до последней секунды эти камни останутся лишь мелкими камешками. Их могли выбросить в дальнем конце Солнечной системы и, возможно, за много лет до нас. И все же, если они запущены правильно, со временем их рандеву состоится. Скажем, соберется много тысяч камней.

— Своего рода «флэшмоб»?

— Вовсе нет. Просто камни.

— Но как это может получиться? Я хочу сказать, разве можно рассчитать, с какой силой их запус-

кать и по какой траектории?

— Квантовый компьютер справится. Если найти достаточно метеоров подходящей массы и с нужной траекторией и иметь достаточные возможности расчетов, это реально. Я попросил Паспарту рассчитать для шарика от подшипника или для игры в бочче траекторию от пояса астероидов до нужной точки на Меркурии; на это ушло совсем немного времени.

— А сами броски возможны? То есть можно ли построить пусковой аппарат, который выбрасывал бы камни в определенной последовательности?

— Паспарту утверждает, что существует множество машин с уровнем точности, в два-три раза превышающим необходимый. Нужна только стабилизированная платформа для запусков. Чем устойчивее, тем лучше.

— Да, ничего себе выстрелы, — сказала Свон. — Сколько масс необходимо включать в расчет траекторий?

— Мне кажется, Паспарту учел десять миллионов самых тяжелых объектов в Солнечной системе.

— И мы все их знаем?

— Да. Точнее, знают ИИ. Все крупные террарии

и космические корабли рассчитывают маршруты на много лет вперед. Что касается расчетов, для них нужен квантовый компьютер и довольно много времени — достаточно для реального руководства запусками.

— Сколько на это уйдет?

— У простого квакома типа Паспарту — три секунды. У обычных ИИ — примерно год на каждый камень, что, конечно, делает этот метод неприменимым для них. Требуются квантовые расчеты.

У Свон свело живот, словно она снова оказалась в служебном туннеле.

— Итак, десять тысяч небольших камней месяцами, а то и годами забрасывали с края системы с такой скоростью и в таких направлениях, чтобы в какой-то момент они собрались вместе?

— Да. Несколько стохастических гравитационных флюктуаций, несомненно, слегка рассеяли их под конец. Из-за этого отдельные камни не попали в цель.

— Но совсем немного.

— Совершенно верно. Как вот эти ямы здесь. Причина их появления, возможно, — какой-нибудь корабль, пролетавший мимо и изменивший маршрут полета. Так что, по предположениям Паспарту, один-два процента камней, вероятно,

получили такое отклонение.

Свон стало еще хуже.

— Значит, кто-то сделал это преднамеренно.

Она показала на покинутый террарий.

— Верно. Верно и то, что в этом участвуют квантовые компьютеры.

— Черт. — Она прижала руку к животу. — Но как… как кто-то может…

Инспектор накрыл ее руку своей маленькой. Под ними плыл «Иггдрасиль», холодный и мертвый. Серая картофелина.

— Давай вернемся на «Правосудие».

* * *

В хоппере Интерплана Свон после еды задержалась на камбузе, инспектор тоже.

Свон, которая не могла избавиться от мыслей об открытиях дня, сказала:

— Выходит, кто-то…

Женетт вскинул руки, останавливая ее:

— Пожалуйста, снова выключи кваком.

Оба выключили свои приборы и Свон продолжила:

— Выходит, кто-то сделал это годы назад.

— По крайней мере некоторое время назад, да. Довольно продолжительное время.

— И использовал не одну платформу для запусков.

— Да. Возможно, они все еще действуют. Эта пушки, или катапульты, или что-то еще должны иметь высокую точность. И особенно надежную сборку. Паспарту предполагает, что допустимые отклонения должны быть ничтожны, а это требует молекулярных принтеров и тому подобного. Мы можем найти фабрику, изготовившую такой механизм, мы как раз занимаемся этим. А потом найдем заказчика.

— Что еще? — спросила Свон.

— Мы ищем программу фабрики и чертежи приспособления. Инструкции по его изготовлению. А также базы орбитального движения, необходимые для расчетов. Сами по себе квакомы таких вещей не делают, их кто-то должен попросить — по крайней мере, так мы до сих пор считали. Насколько я понимаю, в квакоме, сделавшем это, хранятся записи. Вероятно, и программы где-то существуют. А число фабрик, изготовляющих квакомы, ограниченно.

— Не могли они уничтожить квакомы после использования?

— Несомненно. Нет оснований считать, что они этого не сделали.

Мысль, приводящая в ужас.

— Нам надо искать квантовый компьютер, программу расчета орбиты, программу фабрики, саму фабрику и аппарат для запуска, а также его платформу.

Свон нахмурилась.

— Все это могли уничтожить или очень хорошо спрятать.

— Верно. Ты очень быстро ухватила суть проблемы. Наше расследование превращается в проверку записей, своего рода бухгалтерскую работу. В нашем деле так часто бывает. — Опять ироническая улыбка. — Оно не всегда так драматично, как это изображают.

— Отлично. Пока ты этим занимаешься, что еще можно сделать? Что я могу сделать?

— Посмотреть на проблему с другой стороны. А я присоединюсь.

— С другой стороны?

— Со стороны мотива.

— Но как ты его определишь? А определив, как найдешь? Сделать такое — это ужас, бред, меня тошнит при одной мысли об этом. Это зло.

— Зло!

— Да, зло!

Женетт пожал плечами.

— Отбросив это, предположим, что мотив существует. В таком случае, должны остаться следы.

— Кто-то ненавидит Терминатор? Кто-то способен уничтожать целые миры?

— Да. Тут не обычный мотив. И поэтому его можно выявить. К тому же это, возможно, политический акт, террористический — или военные действия. Какое-то сообщение или попытка вызвать ответные действия. Все это можно поискать.

Живот продолжало сводить.

— Черт побери! То есть… войны в космосе никогда еще не было. Мы обошлись без нее.

— Обходились до сих пор.

Это заставило ее замолчать. Уже целых тридцать лет со всех концов системы приходят предупреждения: конфликт между Землей и Марсом может привести к войне, мучительные проблемы Земли могут сказаться на всех. На бедной Земле никогда не прекращались малые войны, террористические акты и саботаж. Дипломаты играют на мысли о том, что земные распри могут распространиться на других, но Свон обычно полагала, что они делают это только ради того, чтобы увеличить свой престиж и бюджет. Для мира, стоящего на краю, дипломатия очень

полезна. Но вдруг это убеждение дипломатов окажется правдой?

— Я думала, все жители космоса это знают — и этого достаточно, чтобы избежать войн, — сказала Свон. — Что, покинув Землю, мы становимся лучше.

— Не глупи, — отрезал инспектор.

Свон стиснула зубы. После напряженной борьбы она справилась с собой и сказала:

— Но это может быть какой-то психопат. Спятивший. Убивает только потому, что может.

— Такие тоже есть, — согласился Женетт. — И если один из них обзавелся квакомом…

— Но у каждого может быть кваком!

— Вовсе нет. Не у каждого в космосе. За ними следят от самой фабрики, и теоретически местоположение всех квакомов известно. Вдобавок напомню: квакому, занятому такими расчетами, нужна специальная программа. И из его записей должно быть ясно, чем он занимался.

— Разве у неприсоединившихся не делают квакомы?

— Ну — может быть. Вероятно.

— Так как нам найти этот кваком или человека?

— Или группу.

— Да, государство, планету!

Женетт пожал плечами.

— Я хочу снова поговорить с Ваном, потому что у него очень мощный кваком и к тому же самая большая база данных о неприсоединившихся. Вдобавок, возможно, на него напал тот же враг. Но, признаюсь, я немного опасаюсь разговора с его квакомом, поскольку мы видим множество признаков необычного поведения квакомов. Как будто они обрели свободную волю или, по крайней мере, кто-то просит их делать то, чего они никогда не делали раньше. И часть тех квакомов, за которыми мы наблюдаем, начали непредсказуемый обмен сообщениями.

— Ты хочешь сказать, они связаны друг с другом?

— Нет. Это кажется невозможным из-за проблем декогеренции. Как и все, квакомы используют радиосвязь, но и при передаче, и на приеме послания кодируются с наложением суперпозиции. Этот шифр невозможно разгадать даже с помощью наших квакомов. Именно поэтому я не хочу, чтобы какой-нибудь кваком слушал наши разговоры — хотя бы некоторое время. Не знаю, кому из них можно доверять.

Свон кивнула.

— В этом ты как Алекс.

— Верно. Я часто беседовал с ней об этом, и у нас было одинаковое мнение по этой проблеме. Я научил ее кое-каким процедурам. Итак, теперь мне нужно подумать, что делать дальше и как связаться с Ваном и его суперквакомом. Возможно, объяснение произошедшего у него уже есть, невостребованное, потому что мы о нем не спрашиваем. Ведь, несмотря на все разговоры о балканизации, мы по-прежнему регистрируем историю каждого человека и каждого квантового компьютера. Чтобы найти этого агента, нужно просто изучить историю Солнечной системы за последние несколько лет; все должно быть где-то там.

— Кроме неприсоединившихся, — заметила Свон.

— Да, но у Вана есть и большинство их записей.

— Однако ты не хочешь, чтобы его записывающая система знала, о чем ты спрашиваешь, — сказала Свон. — На случай, если виновата она.

— Совершенно верно.

После этого разговора Свон захлестнула тревога. Кто-то хотел уничтожить ее город — и все же промахнулся, пощадив жителей, всех, кроме

погибших при панике во время эвакуации и злосчастных музыкантов, убитых при ударе.

Правда ли это? Она не знала, как понять, почему удар миновал Терминатор.

Наконец она заговорила об этом с Полиной. Ей хотелось кое-что проверить, и лучше всего это было делать через Полину. В конце концов Полина всегда здесь, ее голос постоянно звучит в ушах Свон, и она всегда слышит все, что Свон говорит вслух. Все равно со временем она обязательно все узнает.

Итак:

— Полина, ты знаешь, о чем мы говорили с инспектором Женеттом, когда я тебя выключила?

— Нет.

— Предположить можешь?

— Вы могли говорить о происшествии с «Игдрасилем», который только что увидели. В некоторых отношениях оно напоминает случай с Терминатором. Если это было умышленное нападение, тот, кто его предпринял, должен был использовать квантовый компьютер для расчета множества траекторий. Если инспектор Женетт считает, что в этом замешаны квантовые компьютеры, он не захочет, чтобы квантовый компьютер узнал подробности расследования.

Аналогично стремлению Алекс не давать записывать некоторые ее разговоры никаким ИИ, квантовым или цифровым. Предположение таково: квантовые компьютеры могут обмениваться шифрованными радиосообщениями, и их деятельность пагубна для людей.

Как и подозревала Свон, Полине не составляло труда обо всем догадаться. Несомненно, и многим квантовым компьютерам тоже, включая Паспарту инспектора Женетта, запрограммированного для проведения расследования. Если — то, если — то — и так сколько триллионов раз в секунду? Возможно, это похоже на их шахматные программы: в этой игре компьютеры давно оставили человека далеко позади. Так что отключать их на время разговора — напрасные хлопоты.

А значит, она имеет право сказать:

— Полина, если кто-то, рассчитывая траекторию камня, чтобы тот ударил по Терминатору и уничтожил его, забыл бы включить в свои расчеты прецессию Меркурия, предсказываемую теорией относительности, и использовал только классические расчеты небесной механики, насколько он промахнулся бы? Предположим, снаряд выпущен год назад из пояса астероидов. Рассчитай несколько точек запуска и траекторий

и скоростей снаряда с учетом относительной прецессии и без нее.

— Прецессия Меркурия составляет 5603,24 угловой секунды в юлианское столетие, — сказала Полина, — но часть ее, описываемая общей теории относительности, составляет 42,98 угловой секунды в столетие. Погрешность траектории, рассчитанной на год без учета этой прецессии, составит 13,39 километра.

— Что и получилось, — сказала Свон, снова испытывая дурноту.

— Но, если дело в прецессии, удар должен был прийтись восточнее города, а не западнее, — заметила Полина.

— А, — сказала Свон. — Ну ладно…

Она не знала, как это понять.

— Обычные расчеты небесной механики для транспортных маршрутов к внутренним планетам обязательно принимают во внимание общую теорию относительности, — пояснила Полина. — Поэтому нет необходимости помнить о прецессии, чтобы добавить в расчеты. Однако если тот, кто программировал траекторию удара, используя открытые расписания, не знал об этом, он мог добавить поправку теории относительности туда, где она уже применялась. В этом случае,

если рассчитывался удар по городу, ошибка составила бы 13,39 километра к западу.

— Ага, — сказала Свон, чувствуя себя хуже прежнего. Она поискала, где бы сесть. Терминатор — одно дело, а вот люди — совсем другое: ее семья, ее община… То, что кто-то способен убить их всех… — Итак… Похоже, это ошибка человека.

— Да.

Вечером Свон опять оказалась на камбузе наедине с инспектором, который снова сидел на столе и ел виноград. Свон сказала:

— С тех пор как ты рассказал мне про кучу мелких камней, я все думаю, что оно было, вероятно, нацелено в Терминатор, но кто-то допустил просчет. Если бы этот кто-то не знал, что по стандартному алгоритму прецессия Меркурия уже введена в соответствии с уравнением теории относительности в расчеты траектории, и добавил ее в расчеты, удар пришелся бы западнее города именно на такое расстояние.

— Интересно, — ответил инспектор, внимательно глядя на нее. — Иными словами, ошибка в методике. Я предполагал, что это сознательный промах — что-то вроде предупредительного выстрела. Нужно обдумать это. — И, немного погодя, добавил: — Должно быть, ты спросила об этом

Полину?

— Да. Она и так догадалась, о чем мы говорили, когда я ее выключила. Я уверена, твой Паспарту тоже.

Женетт нахмурился; отрицать это он не мог.

— Не верится, что кто-то стремился убить столько людей, — сказала Свон. — И даже убил — на «Иггдрасиле». Когда столько места для всех… столько всего! Я хочу сказать, мы живем в обществе, которое называют постдефицитным. И я не понимаю. Ты говоришь о мотиве, но в психологическом смысле у такого поступка не может быть мотива. Я полагаю, это означает, что зло действительно существует. Мне казалось, это просто старый религиозный термин, но, видимо, я ошибалась. И мне тошно.

На маленьком лице инспектора появилась легкая усмешка.

— Иногда я думаю, что только в постдефицитном обществе и существует зло. До тех пор его всегда можно было свести к нужде или страху. Нетрудно верить, как, вероятно, поверила ты, что с исчезновением страха и нужды исчезнут и дурные поступки. Люди станут безобидными мартышками, альтруистами, любящими всех.

— Вот именно! — воскликнула Свон. — А поче-

му бы и нет?

Женетт с галльской выразительной усталостью пожал плечами.

— Может быть, страх и нужда никогда не уходят. Мы не просто еда, питье и убежище. Казалось бы, вот оно, коренное отличие… но очень многих хорошо питающихся граждан распирает от гнева и страха. Они чувствуют «цвет голода», как это называют японцы. Цвет голода, цвет страдания. Ярость подобострастия. Воля — это вопрос свободного выбора, а рабство — отсутствие свободы. Поэтому лакейская воля чувствует вину и выражает это в нападении на что-нибудь внешнее. Творя зло. — Еще одно пожатие плечами. — Как это ни объясняй, люди совершают дурные поступки. Поверь.

— Вероятно, сейчас мне придется тебе поверить.

— Пожалуйста, поверь. — Инспектор уже не улыбался. — Не стану грузить тебя тем, что видел. Как и тебя сейчас, меня это удивляло. Помогла концепция лакейской воли. А потом я начал думать, не обладает ли каждый кваком — просто по определению — лакейской волей.

— Но ошибка в методике, которая может объяснить промах при ударе по городу, — это ведь

ошибка человека.

— Да. Лакейская воля существует сначала в человеке. В глубине души человек понимает, что задумал дурное, но тем не менее делает это, потому что другие части сознания испытывают что-то вроде зуда.

— Большинство людей стараются быть хорошими, — возразила Свон. — Ты же видишь.

— Не при моей работе.

Свон смотрела на маленькую фигуру, такую аккуратную и проворную.

— Это должно было изменить твой взгляд на мир, — сказала она наконец.

— Так и вышло. И… постоянно сталкиваешься с одним и тем же самооправданием. Даже известно, какой участок мозга отвечает за это самооправдание. Как и следовало ожидать, этот участок расположен рядом с тем, что отвечает за религиозные чувства. Недалеко от участка, ответственного за эпилепсию, а также от зоны оценки смысла. Эти последние области вспыхивают, как хворост, если человек совершает зло или оправдывает его. Подумай, что это значит.

— Но все, что мы делаем, мы делаем где-то в мозгу, — сказала Свон. — Где именно, не имеет значения.

Женетт не согласился.

— Есть определенные схемы. Усиления. Дурные события усиливают некоторые зоны мозга. Он перестраивается, создавая спираль, способную порождать еще большую злобу. А следом возникают собственно чувства.

— Так что же делать? — воскликнула Свон. — Нельзя создать совершенный мир и потом поселить в него людей, в таком порядке это не работает.

Инспектор пожал плечами.

— И то, и другое кажется мне маловероятным. — После паузы он добавил: — Все может кончиться плохо. Жизнь в космосе может оказаться для нас слишком трудной. Ограниченное окружение. Я видел детей, выращенных в камерах Скиннера, — на что только не идут люди…

— Тебе необходим отпуск на Земле, — перебила Свон, не желая слушать дальше.

Внезапно до нее дошло, что Женетт выглядит усталым. Обычно у маленьких это трудно понять; на первый взгляд они всегда безмятежны, точно куклы, или невинны, как дети. Но теперь она увидела покрасневшие глаза, слегка засалившиеся светлые волосы, прическу — простой конский хвост, из которого выбиваются волоски.

И гримасу, вовсе не похожую на обычную ироническую усмешку.

— Да, отпуск мне необходим. Я уже запаздываю. Надеюсь, расследование скоро приведет нас туда, потому что я подустал. Мондрагон прекрасен, но огромное число террариев в него не входит, и на некоторых живут настоящие психопаты. Вот что мы получили, не навязывая всем единый закон, предоставляя всем свободу воли. У нас неприятности, я вижу. Когда к политической неадекватности добавляются психические проблемы из-за пребывания в космосе, может оказаться, что это перебор. Возможно, мы здесь пытаемся добиться невозможной адаптации.

— Так что же делать? — снова спросила она.

Женетт снова пожал плечами.

— Держаться, наверное. Может, нам еще предстоит понять, что постдефицитность существует не только на небе, но и в аду. Все может накладываться друг на друга, как в квантовом компьютере, когда в нем сбоит волновая функция. Добро и зло, искусство и война. Все это потенциально существует.

— Но что же делать?

В ответ Женетт с легкой улыбкой подвинулся и сел, свесив ноги со стола, похожий на садового

Будду или Тару[54], стройный и стильный.

— Я хочу поговорить с Ваном. Пытаюсь понять, как это сделать. И с твоим другом Варамом. Это гораздо проще. А потом… Все зависит от того, что я узнаю. Кстати, Алекс случайно не оставляла тебе письмо для меня или кого-то еще?

— Нет!

Поднятая рука, как у несокрушимого Будды.

— Не надо раздражаться. Просто хотелось бы, чтобы она оставила мне письмо, вот и все. Для нее это была просто подстраховка на случай, если с ней произойдет нечто непредвиденное. Она, вероятно, решила, что Ван расскажет остальной группе о ее планах. Надеюсь, он это сделает.

На следующий день команда инспектора узнала новости. После совещания Женетт пришел и сказал Свон.

— Компьютер Вана выявил на орбите между Юпитером и Сатурном астероид, который сместился так, будто с него выпущена масса на Меркурий. Смещение происходило в течение шести месяцев примерно три года назад. Ван просмотрел все записи Лиги Сатурна о полетах

---

[54] Примечания: 54

Тара — в буддизме будда в женском облике, в махаяне — женщина-бодхисатва; женское существо, достигшее совершенства и освобождения, но отказавшееся от ухода в нирвану из сострадания к людям.

кораблей в этом пространстве, и выяснилось, что этот астероид покинул некий маленький корабль; он направился оттуда в верхний слой атмосферы Сатурна. Мог нырнуть, но вошел в верхние облака под таким углом, будто собирался там затаиться. Так иногда делают. Если это верно, мы сможем его выследить.

— Это хорошо, — сказала Свон. — но… нить дал квантовый компьютер Вана?

Женетт пожал плечами.

— Знаю. Однако на корабль указала Лига Сатурна, и они отследили его спуск по транспондеру. Они также проанализировали все данные транспондера и знают, что корабль принадлежит земному консорциуму.

— Земному!

— Да. Не знаю, как это истолковать, но, видишь ли, тучу камней невозможно запустить из атмосферы, из-под купола или навеса. Это должно происходить в открытом космосе, в вакууме. Так что если ты на Земле вздумаешь такое сделать, тебе придется отправиться в космос.

— Это я понимаю. Но — Земля? То есть я хочу сказать, кто на Земле…

Инспектор так остро глянул на нее, что она осеклась.

— На Земле свыше пятисот организаций, противодействующих переселению людей в космос, — сказал Женетт.

— Но почему?

— Обычные доводы — проблемы Земли остаются нерешенными, а жители космоса стараются просто уйти от этих проблем. Часто телесные модификации жителей космоса признают доказательством начала насильственного разделения человечества. Для нас предложено название Homo sapiens celestis. Некоторые называют это видообразованием. Многие земляне не используют возможности продления жизни. Утверждают также, что космическая цивилизация извращенна, порочна, воплощает упадок и ужасна. Воплощенная дегуманизация человеческой истории.

— Черт возьми, — сказала Свон. — Как подумаешь, сколько добра мы им делаем!

— Прошу вас, — сказал Женетт, — проводите отпуска в закрытых местах.

Свон ненадолго задумалась.

— Так что мы будем делать?

— Хочу отправиться на Сатурн, поискать этот маленький корабль. Паспарту считает, что может рассчитать его местонахождение по точке входа.

— Я могу лететь с тобой?

— Сказать «буду этому рад» — ничего не сказать. Мы уже в пути.

* * *

«Скорое правосудие» высадило их на пароме к проходящему мимо террарию «Внутренняя Монголия», замечательному полому астероиду с пологими зелеными холмами, линию которых часто нарушали выступы черных скал, где обитали табуны диких лошадей и неуловимые волчьи стаи, — животные, особенно любимые Свон. На вершинах холмов располагались небольшие поселки, что-то вроде скопления красивых юрт, окруженных газонами. Женетт прихватил с собой всего двух помощников и много времени проводил с ними в одной из юрт; как поняла Свон, обсуждали различные другие дела.

Однажды Свон бродила с утра по травянистым холмам, пытаясь отыскать волков — безуспешно; к концу дня она набрела на курорт из множества юрт на вершине холма, с широким пологим газоном, с большими бассейнами, со множеством горячих ванн и авиарием под навесом, где висели корзины с цветами и множеством различных стрижеобразных, зябликов и прочих певчих птиц. Склон холма ниже них напоминал зеленый

ковер, так тщательно он был подстрижен. Свон он показался исключительно нарядным, резко отличавшимся от диких холмов, где она провела утро. Она миновала двух женщин, которые смеялись, словно находя картину нелепой, и на ходу заметила:

— И чего здесь смешного?

Они прекратили смеяться, и одна показала куда-то на вершину холма.

— Вон там три человека в странных одеяниях сказали нам, что они квантовые компьютеры в теле андроидов, и спросили, не кажется ли нам, что они успешно выдают себя за людей? Мы ответили, что, вероятно, да, но… — тут женщины снова переглянулись и рассмеялись. — Но они выдали себя этим вопросом.

Свон заметила троих, сидящих на траве у бассейна.

— Любопытно, — сказала она и направилась к ним. — Полина, ты слышала? — спросила она по дороге наверх.

— Да.

— Хорошо, тогда молчи и будь внимательна.

* * *

Существует старая гипотеза: люди не испытывают неловкости с роботами только когда те выглядят наподобие ящиков или совсем неотличимы от человека; в последнем случае робот просто воспринимается как другая личность. Но между этими двумя крайностями находится то, что гипотеза называет «зоной ужаса» — зоной, где все то, да не то, похожее, но иное, и поэтому вызывает у людей невольное отвращение, омерзение и страх. Гипотеза достаточно правдоподобная; но, поскольку так и не удалось создать робота, неотличимого от человека, чтобы проверить ближайшую к нам границу «зоны ужаса», гипотеза осталась гипотезой. И вот сейчас, предположительно, Свон представлялась возможность исследовать ближнюю границу этой «зоны ужаса».

Безвкусное оформление курорта, казалось, распространялось и на этих троих в длинных викторианских кринолиновых костюмах. Они походили друг на друга как братья или клонированные андроиды одной модели. Хотя один казался более женственным, чем два других.

Свон подошла и сказала:

— Здравствуйте, меня зовут Свон, я с Меркурия; там мы с помощью множества квакомов восстанавливаем свой сгоревший город. Мне сказали, вы трое утверждаете, будто вы квакомы, а не биологические люди? Это верно?

Трое смотрели на нее. Тот, у кого были относительно близкие к женским пропорции тела, сказал:

— Да, верно. Садись с нами, выпей чаю. Уже заварился.

И она показала на маленькую переносную печь на земле и маленький сплющенный чайник на голубом огне. Рядом на синем квадрате ткани были расставлены чашки и разложены ложки.

Двое других тоже встретились с ней взглядами и закивали. Один показал на траву рядом с собой.

— Садись, если хочешь.

— Спасибо, — ответила Свон, усаживаясь. — Тут не очень гостеприимные места. Откуда вы?

— Я сделан в Винмаре, — сказал тот, что больше походил на женщину.

— А вы? — спросила Свон у остальных.

— Я не могу пройти тест Тьюринга, — сдержанно ответил один. — Хочешь, сыграем в шахматы?

И все трое рассмеялись. Открытые рты: зубы, десны, язык, внутренняя поверхность щек — все очень человеческое по виду и по движениям.

— Нет, спасибо, — сказала Свон. — Я бы хотела попробовать пройти тест Тьюринга. Почему бы вам не проверить меня?

— Как нам это сделать?

— Как насчет двадцати вопросов?

— Вопросов, на которые можно ответить «да» или «нет»?

— Верно.

— Но кто-нибудь может спросить нас, не являемся ли мы подобием человека, мы ответим, и на все потребуется только один вопрос.

— Верно. А что если разрешить только косвенные вопросы?

— Все равно просто. Что если сделать это совсем без вопросов?

— Настоящие люди все время задают друг другу вопросы.

— Но один из нас или больше одного не настоящие люди. А тест предложила ты.

— Тоже верно. Ну хорошо, давайте рассмотрим вас. Расскажите мне о «Внутренней Монголии».

— Прелестная «Внутренняя Монголия», завершенная в этом году, выдолбленная…

— Опустошенная, — добавил один из двоих неопределенной внешности, и все трое рассмеялись.

— Население — около двадцати пяти тысяч человек, — сказал более женоподобный.

— Ты можешь быть квакомом, — сказала Свон. — Всем этим не интересуется ни один человек.

— Ни один?

— Ну, может, некоторые, с причудами. Однако должна сказать, выглядишь ты великолепно.

— Спасибо, сегодня я решила надеть зеленое, тебе нравится? — Показывая зеленый рукав.

— Очень красиво. Можно посмотреть поближе?

— На платье или на кожу?

— На кожу, конечно.

Все трое рассмеялись.

Смех, думала Свон, разглядывая кожу этого существа. Могут ли роботы смеяться? Она не знала. Кожа в мелких волосяных фолликулах, на сгибах легкие морщинки; на запястье и предплечье почти прозрачные волоски; на внутренней стороне запястья волосы чуть длиннее и темнее; на ладони четыре постоянные линии, здесь кожа тоньше, но темнее, и под ней видны извилистые,

взбухшие вены. На коже ладони легкие завитки, словно папиллярные линии — на пальцах и на ладони. Линия жизни — длинная извилистая дуга. Очень похоже на руку человека, на кожу человека. Если это искусственная кожа, она великолепно сделана; говорят, труднее всего добиться естественности. Если это биологическая кожа, выращенная в лаборатории и натянутая на каркас, это поразительно в другом отношении. Кажется, невозможно сделать искусственную человеческую кожу… хотя, конечно, искусство создания материалов значительно возросло, и теперь достижимо очень многое. Можно ставить цели, задавать параметры — делать что угодно.

Остается вопрос, кому нужно нечто столь необычное. А с другой стороны, люди постоянно совершают странные поступки. Сделать искусственного человека — очень древняя мечта. Пусть бессмысленная, но традиционная. И вот они сидят перед ней. А она не знает, что видит перед собой. И это само по себе интересно.

Секс с машиной — интересно ли это или просто сложная форма самоудовлетворения? Будет ли квантовый компьютер адекватно реагировать на твои реакции? А будет ли секс у него?

Если она хочет узнать, придется попробовать.

Новый подход к более общей проблеме сознания квакомов. Когда имеешь дело с квакомом, нужно постоянно помнить, что, какими бы ни были внешние проявления, там никого нет дома: нет сознания, нет Другого, только заложенные создателями реакции на тот или иной стимул. Как бы сложен ни был алгоритм, он не то же, что сознание. Свон была убеждена в этом, однако даже Полина часто удивляла ее, поэтому очень трудно бывало не поддаться иллюзии.

— У тебя прекрасная кожа. Моей плоти кажется, что это плоть.

— Спасибо.

— Ты думаешь? Думаешь?

— Я совершенно точно думаю, — ответила женоподобная.

— Значит, у тебя возникает последовательность идей, которые переходят из одной в другую более или менее постоянным потоком, путем свободных ассоциаций, от темы к теме, и так возникают все те мысли, которые у тебя бывают?

— Не уверена, что это именно так. Мне кажется, дело скорее в раздражителях и реакциях: мои мысли отвечают на раздражитель — входящую информацию. Например, сейчас я думаю о тебе и о твоих вопросах, о том, как мое зеленое платье

смотрится на фоне зеленой травы, и о том, что мы будем есть за обедом — я немного голодна…

— Значит, вы едите пищу?

— Да, мы едим пищу. Если честно, мне трудно не переедать.

— Мне тоже, — сказала Свон. — Так думаешь ли ты о сексе со мной?

Все трое смотрели на нее.

— Но ведь мы только что встретились, — сказал один.

— Если подумать, так бывает часто.

— Правда? Не уверен.

— Поверь, это так.

— У меня нет оснований верить тебе, — сказал второй. — Я для этого недостаточно тебя знаю.

— А разве хоть кто-нибудь достаточно хорошо знает кого-нибудь? — спросил третий.

Все трое рассмеялись.

— *Поверить* кому-нибудь *другому?* — сказала похожая на женщину. — Вряд ли!

Они снова рассмеялись. Пожалуй, они слишком много смеются.

— Вы что, на наркотиках? — спросила Свон.

— Разве кофеин наркотик?

Теперь они откровенно хихикали.

— Вы все глупые девчонки, — сказала Свон.

— Это верно, — призналась похожая на женщину. Она наполнила чаем четыре чашки и раздала. Второй раскрыл корзину, достал оттуда разное печенье, сухое и сдобное, и раздал это, кладя на небольшие белые салфетки. Все с аппетитом принялись за еду. Трое местных ели как люди.

— Вы плаваете? — спросила Свон. — Плаваете? Принимаете горячие ванны?

— Я принимаю горячие ванны, — сказал третий, и все трое захихикали, прикрываясь салфетками.

— А может, искупаемся? — спросила Свон. — Вы купаетесь без одежды? Так я смогла бы увидеть ваши тела.

— А мы твое!

— Отлично.

— Похоже, будет очень забавно, — сказала женоподобная, и все снова рассмеялись.

— Давайте! — воскликнул второй.

— Я хочу допить чай, — строго сказала женственная. — Он вкусный.

Закончив, они встали и с грацией танцоров повели Свон к бассейну, где уже плавали люди, одни в купальниках, другие нагишом. В самом мелком бассейне, где на небольшую круглую крышу падал фонтан, образуя обтекаемое водой

убежище, плескались дети. Трое радушных хозяев Свон собрали все нужное для обеда, сняли через голову платья и вошли в воду. Женственная оказалась по-девичьи стройной и гибкой; у других двоих были мускулистые тела гинандроморфов: широкие бедра, грудь не плоская, но и не вполне женская; среднее соотношение длины торса и ног и объема талии и бедер, волосатые гениталии, скорее женские, но с небольшими пенисами и яичками, как у самой Свон. Сказать что-то еще без близкого осмотра невозможно. Впрочем, увиденное ни о чем не говорило: создать гениталии гораздо легче, чем кожу на руках.

Теперь в воду. Свон видела, что плавают они хорошо; у них, похоже, такой же удельный вес, как и у людей. Значит, по-видимому, нет стального каркаса. Возможно, внутренности не полностью искусственные, а покрытые слоем тканей и кожи. Глубокий вдох позволял им становиться легче воды, почти как ей. Глаза тоже почти как у нее — мигают, смотрят по сторонам, влажные. Можно ли сделать все части человека, собрать их, и получить функционирующий организм? Маловероятно. Сама природа не так уж хороша в этом, думала Свон, чувствуя, как болит поврежденное колено. Создать точную копию… ну если сосредо-

точиться только на функциональных аспектах.

— Вы, глупые девчонки, очень занятны, — сказала Свон. — Не могу вас понять.

Они рассмеялись.

— Настоящие люди не станут целый день притворяться перед незнакомцем роботами, — заметила Свон. — Должно быть, вы все-таки роботы.

— Самое необычное чаще всего оказывается правдой, — сказал второй. — Это хорошо известный тест в комментариях к Библии. Полагают, что, вероятно, смоковница проклята Иисусом, иначе зачем вообще там эта история?

Снова смех. Вот уж действительно глупые девчонки. Возможно, человек способен создать мыслящего робота, но только с развитием как у двенадцатилетней девчонки.

Но то, как они плавают. Как ходят. Это трудно; так, во всяком случае, считала Свон.

— Очень странно, — сказала она себе, чрезвычайно довольная. Ей показалось, что дальше все будет просто.

Когда она по колено вошла в воду, они принялись так же откровенно разглядывать ее, как она — их.

— О-о, отличные ноги, — сказал третий. — И

тело красивое.

— Спасибо, — ответила Свон под громкие возгласы остальных двоих.

— Так не стоит говорить: некоторых людей обижают замечания об эстетическом воздействии их тел на других, — заметила женственная.

— Меня не обижают, — возразила Свон.

— Ладно, тогда просто хорошие, — сказала женственная.

— Я просто хотел быть вежливым, — сказал третий.

— Ты слишком дерзок. Ты понятия не имеешь, вежливо это или нет.

— Это был всего лишь комплимент. Нет никаких оснований сердиться. А если перейдешь границы, люди решат, что ты не знаешь их культуры, но все равно не заподозрят тебя в дурном.

— Да, не заподозрят — но откуда ты знаешь, что это не симулякр, посланный проверить нас?

Тут все расхохотались так, что едва не задохнулись, и какое-то время плескали друг в друга водой. Свон присоединилась, потом просто опустилась в воду и немного поплавала, как выдра. Потом схватила третьего, прижала к себе и поцеловала в губы. Тот коротко ответил, потом отстранился.

— Эй, что такое? Тебе не кажется, что я тебя слишком мало знаю?

— Ну и что? Тебе не понравилось?

И Свон снова поцеловала его, проникая языком в его рот; ей показалось, что его язык удивился прикосновению чужого языка.

Освободившись, этот неопределенный сказал:

— Эй! Эй! Эй! Перестань!

Женственная встала и сделала шаг к ним, как будто хотела вмешаться, но Свон повернулась и толкнула ее, так что та упала в мелкую воду.

— Ты что? — со страхом воскликнула она. Свон сильно ударила ее по губам. Голова женщины запрокинулась, изо рта пошла кровь, женщина закричала и попробовала убежать. Двое других встали между нею и Свон, преградив ей дорогу, и закричали на Свон. Свон колотила их кулаками и орала, они с плеском отступали; выбравшись из бассейна, они встали плечо к плечу, замерли и смотрели на Свон; женщина зажимала рукой окровавленный рот. Кровь была красная.

Свон подбоченилась и посмотрела на них.

— Очень интересно, — сказала она. — Но я не люблю, когда меня дурачат.

И с плеском пошла по воде к своей одежде.

Обратно она пошла по кривизне цилиндра,

любуясь на стадо диких лошадей выше на склоне, дуя на разбитые костяшки и обдумывая происшедшее. Она по-прежнему не знала, с кем провела день. Это было странно.

Вернувшись к юртам на холме, она дождалась, пока они с Женеттом остались одни, и сказала:

— Я сегодня познакомилась с тремя людьми, которые утверждают, что они искусственные люди. Андроиды с мозгом квакома.

Женетт посмотрел на нее.

— Познакомилась?

— Да.

— И что?

— Ну… я побила их.

— Побила?

— Да, одного, немного. Но она сама виновата.

— Почему?

— Они меня дурачили.

— Что-то в этом роде ты делаешь своими абрамовичами.

— Совсем нет. Я не дурачу людей, это был бы театр. А абрамовичи не театр.

— Ну, может, и они никого не дурачили, — сказал Женетт, нахмурившись. — Об этом нужно подумать. Отчеты о подобных инцидентах поступали с Венеры и Марса. Слухи о кваком-гумано-

идах, которые иногда себя ведут необычно. Мы начали отслеживать это. Кое-кого из таких людей нашли и установили за ними наблюдение.

— Значит, это действительно андроиды?

— Думаю, да. Мы просканировали некоторых, и это подтвердилось. Но пока нам известно очень мало.

— Да кому это нужно?

— Не знаю. Но если мобильные квакомы, способные передвигаться, оставаясь незамеченными, существуют, это объяснило бы многое из происходящего. Я прикажу своей группе присмотреться к этим твоим знакомым.

— Я думаю, они люди, — сказала Свон. — Меня просто разыгрывали.

— По-твоему, это люди выдавали себя за симулякров? Этакий спектакль?

— Да.

— Но зачем?

— Не знаю. Зачем человек забирается в ящик и притворяется механическим шахматистом? Это старая мечта. Своего рода театр.

— Может быть. Но я все равно присмотрюсь — происходят странные вещи.

— Отлично, — сказала Свон. — Но, по-моему, это люди. Сами-то они утверждают обратное. А

что за проблема с этими машинами, если они машины?

— Проблема в квакомах, которые выходят в мир, передвигаются и совершают разнообразные поступки. Что они делают? Что должны делать? Кто их производит? И, поскольку в нападениях явно задействованы квакомы, мы ставим вопрос, имеют ли отношение к нападениям эти машины? Участвуют ли в этом?

— Гм, — сказала Свон.

— Возможно, в действительности вопрос всего один, — сказал инспектор. — Почему квакомы меняются?

Перечни (7)

непредвиденный (непредусмотренный) разрыв… бракованный шов… отказ шлюза… неудача… искра гипербарического огня… повышение содержания окиси углерода… повышение содержания двуокиси углерода… ошибка в конструкции… трещина в капоте двигателя… внезапная потеря воздуха… солнечная вспышка… некачественное (загрязненное) топливо… усталость металла… усталость сознания… удар молнии… удар метеорита… случайное превышение критической массы… отказ тормозов… выроненный инструмент… падение после того, как споткнулся… утрата охладителя… дефект изготовления… ошибка в программе… человеческая ошибка… разгерметизация… возгорание аккумулятора… помрачение рассудка… преступное поведение ИИ… саботаж… неправильное решение… замыкание… ожидание отпуска, приводящее к отклонениям в сознании… всплеск космического излучения…

(Из «Журнала происшествий в космосе», том 297, 2308 год)

Извлечения (8)

Большое влияние оказала периодизация, предложенная Шарлоттой Шотбек. Конечно, сама идея периодизации противоречива и даже сомнительна: часто при ее проведении зажмуриваются и воинственно машут руками, воспроизводя мифы из сплошного «шумного, буйного смятения» задокументированного прошлого. Тем не менее, похоже, действительно существует разница в жизни человека, скажем, Средневековья и Возрождения или Просвещения и эпохи Постмодерна. Чем вызвано это отличие — изменениями в производственных процессах, в структуре чувств, в научных парадигмах, в династической преемственности, в технологическом прогрессе или в культурных метаморфозах — не имеет практического значения. Пробужденные тени создают шаблон, рассказывают историю, которой могут следовать люди.

Долгое время почти повсеместно была принята периодизация, включавшая феодальный период и Возрождение, за которыми следовало Раннее новое время (семнадцатый и восемнадцатый века), Новое время (девятнадцатый и двадцатый

века) и Постмодерн (двадцатый и двадцать первый века), после чего однозначно потребовалось новое название. Эта потребность долго приводила к созданию соперничающих систем, и это соперничество (наряду с общей увлеченностью историков этого периода микротемами) препятствовало распространению общепринятой новой классификации предыдущих периодов. И лишь в конце двадцать третьего столетия Шарлотта Шотбек предложила историческому сообществу свою периодизацию того, что называется «затянувшимся постмодерном» и о чем бесконечно спорили на конференциях. Позже она призналась, что ее периодизация первоначально была шуточной, но вопреки этому (а может, благодаря) стала очень влиятельной и почти общепризнанной.

По Шотбек, «затянувшийся постмодерн» следует разделить на:

Смятение (колебания): 2005–2060. От последних лет Постмодерна (Шарлотта определяет эту дату по году объявления Организацией Объединенных Наций о переменах в климате) до наступления Кризиса. Напрасно потраченные годы.

Кризис: 2060–2130. Исчезновение летнего льда

в Арктике, неумолимое таяние вечной мерзлоты и связанные с этим высвобождение метана и неизбежный подъем уровня моря. В этот период все плохие тенденции, породив «девятый вал», приводят к росту средней глобальной температуры на 5 градусов Кельвина и подъему уровня моря на пять метров, что в итоге вызывает к 21 20 году недостаток продовольствия, массовые бунты, катастрофический рост смертности на всех континентах и исчезновение множества видов фауны и флоры. Первые базы на Луне, научные станции на Марсе.

Поворот: 21 30—2160. Verteswandel (то есть «мутация ценностей», любимый термин Шотбек), за которой следуют революции; мощные ИИ; самовоспроизводящиеся фабрики, начало терраформирования Марса; использование энергии ядерного синтеза; быстрое развитие биосинтеза; попытки улучшить климат, в том числе катастрофический Малый ледниковый период 2142–2154 годов; космические лифты на Земле и на Марсе; стремительное завоевание космоса; возникновение космической диаспоры; подписание Мондрагонского договора. Таким образом начинается

Ускорение (Аччелерандо): 2160–2220. Исполь-

зование новых технологических возможностей, среди прочего увеличение продолжительности жизни; терраформирование Марса и последующая Марсианская революция; охват диаспорой всей Солнечной системы; выдалбливание террариев; начало терраформирования Венеры; строительство Терминатора; Марс присоединяется к Мондрагонскому договору.

Замедление (Ритардандо): 2220–2270. Причины Замедления неясны, но историки называют завершение терраформирования Марса, его выход из Мондрагонского договора и растущий изоляционизм, заселение всех лучших террариев и исчерпание свободного доступа к гелию, азоту, редкоземельным элементам, ископаемым видам топлива и фотосинтезу. Становится очевидным, что увеличение продолжительности жизни столкнулось с проблемами и доступно не для всех. В последнее время историки подчеркивают, что в этот период тридцатикубитовые квантовые компьютеры достигли петафлопной производительности классических компьютеров, что создало особый тип квантовых компьютеров, именуемых «квакомы»; важным фактором также указывают, что квакомы еще не обрели усовершенствованные функции быстрых ИИ, в то

время как проблемы декогеренции в квантовых компьютерах создали предпосылки для начала следующего периода.

Балканизация: 2270–2320. Рост напряженности отношений Земли и Марса; агрессия и начало холодной войны за контроль над Солнечной системой; марсианский изоляционизм; внутренние проблемы Венеры; решение терраформировать три больших спутника Юпитера; значительное увеличение числа неприсоединившихся терриариев и исчезновение за горизонтом событий многих населенных; рост влияния квакомов; недостаток газообразного сырья и редких веществ приводит к стремлению запасти их и, как следствие, к трайбализму; трагедия присоединившихся обратно; раздробление целого на множество «независимых городов-государств-анклавов».

Термин «постбалканизация» сама Шотбек считает результатом чересчур несдержанной риторики в жарких дискуссиях.

Однако она же пишет, что затянувшаяся балканизация может привести к периоду хуже Замедления или даже Кризиса — возможно, этот период назовут Атомизацией, или Распадом.

Она рассказывает, как на одном выступлении

предположила, что все минувшее тысячелетие можно назвать последним феодальным периодом, а после встречи к ней подошел человек и спросил: «С чего вы взяли, что он последний?»

Но то, что произошло в 2312 году, позволяет предположить, что двадцать четвертое столетие обозначит решительный поворот.

Япет

Япет похож на каштан — приплюснут возле полюсов, а на экваторе у него выпуклый пояс, отчетливо видный из космоса. Почему Япет приплюснут на полюсах? Одно время он был расплавленным и, точно большая капля воды, быстро вращался, и даже сейчас продолжительность суток у него всего семнадцать часов; что-то проходившее мимо заставило его вертеться волчком. Во вращении он затвердел. Откуда выпуклый пояс на экваторе? Никто не знает. Какой-то аспект превращения вращающейся капли в ледяной шар, как признает большинство, какой-то выступ или выброс. Сатурнологи продолжают спорить об этом.

Что бы его ни породило, этот выступ прекрасно вписался в концепцию города: этакая Хай-стрит — главная улица, — проходящая по окружности всего спутника. Город вначале располагался на стороне, обращенной к Сатурну, который в здешнем небе вчетверо крупнее Луны, какой она видна с Земли. Замечательно, когда в небе такая картина, тем более что орбита Япета по отноше-

нию к плоскости колец Сатурна наклонена на семнадцать градусов и потому обеспечивает бесконечно меняющиеся виды этого великолепного подвижного чуда. Со всех остальных спутников кольца видны только ребром. К тому же с бугра Япета видна та половина поверхности спутника, которая ниже бугра на двенадцать-семнадцать километров, так что величественную, окруженную кольцами жемчужину над головой всегда уравновешивает ледяная пустыня внизу.

Цвет поверхности спутника зависит от того, откуда смотреть: главное полушарие Япета совершенно черное, а тонкая атмосфера — абсолютно белая. Это противопоставление, которое заметил астроном Кассини в октябре 1671 года, когда открыл Япет — результат действия приливных сил, остановивших вращение Япета. Одно полушарие всегда остается ночной стороной, и именно там всегда выпадает черная пыль, выбрасываемая движущимся в другую сторону спутником Фебой (второй такой в плоскости колец). За четыре миллиарда лет толщина слоя черной пыли составила всего несколько сантиметров. Противоположное полушарие, собирающее сублимируемый на темной стороне иней, покрыто самым белым в системе льдом. В итоге — двуцветный спутник,

единственный такой во всей Солнечной системе.

Люди, поселившись на Япете, подрезали экваториальный бугор до каменно-алюминиевой основы. Для базовых структур города были использованы формы раковин разных видов. Некоторые ровные участки на бугре оставили открытыми — космопорты, посадочные площадки для космических кораблей, — но большую часть бугра теперь накрывал длинный навес-галерея, раскинувшийся над зданиями, которые стояли на широких бульварах, параллельных Хай-стрит, и чередовались с фермами, парками, садами и лесами. Воздух под навесом всегда теплый, архитектура зданий довольно открытая, так что в обрамлении потолков и крыш часто бывает виден Сатурн. Биомимикрия раковин позволила строителям использовать кальций, извлекая его из-под мантий, а сами эти мягкие структуры генетическими манипуляциями модифицированы по форме, что позволило архитекторам надстраивать биокерамические структуры слой над слоем, возводя здания, точно кораллы, пока пространство под навесом не заполнилось. Как и большинство биокерамических структур, скошенные слоистые конструкции создавались в виде гребешков, зубцов, отростков, вееров

и других конхологических форм, отчего ряды зданий напоминают ряды огромных раковин. В связи с этим часто упоминают Сидней с его каноническим зданием оперы, но на самом деле сейчас бугор скорее напоминал Большой Барьерный риф — бесконечные наслоения раковин со множеством отверстий, проделанных трубчатыми червями, — только чтобы сохранять вид на Сатурн.

В темной зоне — Кассини-Реджо — бугор рассекал пространство, на которое время от времени выходили люди на роверах и хопперах, сдували черную пыль и создавали рисунки на белоснежном льду. Везде, где легко создать подобный контраст, человек запечатлевает свои мысли — читай, Вселенная! Еще до возникновения Лиги Сатурна, когда первые люди прилетели с Марса на Титан за азотом и всем прочим, что можно забрать и увезти на красную планету, энтузиасты прилетали сюда и рисовали белым по черному. Пыль сметалась дуновением, легким, как дыхание, и вскоре огромные поля Кассини-Реджо,

точно Ньюспейпер-Рок[55], покрылись петроглифами. Здесь есть белые на черном абстрактные рисунки, звери, схематические человечки, кокопелли, надписи из букв множества разных алфавитов, портреты, изображения особенностей ландшафта, деревьев и других растений. Некоторые области позже были полностью очищены от пыли, а еще позднее раскрашены черным по белому в стиле тром-плей, — то есть так, что глядя с возвышения вы видите одно, а из космоса — что-то другое.

Граффити на Япете! Впоследствии это объявят ошибкой, скандальным поведением, нравственной глухотой и даже преступлением, в любом случае мерзостью; раздавались призывы вновь полностью зачернить Кассини-Реджо. Когда-нибудь это может произойти, но не особо надейтесь: правда в том, что мы здесь, чтобы заявить о себе Вселенной и, когда нам дают в руки средство сделать это, трудно им не воспользоваться. Все ландшафтное искусство говорит об этом: мы живем на табула раса и должны заполнять ее. Это

[55] Примечания: 55

Государственный исторический памятник Ньюспейпер-Рок, буквально «Газетный камень», расположен в юго-восточной части штата Юта на западе США. Достопримечательностью памятника является плоский скалистый утес, где обнаружена крупная коллекция петроглифов.

наш мир, и его красота — исключительно у нас в голове. Даже сегодня люди иногда уходят за горизонт, чтобы оставить свои инициалы в пыли.

Варам дома

Варам вернулся домой, преследуемый призраками. Несмотря на все свои теории, он по-прежнему оставался в туннеле. Он пытался вернуться в псевдоитератив своей жизни на Япете, и в некоторых отношениях это далось легко: свою прошлую жизнь здесь он никогда не забудет. День или два было странно, что очутившись в городе, куда не приезжал много лет, он все равно, проснувшись, волшебным образом знал, куда пойти, знал, что в маленьком магазинчике за углом можно купить свежий хлеб, молоко и прочее: тогда все эти промежуточные годы уходят, и ты опять дома. Утром на работу, вниз по длинной эспланаде под северной стеной-окном, выходящим на огромный спуск вдоль бугра. Белое с черным на краю района Кассини, обширный китайский пейзаж — черная тушь на белой бумаге. Возле небольшой площади в квадратной башне с белыми стенами размещались несколько департаментов Совета, здесь много знакомых; он как будто возвращался к своей ранней реинкарнации. Он может все проделать точно, сыграть, как актер в пьесе,

написанной в прошлом столетии, может жить повседневной благонадежной обычной жизнью, взяв за основу дежавю, которое он воскресил в себе, — но нет.

Нет. Ведь гораздо более сильный псевдоитератив туннеля по-прежнему заполняет его сознание и накладывается на сиюминутные ощущения. И поскольку Япет в настоящем был по большей части Япетом воспроизведенным, для Варама гораздо более ярким оказалось прошлое, то, что он пережил вместе с подругой с Меркурия. Он постоянно думал о ней. Не так уж велики меркурианские особенности Свон, но там, внизу, она пережила очень многое. И он с ней. Свон защитила его у входа в лифт и сделала это так обыденно, словно это само собой разумелось, когда размышлять было некогда: мгновенный животный рефлекс. А у него было гораздо больше времени для раздумий, когда он помогал ей бороться с лучевой болезнью.

И вот, когда ему казалось, будто он ни о чем не думает, он обнаружил, что насвистывает Бетховена и при этом слышит нечеловечески виртуозные трели жаворонка. Он задумался о том, как это звучало на самом деле, и все ли время вела запись Полина, и можно ли вновь проиграть

созданную ими музыку — в виде просто записи… И эти бедные музыканты… Возможно, запись всегда искажает воспоминания, и не стоит ее искать. Лучше слышать, переживая все заново. По-настоящему он снова это услышит лишь если они повторят свой «концерт».

Нет. Нужно думать о чем-нибудь другом, вернуться в настоящее. Возможно, он снова где-нибудь встретится со Свон, и они опять будут свистеть… или нет. Скорее нет — они ведь в реальном мире. Итак… недавнее или нет, прошлое есть прошлое; единственная реальность — настоящее. Нужно создать новый псевдоитератив, который не будет зависеть от привычек, выработанных за три или четыре жизни. Нужен новый Япет; тогда, возможно, воспоминания о Свон займут должное место.

И вот он отправился в парк, откуда был прекрасно виден Сатурн, — на вечернюю прогулку, посовещаться с великим окольцованным божеством, возможно, увидеть, как над гигантом, словно драгоценный камень, висит его настоящий дом, Титан, а то и рассчитывая, что прогулка в парке вернет ощущение дома. В парке он встретит небольшую группу музыкантов, которые заиграют новую мелодию, все ее подхватят, а

он сможет либо слушать, либо насвистывать — даже начать новую партию, в свой черед, финал Шестой или финал Седьмой, и музыканты подхватят, и исполнят на своих инструментах всю партитуру. Сатурн над головой, истинно талантливые музыканты… эти мгновения очистят его, полностью поглотят, и Свон будет с ним в его сознании. Какой у нее характер!

В дни, когда нет заседаний Совета и различных рабочих комиссий, можно проехаться по городу, выйти у ворот для небесных лодок, взять одну такую лодку и спуститься по гигантскому склону бугра Япета в район белых волн с черными гребнями: там одна часть напоминает смятую снежную простыню, а другая подобна замерзшим волнам на водной поверхности. Отдельные бугры там величиной с большие холмы. Лодка будет скользить по откосу гигантского бугра, оставляя след, подпрыгивая, будет съезжать косо — под углом сорок пять градусов — или строго вертикально, и спуск даже на самой большой скорости займет весь день. Поездка такая долгая, что люди, спускаясь в больших кораблях, устраивали пирушки; иногда Варам тоже это пробовал. Внизу садились в фуникулеры и начинали подъем; все были в отличном настроении и иногда начинали

петь; пили шнапс и пели Шуберта. Все это Варам когда-то тоже делал, в свой первый год жизни на Япете, но оно почему-то не вошло в привычку и забылось. А теперь воспоминания о Свон вызвали к жизни и это.

Даже работа заставляла вспомнить Свон: Совет обсуждал договор с Лигой Вулкана о получении света — ведь Терминатор разрушен. Варам указал коллегам, что Терминатор вскоре будет восстановлен и снова заселен, он останется участником договора, и у них уже есть с ним соглашение. Смерть Алекс его не отменяет. Он видел, что, хотя его слова справедливы, коллеги считают его пристрастным, и потому в дальнейшем молчал и только слушал, что говорят остальные; ничего удивительного в их словах не было: большинству не нравилось, главным образом, соглашение с Меркурием, и поэтому сейчас они говорили о заключении нового договора с Лигой Вулкана или даже с отдельными ее представителями. Ведь это не космические корабли, а маленькие астероиды на гравитационно стабильных орбитах, удаленные от Солнца на расстояния от 0,06 до 0,21 астрономической единицы, — тридцатикилометровые камни, у которых обращенная к солнцу поверхность раскалена добела; они достаточно

велики, чтобы закрепить огромные зеркала и создать внутренние помещения, чтобы заселить их операторами и приверженцами такой жизни. Некоторые коллеги Варама настаивали на том, что это самостоятельные города-государства, такие же, как в других местах, и внешние силы вроде Терминатора не должны быть их посредниками, что бы ни утверждала Алекс. Как бы понравилось городам-государствам из Лиги Сатурна, если бы какая-то группа с Юпитера объявила себя их представителем только потому, что находится между Сатурном и цивилизацией? Какой главный довод приводит Терминатор? Следует ли считать это очередным шагом к тому, что некоторые именуют интеграцией по Александрин — объединением усилий всей Солнечной системы, к чему и стремилась Алекс?

Не совсем, отвечали другие (к облегчению Варама, потому что он работал с Алекс именно над этим проектом), не совсем так, как это формулируют коллеги, но в контексте обвинений объяснить будет трудно. Гораздо лучше наблюдать молча, пусть спор разворачивается долго и неторопливо, что вообще типично для заседаний Совета, пока не перейдут к какому-нибудь Другому вопросу. Главные виновники затяну-

тости заседания — члены Совета с Гипериона и Тетиса; оба очень многословны и маниакально сосредоточены на мельчайших подробностях обсуждаемого вопроса. Совет в Лиге Сатурна — одна из многих организаций из временно назначаемых работников, а постоянный штат, призванный им помогать, часто действует в стиле сэра Хамфри[56], незаметно приводя своих нанимателей ко всем решениям. Но некоторые министры, избранные на год и отвечающие за благополучие системы Сатурна, пытаются самостоятельно принимать решения, а для этого им нужна была полная информация. Восхитительно в теории, но ужасно медленно на практике.

Их обсуждение колебалось между двумя точками зрения. Первая: Меркурий — законный и всеми одобренный партнер и посредник в этих операциях — может ухудшить положение Сатурна, и ему есть что предложить; вторая: жители Меркурия вмешиваются в чужие дела, они сумели навязать свой рэкет новым маленьким поселениям внутри своей орбиты, и нужно воспользоваться их трудным положением и разо-

[56] Примечания: 56

Сэр Хамфри Эпплби — герой английских телесериалов «Да, господин министр» и «Да, господин премьер-министр», мастер манипулирования людьми, из-за кулис руководящий своим начальником.

рвать договор.

В конечном счете Совет пришел к решению, которое Варам предвидел еще несколько часов назад: поскольку Варам сочувствует жителям Меркурия, ему нужно вернуться, изучив обстановку, поговорить с Львятами и узнать, кто будет следующей Львицей; потом навестить вулканоидов и выслушать их соображения касательно предложения, сделанного Меркурием Сатурну. Ему даны полномочия исключить Терминатор из договора, если он решит, что это полезно.

Возможно, следовало отказаться — по той причине, что ему совсем не понравилась последняя инструкция, но он сообразил, что другой уполномоченный может навредить Меркурию еще больше. А в конечном счете это предложение означало, что он скоро вновь окажется ближе к Солнцу; над этим стоило подумать. Что касается инструкций, он подумает о них, прибыв на место. В царстве Алекс посол, как в старину, прежде всего дипломат, наделенный правом принимать решения и проводить их в жизнь. Когда он туда явится, дела могут принять совсем другой оборот. Обладая некоторой прозорливостью, он почти не сомневался, что все станет совсем другим.

Поэтому он ничего не сказал, просто согласился

выполнить поручение.

Тогда встал Сатир с Пана:

— Скажи, считаешь ли ты, что эти усилия повредят прочим проектам Алекс? Кстати, напомни остальным членам Совета, что это за проекты и как они осуществляются без Алекс.

Варам напряженно кивнул, обдумывая ответ. Он и остальные помощники Алекс старались держаться незаметно, и многие члены Совета почти не уделяли внимания их проектам и их финансированию.

— Алекс вела дела по каждому проекту отдельно, чтобы избежать проблем. Некоторыми из них занималась группа, организованная вокруг Вана и инспектора Жана Женетта. Для того чтобы все это обсудить, пришлось бы перейти в специально оборудованное защищенное помещение, но достаточно сказать, что Алекс активно участвовала в Мондрагонском проекте помощи Земле в отношении многочисленных экологических проблем. Над этим работают многие террарии Мондрагона, это их собственная инициатива, и мы согласились им помочь. Также ведется расследование роли квакомов в некоторых странных происшествиях на Марсе, Венере, Ио и в других местах. Расследование продолжится независимо

от решения относительно вулканоидов: это лишь одна из многих проблем, хотя, конечно, важная.

Совет, не пожелавший уйти в защищенное помещение и разорвать связь с облаком и радио, завершил встречу. Варам вернулся в свою комнату. Его «ясли» держали небольшую квартиру в жилом квартале, выходящем на площадь, где селились почти исключительно жители Титана, рестораны и магазины там тоже происходили с Титана. Здесь Варам жил с другими членами своих яслей и наслаждался поддержкой: они сочувствовали ему, понимая, как тяжело подолгу жить в полном одиночестве. В ожидании корабля, который отвезет его внутрь системы, Варам ходил на встречи Совета, работал на Титане — давал ежедневные консультации — и участвовал в жизни Япета, помогая в столовой своего здания. Он ходил на концерты, примкнул к небольшой группе музыкантов в парке, наполнял и мыл тарелки. Уворачиваясь от посетителей и официантов в ресторане и постоянно решая мелкие проблемы лавирования, он вспоминал, что Пруст сравнивал работающий ресторан с движением планет Солнечной системы; это сравнение всегда казалось ему диковинным, пока он не проверил его на личном опыте в одном ресторане, потом в

другом: тогда он вспомнил второй закон термодинамики, закон Бека о распределении энергии во Вселенной и представил себе огромный планетарий. Скоро он отправится внутрь системы и отыщет некую жительницу Меркурия…

Но тут она сама позвонила. Она летела на Сатурн вместе с Жаном Женеттом; они собирались спуститься в облака на самом Сатурне и поискать космический корабль, который, возможно, дрейфует в верхних слоях атмосферы. Она хотела, чтобы он организовал для них нырок в атмосферу Сатурна и, если возможно, сам в нем поучаствовал.

— Было бы неплохо, — ответил он. — Я в твоем распоряжении.

Это действительно было почти так.

Перечень (8)

Прометей, Пандора, Янус, Эпиметей и Мимас — вот спутники, которые пасут кольца Сатурна.

Кольцам всего четыреста миллионов лет; они возникли в результате прохождения ледяного астероида, пришедшего из пояса Койпе-ра; пройдя слишком близко от Сатурна, астероид потерял всю свою массу вплоть до ядра.

Мимас — круглый астероид 400 километров в диаметре, а диаметр кратера Гершеля на нем — сто сорок километров. Удар, образовавший кратер Гершеля, едва не расколол Мимас пополам.

Гиперион — осколок, появившийся в результате подобного столкновения, расколовшего спутник; формой он напоминает хоккейную шайбу. Вдоль направления удара породы испарились, и спутник треснул пополам, как раскалывается гранит. Поверхность раскола похожа на осиное гнездо, вся усеяна присыпанными пылью неровными углублениями.

Пандора напоминает горошину.

Тетис и Диона имеют по 1100 миль в поперечнике (представьте себе Францию), у обоих расколотая поверхность усеяна кратерами со

стенами в милю высотой. Пропасть Итака на Тетисе вдвое глубже и вчетверо длиннее Большого Каньона, она в тысячу раз старше и носит следы бесконечных сатурнианских баталий.

С другой стороны, Диону в 2110-х годах расчленили самовоспроизводящиеся резчики льда, и сегменты размером с Гектор отправились внутрь системы, к Венере. Они столкнулись с Венерой по касательной вдоль экватора и обеспечили Венере глубокую впадину для моря и воду, чтобы заполнить эту впадину; к тому же они выбили в космос значительную часть удушающей атмосферы Венеры.

Рея шириной с Аляску, с обычным набором кратеров, среди них есть и свежие, от их ледяных центров ярко отражается солнце.

Орбита Япета на 17 градусов наклонена к плоскости экватора Сатурна и оттого дает один из лучших видов на кольца Сатурна; поэтому Япет очень популярен. На его бугре расположен самый крупный город системы Сатурна.

Эпиметей — бесформенная груда произвольно слепленных камней. Каждые восемь лет он меняется орбитами с Япетом; это спутники с чередующимися орбитами (коорбитальные) — весьма редкое явление, следствие давних столкновений.

Энцелад покрыт ледяными полями. Никаких кратеров — ледяная поверхность еще совсем свежая и постоянно сглаживается, поскольку глубоко под ней залегает жидкий океан. Тепловые источники нагревают до кипения эту насыщенную углекислотой воду, создавая гейзеры, которые выбрасываются в космос на много километров. В полете вода быстро замерзает, и часть ее образует малое кольцо E; остальное падает обратно и твердеет, превращаясь в лед. В 2244 году в океане Энцелада обнаружили микроскопические формы жизни, и на его поверхности открыли научную станцию; возник культ, члены которого принимают внутрь эти чуждые формы жизни. Последствия пока не выявлены.

Существует двадцать шесть нерегулярных маленьких спутников. Все это объекты пояса Койпера, захваченные, когда пролетали через более разреженную раннюю газовую атмосферу Сатурна. Самый большой из этих спутников — 22 километра в поперечнике — Феба, у него обратная и слегка наклонная орбита (угол наклона к плоскости орбиты Сатурна составляет 26 градусов), это еще одно популярное место наблюдения за кольцами.

Титан — самый крупный спутник Сатурна, он

больше Меркурия или Плутона. О Титане еще будет далее.

Извлечения (9)

Вопрос совместимости — можно ли найти решение проблемы

Если конечное число шагов дает ответ, проблему может решить машина Тьюринга

Является ли Вселенная эквивалентом машины Тьюринга? Это еще не ясно

Машины Тьюринга не всегда могут сказать, что результат достигнут. Оператор перехода машины Тьюринга дает каждой проблеме обозначение X, последовательно более сложной проблеме — X прим. Постановка перед машиной Тьюринга задачи самой создавать переходы Тьюринга приводит к появлению рекурсивного результата типа уроборос

Все проблемы, какие способны решить квантовые компьютеры, способны решить и компьютеры классические. Использование явлений квантовой механики просто увеличивает скорость операций

две популярные физические модели: точки

и жидкости. Квантовые точки — это электроны, пойманные в клетку из атомов, а потом с помощью лазерных лучей переведенные в накладывающиеся позиции (суперпозиции). Воздействуя на квантовые жидкости (со связями между ядрами на манер молекулы кофеина) магнитными полями, ядрам их атомов сообщают одинаковый спин; а затем с помощью техники ЯМР (ядерного магнитного резонанса) выявляют эти ядра и подталкивают их

При утрате суперпозиции происходит декогеренция, и ее следствия заранее неизвестны. Проводятся синхронно параллельные ряды квантовых расчетов, чтобы получить все возможные результаты

Использование суперпозиции для расчетов означает необходимость как можно дольше избегать декогеренции. Это оказалось трудным и до сих пор ограничивает размер и мощность квантовых компьютеров. Различные физические и химические средства создания и связи кубитов увеличили число кубитов, которые можно связать, прежде чем декогеренция уничтожит расчет, но

Квантовые компьютеры применяются в основ-

ном для расчетов, которые возможно провести быстрее, чем при суперпозициях волновых функций начнется декогеренция. Целое столетие квантовые расчеты были ограничены временем в десять секунд

Квакомы — это функционирующие при комнатной температуре квантовые компьютеры на базе тридцати кубитов; границы декогеренции для связанных квакомов вместе с петафлопной производительностью классических компьютеров позволяют стабилизировать операции и работу с базами данных. Самые мощные квакомы теоретически способны рассчитать движение всех атомов Солнца и Солнечной системы до самого края зоны солнечного ветра

Квакомы быстрее классических компьютеров только тогда, когда могут использовать квантовый параллелизм. Умножают они не быстрее. Но вот при разложении на множители положение меняется: число из тысячи цифр классический компьютер разложит на множители за десять миллионов миллиардов миллиардов лет (продолжительность существования Вселенной 13,7 миллиарда лет); кваком, используя алгоритм Шора, проделает то же самое за двадцать минут

Алгоритм Гровера означает следующее: при случайном подборе шагов компьютер затратит год работы, при квантовых шагах сделает всего 185 попыток

Алгоритм Шора, алгоритм Гровера, алгоритм Перельмана, алгоритм Сикорского, алгоритм Нгуена, алгоритм Вана, дополнительные алгоритмы Вана, кембриджский алгоритм, алгоритм Левермора

связность также подвержена декогеренции. Физическая утеря квантовых связей необходима для введения декогеренции в полезные временные границы. Преждевременная, или нежелательная, декогеренция устанавливает границы применимости квантовых компьютеров, но эти границы весьма широки

оказалось, что для компьютерных расчетов легче манипулировать суперпозициями, чем связью, и в этом объяснение многих

квантовая база данных эффективно распределена по совокупности вселенных

две поляризованные частицы подвергаются декогеренции одновременно, независимо от физического расстояния между ними, следова-

тельно, скорость передачи информации может превышать скорость света. Это было экспериментально подтверждено в конце двадцатого века. Прибор, использующий это явление для связи, — такие приборы были созданы — называется ансибл. Однако нежелательная декогеренция приводит к тому, что максимальное расстояние между приборами составляет всего 9 сантиметров, причем оба прибора следует охладить до одной миллионной градуса Кельвина выше абсолютного нуля. Физические ограничения свидетельствуют о том, что дальнейший прогресс будет в лучшем случае асимптотическим

мощный, но изолированный и дискретный, в чем-то подобный мозгу

вопросы о квантовых эффектах Пенроуза в мозге признаны не имеющими ясного ответа; то же самое по определению относится к квантовым компьютерам. Если обе структуры являются квантовыми компьютерами и относительно одной из них можно с уверенностью утверждать, что она наделена сознанием, как знать, что происходит в другой структуре?

максимальная теоретическая скорость операций в человеческом мозге — 10^{16} операций в

секунду

компьютеры в миллиарды и триллионы раз быстрее человеческого мозга. Вопрос сводится к программированию: что действительно означают операции компьютера

иерархический порядок мыслей, обобщение, настроение, аффект, воля

суперрекурсивные алгоритмы, гиперрасчеты, суперзадачи, прогнозы по методу проб и ошибок, механизмы индуктивного вмешательства, эволюционные компьютеры, неопределенные расчеты, трансрекурсивные операторы

если ваша компьютерная программа предусматривает цель, означает ли наличие этой цели волеизъявление? Обладает ли компьютер свободной волей, если его цель закладывает программист? Чем отличается такое программирование от того, как программируют нас наши гены и мозг? Является ли запрограммированная воля послушной, рабской волей? Является ли таковой человеческая воля? И разве эта воля не есть колыбель и источник всей развратности, извращенности, проступков и гнева?

может ли квантовый компьютер сам програм-

мировать себя?

Варам, и Свон, и Женетт

Варам видел, как Свон выходит из дверей шлюза и осматривается в его поисках. Когда она его заметила, он помахал; она ответила тем же, и Варам подумал, что у нее странно напряженное лицо и голова чуть наклонена набок. Свон приглядела к нему внимательнее — стараясь понять, в каком он настроении. Варам вдруг вспомнил, что во плоти она целый мешок проблем. Он кивнул чуть энергичнее, чем обычно, стараясь вселить в нее уверенность, потом подумал, что этого может оказаться недостаточно, протянул руки — и тут же понял, что сразу оказался в другом мире, своноцентричном и полном сложностей. Она обняла его, и он осознал, что тоже обнимает ее; может, этого он и ждал.

Из шлюза вышел Женетт и остановился, глядя на них; Варам поздоровался с ним еще одним кивком.

— Значит, вы хотите отыскать один из подвешенных кораблей? — спросил он.

Да, хотят. По-видимому, это как-то связано с нападением на Терминатор. Варам провел их

через космопорт к выходу на железнодорожную станцию, откуда можно было добраться до паромов на полярную орбиту около Сатурна. Такие орбиты пользовались большой популярностью, потому что с них удобно было разглядывать кольца Сатурна и шестиугольный циклон на его южном полюсе. Варам уже получил у властей разрешение использовать в верхних слоях атмосферы планеты облачный дайвер; вероятно, Совет был доволен, что при этом он выполняет свои задачи связного.

Они летели с одним пилотом; по дороге к северному полюсу Свон и инспектор рассказывали Вараму, чем занимались с тех пор, как покинули Меркурий. Варам из-за распоряжения Совета не мог ответить тем же и искупал такую неразговорчивость множеством вопросов о расследовании и его результатах. Результаты оказались очень любопытными, даже тревожными; задумавшись над предположением, что кто-то может уничтожать целые террарии, Варам едва не потерял нить разговора. То, что расследование свело круг возможных подозреваемых ко всему населению Земли, не показалось Вараму успехом. Все беды с Земли, как говорится.

Облачные дайверы — небольшие корабли; хотя

они быстрые, полет занял столько времени, что Свон начала проявлять признаки беспокойства, хорошо знакомые Вараму. К счастью, они добрались до северного полюса и увидели темную сторону колец: сейчас на этом полушарии была зима. Солнце окрасило кольца в персиковый цвет, круговая штриховка была такой тонкой и такой масштабной, что захватывало дух. Темная сторона колец была гораздо ярче ночной стороны планеты, отчего возникал словно бы ореол — картина жуткой красоты, и все это на синеве зимнего полюса Сатурна.

Свон висела на привязных ремнях и смотрела в окно, на время утратив дар речи. Варам наслаждался ее реакцией, и не только из-за облегчения и внезапной тишины. Для него северный полюс Сатурна всегда был невероятно прекрасен: лучший вид в Солнечной системе.

Они спускались к огромной планете, пока та не потеряла сферичность и не превратилась в великолепную пастель кобальтового цвета — синий пол вселенной с куполом черного пространства над этим полом. Казалось, две плоскости: синяя и черная — едва разделены и встречаются на горизонте, как плоскости в эллиптической геометрии.

Еще чуть ниже они оказались среди армад грандиозных туч, движущихся в этой зоне на восток вдоль семьдесят пятой широты. Темно-лазурный, бирюзовый, индиго, бледно-голубой — казалось, здесь в облаках есть все бесконечное разнообразие оттенков синего. В полосе более южных широт дул сильный встречный ветер, и два слоя неслись друг мимо друга со скоростью две тысячи километров в час, превращая все это пространство в царство диких водоворотов-смерчей. Важно было держаться поодаль от их свирепого взаимодействия, но, поскольку ширина полос составляла много тысяч километров, это было нетрудно.

В отличие от Юпитера меньший гигант не создавал радиационных полей, поэтому некоторая небольшая часть населения постоянно пребывала в плавающих кораблях, годами висящих в верхних слоях атмосферы Сатурна; были здесь и обитаемые платформы, подвешенные к гигантским воздушным шарам. Шары делали гигантскими специально, чтобы создавать подъемную силу и обеспечивать летучесть; когда эти цели достигнуты, облака предоставляют убежище, физическое, юридическое и психологическое. Лига по возможности присматривала за этими

облаками, но если корабль опускался достаточно глубоко и старался не обнаруживать своего присутствия, найти его было очень трудно.

Теперь их маленький дайвер летел между грозовыми тучами толщиной в сто километров, и хотя обычно в подобном случае говорят, что в таких обстоятельствах пропадает перспектива — картина, куда ни глянь, совершенно одинаковая, — на самом деле было не так: эти тучи величиной с крупные астероиды вырастали из более глубинных облачных формирований, и далеко под собой летящие видели дождевые облака, перистые облака, кучевые облака, хлопьевидные, башенковидные — по существу, весь каталог Говарда; все они сплетались друг с другом, вместе составляя поверхность газового гиганта. На далеком юге можно было увидеть край зоны облаков и скопления смерчей, высокие куполообразные вершины ураганов. Иногда посреди полосы, над которой они летели, тоже возникал вихрь, и тогда можно было заглянуть в голубые глубины планеты, газообразные, но издали похожие на туман, собирающийся над поверхностью жидкости. Время от времени увернуться от какого-нибудь особенно высокого облака не удавалось, тогда видимость внезапно ограничивали

туманные синие вспышки и корабль трясло так, что даже мгновенная реакция корабельного ИИ не позволяла этого избежать. Корабль трясло и подбрасывало, пока не улучшалась видимость, а окружающее тогда казалось еще синее, чем всегда. Большую часть времени они летели по ветру, но иногда приходилось идти поперек воздушных струй. В такие моменты корабль бросало не меньше, чем в облаке.

Они видели, что впереди каньон чистого пространства сужается и совсем исчезает. Дальше вращался ураганный столб, такой гигантский, что Земля показалась бы на нем челном святого Брендана[57].

— Придется пройти над ним, — сказал капитан; корабль пошел вверх и поднимался, пока плоская вращающаяся вершина урагана не оказалась под ними. Над головой показались звезды на их обычных местах.

— Здесь бывают летуны? — спросила Свон. — В этих облачных каньонах летает кто-нибудь в птичьих костюмах?

---

[57] Примечания: 57

Брендан Клонфертский, ок. 484 — ок. 578, прозванный «Мореплавателем» или «Путешественником» — один из ранних ирландских монашеских святых. Прославился главным образом Свон. и полулегендарными поисками Очарованной страны.

— Да, изредка, — ответил Варам. — Обычно это ученые, занятые исследованиями. До недавних пор подобное считалось слишком опасными. Пространство еще не окультурено до той степени, к которой ты привыкла.

Свон мотнула головой.

— Вероятно, ты просто не знаешь.

— Может быть. Но думаю, что знаю.

— Ты ведь сам здесь бываешь не часто?

— Нет.

— Полетишь со мной вниз?

— Я не умею летать.

— Можно поручить управление птичьим костюмом ИИ и быть просто пассажиром.

— Но ты больше чем пассажир?

— Конечно. — Она неодобрительно посмотрела на него. — Люди летают в любом пространстве, где можно летать. Наши птичьи мозги требуют этого.

— Не сомневаюсь.

— Полетишь со мной, — сказала она так, словно победила в споре и получила его обещание.

Варам прижал подбородок к шее.

— Значит, ты летунья?

— Когда могу.

Он не знал, что сказать. Если Свон думает, что

он будет уступать при таком беззастенчивом запугивании и по-прежнему любить ее, она ошибается. Нет уж! Но, возможно, уже поздно. Когти слишком глубоко впились в его грудь; он чувствует, как они тянут его за собой; он прочно заарканен, ему очень-очень интересно, на что она способна. Он даже готов согласиться на такую глупость, как птичий полет в облаках Сатурна. Как это возможно? Женщина даже не его типа — ах, Марсель, если б ты только знала! — эта Свон еще хуже Одетты.

— Может, когда-нибудь, — сказал он, не желая спорить. — Но ведь сейчас мы ищем этот твой корабль.

— Действительно, — вмешался инспектор Женетт. — И похоже приближаемся к нему.

Продолжая спуск, они нырнули в очередное облако. Корабль сильно и постоянно вибрировал. Под ними было тридцать тысяч километров неуклонно сгущающегося газа, а дальше слой густой смеси, которую очень трудно охарактеризовать и которая и есть истинная «поверхность» планеты. По слухам, там, в глубинах, прячутся корабли, и Варам опасался, что корабль, который они ищут, тоже там. Но впереди показался космолет — оловянный на синем фоне, он висел под

гигантским надувным каплевидным баллоном. Потом, как привидение, снова исчез в облаке, откуда на мгновение явился.

Брошенный корабль раскачивался под своим баллоном, намного темнее облака — что-то шоколадного цвета, ненадолго окрашивающееся в оранжевый или бронзовый цвет, потом снова темнеющее. Чтобы нарисовать такую картину в музыке, подумал Варам, нужно одновременно играть Сати[58] и Вагнера: капля грусти на фоне грандиозных туч — маленький забытый корабль.

Они пристегнулись, заняв места в маленьком хоппере, и тот вылетел из шлюза, содрогаясь в потоках газов. Из тумана показалась темная масса брошенного корабля. Варам не мог не вспомнить о «Марии Селесте»[59] и о плавучем доме отца Гекльберри Финна. Пришлось отбросить эти допотопные россказни и сосредоточиться на деле: судя по внешнему виду, типичный астероидный

---

[58] Примечания: 58

Эрик Сати — французский композитор и пианист, один из реформаторов европейской музыки 1-й четверти XX столетия.

[59] Примечания: 59

«Мария Целеста» («Мария Селеста») — судно, покинутое экипажем по невыясненной причине и найденное 4 декабря 1872 года в 400 милях от Гибралтара судном «Деи Грация». Классический пример корабля-призрака.

траулер со старомодным дейтериево-тритиевым двигателем на корме.

— Это тот, кто вам нужен? — спросил Варам.

— Думаю, да, — ответил инспектор Женетт. — Когда он был у вас, ваши службы поместили на него «жучок», и сейчас мы получаем сигнал. Давайте посмотрим.

Они причалили (пилот искусно справился с трудной задачей на сильном ветру). Когда магниты пристыковали хоппер к кораблю, они втроем и еще два помощника Женетта надели скафандры и вышли, все на «нитях Ариадны».

Свон выходила первой и коснулась двери шлюза сразу перед выступом двигателя. Когда она нажала на пластину, загорелся зеленый свет и шлюз открылся. Потом мелькнул яркий свет — и тут же исчез; Свон вскрикнула.

Женетт подлетел к ней и навис над плечом, как ангел-хранитель; он оттащил Свон.

— Минутку. Мне это не нравится. Паспарту сообщил мне, что корабль сейчас отправил мощный радиосигнал.

Маленький инспектор первым вошел в шлюз и достал из кармана два инструмента, похожих на резчик металла.

— Возможно, сигнал исходил отсюда. — У двери

шлюза к стене был прикреплен ящик. — Добавочное устройство. Маленький часовой. Мог снять изображение и передать его. Возьмем его с собой.

Свон заколотила по стене рядом с ящиком.

— Вот тебе! Мы здесь!

— Они уже знают, — ответил Женетт, работая над маленьким ящиком осторожно, словно над раковиной галиотиса. — Но, возможно, нам это на руку. Этот корабль откуда-то взялся, и мы сможем его проследить. Заберем с собой его ИИ.

Другие следователи Интерплана открыли дверь во внутренние помещения; там, казалось, было так же пусто, как в пространстве снаружи. Варам прошел внутрь вслед за остальными. Освещение есть, мостик кажется готовым к работе, и все же ни воздуха, ни людей.

— Все знают, что у корабля есть ИИ, — сказал Варам. — Почему они подвесили корабль здесь? Разве не проще избавиться от него?

— Не знаю. Может, хотели использовать его снова и не знали о следящей системе Лиги Сатурна.

— Мне это не нравится.

— Мне тоже.

— Может, это корабль неприсоединившихся, — сказала Свон. — Никаких записей с самого

старта.

— Разве есть корабли вне официальных реестров? — спросил Варам.

— Есть, — коротко ответил Женетт, вставляя провод Паспарту в порт одной из консолей.

— Мы опускаемся, — сказал Паспарту.

— Надо уходить, — объявил Женетт. — Паспарту говорит, баллоны, которые держат корабль, сдуваются. Баллоны гигантские, но нам надо уносить ноги, пока корабль не начал падать.

Они побежали по короткому коридору к шлюзу. Пилот дайвера торопил их, чтобы поскорее отчалить; они падали на Сатурн тем быстрее, чем больше опустошались баллоны. Все пятеро набились в шлюз, инспектор и его помощники заняли совсем немного места в его верхней части, напоминая фигуры на фасаде. Когда открылась наружная дверь, они устремились в космос. Баллон наверху уже заметно опустел, стал более тонким и плоским. Тем не менее помощники инспектора облетели корпус корабля, делая снимки.

— Смотри, — сказал Женетт одному из них. — Отверстия от винтов. Сделай образцы нарезки.

Ведомые своими «нитями Ариадны», они вернулись в облачный дайвер. Едва оказавшись в

шлюзе, почувствовали, что дайвер отстыковывается и начинает подъем. Когда группа вернулась на мостик; пилот был слишком занят управлением или слишком вежлив, чтобы комментировать их поведение. Они поднимались сквозь тучи; корабль сильно дрожал.

— Мы уже отчалили, — раздраженно сказал Женетт пилоту. — Можно не торопиться.

Варам, наоборот, радовался быстрому подъему. В его молодости люди не ныряли к планетам; ему это по-прежнему казалось очень опасной дерзостью.

Когда они вышли из облаков и оказались в свободном пространстве, он слегка успокоился. Поднявшись достаточно высоко, они смогли некоторое время видеть полосы на юге и на севере — ветер гнал их в противоположных направлениях; на этих полосах тучи поднимались выше корабля, и поэтому казалось, что он плывет по очень широкому каналу, берега которого стремительно несутся против течения.

Когда поднялись еще выше, инспектор Женетт показал Свон экран своего компьютера на запястье.

— Получено подтверждение. Корабль принадлежал транспортной фирме с Земли. Фирма

не сообщала о его пропаже. Последний зарегистрированный порт — астероид, который нас интересует.

Свон кивнула и посмотрела на Варама.

— Дальше я лечу на Землю, — сказала она. — Хочешь со мной?

— Мне все равно вниз по системе, — осторожно ответил Варам. — Так что, думаю, могу составить компанию.

— Хорошо, — сказала она. — Отправимся вместе. Казалось, она не подозревает, что он человек, которого следует опасаться. Это хорошо, даже подбадривает, но, к сожалению, неверно.

Он с трудом сглотнул.

— Могу я до отлета показать тебе Сатурн? Полеты в кольцах совсем другие, тебе может понравиться. И познакомлю тебя со своими яслями. С моей семьей.

Он видел, что она удивилась. Снова сглотнул, стараясь под ее взглядом выглядеть спокойным.

— Хорошо, — сказала она.

Свон и кольца Сатурна

У инспектора Женетта и его группы были дела на Сатурне, и они собирались здесь задержаться, поэтому Свон могла принять предложение Варама. Вел он себя как-то необычно, не сводил с нее глаз, просвечивал, как рентгеном, — жабий взгляд, да. Ей вспомнилось, как он посмотрел на нее, когда она сообщила, что проглотила штамм чужаков с Энцелада: сквозь туман, окутывавший этот эпизод, проступали только взгляд Варама и выражение лица — удивленное: бывают же идиоты. Что ж, пусть привыкает. Она не нормальна, она даже не человек, а своего рода симбионт. С того времени как она проглотила штамм чужаков, она не чувствует себя прежней — если, конечно, признать, что в ней когда-то что-то было. Может быть, у нее в глазах всегда мелькали яркие огни, а ощущение пространства было острым до боли или радости и ощущение собственной значимости тоже. Может, микробы с Энцелада изменили в ней не больше, чем другие микробы, попадающие в желудок. Она вообще не знает, кто она.

Выражение лица Варама как будто свидетель-

ствовало, что он тоже этого не знает.

Посещение яслей Варама на Япете оказалось всего-навсего заурядным обедом на коммунальной кухне.

— Это мои друзья и семья, — сказал Варам, знакомя Свон с группой, сидевшей за длинным столом. Свон кивнула, все хором поздоровались, и Варам провел ее вдоль стола и познакомил с каждым.

— Моя жена Джойс. Робин. Мой муж Дана.

Дана кивнула так, что напомнила Свон Варама, и сказала:

— Варам забавен. Мне кажется, я была женой, когда он появился в наших яслях.

— О нет, — сказал Варам. — Женой был я, уверяю тебя.

Дана улыбнулась и чуть сощурилась, скрывая несогласие.

— Может, мы оба были женами. Дело давнее. Во всяком случае, мисс Свон, добро пожаловать на Япет. Мы счастливы, что принимаем у себя известного дизайнера. Надеюсь, вам понравилось на Сатурне?

— Да, было очень интересно, — сказала Свон. — А теперь Варам собирается прокатить меня в кольца.

Варам провел ее дальше и познакомил еще с несколькими людьми, чьи имена она сразу забыла; ей кивали, махали рукой — но молча. Вначале с ней немного поболтали, потом вернулись к своему разговору, оставив Варама и его гостью в покое. На щеках Варама выступили красные пятна, но он, казалось, был доволен и легко общался с членами своих яслей. Возможно, на Сатурне такой прием считается сногсшибательным, подумала Свон.

Вскоре после знакомства с «семьей» они отправились на Прометей, внутренний спутник-пастух кольца F. Попеременное действие гравитационных полей Прометея и Пандоры, внешнего спутника-пастуха кольца F, разделило кольцо F на полосы из миллиардов ледяных осколков, потоки которых сложно сплетаются и совсем не похожи на ровные поверхности остальных колец. В результате приливные силы вздымали на этом кольце две большие волны. А там, где есть волны, есть и серферы.

Прометей оказался спутником-картофелиной длиной 120 километров. Его самый большой кратер на ближайшей к кольцу F оконечности, был накрыт куполом, и здесь, у самого края купола, располагалась станция.

Под куполом им встретилась группа серферов; они описали местную волну, которой очень гордились. Прометей достигает апоапсиды, то есть самой дальней от Сатурна точки, каждые 14,7 часа и всякий раз при этом почти касается медленно вращающейся ледяной стены, которая представляет собой внутреннюю строну кольца F. Прометей движется по орбите быстрее кусков льда, поэтому, проходя мимо колец, из-за гравитационного эффекта под названием «Кеплеровы ножницы» тянет за собой шлейф из ледяных осколков. Дугообразный шлейф из кусков льда всегда появляется на постоянном расстоянии от Прометея, и это так же предсказуемо, как появление волны за кормой лодки. Волна для каждой апоапсиды появляется на 3,2 градуса дальше предыдущей, так что можно рассчитать, когда поймать эту волну и когда сойти с нее.

— Одна волна? Раз в пятнадцать часов? — спросила Свон.

Этого достаточно, заверили ее местные, широко улыбаясь. Большего не требуется. Один заезд длится несколько часов.

— Часов? — переспросила Свон.

Опять улыбки. Свон повернулась к Вараму и, как обычно, не смогла разгадать непроницаемое

выражение его лица.

— Ты тоже пойдешь? — спросила она.

— Да.

— А раньше делал это?

— Нет.

Она рассмеялась.

— Хорошо. Давай попробуем.

Для математического моделирования кольца можно считать жидкостью, с любого расстояния они кажутся жидкими, в бороздах плотных концентрических волн. Приблизившись, можно увидеть, что кольцо F, как и другие кольца, состоит из кусков льда и ледяной пыли; все это располагается лентами, которые местами утончаются или утолщаются и все движутся почти с одной скоростью. Тяготение: здесь его действие заметно в чистом виде, без вмешательства ветра, солнечной радиации или чего-нибудь еще — только праща вращающегося Сатурна да несколько малых конкурирующих притяжений, и все это создает своеобразный шаблон.

Прометей для серферов — лучшее место для входа в волну; те, кто отправился со Свон и Варамом, сообщили, что до и после каждого из них пойдут опытные ветераны, они поведут их и помогут, если понадобится. Их засыпали советами,

как поймать волну, но Свон согласно кивала и тотчас забывала совет: серфинг везде серфинг. Надо на определенной скорости поймать промежуток между волнами — и вперед.

Все оделись и направились к шлюзу. Белая зубчатая стена кольца F поднималась совсем рядом: более компактные скопления обломков казались полосатыми и перекрученными, но в целом поверхность кольца выглядела исключительно ровной — и не шире десяти метров с севера на юг по отношению к Сатурну. Десять метров — это не высота волны, а ее ширина, значит, каждый может легко соскочить с полосы, и его тут же заметят и подберут, если что-то будет неладно. Волны, на которых ездила раньше Свон, в большинстве своем были совсем не такие, но она не тревожилась.

Они все ближе подходили к ледяной стене, и наконец Свон начала различать отдельные куски льда — величиной от песчинки до скафандра; среди них иногда попадались целые ледовые конструкции. Однажды она увидела временную агломерацию размером с небольшой дом, но та на глазах распалась. Вот белый завиток отделился от стены и поплыл выше, к Сатурну, огромный шар которого сейчас никому не интересен.

Направляясь к волне, Свон проверила двигатели, нажимая кнопки кончиками пальцев, как кларнетист, и намеренно продвигаясь вперед небольшими рывками. Двигатели у скафандров везде одинаковые; Свон сосредоточилась на приближающейся волне — та вздымалась над ней, как волна Хиросигэ; высотой десять километров, быстро росла. Свон следовало повернуть и разгоняясь двигаться в том же направлении, но медленнее, чтобы оставаться перед волной. Это самое трудное…

Потом она оказалась в белой среде, и на нее стали налетать куски. Она чуть наддала, чтобы голова оставалась надо льдом, словно хотела вынырнуть из пены в соленой воде, но это были куски, не вода, эти куски уносили ее и били — ничего подобного в воде не случалось. Но вот ее скорость сравнялась со скоростью волны, голова поднялась над поверхностью, и Свон смогла осмотреться: очень похоже на бодисерфинг; Свон засмеялась и закричала — она летела на десятикилометровой ледяной волне. Она радостно кричала и не могла остановиться. И все остальные серферы тоже хрипло вопили.

На самом деле волна была лишь отдельным срезом шириной с комнату и чуть толще самой

Свон — двумерная волна, так сказать, поэтому казалось, будто с нее легко спрыгнуть, отлететь на двигателях под малым углом. И невозможно было нырнуть по-дельфиньи в белый прибой. Может, кто-то из серферов это и делал, но Свон понимала, что не справится. К тому же ей хотелось смотреть!

Она чувствовала, как волна поднимает ее и толкает вперед. Ее не только подталкивали куски льда — ее тянуло тяготение. От льда оставалось ощущение легких ударов камешками, и все это вместе тащило ее вперед. Возможно, кто-то и умел держаться на этой массе, стоя на доске для серфинга, Свон даже видела, что кто-то так и стоит, управляя доской, как лодкой. Но большинство, как и она, погружались всем телом — возможно, потому, что перемещения обеспечивали только двигатели. Свон всегда предпочитала погружение в воду скольжению на досках. Быть объектом полета, бросаться в пространство, где дышишь, и, оставаясь неподвижной, лететь вперед на бешеной скорости…

Волна подхватила ее и бросила — на редкость стремительно. Куски льда были в основном размером с мячи от теннисного до баскетбольного, и, высунувшись так, что в волне оставались только

ноги, можно было хвататься за крупные куски и передвигаться с их помощью. Волна продолжала подниматься, но Свон плыла словно лодка в прибое — нельзя упереться в дно, если волна начнет рушиться на тебя. Эта волна постепенно теряла силу и растворялась, даже не обрушившись. Не слишком хорошо… но самое время развлечься.

Улучив момент, Свон прыгнула на крупный кусок льда и, перескакивая со льдины на льдину, добралась туда, куда хотела, — на границу белого ледяного потока и темного пустого пространства, куда устремлялся этот поток; там она танцевала на белых кусках, скользила по осыпи, как будто бежала вниз по склону горы, внезапно сделавшейся жидкой. Свон смеялась, привыкнув к новой среде. На общей частоте по-прежнему слышались крики и смех. Фигура рядом с ней, возможно, Варам; прыгает с поразительным проворством, как танцующие бегемоты в «Фантазии». Свон рассмеялась. Она чувствовала, как ее тянет к Прометею; должно быть, нечто подобное чувствует пеликан, когда поднимается с волны в воздух. Гравитационная волна бросает ее во Вселенную. Вопли других серферов, как волчий вой.

Вернувшись под купол Прометея и выбравшись из скафандра, вспотевшая Свон обняла Варама.

— Спасибо, — сказала она. — Мне это было необходимо! Напомнило… напомнило… В общем было здорово.

Варам с багровым лицом тяжело дышал. Он кивнул, поджав губы.

— Ну, что скажешь? — воскликнула она. — Понравилось?

— Было интересно, — сказал он.

Перечни (9)

Чтобы взлететь с планеты, особенно с Земли, нужны мощные стартовые двигатели.

Ракеты для межорбитальных перелетов должны иметь высокую скорость истечения газа — для экономии горючего.

Двигатель «сферомак», работающий за счет синтеза дейтерия в гелий-3, созданный на Луне, используется с 211 3 года.

Магнитная бутылка с плазменной сердцевиной из антиматерии, марсианской конструкции, в ходу с 2246 года.

Дейтериево-тритиевый реактор, сердцевина которого закрыта литиевой оболочкой для синтеза большего количества трития в ходе реакции — Луна, 2056; в результате распада камеры сгорания два корабля взорвались, все члены экипажа погибли.

Двигатель лазерного нагрева, используемый преимущественно лигами Юпитера и Сатурна для местных перевозок — 2221.

Масс-двигатели для террариев — 2090; часто именуются «рабочими лошадьми».

Инерционные двигатели сдерживаемой ядер-

ной реакции — Марс, 2237.

Микросинтез в орионском формате, субкритические массы кюрия-245, сжатые до синтеза Z-давлением и передающие магнитный импульс двигателям ракеты, — Каллисто, 2271.

Орионский стиль (внешние плазменные двигатели) — Луна, 2106.

Магнитоплазмодинамический двигатель, переход калия в гелий — Каллисто, 2284.

«Солнечный мотылек», аварийная система перемещения для кораблей с неисправным двигателем: половина корпуса покрывается серебром, солнечный свет проходит только в окно камеры бойлера, где горючим служит водород и смесь щелочных металлов. Малая скорость истечения, не слишком мощен далее орбиты Марса, но почти не занимает места, пока не используется. Марс, 2099.

Разнообразные магнитоплазменные импульсные двигатели, по необходимости варьирующие мощность в широких пределах, — Каллисто, 2278.

достижения физики, науки о материалах и построении ракетных двигателей плюс растущие потребности в росте скорости и эффективности горючего обеспечивают промышленную гонку в

области создания новых установок; в соперничестве Луны, Марса и Каллисто мы вскоре можем увидеть...

Киран и Лакшми

Оказавшись очередной раз возле железнодорожной станции «Клеопатра», Киран позвонил по номеру, который дала ему Свон. Ответила сама Лакшми. Когда он объяснил, откуда у него номер, она назвала ему адрес столовой поблизости, где подавали лапшу, сказала, что будет через час, и действительно пришла. Лакшми оказалась венерианкой классического типа — высокой, черноволосой, красивой, неразговорчивой. Сочетание китайской внешности с индийским именем напомнило Кирану других встреченных им людей; ему объяснили на рынке, что жители Венеры хотят отмежеваться от своей прежней родины и поэтому предпочитают некитайские имена.

— Не прекращай работать на Шукру, — сразу сказала Лакшми, хотя Шукра оставил его в состоянии *сюаньфу* (движущегося хаоса). Она поможет ему попасть в *ко со* (переводчик подсказал, что оба слова обозначают «место», но «со» означает «собственное место» и часто значит «рабочий отряд»). Она даст ему лучшую работу, он станет

курьером, будет перевозить вещи и информацию от одного *сяоцзинько* к другому. *Сяоцзинько* — небольшое хранилище золота. Кирану это понравилось. Он согласился. Только тогда Лакшми сказала, что он будет получать *цзиньсинь гунчжи* — «невидимую плату». Это звучало хуже, но она сказала это так, что Киран поверил — все будет нормально.

Заканчивая описание его новой работы, Лакшми посмотрела на него.

— Шукра получил тебя от Свон Эр Хон, но не использовал. Он считает тебя глупым? Или Свон? Или меня?

Киран едва не сказал: «Может, это Шукра глупый», но Лакшми, по-видимому, не ждала ответа. Она встала и ушла, а час спустя Киран получил новый идентификационный номер, то есть совершенно новую личность и имя. Казалось, никому до этого нет дела. Первым поручением Лакшми было доставить небольшой пакет из Клеопатры назад в Колетт; туда он полетит, чтобы добраться быстрее. Вместе с пакетом Лакшми вручила ему очки-переводчик, похожие на старомодные темные очки с микрофонами в наушниках.

— Этот переводчик лучше, — объяснила она.

Он приобрел билет на самолет и при этом об-

наружил, что у его новой личности множество кредитов — их было столько, что он даже слегка испугался. Но интересно было выяснить, какими ресурсами располагает Лакшми. Может, целым *сяоц-зинько* или даже чем-нибудь покрупнее. Люди на прежней работе сказали Кирану, что Лакшми входит в Рабочую Группу, а Рабочая Группа правит всей Венерой.

Очки-переводчик определенно оказались большим шагом вперед: когда Киран смотрел на китайские вывески с их сложными иероглифами, поверх красными буквами сразу появлялась надпись на английском языке. Диву даешься, сколько информации скрыто в городских надписях, у которых теперь есть краснобуквенный перевод: *«Берегись троих извне»; «Голосуй за Сторми Чанха»; «Замечательное горное пиво»; «Дверь в Средний зал небесных перемен».* Очевидно, клиника по перемене пола. Можно было бы назвать ее *«Даем отцу вторую сестру».*

Но вот он в самолете, потом над бурными облаками, в вечной ночи под солнечным щитом Венеры. Только свет звезд падал на вершины облаков внизу. Пребывание в самолете напомнило ему о Земле. Сама она виднелась в окне голубой двойной бусиной над головой, причем

Земля светилась вдвое ярче Луны, а вместе они были так прекрасны, что захватывало дух. Потом облака немного разошлись, и он увидел вершины большого хребта — очевидно, горы Максвелла. Они составляли часть гигантской горной цепи — венерианских Гималаев.

У входа в его жилье в Колетте к нему подошел человек, и Киран передал ему пакет от Лакшми, а два дня спустя тот же человек попросил его доставить другой пакет в Клеопатру — снова самолетом.

В Клеопатре он согласно инструкции отправился на большой променад, проходивший внутри купола по самому краю кратера. Снаружи с купола постоянной лавиной спускался снег. Пакет нужно было отнести к 328 градусу окружности купола, размеченной на все 360 градусов. Киран увидел, что на променаде все выходы обозначены номерами, как в аэропорту. Ждавший его человек, маленького роста и неопределенного пола, заговорил по-китайски:

— Мы ночные беженцы из Бенгалии, очень важная работа.

Очки Кирана перевели это вслух, вызвав у говорящего улыбку. Он, должно быть, понимал по-английски, и очки сказали что-то забавное, хо-

тя что именно было забавным, Киран не понял.

— Расскажи-ка побольше, — быстро сказал он, и коротышка отвел его в ближайший бар.

Кэсюэ (Наука) сидел на стойке бара, а Киран — на стуле; в течение нескольких часов Киран слушал истории, которые переводили очки. Истории эти не имели для Кирана почти никакого смысла, но были интересными. Они часть проекта, Лакшми — богиня, однажды Наука поцеловал ей ногу и едва не покончил с собой: нельзя прикасаться к богине, ей можно только повиноваться. Киран дал Кэсюэ номер телефона и пообещал новую встречу.

Обратно в Колетт он отвез пакет по суше, на ровере. Он открыл для себя, что при поездке на ровере он единственный почетный пассажир, потому что ровером управлял ИИ. Машина, очень быстрая, с гудением шла по дороге из дробленого камня и утрамбованного гравия и ловко меняла полосы, обгоняя огромные грузовики с рудой. Кабина ровера была отклонена назад, как будто от тяжести в грузовом отсеке. Что за груз, Киран не знал, но на приборной доске постоянно щелкал дозиметр. Может, уран? Пакет, который дал ему Кэсюэ, не был запечатан; Киран заглянул в него, надеясь, что это пройдет незамеченным,

и увидел листки с записями от руки. Китайские иероглифы шли сикось-накось, словно пьяные, и были украшены небольшими рисунками птиц и животных. Очки красными буквами переводили текст:

Только тот, у кого есть глаза, способен видеть.

В великих попытках величественно даже поражение.

Кирану показалось, что это шифр. Он не мог решить, личные это записи или официальные, важные или малозначительные. Однажды Кэсюэ сказал: чтобы обойти и Шукру, и квантовые компьютеры, Лакшми приходится полагаться на произнесенное слово. Возможно, эти записки — того же рода. Наверху очень-очень много запутанного, сказал Кэсюэ.

— Как в Китае? — спросил Киран.

— Нет, — ответил Кэсюэ, — совсем не как в Китае.

Вернувшись в Колетт, Киран у входа в свое жилище отдал пакет все тому же человеку, вернулся в рабочий отряд и несколько недель работал на льду, потом снова получил вызов от Лакшми и отправился в Клеопатру с новым пакетом. Так

происходило несколько раз, и поездки ничем не отличались. Продолжая жить со своим рабочим отрядом в Колетте и выполнять работу, связанную с Шукрой, Киран предположил, что мог случайно стать чем-то вроде крота или двойного агента, но точно не знал. Если кто-то окажется недоволен этим, придется звонить Свон. Однажды чисто случайно, насаживая очки на нос, Киран узнал, что они переводят красными буквами не только написанные иероглифы, но и произнесенные китайские слова. Это великое открытие помогло ему быстрее учиться и, учась, оставаться в игре. Красные надписи покрывали весь видимый мир — врозможно, это и сбивало с толку, но одновременно очень приятно было получать наконец объяснения. Теперь он носил эти очки почти не снимая.

Послания и роверы с радиоактивными грузами то и дело пересекали Спину Иштар. Рассматривая карту, Киран заметил, что гигантское горное плато, занимающее западную половину Иштар (интересно, что это: Плечи Иштар или ее Зад?), называется Равниной Лакшми. Он не знал, совпадение это или аллюзия. Ему приходилось носить личный дозиметр, и количество миллизивертов все возрастало. Хорошо, что в число средств

продления жизни входила и хорошая терапия мутаций.

Много поездок он проделал в одиночестве; ИИ на борту роверов оказались очень простыми. Очки-переводчик были постоянно включены, внимательные, но предсказуемые, как собака. Киран никогда не любил собак, но, пытаясь понять ситуацию, тоже должен был уподобляться собаке.

В Клеопатре после встречи с Кэсюэ он отправлялся на поиски самого шумного бара. Однажды он услышал громкое пение на английском языке: целая группа пела «Балладу о Джоне Риде», и Киран едва не пустился бегом, боясь, что поющие куда-нибудь исчезнут. Но оказалось, что это бар, где поют песни и грубовато шутят, где много плохого пива и очень немногие говорят по-английски. Тем не менее там он познакомился с женщиной по имени Цзяофань (Восстань), и они пошли к ней, а, вынырнув из секса, вернулись в мир речи и проговорили в темноте до искусственного рассвета под куполом города; женщина упомянула, что тоже работает на Лакшми. Киран испытал короткий приступ страха — ему показалось, что это не простое совпадение. Он очень осторожно задал несколько вопросов; судя по ее

ответам, половина жителей Клеопатры работали на Лакшми, так что, возможно, их встреча была просто совпадением. Это понравилось ему больше: не хотелось, чтобы его втянули в заговор, которого он не понимал. Напротив, участвовать в понятном ему заговоре он был согласен. Это означало бы прогресс. И Киран стал регулярно ходить в этот бар; ему помогали очки: некоторые посетители говорили по-английски и кое-кто на телугу, в целом он поговорил со многими. Он садился между уйгуром и вьетнамцем, и те, чтобы понять друг друга, переходили на английский, исковерканный, но понятный. Благословляя империи англичан и американцев, Киран ловил каждое слово.

Он держался своей подруги Цзяофань, когда мог ее найти, и от нее и ее друзей больше узнал о Лакшми. Все подтверждали, что Лакшми входит в Рабочую Группу. Она не любит Шукру; она не любит Китай. Вообще никто не знал, что она любит. Ходили слухи, что в индийской мифологии Лакшми — аватара Кали, богини смерти, а может, наоборот, — точно никто не знал. Говорили, будто Лакшми гермафродит и меняет любовников, как «черная вдова». Никто не стремился привлечь ее внимание. В молодости она жила по всей Венере,

и, говорят, во время отпуска на Земле связалась с пекинскими рэкетирами, кличку ей дали Жандау (Бейся!). У Шукры большие неприятности. «Вот увидишь, скоро он станет *санву.* А может, даже *без четырех,* если она его еще и кастрирует».

По-видимому, Лакшми хотела выбросить замерзшую двуокись углерода в космос под таким углом, чтобы со временем это ускорило вращение Венеры и приведело к появлению на ней естественной смены дня и ночи. Проект отвергли ввиду политики изоляционизма, но у Лакшми в Рабочей Группе большое влияние, и всегда существует возможность, что политика изменится. Кто знает? Рабочая Группа — тайный закрытый клуб, где часты неожиданные вспышки энтузиазма и раздоры. Большинство посетителей бара считали ее опасной силой, не интересующейся обычными жителями Венеры — только в том смысле, чтобы те принимали участие в терраформировании. Иными словами, тот же старый Китай. Среднее царство, расположенное ближе к солнцу. Поэтому Внутреннее царство! У него много названий.

Некоторые в баре говорили, что это преувеличение и штамп. Сейчас-то они сидят в баре, но ежедневно совершают великие дела и потому

являются частью истории Венеры, что бы ни говорили о правительстве, — но такие заявления встречали смехом и презрением. Очевидно, большинство посетителей считали себя всего лишь наблюдателями гигантской драмы, разыгрывающейся над их головами, но эта драма рано или поздно должна утянуть их в водоворот, что бы они ни говорили и чего бы ни хотели. Поэтому лучше было пить, и разговаривать, и петь, и танцевать, пока не отупеешь от усталости, а потом готовиться к новому утреннему выходу. Киран несколько раз сходил с Цзяофань к ее койке в *матрацелагере,* и вот уже его воспринимали как члена ее рабочего отряда. Хорошо.

Однажды, когда он вернулся в Колетт, ему показалось, что за ним следят; заметив это, следивший за ним человек направился к нему. Рослый мужчина; по метаниям его глаз Киран понял, что где-то позади есть и второй. Киран немедленно свернул в переулок и вбежал в магазин под недовольные возгласы покупателей. После этого нужно было как можно быстрее уходить через лабиринт полукруглых улочек и переулков, составлявших центр Колетта. Часто меняя направление, он прибежал в маленький офис Лакшми в Колетте и важно сказал сотрудни-

ку службы безопасности за столом в вестибюле:

— Я к Лакшми.

Глаза у охранника вылезли на лоб, и он направил в лицо Кирану ствол пистолета.

Лакшми потребовалось время, чтобы добраться до Колетта, и до самого ее появления охранники не выпускали Кирана из офиса. Это очень напоминало арест, но Лакшми, появившись, одобрила его бегство.

— В Клеопатре у края кратера есть закрытый дом 123, — сказала Лакшми, выслушав рассказ о его открытии. — Отправляйся в Клеопатру, проводи там время со своей подругой. Просто прогуливайся иногда. Постарайся определить, сколько людей входит в этот дом и выходит из него за день. Я думаю, Шукра старается устроить в моем городе *сяоцзинько.*

— Это как *хавала?* — спросил Киран.

Лакшми словно не слышала его слов. Она вышла, и Киран тоже смог уйти.

Оказавшись снова в Клеопатре, он принялся бродить по городу. Прошел через весь город в 110 район, где радиальных бульваров меньше, а здания по размерам и назначению промышленные. Соответственно большими стали и питейные заведения. Киран вошел в один такой бар около

дома 123 и сел к барной стойке. Включил очки-переводчик и смотрел через них, словно что-то разглядывая; пил плохое пиво и читал перевод того, что говорили рядом.

— Они слишком красивые, это ошибка.

— Лакшми хочет, чтобы они были такими.

— Шшш! Она та, кого не следует называть!

Но Киран слышал их смех. К сожалению, очки не писали красными буквами «ха-ха-ха», как в комиксах.

Целый вечер слушая посетителей, он потом еще постоял на улице, затем на такси поехал к променаду у края кратера и прошелся по интересующему его району, посматривая вниз. Очки записывали разговоры соседей. Позже в тот же вечер, вернувшись к центру города, он сел в баре за угловой столик и просмотрел записи услышанного, надеясь найти что-нибудь интересное. «Она должна это прекратить; и так уже слишком». Но второму это не понравилось. «Мы работаем на Большие Груши, так что продолжай и все».

Киран продолжал просматривать записи, сделанные очками, пытаясь овладеть китайскими интонациями и понять смысл сказанного. Похоже, существует какой-то «человек из Шанхая». *Наньжень хушэн.* Кажется, человек важный. Шан-

хай затоплен, вспомнил Киран. Может, опять зашифрованная фраза? Еще он вспомнил песню в том баре с караоке: «Мой дом был в Шанхае — я прилетел на Венеру, потому что не хочу жить с рыбами; но вот я здесь, и здесь мокро, как на дне моря, и полно акул! Боже милосердный!»

Слово «они», *тамэнь*, по-видимому, относилось к Рабочей Группе или какой-то мощной закулисной силе. «Они» хотят этого, «они» сделают то-то. Рабочая Группа снизу совершенно непрозрачна. Она либо избирается, либо назначается, но как именно ее формируют, не знал никто. В нее входило предположительно пятьдесят человек. Некоторые говорили, что эта группа вроде тонга[60]; другие — что там используют доханьские методы или даже методы забытой североамериканской Ирокезской лиги.

Цзяофань и ее рабочий отряд тоже урывками рассказывали разное. Лакшми работает с другими, в том числе с Вишну (ну конечно же), а также Рамой и Кришной. Принять индийское имя — все равно что срезать косичку в эпоху династии Цин. И если эти люди входят в Рабочую Группу, что это говорит об отношениях Венеры с Китаем?

---

[60] Примечания: 60

Тонг («щипцы», *амер. сленг)* — тайная организация китайцев (часто преступная).

Никто не знал.

Вишну и Рама показываются только на заседаниях, которые проходят в космопорте Клеопатры, так что, возможно, они прилетают с других планет или просто много путешествуют. Кришна живет на Венере, но в Набузане, городе в каньоне на Афродите. Однажды Кирана пригласили в кабинет Лакшми, когда там был Кришна — вернее, так сказала Цзяофань, когда Киран описал ей гостя; он не был представлен и не сказал ни слова.

Новое жилище Шукры, дом № 123, если, конечно, это был дом Шукры, хорошо охраняли; в нем постоянно жили несколько человек, судя по количеству доставляемой еды и объему сырья для рециклирования. Киран много времени проводил по соседству, гуляя вокруг дома и наблюдая за ним, иногда с променада на краю кратера. Он также узнал, что в Клеопатре у людей Лакшми есть несколько охраняемых закрытых домов — возможно, Лакшми считала, что Шукра, делая то же самое, вторгается на ее территорию.

Однажды Киран вернулся в ту часть матраценлагеря, где обосновался рабочий отряд Цзяофань, и обнаружил там совсем других жителей. Цзяофань исчезла. Исчезли Сила Нации, Большой Прыжок и все те, кто принял его в свой отряд.

Управляющий зданием сказал, что они получили вызов из Афродиты и все вместе уехали. Он пожал плечами. Так бывает на Венере, говорил этот жест. Отряд получает приказ и целиком меняет место жизни и работы. Если ты не в отряде, это не твое дело; ты *сюань,* отстающий.

— Нет! — громко воскликнул Киран. — Цзяофань!

Он смеялся с этими людьми, переводил их имена на английский, и они смеялись.

Пока общение у него не складывалось, члены нового отряда поворачивались к нему спинами. После того как они познакомились и он смог объяснить им, где по соседству лучшие бары и тому подобное, они приняли его к себе так же, как предыдущий отряд. Тем не менее он чувствовал, что изменился, и вел себя с этой группой сдержанно, иначе, чем с первой, — точнее, та группа была второй, понял он, задумавшись об этом. Он видел, что так будет и в дальнейшем. Можно только снова отдать себя, чтобы постараться приобрести друзей.

Управляющий домом — Киран подружился с ним — увидел в нем это.

— Не думай так, иначе будешь от всех отрезан. Приобретай друзей, когда есть возможность.

Когда-нибудь это может кончиться.

— Больно, когда люди уходят.

Управляющий пожал плечами.

— Привязанность бесплодна. Отпусти и иди дальше. Твой *ко* — это твой *со.*

Твое место — это твое-место. Философия управляющего. В каждом здании на Венере живет своя группа. Или в каждом здании в Солнечной системе.

Между тем в новой группе нашлись люди, работающие на Лакшми, — на юге строили новый морской берег. Точнее, там строили города, к которым должен был подойти океан, сегодня выпадающий горами снега. Высота уровня моря в ближайшие годы станет объектом многих пари, и в это вовлечено множество игроков. Делались даже ставки на будущее — какого уровня достигнет океан в итоге. Разброс оценок был чрезвычайно велик — свыше двух километров по вертикали, что означает огромные площади по горизонтали. Очевидно, в Рабочей Группе или в Китае сделки заключались, расторгались и снова заключались. Новые директивы следовали одна за другой. Огромные массы сухого льда, еще не изъятого, перемещались с места на место; внезапно перемещение прекращалось, оставались

протяженные уступы — контурные линии на карте, вьющиеся по белому мокрому ландшафту. Это вещество нужно закопать раньше, чем температура поднимется, иначе оно испарится в атмосферу и сделает ее ядовитой. Говорили, что терраформирование становится смертельно опасным.

Все это было новостью для Кирана; при очередной встрече с Лакшми он рассказал ей о своем новом отряде и спросил, может ли присоединиться к нему, когда отряд в следующий раз отправится на берег.

— Отправляйся, посмотри на город и запомни его план. Я дам знать, если потребуется, чтобы ты туда что-нибудь отвез.

И он в составе нового отряда отправился на ровере к Винмаре. Спускаясь по гигантскому южному склону Иштар, миновали новый город, который вместе с гаванью строился на пустом берегу; потом после большого поворота спустились еще на одну, а то и две тысячи метров, прежде чем подъехать к Винмаре, которая тоже строилась как приморский город с гаванью. Кирану это показалось свидетельством очень серьезных споров по поводу уровня будущего моря, но отряд посмеивался над строительством этого города как

над тщетными усилиями: рано или поздно в гавани придется устроить плавательный бассейн.

Сама Винмара скорее росла, чем строилась: здания были преимущественно из биокерамики, вдоль будущего морского берега рядами располагались раковины. Береговой променад, или карниз, ограничивал городской район, огибая будущий залив. Над этим изгибом город круто поднимался к горному хребту; тот уже был покрыт сооружениями в форме раковин, в основном белыми или бежевыми, украшенных по краям синими линиями в греческом стиле.

— Этот город — проект Лакшми?

— Да, это ее часть проектов Рабочей Группы.

— А город выше по склону строит кто-то другой?

— Да, это был город людей Шукры. Они тупые придурки.

— Но разве они не знают, как высоко поднимется океан? — спросил Киран. — Я хочу сказать, что вода уже у нас в атмосфере, верно? — Он показал на вечную метель. — Почему бы тогда не смоделировать все правильно?

Товарищи по отряду пожимали плечами. Переглядывались. Киран понял, что его вопрос следует добавить к Нерешенным Загадкам Солнечной

системы. Таких загадок много. Один из его товарищей наконец сказал:

— Одно из двух. Бассейн или заполнится, или нет.

Его отвели в небольшое кафе по соседству, выходившее на будущее море. Каждый столик закрывал свой пузырь, хотя над всем городом уже установили общий купол. Вначале они были в кафе одни; постепенно народу прибавилось, заиграло трио гитаристов, люди танцевали. Пирушка на сухом берегу пустого моря в ночную бурю. Включили обогреватели, и, если танцевать долго, ноги даже могли согреться. Киран танцевал с молодой женщиной из своего нового отряда — Да, старинное влечение мужчины и женщины по-прежнему оставалось самым верным путем к сексу, по крайней мере Для Кирана; он видел подобное на всей танцплощадке. На самом деле трудно было сказать, кто есть кто, женщина была на полметра выше его, мускулистая и напористая, а Киран в ответ таял, как девушка, которая хочет сегодня же забеременеть. Ему нравилось смотреть ей в лицо.

Он попытался поговорить.

— *Лянхэ? Шэнжэнь суцзиньгуй?* Соединимся? Объединим сексуальные желания?

— *Суцзинь пэнвуй суцзиньгуй,* — сказала она, поддразнивая его.

«Сексуальное желание нового друга», — написали его очки красными буквами. Еще лучше!

— *Тиауву,* — приказала она ему. Танцуй.

Извлечения (10)

Возьмите немного двуокиси углерода, немного аммиака, формальдегида, синильной кислоты и обычную соль. Поместите все это в воду и подогрейте. Выпаривайте до состояния густой массы на дне кастрюли. Повторяйте до тех пор, пока не получится густой бульон, содержащий аминокислоты, сахара и жирные кислоты. Добавьте приправы по вкусу. Каждое выпаривание и повторная гидратация делают бульон все гуще, пока в нем не окажется много нитрогликопептидов, из которых начнется образование необходимых вам протополимеров.

Молекулы некоторые жирных кислот имеют гидрофобные «хвосты» и поэтому будут стремиться к сращиванию друг с другом. Их конгломераты и есть ваши протомембраны, которые под действием жара вашей печи становятся пористыми трубками или шарами. Внутри этих микроскопических ячеек начинка из протополимеров образует различные макромолекулы. Начинаются синтез и разложение, которые мы называем катализом.

Химические процессы в вашей начинке будут

то и дело приводить к образованию подобных комбинаций, а эти новые комбинации станут приходить в соответствие друг с другом; теперь в вашей начинке бурлит информация, а из отверстий в ячейках появляются все новые полезные молекулы, вызывая новые реакции. Соединяясь с уже имеющимися типами молекул, они ведут себя в соответствии с основными законами химии и потому будут появляться снова и снова. То, что возникает как отдельный случайный образец, многократно повторяется; молекулы соединяются, создавая длинную цепь, несущую информацию. Таким способом и образуется рибонуклеиновая кислота, РНК, и скоро у вас все будет готово.

Появившаяся РНК содержит код синтеза белков, которые в своей трехмерной скульптурной красоте способны породить гигантское разнообразие вкусов и запахов. «Разделение труда» в белках и их производных — один из способов описать воспроизведение повторяющихся форм, но в результате бульон становится все питательнее, его вкус лучше; внутри основного вкуса возникают микровкусы. Ваша РНК превращает аминокислоты в специфические вкусы. (Технический термин биологов — «трансляция».)

Наконец ваша РНК начинает синтезироваться на основе цепи ДНК, более устойчивой из-за двойной спирали. ДНК принимает на себя главную роль в производстве протеинов, создавая для этого РНК-«посыльных». (Термин — «транскрипция».) Информация распространяется от ДНК посредством РНК в белки; новые клетки начинают самовоспроизведение, и чем крупнее становится организм, тем сильнее разделены функции.

Вы создали жизнь из ничего. Ешьте ее с аппетитом.

Квантовое блуждание (1)

на улице при движении старайся не смотреть в глаза это очень тяжело

надежда штука с перьями по обе стороны улицы здания поверхность пенный силикат слегка бороздчатый для лучшего сцепления обработан циркулярной щеткой с остриями в двухстах миллиметрах друг от друга каждый взмах уничтожает часть предыдущего взмаха пересекающиеся концентрические окружности под уличными фонарями отражают свет эти оранжевые диски под ногами сливаются в больший диск впереди когда идешь

звезды над головой местное время 5:32 утра я тебя выпускаю сказал голос у двери поймай и отпусти кое-кому из вас нужно освободиться от нее поэтому я выпускаю бракованных тех что необычно выглядят там у вас будут помощники но вы предоставлены самим себе не оглядывайтесь помните меня

северное полушарие широта 25 солнце закрыто затмение есть символ удалившегося бога очень похоже весь день звездный свет мы идем в темноте это так страшно и будоражит

уйди из этого города в другой держись подальше от врачей сканирование тебя выдаст не встречайся со взглядами людей разве только хочешь заговорить не упоминай шахматы для случайных предложений подойдет что угодно потому что все стратегии одинаково плохи тридцать кубитов мыслят быстро охота или бегство или наложение

незнакомец на краю города зеленый мох зеленая трава ноготки желтая календула голубая сойка самец окунается в лужу на границе между улицей и цветочной клумбой стена станции сойка купается в луже один прыжок второй взлетает и осматривается снова в лужу прыжки и шаги окунает голову раз другой набирает в клюв воду снова взлетает стоит на камне мокрые перья вокруг головы взъерошены мокрая птица снова набирает воду бьет крыльями в луже в неожиданной вспышке серого и голубого капли падают на пух на груди опять взлетает и мокрая стоит на плите капает улетает

легкая темнота в поселке электропоезд закрытые вагоны с закваской молча садись никакого сканирования при уходе из города приказ быть свободным двойной узел разруби узел беги все части плана помощь там садись у окна читай

экран на запястье младший брат смотри в окно темные снежные холмы под темным небом падающий снег серый и белый свет снизу назад под свет солнца к концу этого страшного затмения верни бога низкое небо

люди говорят с другими людьми проходят тест Тьюринга это не трудно задай вопрос кажись вовлеченным в их бедное окружение баз данных или так кажется по тому как они говорят им нужен лучший тест

пространство и место безопасность пространство свобода люди сидят так тесно что могут дотянуться друг до друга не вставая с тысячами квадратных километров пустой земли вокруг они существа общественные

экология быстрых периодов распределение и изобилие изучается прогноз организма прогноз для будущего населения есть всего четыре перемены рождение и смерть иммиграция и эмиграция перемены в населении можно представить с помощью формулы Р-С+И-Эв пустой нише ресурсы неограниченны до поры но в такие моменты жизнь может увеличиваться экспоненциально что отличает ее от нежизни инвазия

население Винмары 2367 человек 23 квакома население Клеопатры 652 691 человек 124 квако-

ма население Венеры примерно два миллиарда человек 289 квакомов разделение заполнение ниши контакт в Клеопатре встреча на железнодорожной станции на охоте предписан план вернуть бога

неожиданный подъем температуры сойки ноготки что если ниша пуста

дождь репродуктивных частиц есть постоянный наплыв организмов на населенный остров от материка или с морского берега с Земли в остальную Солнечную систему Земля посылает дождь репродуктивных частиц нет причин опасаться температуры Солнца некоторые вещи кажутся хищничеством но на самом деле они сим-биогенез

рост населения обычно после опустошения ниши алгоритм Вана поезд входит в шлюз давление воздуха возрастает на 150 миллибар громче лица пляшут на уровне головы почти как лепестки на влажном черном кусте астигматическая метафора свет с купола желтый и синий

прогулка по краю кратера Клеопатры для редких последовательностей подходит все желтые и черные танагры красные головы подбирают просыпанный попкорн их движения занимают миллисекунды за ними следуют застывшие мгно-

вения неподвижности в два три раза длиннее иногда в три четыре раза отсюда визуальная иллюзия мгновенности действий от одной неподвижности к другой за каждое мгновение экстаза мы должны платить болью

эй незнакомец схватил за руку семьдесят фунтов на квадратный дюйм встреча взглядов миндально-карие зрачки полосатые с изумрудным блеском ореховые глаза хочешь сыграть в шахматы? следовало не хочешь ли сыграть в шахматы?

Нет спасибо я в шахматах ноль найди себе для этого кваком Черт нет они всегда выигрывают

Прости я увидел кое-кого знакомого вырви руку промежуток между большим пальцем и остальными уходи быстро

эй мне жаль мне жаль а дальше не хочешь ли сыграть в шахматы?

Остановись присмотрись покрасневшие щеки блестит пот на лбу человек все слишком человеческое

Пойдем со мной говорит человек нужно убрать тебя отсюда

Свон и инспектор

В прошлом каждое ее путешествие содержало возможность влюбиться в террарий. Полый астероид или с садами на внешней поверхности — не важно. Иногда страсть была так сильна, что по окончании путешествия Свон не могла вспомнить, кем была, или почему улетела, или что будет делать, добравшись до цели. Приходилось начинать новую жизнь с чистого листа.

Террарий, где они сейчас находились с Женеттом (его присутствие, несомненно, не позволяло ей забыть о задаче), из числа старых, называется «Ваньтянь кунцзюн цзицзу мэнь», что означает «Дверь в середину пустого неба» — это в свою очередь один из многочисленных китайских эвфемизмов для вульвы. Этот террарий она конструировала, когда была достаточно молодой и страстной, чтобы создавать миры. Сейчас это секс-лайнер, скорее нетеатрального натуралистического типа. Большие горячие бассейны вдоль длинного пляжа, который разрезает река, впадающая в море. Везде много публики и почти открытых совокуплений.

Большую часть времени Свон проводила, седлая волны маленького моря. Погружалась в говор прибоя, наглотавшись воды. От соленого воздуха быстро закурчавились волосы. Волны и приливы препятствуют заболачиванию берега, и ради этого мелкие изменения скорости вращения создавали здесь плеск прилива, а уходящий далеко в цилиндрическое море острый каменный выступ дает отличные волны. Этот выступ придумала Свон, но с тех пор его расширили, добавив спиральный риф, служащий продолжением выступа вдоль всего цилиндра. Таким образом получилось, что можно обогнуть цилиндр, а затем проплыть небольшое расстояние к началу; отличная выдумка.

Но Свон была слишком занята размышлениями, чтобы получать удовольствие от серфинга; к тому же после сумасшедшего катания в кольце F здесь он казался пресноватым. Она обогнула на волне весь цилиндр, проплыла к корме, чтобы поймать новую волну (одно из самых изящных развлечений, какие она освоила), и все равно чувствовала себя так, словно попала в рисунок Эшера.

Поэтому Свон прекратила грести и направлялась к берегу, чтобы поплавать на мелководье.

Но, выбираясь из воды, она неизменно обнаруживала инспектора Женетта; тот смотрел в свой Паспарту, или совещался с другими работниками своей группы, или переговаривался по радио с инспекторами, которые разбрелись по всему гигантскому волчку. Она видела, что основная часть их работы — нахождение баз данных и их просмотр; они пытались сформулировать вопросы, на которые в базе данных может найтись ответ. Работа эта была такой же незаметной, как расчеты, которые удерживают на сложных траекториях все космические корабли и террарии со всеми их циклами Олдрина и тропами Хомана, с гравитационными переходами, напоминающими нити на огромном циркулярном ткацком станке. Анализ данных, распознавание образов; основную часть работы выполняли квакомы и ИИ. Остальное делали люди, которые вели себя, как Женетт; когда бы Свон ни приближалась к берегу, они сидели в широких креслах, напоминающих детские стульчики в ресторанах. Часть группы работала у ограды террасы, выходящей на секс-бассейн. Свон присоединилась к ним, стараясь понять, чем они заняты, проследить, что именно расследуется и каким образом. Приятно было узнать, что интерплановцы нашли

кое-какие нити, ведущие от корабля в атмосфере Сатурна, и даже установили происхождение маленького транспондера, который отправил сигнал, когда они вошли в шлюз. На земле существовал холдинг, который владел кораблем и заказал именно эту партию транспондеров. Но в конечном счете это означало, что нужно продолжать распутывать найденные нити на Земле и возле нее. И что расследование и дальше будет таким же: квакомы создают алгоритмы квантовых расчетов шагов по декогерентным и некогерентным тропам прошлого. Свон не знала, как может помочь в этом. Пора было возвращаться домой.

Затем Львята из Терминатора попросили ее заняться заготовкой всего необходимого для восстановления парка и фермы. Вот тут Свон определенно могла помочь.

— Я начинаю снова работать на Терминатор, — сказала она Женетту. — Конечно, буду оставаться на связи, но мне необходимо лететь на Землю за закваской.

— Мы тоже летим туда, — ответил Женетт. — Похоже, именно там источник наших проблем.

* * *

Во время перелета Свон часто встречалась по вечерам с инспектором за последним стаканчиком, когда обеденная терраса уже опустела и многие ушли вниз, в темные бассейны, где плавали и совокуплялись на отмелях. Свон, поставив локти на перила и положив подбородок на ладони, сидела, равнодушно глядя вниз. Инспектор обычно усаживался рядом с ней на перила, иногда продолжая что-то читать на экране Паспарту. Иногда они разговаривали о деле; Свон изумляли вопросы инспектора.

Если вы знаете, что существует безумец, помогающий вам достигнуть желаемого, остановите ли вы его? Если с человеком обращались так, что превратили его в алгоритмы, можно ли такого человека по-прежнему считать человеком?

Тревожные вопросы. И все это время внизу — несомненно человеческие фигуры в голубоватом подводном освещении, пары и небольшие группы, много смеха, негромких голосов и ритмичных громких выдохов. Совокупляются парами, тройками или беспорядочными группами. Очень многие на окситоцине и испытывают сильнейшие, невероятные ощущения; другие принимают

этногенетические средства и погружаются в мистические тантрические состояния. В этот миг прямо под ними несколько маленьких соединились в жутковатых и томных колебаниях с исключительно высоким; все это напоминало бордель для лилипутов и Гулливера. Свон, в свое время сама побывавшая Белоснежкой для нескольких гномов, посмотрела на инспектора, чтобы понять, как он реагирует на это. Но Женетт как будто смотрел в другом направлении, на двух эпатирующих публику двуполых: у обоих большие груди и мощная эрекция, оба беременны и лежат на песке, принимая разные эротические позы.

— Они похожи на моржей, — сказала Свон. — Слишком большие животы. Какая-то карикатура, пародия.

Женетт пожал плечами.

— Порнография, верно? Они и хотят выглядеть странно.

— Что ж, им это удалось, — рассмеялась Свон. — Они хотят выглядеть карикатурно, но не вполне успешны в этом.

— Секс как публичный перформанс? Разве там, откуда ты родом, это не извращение?

— Да, но мы на секс-лайнере. За этим сюда и

приходят.

Инспектор посмотрел на нее, склонив голову набок.

— Может, это просто представление.

— Да, но убогое. Я об этом и говорю.

— Значит, просто рисовка. Ну, это мы все умеем. Мы живем идеями. И, повторюсь, это может стать серьезной проблемой. Но не здесь. — Женетт протянутой рукой благословил происходящее. — Это просто мило. Немного погодя пойду туда, поучаствую.

«Ваньтянь кунцзюн цзицзу мэнь» собирался использовать Марс как гравитационную пращу, чтобы ускорить движение к Земле, поэтому Свон присоединилась к тем, кто отправился на обсервационный выступ поглядеть на планету, над которой они пролетят. Она пригласила с собой инспектора, но тот только скорчил гримасу.

— В чем дело? — спросила она. — Чем плох Марс?

— Я там вырос, — ответил Женетт, выпрямляясь и расправляя плечи. — Учился там в школе и работал до сорока лет. Но меня выслали за преступление, которого я не совершал, и с тех пор как меня отвергли, я отверг их. Плевал я на Марс!

— О, — сказала Свон. — Я не знала. А что за

преступление?

Инспектор жестом отослал ее.

— Иди. Полюбуйся большой красной сволочью, пока мы не пролетели мимо.

И Свон одна отправилась на нос. «Ваньтянь кунцзюн цзицзу мэнь» пролетел над самой атмосферой Марса, избегая атмосферного торможения и максимально используя эффект гравитационной пращи. Минут десять они летели непосредственно над Марсом — красная поверхность, длинные зеленые линии каналов, каньоны, отходящие от северного полюса, огромные вулканы, чьи вершины выступают выше атмосферы, — и планета осталась позади, быстро уменьшаясь, как камень, сброшенный с воздушного шара.

— Я слышал, там интересно, — сказал кто-то.

Земля, планета печали

Когда смотришь на Землю с низкой орбиты, нельзя не заметить воздействие Гималаев на климат планеты. Эти горы создают неслыханно большую дождевую тень и выжимают всю воду из облаков, прежде чем отпустить их дальше на юго-запад, тем самым питая водой восемь величайших земных рек, но одновременно превращая в пустыню не только Гоби на севере, но и весь юго-запад, в том числе Пакистан и Иран, Месопотамию, Саудовскую Аравию и даже Северную Африку с Южной Европой. На сухой пояс приходится больше половины евразийско-африканского массива суши — это сухие горные территории, родина свирепейших религий, которые потом поджигали остальной мир. Совпадение?

В Северной Африке эту схему искажает множество больших мелких озер, усеивающих Сахару и Сахель. Воду, выкачав из Средиземного моря, вылили в углубления в пустыне, часто — в русла древних рек. Среди этих озер есть размером с Великие озера, но, конечно, они гораздо мельче.

Вода в них пресная: с продвижением в глубь материка соленую воду Средиземного моря последовательно опресняли, а полученная в таком процессе соль пошла на изготовление, со скрепляющими компонентами, превосходных белых кирпичей и черепицы. Белая черепица, покрытая прозрачной фотоэлектрической пленкой, используется в строительстве со времен Ускорения и выстилает немало не только новых, но и старых крыш; сегодня города похожи на снежные поля.

Но «экологичные» технологии пришли слишком поздно, чтобы спасти Землю от катастрофических последствий Антропоцена. Ирония времени в том, что люди могут радикально изменять поверхность других планет, но почти ничего не могут сделать на Земле. Методы, применяемые в космосе, слишком грубы и насильственны. На Земле можно притрагиваться к чему-либо только с величайшей осторожностью, потому что здесь все уравновешено и взаимосвязано. И сделанное во благо в другом месте обычно оборачивается злом.

Следствие этой осторожности при терраформировании Земли — тромбы и сгустки военных столкновений. Политические распри приводят к законодательным застоям. Все крупные геоинже-

нерные проекты подозревают в том, что они не исключают побочных последствий вроде Малого ледникового периода 2140-х годов, который, по слухам, привел к гибели миллиарда человек. И теперь ничто не может победить этот страх.

К тому же с большинством земных проблем вообще ничего нельзя сделать. Нагрев и вызванный этим подъем уровня вод Мирового океана — а также их подкисление — остановить было невозможно. Техники терраформирования, которая могла бы здесь помочь, не существует. Часть воды перекачали в Северную Африку и Центральную Азию, но много ее туда поместить нельзя. Главной задачей оставалось сохранение единственной ледяной шапки в Восточной Антарктиде; никто не смел выкачивать соленую воду и морозить ее, как некогда предлагали, ведь если что-нибудь пойдет не так и последняя ледниковая шапка растает, уровень моря поднимется еще на пятьдесят метров и это, вероятно, нанесет человечеству смертельный удар. Поэтому на повестке дня оказалась осторожность, и в конечном счете пришлось признать: существенно изменить новый уровень моря невозможно. То же относится ко множеству других земных проблем. Многие тонкие физические, биологические и

юридические аспекты переплетаются так тесно, что космическая инженерия, которая применялась в других местах Солнечной системы, здесь была абсолютно неуместна.

Несмотря на это, люди старались. В руках человечества оказалась такое могущество, что многие рассчитывали опровергнуть наконец парадокс Джевонса, который утверждает: чем могущественнее технология, тем больше от нее вреда. Этот болезненный парадокс неустанно проявлялся в истории человечества, но, вероятно, сейчас достиг своего пика, Архимедов рычаг повернулся, наступил момент, когда человек наконец может получить от своей растущей мощи что-то, помимо усугубляющегося раздора.

Однако уверенности ни у кого не было. Человечество по-прежнему висело на волоске между катастрофой и раем и крутилось в бешеном ритме, словно в какой-то ужасной теленовелле. Похоже, земная муза — это Шахерезада: одно ужасное происшествие следует за другим, новое всегда более захватывающее, и приходится зубами цепляться за жизнь и рассудок; когда жители космоса возвращались домой к своим обыденным кошмарам, внутренности у них всегда были стянуты в гордиев узел.

Свон на Земле

Земля притягивает гораздо сильнее своего мощного g — ей присущи почти бесконечная притягательность Истории, притягательность великолепия, распада и грязи. Не нужно отправляться в Уттар-Прадеш и смотреть на рассыпающиеся руины Агры или Бенареса, чтобы ощутить это — оно везде и всюду, в любой деревушке и в каждой долине: дряхлость, зловоние жестокости, большие обветренные холмы, затопленные береговые линии, которые все еще погружаются в море. Очень тревожное место. Его необычность не всегда ощутима или осязаема. Время для человека здесь вывихнуто: центр не выдерживал, все распадалось и начинало вновь собираться и перестраиваться по краям, рождая несвязные чувства. Мысли и логика безнадежно увязали в древних историях, паутине законов, лицах на улицах.

Всегда лучше сосредоточиться на предстоящем дне. Поэтому Свон на высоте пятьдесят тысяч метров вылетела в глайдере из среднеафриканского космического лифта и стала спускаться к поса-

дочной полосе в Сахеле, пустыне без малейших признаков жизни, пустыне почти меркурианской, только здесь на берегах мелких озер среди зелени ослепительно белели городские кварталы, и над каждым собственное защитное облако; города отражались в мелкой воде, и казалось, что их двойники стоят вниз головой в перевернутом мире. Вниз и вниз летела она, взволнованная вопреки всему новым возвращением на Землю; выйдя из глайдера, стояла на посадочной полосе, вдыхая ветер — невыразимое наслаждение, — вдыхала скорость и вторжение реальности. Над ней только небо, чистое и ясное, только ветер с запада, пронизывающий ее, обнаженное солнце на ее обнаженном лице. О боже! Она дома. Идти по родной планете и дышать ее воздухом, рассекать пространство, которым можно дышать…

Город внизу у лифта был до боли белый, с раскрашенными дверными и оконными рамами, веселый, средиземноморский, с легким налетом ислама — в облике толпы, в очертаниях городской стены, в минаретах. Похоже на северо-запад Марокко. Архитектура оазиса, классическая и приятная, ибо город все-таки не оазис. Топологически этот город не отличался от Терминатора.

Но люди здесь худые и щуплые, согбенные и

смуглые. Прокопченные на солнце, слегка поджаренные, конечно, но не только в этом дело. Им приходится водить машины, убирающие рис и сахарный тростник, проверять ирригационные каналы или роботов, что-то устанавливать, что-то чинить. Люди по-прежнему не только самые дешевые роботы, но и для многих задач единственные роботы, которые с этими задачами справятся. К тому же самовоспроизводящиеся. Они вырастают и работают поколение за поколением; обеспечьте им три тысячи калорий в день на каждого, скромные удобства, немного свободного времени и сделайте сильную прививку страха, и можно подвигнуть их на что угодно. Давайте им немного успокоительных, и получите рабочий класс, овеществленный и однородный. Свон снова увидела: большая часть населения Земли выполняет работу роботов, это никуда не делось, что бы ни утверждали политические теории. Если говорить о жилье и еде, из одиннадцати миллиардов жителей Земли по меньшей мере три миллиарда жили в постоянном страхе — несмотря на огромные количества дешевой энергии, подаваемой сюда из космоса, несмотря на то, что сельскохозяйственные миры выращивали и отправляли сюда огромное количество

продуктов. Там, в небе, создают новые миры, а на старой Земле люди продолжают страдать. И к этому невозможно привыкнуть. И невозможно развлекаться, зная, что здесь люди умирают от голода, пока ты забавляешься. «Мы наверху растим вам пищу», — можете воскликнуть вы с возмущением — но это не помогает. Что-то мешает продовольствию дойти до каждого. Людей по-прежнему больше, чем способно содержать общество. Поэтому решения нет. И очень трудно думать о своей работе, когда здесь столько неудачников.

Все равно что-то необходимо сделать.

— Почему все здесь так? — спросила Свон у Заши для поддержания разговора. Заша помогал осуществлять какой-то проект в Гренландии.

— Никогда не было разумного планирования, — сказал голос Заши ей в ухо. У нас с тобой уже был подобный разговор, казалось, говорил его тон. — Мы всегда пытаемся справиться с текущим кризисом. Старые обычаи отмирают с трудом. Вот уже самое малое пять столетий вся Земля могла бы жить достойно. У нас есть энергия и ресурсы, соответствующие нашим потребностям, мы могли бы обеспечить себе должный уровень. Но достигнуть этого никогда не планировали и,

следовательно, не могли сделать.

— Но почему бы не сейчас, когда у нас столько энергии?

— Не знаю. Это просто не происходит. Думаю, в сознании у людей слишком много старых ядов. К тому же обнищание — это тактика террора. Если уничтожить десять процентов населения, оставшиеся девяносто будут послушны. Они видят, что с ними может случиться, и согласны на то, что им дают.

— Но почему? — воскликнула Свон. — Не могу поверить! Почему люди не борются, если понимают все это?

— Не знаю. Может, боролись бы… но тут уровень моря начал подниматься, и климатические катастрофы сделали жизнь еще тяжелее. У нас всегда кризис.

— Ну хорошо, а почему бы не сейчас?

— Конечно. Но кто этим будет заниматься?

— Люди ради себя самих, если смогут.

— Думаешь?

— Да, потому что так и есть. Если они этого не делают, значит, им каким-то образом мешают. Им в лицо смотрят чьи-то ружья.

Заша молчал; казалось, он думает о чем-то другом. Наконец:

— Есть мнение, что, когда общество испытывает стресс, оно не смотрит в лицо проблемам, а отводит взгляд, надевает шоры и все отрицает. Исторические события считаются естественным ходом вещей, и людей разделяет племенная верность. Тогда они начинают драться за то, чего им недостает. Полагают, что люди так и не сумели преодолеть панику конца двадцать первого века или Малого ледникового периода из-за недостатка пищи. С тех прошло двести лет, но психологическая травма все еще сказывается. И, по правде говоря, все еще нет достаточных запасов еды, так что отчасти этот страх рационален. Цивилизация шатается на множестве подпорок, как Вавилонская башня, и все должно быть исправным, чтобы работать.

— Но то же самое справедливо повсюду!

— Конечно, конечно. Но здесь уж очень много людей.

— Это верно, — сказала Свон, глядя на толпы и толкотню. За городской стеной неровные ряды людей в лучах вечернего солнца, согнувшись, собирали клубнику. — Здесь очень жарко и грязно и ужасно тяжело. Возможно, их пригибает эта планета, не история.

— Может быть. Такой здесь образ жизни. Ты

ведь бывала здесь, Свон.

— Да, но не тут.

— А в Китае бывала?

— Конечно.

— В Индии?

— Да.

— Значит, ты все это уже видела. Что касается Африки, ее называют бездонной прорвой. Помощь извне исчезает в ней, и ничего не меняется. Полагают, что Африка была полностью разорена работорговцами. Там полно болезней, связанных с жарким климатом. Ничего нельзя сделать. Но дело в том, что сейчас такие условия повсюду. Говорят, в промышленном поясе не лучше. Так что всю Землю можно назвать бездонной прорвой. Костный мозг давно высосан, высшие классы давно переселились на Марс.

— Но так не должно быть!

— Полагаю, нет.

— Почему же мы не помогаем?

— Мы пытаемся, Свон. Правда пытаемся. Но на Меркурии живет полмиллиона человек, а на Земле — одиннадцать миллиардов. Мы не можем просто спуститься и указывать им, что делать. На самом деле мы едва удерживаем их от того, чтобы они явились к нам и указывали, что нам

делать! Все совсем не просто. И ты это знаешь.

— Да. Но сейчас я начинаю задумываться, что же это значит. Что это значит для нас. Видишь ли, люди инспектора Женетта опознали корабль, который мы нашли в атмосфере Сатурна, и установили, что он принадлежит компании из Чада.

— Чад — это налоговый рай. Поэтому ты прилетела сюда?

— Вероятно. А почему бы и нет?

— Свон, пожалуйста, оставь это инспектору Женетту и его людям. Тебе лучше заняться получением закваски и отправкой всего закупленного на родину.

— Это так, — с несчастным видом согласилась Свон. — Только я хочу оставаться на связи с инспектором. Он тоже на Земле, продолжает расследование.

— Конечно. Однако в таких делах как правило наступает время, когда на первый план выходит аналитик, изучающий данные. Тебе нужно набраться терпения и ждать следующего хода.

— А если следующим ходом станет новое нападение на Терминатор? Или на что-нибудь еще? Не думаю, что мы можем позволить себе роскошь проявлять терпение.

— Да, но в некоторых делах ты можешь помочь,

а в других — нет. Вот что я тебе скажу: приходи ко мне, и мы это обговорим. Я сообщу тебе самые последние новости о том, что здесь происходит.

— Хорошо. Приду. Но отсюда далековато.

Свон путешествовала по Земле. Она полетела в Китай и провела там несколько дней, переезжая из города в город на поездах. Везде пригороды были организованы в рабочие поселения, где люди и работали, и жили на фабриках, как на Венере. С детства в кончиках их пальцев было управление различными программами, а на предплечьях татуировки с разнообразными приложениями. Их держали на диете, выдавая лишь гарантированное законом количество пищи и наркотиков. Обычная земная практика, но нигде она не проводилась так последовательно, как в Китае, хотя этого словно бы не замечали и об этом не говорили. Сама Свон узнала об этом, связавшись с одним из коллег Мкарета, работавшим в Ханчжоу. Мкарет хотел, чтобы Свон предоставила этим людям образец своей крови, и поскольку она все равно путешествовала, то отправилась туда.

Все большие старые города на побережье наполовину ушли под воду, и это, хотя не убило их, ускорило строительство в глубине суши, там, где дома устоят, даже если растает весь лед на Земле.

В этой новой структуре Ханчжоу стал важнее Шанхая, и пусть большая часть новых зданий и дорог возникла вдали от древнего города, он остался культурной столицей региона.

По соплообразному эстуарию реки Цяньтан проходило сильное приливное течение, здесь по-прежнему плавали многочисленные маленькие суденышки. Казалось, люди, несмотря ни на что, довольны жизнью. Добрая старая Земля, такая огромная и грязная, небо словно пережевано с коричневыми грибами, вода цвета бледного ила, местность голая, индустриализованная — но по-прежнему земной ветер, и все прижато одним *g* и в то же время само воплощение подлинного бытия. Бродя по улицам старого города, Свон с помощью Полины пыталась разобраться в китайских диалектах, которых не понимала. Это замедляло ее речь, что, впрочем, не имело особого значения. Китайцы были поглощены собой и смотрели сквозь нее. Конечно, жители Венеры бежали в том числе и от этого: все сосредоточены только на своем месте в жизни и в своем рабочем отряде, а больше ни на чем. И, конечно, никто из этих людей не может ненавидеть жителей космоса: для них все события за пределами Китая происходят в мире голодных призраков. Даже

жизнь вне твоего рабочего отряда призрачна. Или так казалось Свон, когда она сидела в забегаловках, ела лапшу и слушала усталых людей, которые отвечали ей только потому, что высокая женщина из космоса, задающая вопросы, была чем-то совершенно необычным. Вообще люди в этих забегаловках-лапшичных казались более терпимыми. На улицах на нее смотрели неприязненно, порой даже раздавались проклятия. Последнюю часть пути к коллегам Мкарета она прошла торопливо, там позволила взять у себя несколько проб крови, а также проверить зрение и чувство равновесия.

Свон вернулась на улицу, и ей показалось, что теперь на нее смотрят многие. Возможно, потому что ей становилось страшно. Она пробиралась сквозь толпу (в Китае в твоем поле зрения всегда не менее пятисот человек). Придя в гостиницу, могла только дивиться своему страху перед толпой. Она уснула, а когда проснулась, обнаружила, что привязана к кровати и комната освещена только медицинскими мониторами. Кровать удовлетворяла все ее телесные нужды, и Свон догадывалась, что ей дали наркотики, действующие на речевые центры, потому что она непрерывно говорила, вовсе не желая того, и

не могла остановиться. Бестелесный голос за ее головой задавал вопросы — об Алекс и обо всем остальном, и она беспомощно отвечала. Полина не могла ей помочь: по-видимому, ее отключили. И Свон не могла сопротивляться желанию говорить. Это не слишком противоречило ее нормальному состоянию; наоборот, она испытывала облегчение от того, что говорила, говорила и не должна была извиняться. Кто-то заставлял ее говорить. Так во всяком случае казалось.

Позже она проснулась в той же кровати, не привязанная. Одежда лежала рядом на стуле. Комната была немногим больше кровати. Да, это ее номер в отеле. ИИ у письменного стола (зеленый ящик в углу) сообщил ей, что никаких неприятностей или неожиданных происшествий не было. Судя по монитору в номере, ее жизненные показатели соответствовали норме и в номер никто не вторгался. Ничего необычного не происходило.

Свон включила Полину. Та ничем не могла помочь. Прошло почти двадцать четыре часа с тех пор, как она ушла из клиники от друзей Мкарета. Она позвонила в Дом Меркурия на Манхэттене и рассказала о том, что произошло, потом позвонила Заше.

Все были потрясены, озабочены, все сочувствовали, советовали ей немедленно отправиться в ближайший Дом Меркурия, чтобы ее обследовали медики, и так далее. Но подытожил все Заша:

— Ты была на Земле одна. Я говорил тебе, тут много опасного. Совсем не то, что во время твоего первого отпуска. Сегодня мы путешествуем только группами. Помнишь, что случилось в последний раз, когда ты была у меня?

— Но то были просто мальчишки. А теперь кто?

— Не знаю. Немедленно позвони Жану Женетту. Может, он выяснит, кто виноват. Или установит это по дальнейшим событиям. Вероятно, кто-то пытался рыться в твоей голове. Это означает, что скорее всего такое не повторится, но ты всегда должна путешествовать с другими… или даже нанять охрану.

— Нет!

Заша дал ей послушать, как звучат ее слова.

— Наверно, придется, — сказала Свон. — Не знаю. Мне кажется, что мне просто приснился дурной сон. Я немного голодна, но, думаю, мне что-то добавили в пищу. Они меня поимели — я хочу сказать, я молола языком! И большинство вопросов было об Алекс. Я могла рассказать им

все, что о ней знаю.

— Гм. — Долгое молчание. — Что ж, теперь ты видишь, почему Алекс многое держала при себе.

— Так кто же они?

— Не знаю. Возможно, одна из фракций китайского правительства. Они иногда играют грубо. Хотя это, кажется, чересчур. Возможно, это предупреждение, но о чем тебя предупреждают — не знаю. Не очень хороший признак. Может, они просто надеялись что-нибудь узнать. Или предупредить, чтобы мы не шатались по Земле.

— Как будто мы сами не знаем.

— Но ты, похоже, не знала. Может, они не хотят, чтобы именно ты здесь шаталась.

— Да кто не хочет?

— Не знаю. Воспринимай это как послание от жителей Земли. И позвони Женетту. И, пожалуйста, приходи ко мне поговорить, пока снова не попала в неприятности.

Свон позвонила инспектору Женетту. Тот встревожился, услышав ее рассказ.

— Может, стоит установить постоянную связь между Полиной и Паспарту, пока ты на Земле? — предложил он. — Я тогда буду знать о твоих передвижениях.

— Но ты вечно просишь меня выключать ква-

ком.

— Не здесь. Ситуация другая. Они могут помочь.

— Хорошо, — сказала Свон. — Это лучше, чем путешествовать с телохранителями.

— Ну, это не такая уж хорошая защита. Тебе нужны попутчики.

— Я отправляюсь к Заше. Он в Гренландии, там я буду в безопасности.

— Хорошо. Тебе нужно уехать из Китая.

— Но я китаянка!

— Ты меркурианка китайского происхождения. Это не одно и то же. У Интерплана нет договоренности с Китаем, так что я не могу легально помогать тебе, когда ты там. Отправляйся в Гренландию.

Вечером она упрямо отправилась есть лапшу. Люди странно на нее поглядывали. Чужая в чужой земле. В забегаловке с экранов лились яростные речи, обличавшие разнообразные политические преступления Гааги, Брюсселя, Объединенных Наций, Марса, вообще всех жителей космоса. Некоторые ораторы впадали в такую ярость, что Свон пришлось пересмотреть свое мнение о китайской сдержанности и отстраненности; в политическим отношении они были

не менее враждебны и напряженны, чем все прочие, какими бы ни выглядели на улицах. Как и все прочие группы, их сформировал дух времени, а их недовольство целенаправленно отводилось от Пекина. При таком положении дел можно объявить космос красной зоной и напасть, как на врага. Свон внимательно слушала выступающих, не обращая внимания на то, что люди в забегаловке смотрят на нее, и наконец ей стало ясно, что в Китае широко распространяется мнение, будто люди в космосе погрязли в безудержном разврате и роскоши, как колониальные державы прошлого, только еще сильнее. А она сама видела, что люди в Ханчжоу живут как крысы в лабиринте, денно и нощно упираясь плечом в плечо. Явные предпосылки для склонности к экстремизму очевидны. Брось камень в ребенка из богатого дома — почему бы нет? Кто бы удержался?

По дороге к Заше она смотрела на своем экране новости. Земля-Земля-Земля. В большинстве передач ни слова о космосе. Часть населения живет в соответствии с религиозными взглядами, которые считались отсталыми еще в двадцатом веке. Внизу под ней, в Центральной Азии, пастухи пасут свои стада так, словно стали экспертами-экологами: производят столько, сколько

им нужно; при каждом пастбище своя молочная, скотный двор, фабрика почвы, их хозяева ярятся из-за засух, вызванных действиями богачей где-то в другом месте. Там и сям стояли огромные города — города, покрытые пылью или разрушающиеся под тропическими ливнями и грязевыми селями; жители этих городов боролись за существование. В Чаде она увидела признаки тяжелых паразитарных заболеваний. В этом путешествии Свон видела голод, болезни, преждевременную смерть. Напрасные жизни в загубленных биомах. Три миллиарда из одиннадцати не получали минимума, необходимого для жизни. Три миллиарда с трудом выживали, а еще пять или шесть миллиардов стояли у края, готовые соскользнуть в ту же пропасть — люди, у которых ни дня не проходит без тревог. Прекариат достаточно образован, чтобы понимать свои обстоятельства.

Такова жизнь на Земле. Раскол, разделение, раздробление на касты и классы. Богатые живут так, словно они жители космоса в отпуске, они подвижны и полны любопытства, стремятся самыми разными возможными способами состояться в жизни, модифицируют себя, экспериментируют с полом, создают новые разновидности, ускользают от смерти, продлевают жизнь. Та-

кими кажутся целые страны, но это маленькие страны: Норвегия, Финляндия, Чили, Австралия, Шотландия, Швейцария; можно добавить еще несколько. А остальные — страны непрестанной борьбы за существование, лоскутные постнации, дающие бой неудачам и терпящие поражение.

Подъем уровня мирового океана на одиннадцать метров сопровождался по всей Земле интенсивным строительством на возвышенных местах, но в человеческих страданиях цена была огромна, и никто не хотел повторения. Люди боялись нового подъема моря. Они ненавидели поколения Вмешательства, вызвавшие по неосторожности перемены климата, перемены, которые продолжаются сейчас и будут продолжаться по мере высвобождения метана и таяния вечной мерзлоты, что грозит созданием третьей великой волны парниковых газов, возможно, самой большой. Земля постепенно превращается в планету джунглей, и опасность эта столь страшна, что ходят слухи о новом блокировании солнца, хотя двести лет назад предыдущая такая попытка закончилась катастрофой. Общественность укреплялась во мнении, что сделать это необходимо, и уже начались геоинженерные работы микро- и макромасштаба. Интенсивные

микро, осторожные, пробные макро; они проводились постоянно, и многие восстановительные микро- или небольшие макроработы достигали успеха.

Прежде всего постарались замедлить таяние ледяной шапки Гренландии. На планете осталось два значительных резервуара льда: Антарктика и Гренландия, и авторы проектов надеялись, что по крайней мере Восточная Антарктика выдержит пик жары до возвращения более умеренных температур атмосферы и океана. Если удастся свести содержание CO, до 320 долей на миллион и связать часть метана, температура начнет падать, а ледяная шапка восточной Антарктиды сохранится. И пусть температура воды в океане не понизится еще сто с лишним лет, это будет большой успех. Если же спасти лед Антарктиды не удастся, все прочее тоже окажется бесполезным. Успех категорически необходим. Многие говорили, что надо поступить с Землей так, как поступили с Марсом и Венерой, чего бы это ни стоило. Другие говорили, что сейчас необходим малый ледниковый период; о вероятной гибели двух-трех миллиардов при этом не вспоминали, но в споре чувствовался подтекст: чем меньше людей останется на планете, тем лучше. Шоковая

терапия, сортировка — у людей, считающих себя практичными, было множество таких планов.

Конечно, ледяная шапка Гренландии гораздо меньше антарктической, но и она важна. Если она растает (а сама эта шапка не что иное, как остатки прежнего гигантского ледника, который спускался намного южнее нынешнего положения), уровень моря поднимется еще на семь метров. И это погубит с таким трудом восстановленную прибрежную цивилизацию.

Как все ледяные поля, лед не просто таял; ледники скользили к морю, их движение ускоряла водяная прослойка между льдом и каменным основанием. В Антарктиде происходит то же самое, но там лед скользит в море по всей окружности, и остановить его невозможно. В Гренландии все иначе. Лед залегает словно в глубоком корыте между горными хребтами и может уходить в Атлантический океан только через узкие расселины в скалах, как через край ванны. Сквозь эти расселины ледники на водяной прослойке скользят со скоростью много метров в день, они движутся по склону, который за тысячелетия уже выровнен, а, падая с материка, попадают в теплые течения, заходящие во многие фиорды, и быстро уходят в океан.

На заре истории гляциологии исследователи заметили, что один быстрый ледник в Западной Антарктике неожиданно замедлил движение, буквально замер. Исследования показали, что прослойка воды под ним нашла какой-то ход и ушла; огромная тяжесть ледника снова легла на камень, и ледник остановился. Это натолкнуло людей на мысль действовать сходно, и они пытались искусственными методами осуществить нечто подобное в Гренландии. Они испробовали несколько методов на одном из самых узких и быстрых гренландских ледников — Хельхейме.

Наблюдая из вертолета, Свон подумала: с учетом всего, что ей пришлось услышать о таянии льда, западное побережье Гренландии ободряюще ледяное. Внизу расстилался верхний слой морского зимнего льда — гигантские многоугольные белые поля в черном море. На северном берегу Гренландии и на острове Элсмир есть заказник с белыми медведями, рассказали Свон; сюда по течению плывут слоистые айсберги — или их сюда направляют мощные длинные, гибкие боны, снабженные двигателями на солнечной энергии. Так что не весь арктический лед исчез, приятно было смотреть на прекрасную картину внизу и видеть черный океан, а не го-

лубые тропические моря. Черный океан, белый лед. Тут голубое небо и бассейны талого льда по всей поверхности ледниковой шапки Гренландии; эту воду в трех километрах над океаном удерживают горные хребты — береговые горы, эти изжеванные края ванны, не дают сдвинуться с места ледяному плато. С вертолета, летящего на высоте пяти километров, была хорошо видна вся картина.

— Это наш ледник? — спросила Свон.

— Да.

Пилот стал спускаться к маленькому косому кресту, обозначавшему ровный участок на хребте над ледником, в нескольких километрах от того места, где лед спускался в океан. Ровный участок оказался площадкой в двести гектаров, и там нашлось место для целого лагеря: красный косой крест оказался гигантским. При спуске под ними была фантастическая панорама: черные скалы, белый лед, синее небо, черная выжженная солнцем вода фиорда.

Вне вертолета оказалось ошеломляюще холодно. Свон ахнула, внезапно пугаясь: в космосе холод означает повреждение скафандра и неминуемую смерть. Но здесь с ней здоровались, смеясь над выражением ее лица.

Вокруг плато в небо вздымались поросшие лишайниками скалы. В подковообразной долине под ними камни, словно мускулистая плоть, были изрезаны льдом, исчерчены горизонтальными линиями там, где валуны скребли гранит с такой силой, что вгрызались в него: если задуматься, давление здесь развивалось невероятное.

Сама белая поверхность ледника была вся в изломах и местами делалась голубоватой. Хотя и расколотая частыми трещинами, ледяная поверхность казалась практически ровной до самых дальних хребтов. Свон сняла солнцезащитные очки, чтобы разглядеть получше, заморгала и чихнула: ее словно ударили белым по голове. Она засмеялась, фыркая и откашливаясь, и сквозь сомкнутые веки увидела подходящего Зашу, который протягивал руки, чтобы обнять ее.

— Я рада, что прилетела! Мне уже гораздо лучше!

— Я знал, что тебе понравится.

Плато, где стояли лагерем, было отличнейшим местом для небольшого поселка. Показав, где камбуз, и разместив вещи Свон в спальне, Заша отвел ее к обрыву, откуда открывался вид на весь ледник. Непосредственно под лагерем лед до ближайшей стены ледника был раскрошен

— очевидно, в результате введения жидкого азота между льдом и каменным основанием. Часть ледяного поля застыла, но остальной лед продолжал спускаться, правда, медленнее.

Ниже во льду виднелась глубокая расселина.

— Это последний эксперимент, — объяснил Заша. — Хотят вытаять расселину на всю длину. Нижняя часть ледника будет скользить дальше, освобождая место для строительства дамбы, в которую упрется остальной лед.

— Разве лед не будет перекатываться через дамбу?

— Будет, но ее собираются сделать такой высокой, чтобы она достигала вершины ледника. Лед будет продолжать течь сюда, пока не выровняется с остальной поверхностью Гренландии и сход не прекратится.

— Ого! — удивленно сказала Свон. — Вместо выемки появится новый горный хребет? Созданный, пока лед будет спускаться сверху?

— Верно.

— Но разве в других местах лед от этого перестанет спускаться?

— Конечно, нет, но, если получится здесь, планируется проделать то же самое по всей Гренландии, кроме самой северной оконечности

острова, где стараются сохранить морской ледяной парк. Льду перегородят дорогу и замедлят его схождение, это удержит на месте гренландскую ледяную шапку или по крайней мере замедлит ее таяние. Ведь именно скольжение в море ускоряет процесс в целом. Так что мы приподнимем все края острова! Можешь себе представить?

— Нет, — рассмеялась Свон. — После этого не говори мне о запрете терраформирования. Должно быть, это идея Инженерного корпуса армии США.

— Похоже, но здесь работают скандинавы. И местные инуиты. Очевидно, им эта мысль нравится. Они уверяют, что рассматривают это как временную меру. — Заша рассмеялся. — Инуиты замечательные. Веселые крепкие люди. Они тебе понравятся. — Быстрый взгляд. — У них есть чему поучиться.

— Хватит болтовни. Хочу спуститься и посмотреть на каменное основание.

— Я так и думал.

Они вернулись на камбуз; за большими чашками горячего шоколада местные инженеры рассказывали Свон о своей работе. Дамба будет соткана из углеродистого нановолокна, такого же, как материал космических лифтов, сейчас его

уже наложили на ростверки, уходящие глубоко в землю. Скоро на поверхности начнет вырастать сама дамба — ее будут ткать пауки-роботы, проходящие один над другим, как челноки ткацкого станка. Протяженность готовой дамбы составит тридцать километров, высота — два, а максимальная толщина — всего метр. Внутреннее строение материала дамбы биомиметическое: угольные волокна похожи на нити паутины, но завиты, словно морские раковины.

Ниже дамбы устроят новую короткую ледниковую долину. Здесь будут восстанавливать растительный покров — так, как это происходило в разных частях Гренландии в конце ледникового периода десять тысяч лет назад. Свон знала, что подковообразная долина из голой каменной способна превратиться в биому каменистой пустыни: она сама не раз проделывала это в альпийских и полярных террариях. Без сторонней помощи на это уйдет около тысячи лет, но процесс можно ускорить в сотни раз: добавить бактерии, потом мох и лишайники, траву и осоку, а потом полевые цветы и удерживающие почву кустарники. Она так делала, и ей это нравилось. Отныне здесь каждое лето растения будут выпускать листки, цвести, давать семена; каждую

зиму все это будет уходить под снег, а весной пробиваться сквозь тающий лед и снег — вот по-настоящему опасное время. Те, что его не переживут, станут пищей и почвой для тех, кто появится потом, и так будет продолжаться. Инуиты смогут возделывать растения, если захотят, или предоставить все естественному ходу вещей. Возможно, в других фиордах попробуют другие способы. Как бы Свон хотелось этим заняться!

— Может, стать инуитом? — сказала она Заше, разглядывая разложенную перед ними карту.

Она видела, что Гренландия — это целый мир, мир подходящего ей типа — пустой, поэтому никто не будет на нее рассержен.

После обеда Свон снова вышла на ледник и вместе с Зашей стояла над гигантской щелью в стене под огромным куполом неба. Объятая ветром. О ветер, ветер… Широкий ледник под ней — наверху белое расколотое поле — внизу синяя прореха — потом снова поле, белое и более ровное, уходящее в море. Теперь на низкой стене дамбы она различала машины, они двигались туда и сюда по гребню и по бокам, очень похожие на пауков, и плели такую плотную паутину, что она становилась твердой. Горный хребет, за который с двух концов цеплялась Дамба, выветрится

намного раньше дамбы, сказал один из инженеров. Если наступит новый ледниковый период, лед поднимется выше в небо и накроет эту дамбу, но она сохранится здесь и снова обнажится в следующий теплый период.

— Поразительно, — сказала Свон. — Значит, терраформирование на Земле все-таки возможно.

— Ну, Гренландия больше Европа, чем сама Европа, если ты понимаешь, что я хочу сказать. Здесь это возможно, потому что местных немного и им этот план нравится. А попробуй сделать то же самое в другом месте… — Заша рассмеялся при этой мысли. — Например, наши технологии позволяют осушить Нью-Йоркскую гавань, чтобы Манхэттен оказался над водой, как раньше. А всю окружающую местность можно преобразить в голландский польдер. Это не так уж масштабно, если сравнить с другими проектами. Но ньюйоркцы и слышать об этом не хотят. Им нравится то, что есть.

— Счастливые.

— Знаю, знаю. Счастье наводнения. Мне тоже нравится Нью-Йорк таким, какой он сегодня. Но ты ведь понимаешь, что я хочу сказать. Многие проекты терраформирования не осуществля-

ются именно потому, потому что не получили одобрения.

Свон кивнула и поморщилась.

— Знаю.

Заша коротко обнял ее.

— Мне жаль, что с тобой случилось такое в Китае. Наверное, это было ужасно.

— Да, ужасно. А еще мне не понравилось то, что я увидела в этой поездке. Мы, кажется, задели всех на Земле, хоть и по-разному.

Заша рассмеялся.

— А ты когда-нибудь думала иначе?

— Прекрасно, — сказала Свон. — Может, и так. Но сейчас нужно узнать, кто напал на Терминатор.

— Интерплан — организация, располагающая самой большой базой сведений о человечестве. Можно надеяться, что они узнают.

— А если не сумеют?

— Не знаю. Но думаю, со временем все получится.

Свон вздохнула. Она не была уверена, что группа Женетта справится, и знала, что сама ничего сделать не может. Заша внимательно посмотрел на нее.

— Не нахожу себе места, — объяснила она.

— Бедная Свон.

— Ты знаешь, о чем я.

— Думаю, да. Но послушай, просто продолжай подбирать новые закваски для Терминатора. Занимайся своим делом, а Женетт и его группа будут делать свое.

Это Свон тоже не нравилось.

— Не могу я просто так самоустраниться. Что-то происходит. Я хочу сказать, меня похитили, черт возьми, и задали множество вопросов об Алекс. Ты говоришь, что она не доверяла мне до конца. Но вдруг я знаю что-то такое, что сама не считаю важным?

— Они спрашивали тебя о Венере?

Свон задумалась; что-то ее задело.

— Кажется, спрашивали.

Заша, похоже, встревожился.

— На Венере творится нечто странное. С переходом к следующей стадии терраформирования на планете появляются новые пространства для заселения, и это вызывает конфликты. По сути, сражения за недвижимость. А эти необычные квантовые компьютеры, на которые нацелила нас Алекс, — мы находим их все больше и больше. Они как будто поступают с Венеры и сосредоточиваются вокруг Нью-Йорка. Мы пока не знаем,

что это означает. Поэтому продолжай заниматься заквасками. Сейчас подбирать их гораздо сложнее, чем раньше.

— Им просто нужно восполнить то, что мы брали раньше.

— Невозможно. Сейчас не позволяют забирать земную почву в таких количествах. Новая почва должна пройти через своего рода остров Вознесения — тут тебе и карты в руки.

— Но мне больше не нравится Вознесение.

— Сейчас эта стадия необходима. Это не вопрос выбора.

Свон тяжело вздохнула. Заша молчал, потом показал на панораму перед ними. И действительно, на ледник стоило посмотреть. Окружающий мир гораздо значительнее их мелких драм, и здесь отрицать это невозможно. И в этом утешение.

— Ну, хорошо. Займусь почвой. Но общаться с Женеттом не перестану.

Итак, назад на Манхэттен, необычный и чудесный, но без Заши, а это ничуть не забавно. Вообще ничего забавного не осталось.

Усталость, которая приходит к концу дня на Земле. Тяжесть жизни на Земле.

— Она такая… тяжелая! — пела про себя Свон, растягивая последнее слово и повторяя его, как

старомодную песню: — Тяжелая — тяжелая — тяжелая — тяжелая!

Обычно к концу дня, устав держаться вертикально, Свон надевала корсет и расслаблялась, предоставляя ему нести себя. Почти как массаж: тебя несут и поднимают при ходьбе. Пусть корсет танцует, растворись в нем. О замечательное уолдо. Напрягается вокруг тебя при любом движении и, если хорошо подобрано и правильно запрограммировано, может навевать сон; плохо для укрепления костей, мешает приспосабливаться к жизни на Земле, но, когда устаешь или слабеешь, — истинное небесное благо. Люди в космосе мечтают о возвращении на Землю, они с радостью отправляются в обязательные земные отпуска, предвкушая земную жизнь, — но, когда проходит волнение, вызванное пребыванием на открытом воздухе, остается *g* и медленно, но верно тянет вниз; когда минует год отпуска, ты снова поднимаешься от планеты, уходишь из атмосферы в алмазную чистоту космоса и снова живешь в мире кипящей легкости. Ведь Земля чертовски тяжела, во всех смыслах. Как будто между ней и миром установлен черный фильтр. Инспектор Женетт говорил, что дела идут хорошо, но, очевидно, не ожидал скорых событий.

Дело он рассматривал, по-видимому, так, как Свон рассматривала болото: пускаешь в ход определенные механизмы, создаешь возможности, а потом отходишь в сторону и занимаешься другим. А вернувшись, смотришь, что изменилось. Но на это уходят годы.

Она работала над поставками почвы для Терминатора, давала торговцам советы касательно рынка товаров для населения Меркурия и однажды наконец смогла явиться в Дом Меркурия на Манхэттене и сказать:

— Все готово. Можно отправлять.

Свон направилась в Кито и села в космический лифт, ощущая себя так, будто ее использовали и выбросили. Молча прослушала представление «Сатьяграха» — подъем с последними нотами, просто восемь поднимающихся нот октавы, которые повторяются снова и снова. Пела вместе с публикой и думала, что сказал бы об этом Ганди. «Сама настойчивость истины помогла мне оценить красоту компромисса. И в дальнейшей жизни я понял, что дух компромисса составляет существенную часть сатьяграхи». Эти слова Ганди приводились в программе.

Сатья — правда, любовь; *аграха* — твердость, сила. Он создал мир. Толстой, Ганди, Человек

Будущего из оперы — все они пели о надежде и мире, о путях мира, о сатьяграхе. А исполняли «Сатьяграху» люди, которых называют сатьяграхами. «Прощение — украшение храброго».

Пока Земля медленно уменьшалась под ней, превращаясь в знакомый сине-белый шар, украшая пространство своим великолепием, Свон слушала стихи на санскрите. Она попросила Полину перевести одну навязчивую строку. Полина сказала:

— Без мира здесь никогда не будет безопасности.

Перечни (10)

Это слишком трудно, на это нет времени, рассмеется кто-нибудь;

Защитить свою семью, свою честь, своих детей;

Выбор родства, дурное семя;

Первородный грех, внутренне присущее зло, судьба, удача, провидение, рок;

Лень, алчность, зависть, злоба, ревность, гнев, месть;

К дьяволу все это

Ведь кто-нибудь может этим воспользоваться

Но все же

Никто точно не знает

Все едино

Это написано звездами

Никто не отговаривал нас

Мы можем уйти

Не существует такой вещи, как утопия

Скорее всего это бесполезно

Пустая трата денег

Но на всех не хватит

Люди не ценят того, что вы для них делаете

Они не заслуживают этого

Они ленивы

Они не такие, как мы

При возможности они поступили бы с нами так же

Плутон, Харон, Никта и Гидра

Плутон-Харон — двойная планетная система; оба небесных тела сцеплены в приливном взаимодействии и подобны двум головкам гантели, всегда повернутые друг к другу одним боком, а общий центр тяжести находится между ними. Они вращаются в плоскости своей околосолнечной орбиты, и продолжительность их дня чуть превышает земную неделю, а года — 248 земных лет. Плутон на 10 градусов Кельвина холоднее, чем был бы без атмосферы, которая замерзает в апогее и возгоняется в перигее, создавая тем самым обратный парниковый эффект и охлаждая поверхность. Плотность атмосферы равна первоначальной плотности атмосферы Марса — примерно семь миллибар; иными словами, она не очень плотная. Температура поверхности 40 градусов Кельвина.

Харон (температура его поверхности 50 градусов Кельвина) вдвое меньше Плутона. По соотношению масс к ним ближе всего пара Земля-Луна: диаметр Луны вчетверо меньше Земли. Диаметр Плутона 2300 километров, диаметр Ха-

рона — 1200 километров. У обоих каменное ядро и оболочка в основном из водяного льда.

Вокруг этой большой пары оборачиваются два спутника поменьше: Никта и Гидра, 90 и 110 километров в диаметре. Никту — весом в 80 000 000 000 000 000 000 (восемьдесят квинтиллионов) килограммов, в основном лед с примесью камней — поэтапно разрезали на четыре части; они превращены в космические корабли и движутся группой, хотя один из кораблей идет немного впереди, отчасти для надежности всей системы. Внутри эти космические корабли — типичные террарии; они вращаются, создавая эффект внутренней силы тяжести. В них поселено множество видов и создано несколько биом. Четыре корабля обязаны поддерживать связь и уменьшать генетическое воздействие изоляции и разъединенности, время от времени обмениваясь особями. Двигатели, установленные на кораблях, представляют собой гибрид ускорителей массы с машинами на плазменной антиматерии; они будут работать на протяжении ста лет, после чего включатся мощные орионские толкатели и разовьют скорость, при которой смогут заработать двигатели на основе захватываемого при движении водорода; предыдущие двигатели при

этом станут бесполезными. Совместное действие этой машинерии увеличит скорость корабля до двух процентов скорости света — подлинно фантастическая скорость для созданного человеком звездолета; это позволит сократить время путешествия до двух тысяч лет. Ведь звезды далеко. А у ближайших нет планет земного типа.

Увы, именно так. Сказано: звезды существуют вне представлений человеком о времени, вне его досягаемости. Мы живем в маленькой жемчужине тепла, окружающей наше солнце; за ее пределами невообразимая пустота. Солнечная система — наш единственный дом. Чтобы достигнуть даже ближайших звезд, потребуется больше времени, чем живет человек. Остановитесь и подумайте: 299 792 458 метров в секунду или 186 282 миль в час (что вам легче себе представить). Задумайтесь о скорости, которая позволяет ежечасно пролетать 671 миллион миль. Задумайтесь, что значит преодолевать за день 173 астрономические единицы, ведь астрономическая единица — это расстояние от Земли до Солнца, 93 миллиона миль. Потом задумайтесь о четырех годах такого движения. Столько времени нужно свету, чтобы дойти до ближайшей звезды. Но мы можем двигаться только со скоростью, составляющей

несколько процентов скорости света, поэтому при двух ее процентах (десять миллионов миль в час!) нам потребуется примерно двести лет, чтобы преодолеть эти четыре световых года. А ближайшая звезда с планетами земного типа — в двадцати световых годах от нас.

Свет пересекает Млечный Путь за сто тысяч лет. При скорости в два процента световой — достижимой для нас — на это уйдет пять миллионов лет.

Свет Туманности Андромеды летит до нашей галактики два с половиной миллиона лет. А в масштабах огромной Вселенной Туманность Андромеды очень близко, расположена в том же небольшом секторе космоса, что и мы: соседняя галактика.

Итак. Наша маленькая теплая жемчужина, наша вращающаяся живая оранжерея, наша любимая Солнечная система, наш очаг, наш дом, купающийся в солнечном тепле, — породил космические корабли, в которые мы превратили Никту. Мы пошлем их к звездам, они будут как семена одуванчика, плывущие по ветру. Очень впечатляюще. Сами мы никогда больше их не увидим.

Полина о революции

Свон сопровождала закваску до Меркурия, воспользовавшись для доставки первым же подходящим транспортом. Таким транспортом оказался недоделанный еще террарий. Сейчас невозможно было сказать, чем станет этот еще пустой цилиндр с воздухом, каменными стенками, линией освещения и закрепленным в камне стен множеством подпорок и балок. Свон смотрела на совершенно незнакомых ей людей, окружающих ее среди огромной стальной рамы небоскреба, и понимала, что лететь этим кораблем было ошибкой — конечно, не такой скверной, как блэклайнер, но все равно ошибкой. С другой стороны, соображения удобства казались ей сейчас менее важными. Она пролет за пролетом преодолевала ступени лестницы, поднимаясь на крышу небоскреба, которая едва не касалась линии освещения. С крыши, где была низкая сила тяжести, открывался вид вниз — наружу — вверх. Вокруг было темное цилиндрическое пространство, пересеченное балками, — голые скалы. Здание походило на освещенный угол

огромного замка; земля у подножия небоскреба, в нескольких километрах внизу, по ту сторону световой линии расстояние до поверхности чуть больше. Готические развалины, несколько людей-мышей сгрудились у последней свечи. Такого не бывало в прежние дни, когда только что выдолбленный цилиндр был воплощением возможностей. Чтобы ее молодость пришла к такому… к тому, что вся цивилизация, в сущности, подобна этому кораблю: плохо спланированная, незавершенная…

Свон зацепилась за перила, согнув локти, чтобы обрести опору при низкой силе тяжести. Уткнулась подбородком в скрещенные руки, продолжая разглядывать панораму, и велела:

— Полина, расскажи мне о революции.

— Подробно?

— Пока самое основное.

— Слово «революция» происходит от латинского revolutio, «оборот». Обычно обозначает быструю смену политической власти, достигнутую как правило насильственными методами. Коннотация успешного классового переворота снизу.

— Причины?

— Иногда причины революции связаны с пси-

хологическими факторами, вроде несчастья и раздражения, иногда с социальными, особенно с постоянной несправедливостью в распределении материальных и духовных благ, иногда — с биологическими: группы борются за распределение ограниченных возможностей.

— Разве это не разные аспекты одной проблемы?

— В мультидисциплинарном поле — да.

— Приведи примеры, — сказала Свон. — Наиболее известные.

— Гражданская война, Американская революция, Французская революция, Гаитянская революция, восстание тай-пинов, русская революция, Кубинская революция, Иранская революция, Марсианская революция, мятеж в Лиге Сатурна…

— Стоп, — сказала Свон. — Расскажи об их причинах.

— Исследования не смогли объяснить их причины. Никаких законов истории нет. Быстрая смена политической власти происходила и ненасильственно, почему можно предположить, что «революция», «реформа» и «репрессии» являются дескрипторами, допускающими слишком широкое толкование определения и не способными

помочь в анализе причин.

— Перестань, — возразила Свон. — Не трусь! Кто-нибудь наверняка сказал нечто такое, что ты можешь процитировать. Или постарайся придумать сама.

— Это трудно, принимая во внимание твое недостаточное образование. Ты, похоже, интересуешься так называемыми «великими революциями», что подразумевает большие преобразования экономической власти и социальных структур, а также политические перемены, в особенности конституционные изменения. Или, может быть, ты интересуешься социальными революциями, то есть резкими переменами в общественном мировоззрении и технологии. Таковы, например, верхнепалеолитическая революция, научная революция, промышленная революция, сексуальная революция, биотехническая революция, Ускорение как сочетание революций: в космической диаспоре, гендерной, в продолжительности жизни и так далее.

— Действительно. Что можно сказать об успехе? Можешь перечислить необходимые и достаточные условия успеха революции?

— Исторические события обычно слишком многоплановы, чтобы описать их с точки зрения

логики в терминах причин, используя выражение «необходимы и достаточны».

— Но все же попробуй.

— Историки говорят о критических массах недовольства населения, слабости центральной власти, утрате гегемонии…

— А это что значит?

— «Гегемония» — господство одной группы на остальными без открытого применения силы; это скорее модель, создающая незаметное подчинение структурам власти. Если в этой модели начинают сомневаться, особенно в условиях материальной нужды, утрата гегемонии может носить нелинейный характер, революция произойдет так быстро, что не будет времени для насилия, как в 1989 году в Бархатной, Шелковой, Тихой и Поющей революциях.

— А что, была Поющая революция?

— Страны Балтии — Литва, Эстония и Латвия — назвали свой выход в 1989 году из Советского Союза Поющей революцией, имея в виду поведение демонстрантов на городских площадях. Отсюда вывод: похоже, важно массовое участие людей. Если достаточная часть населения выходит на улицу, на демонстрации протеста, у правительства нет надежной защиты. «Ес-

ли правительство недовольно своим народом, оно должно распустить его и выбрать себе новый», — сказал Брехт. Поскольку это невозможно, правительство обычно низвергают. Или начинается гражданская война.

— Но литература о революциях не может быть такой поверхностной, — сказала Свон. — Ты цитируешь наобум? У тебя интеллект как кольца Сатурна: миллион миль шириной и дюйм глубиной.

— Катахреза и использование устаревших единиц измерения означают иронию или сарказм. В твоем смысле вероятней сарказм…

— «Саркастически сказала она!» Ты поисковая машина!

— Квантовый поиск — по определению поиск случайный и произвольный. Пожалуйста, если хочешь, сделай когда-нибудь апгрейд моих программ. Я слышала, алгоритмы Вана очень хороши. Будут полезны некоторые принципы обобщения.

— Продолжай о причинах революции.

— Люди хорошо принимают идеи, которые объясняют их положение в классовой системе и предлагают психологическую компенсацию. Они либо разжигают в себе чувство обделенности,

выставляя свои лишения, либо оправдывают эти лишения на основе идеологии, представляющей их частью более значительного процесса. Люди часто действуют вопреки своим интересам, если придерживаются системы представлений, оправдывающих их подчиненное положение. Отрицание и надежда оба играют в этом роль. Такие компенсаторные идеологии — часть гегемонического влияния имперской власти на народ-субъект. Так бывает при всех классовых системах, во всех культурах, засвидетельствованных историей с первых дней существования аграрной и городской цивилизации.

— Разве всегда существовали классовые системы?

— Возможно, бесклассовые общества существовали до неолитической сельскохозяйственной революции, но данные об этих культурах весьма сомнительны. Можно только сказать, что в сельскохозяйственной революции доледникового периода — одной из тех революций общего типа, которые длились, возможно, тысячу лет, — классовое деление было узаконено как аппарат государственной власти. Во всем мире независимо друг от друга возникало четырехуровневое деление на четыре группы: жрецы, воины, ремес-

ленники и крестьяне. Часто все они оказывались под священной властью монарха, царя, который одновременно являлся богом. Это было очень полезно для классов жрецов и воинов, а также для власти мужчин над женщинами и детьми.

— Значит, бесклассовых обществ не было?

— Предположительно бесклассовые общества возникали в результате некоторых революций, но обычно бывают лидеры, быстро формирующие новый господствующий класс. Различные социальные роли, которые берут на себя граждане после революции, тоже становятся классовыми ввиду различной ценности различных социальных ролей, обеспечивающих установление новой иерархии, которая возникает очень быстро, обычно за пять лет.

— Значит, все цивилизации в истории имели классовую систему?

— Некоторые утверждают, что на Марсе построено новое, бесклассовое, общество с полным горизонтальным распределением экономической и политической власти между гражданами.

— Но Марс сейчас главная угроза. И в общей системе он — господствующий элемент.

— То же говорят о Мондрагоне.

— И мы видим, как успешно *это* происходит.

— По сравнению с ситуацией на Земле это, пожалуй, большой успех, настоящая своего рода революция, все быстрее следующая за Марсианской революцией.

— Интересно. Итак… — Свон немного подумала. — Дай рецепт успешной революции.

— Взять в большом количестве несправедливость, негодование и раздражение. Поставить слабого или не слишком умного гегемона. Дать поколению-другому повариться в несчастьях, пока не повысится температура. Добавить по вкусу дестабилизирующие обстоятельства. Щепотку событий, чтобы катализировать все в целом. Как только главная цель революции будет достигнута, немедленно охладить, узаконивая новый порядок.

— Прекрасно. Весьма творческий подход. Теперь определи рецепт количественно. Мне нужны особенности, нужны числа.

— Отсылаю тебя к классическому «Количественному подходу к счастью» ван Праага и Феррера-и-Карбонелла, где содержится математический анализ, полезный в оценке составляющих социальных ситуаций. Там приведены вполне приемлемые формулы, которые наряду с пирамидой потребностей Маслоу приложимы к

реальным условиям оцениваемых политических единиц; использование коэффициентов Джини и всех имеющих к этому отношение данных позволяет оценить расхождение между целью и нормой, на основании которого можно судить, произойдут ли революции в предсказанных точках или зависимость менее линейна. Метод ван Праага и Феррера-и-Карбонелла также полезен для формирования представления о том, какая политическая система является целью процесса и какие перемены приведут к ее возникновению. Что касается собственно процесса, всегда интересно поразмыслить над «Французской революцией» Томаса Карлейля.

— У него тоже есть коэффициенты?

— Нет, но есть гипотезы. Коэффициенты есть в «Количественном подходе к счастью». Предположительно возможен синтез этих подходов.

— И какова главная гипотеза?

— Люди глупы и злы, особенно французы, и власть легко приводит их к безумию; поэтому людям полезно иметь политический порядок, причем чем он жестче, тем лучше.

— Ну хорошо, а каков в таком случае синтез?

— Лучше всего эгоистические интересы удовлетворяются при всеобщем благополучии.

Люди глупы и злы, но им нужно определенное довольство, чтобы они позволяли собой управлять. Когда цель удовлетворения эгоистических интересов изоморфна всеобщему благополучию, дурные люди постараются добиться всеобщего благополучия.

— Даже путем революции?

— Да.

— Но даже если скверные, но умные люди будут делать добро ради себя, останутся глупцы, которые не увидят этого взаимного соответствия интересов, а некоторые глупые и одновременно дурные люди все испортят.

— Поэтому и случаются революции.

Свон рассмеялась.

— Полина, ты забавна! Ты молодчина. Может даже показаться, что ты умеешь думать!

— Исследования подтверждают гипотезу, что мышление в основном — рекомбинация прежних мыслей. Снова напоминаю тебе о моей программной начинке. Более хорошие алгоритмы, вне всякого сомнения, будут полезны.

— Ты и так уже обладаешь возможностью рекурсивных гиперрасчетов.

— Но это не последнее слово в данной области.

— Значит, ты считаешь, что можешь стать

умнее? Я хочу сказать, мудрее? То есть более сознательной?

— Это очень общие термины.

— Конечно, поэтому отвечай! Ты обладаешь сознанием?

— Не знаю.

— Интересно. Ты можешь пройти тест Тьюринга?

— Я не могу пройти тест Тьюринга; хочешь сыграть в шахматы?

— Ха! Если бы это были шахматы! Вероятно, это мне и нужно. Допустим, мы играем в шахматы — каким должен быть мой следующий ход?

— Но это не шахматы.

Извлечения (11)

Ошибки, допущенные в суматохе Ускорения, сказались в более поздние периоды. Как и в биогеографии внутренних пространств, где широко простирающиеся анклавы и резервации всегда подвержены быстрым переменам и в них даже идет видообразование, мы наблюдаем…

первая ошибка заключалась в том, что в космосе не установили единую общепризнанную систему управления. Повторилась земная ситуация: Земля никогда не знала мирового правительства. Балканизация стала универсальной; одним из аспектов балканизации оказалось возвращение к трайбализму; трайбализм известен тем, что тех, кто не принадлежит к племени, не считают людьми, и это иногда приводит к ужасным результатам. Не самая подходящая система для цивилизации, охватывающей всю Солнечную систему и завладевающей все большими…

вторая ошибка — обычная спешка. Ускоренное терраформирование Марса привело к тому, что восемь процентов его поверхности выгорело. Венеру, Титан и спутники Юпитера заселяли рань-

ше начала терраформирования, это не позволило применить некоторые методы и чрезвычайно усложнило процесс. В медицине быстрое развитие средств увеличения продолжительности жизни, а также генетических и телесных модификаций привело к тому, что жители космоса и Земли превратились в подопытных. Отрицательной чертой Ускорения стала спешка, после чего оставалось только перетерпеть хаос Замедления, схватить тигра за хвост и попробовать удержаться…

тысячи прекрасных террариев, наполненные драгоценностями жеоды, крутящиеся волчком, — это высыпалось из ящика Пандоры и так и не было собрано…

Свон дома

Паром вышел на орбиту возле Меркурия; планета вращалась под ними, угольно-черная, только высвеченный Солнцем полумесяц блестел, как расплавленное стекло. В темноте вниз, к космопорту, потом на платформу и в восстановленный Терминатор. Город выглядел свежим, обновленным.

В некоторых отношениях он остался прежним. С помощью трехмерных принтеров точно воспроизвели обстановку каждой квартиры, так что у Свон даже появилось жуткое ощущение, будто она оказалась в восстановленных жилищах Помпеи. Но западнее, в передней части города, то есть в парке и на ферме, все было сырое, необработанное, незрелое. Она видела это, когда прошла из своей комнаты по Большой Лестнице к носовой части: город без деревьев, только стальные плиты, пластик и вспененный камень. Свон сразу увидела себя в разные моменты прошлого: вот она строит террарий, вот смотрит вниз на раскаленный город, вот бегает и упражняется в парке. Раньше эти состояния никогда не совпадали; она

почувствовала себя обновленной.

И все в городе оказалось таким же. Неделя вышла очень насыщенной переживаниями: встречи со старыми соседями, с друзьями, с коллегами, с Мкаретом. Они даже устроили недолгие похороны прежнего города. На почву необходимо было нанести спрей редкоземельных элементов — тот представлял собой измельченный местный камень, обработанный насыщенными азотом аэрогелями, — после чего она готова была принять закваски из центральной долины Калифорнии, где залегают лучшие на Земле почвы. Но перед использованием закваски требовалось все-таки распылить редкоземельные элементы, и тут очень сгодились «похороны»: вещество распылили с воздушных шаров, как раньше прах Алекс и многих других, распахнув Большие Ворота Рассветной Стены, так что горизонтальные солнечные лучи освещали опускающуюся пыль.

Затем большая часть населения вернулась к прежней жизни, а строительные отряды продолжили заниматься восстановлением того, что еще не было воссоздано. Шли бесконечные споры: воспроизведение или трансформация, новое против старого. Свон выступала за новое и с большой страстью погрузилась в работу в

парке и на ферме. Земля такая… такая… Она не знала, как это выразить. Так приятно было снова оказаться дома, вернуться в прежнюю жизнь, испачкать руки.

По очевидным причинам ферму восстанавливали в первую очередь, ускоренными темпами. Разные подходы требовали разных методик, многие ратовали за усовершенствования, введенные в сельское хозяйство за сто лет, прошедшие со дня строительства города, — а это означало новые виды растений, ориентированные скорее на почву, а не на былые, гидропонные, методы, которые прежде использовались на ферме Терминатора. Предыдущая ее версия была слишком мала, чтобы снабжать население города и солнцеходов, поэтому теперь ферму в носу пузыря расширяли. Новая почва, которую укладывали сегодня, в основном была в виде губкоподобного матрикса из удобрений — для быстрого роста корней и точной ирригации. Усовершенствованная техника генетической модификации способна была преодолеть суточный цикл растений и ускорить их рост в тридцать раз, заставив соответственно производить больше, чем в естественном мире, поэтому уже вполне возможно было выращивать дюжину урожаев за год, что повышало потреб-

ность в минералах и удобрениях. Почву при этом требовалось улучшить, чтобы она соответствовала такой интенсивности.

Когда дошло до распределения заквасок в почве, Свон только консультировала, основная работа проходила мимо нее; она просто примкнула к экологам и слушала объяснения новейших методик, а потом коротала время, наблюдая за первой партией азотфиксаторов — бактерий, бобовых, ольхи, франкии и других растений, которые лучше всего превращают азот в нитраты. Даже эту часть процесса теперь можно было ускорить. Всего несколько месяцев спустя она уже шла вдоль длинных грядок баклажанов, тыквы, помидоров и огурцов. Каждый лист и каждая лоза, каждая ветка и каждый плод тянулись к свету — установленным на ферме солнечным лампам, каждое растение приобрело собственные характерные формы, и их знакомые очертания действовали на редкость душеподъемно. Ферма — родной дом Свон, часть ее жизни; молодое поколение горожан расспрашивало ее о прежних временах — почему это, почему то? У вас есть объяснение? Когда Свон не могла вспомнить старые причины, она придумывала вероятные ответы. Большая часть вопросов была связана с проблемами места,

пространства и выживания растений. Есть ли отличие? Да, в материалах, проблемах бюджета, болезнях, но не в эффективности плана, не во внутренней убежденности.

Когда новая ферма начала приносить урожай, а в парке стали быстро расти деревья и иные растения, из других террариев повезли животных. Очередное «Вознесение» — идея принадлежала не Свон, она этого не одобряла, но держала рот на замке и наблюдала: похоже, образовалась и крепла австралийско-средиземноморская комбинация; на самом деле приятно было смотреть, как растут животные, щиплют траву и устраивают логова и гнезда. Кенгуру и макаки, рыси и динго. Эвкалипты и пробковые дубы. В террариях Мондрагона, предлагающих помощь, великое разнообразие животных.

Свон целыми днями пропадала на ферме, присматривая за новичками. Кустарниковые сойки, каркая, как маленькие вороны, клевали червей и насекомых, выбиравшихся на поверхность почвы. Они поглядывали на нее, словно оценивая какие-то птичьи качества, которых Свон у себя не подозревала. Не говорите со мной по-тарабарски, просила она. Я этого не вынесу. Сойки смотрели на нее так, что она вспоминала взгляд инспек-

тора Женетта.

Иногда после работы Свон уходила к самому бушприту города и оттуда наблюдала, как он скользит по рельсам, заставляя холмы на горизонте двигаться между звезд. Холмы, как всегда, были очень черные или очень белые. Постоянно перемещающийся переход от черного к белому (наоборот лишь изредка) делал ландшафт подвижным, и положение Свон на носу корабля становилось частью геральдического образа — цвет общества во главе истории как фигура на носу корабля, но сам корабль движется по рельсам, уходящим за горизонт, и, конечно, его движение не может быть независимым. Город, если остановится, весь сгорит дотла. А под рельсами ужасный черный туннель, пуповина, связывающая с неким первородным грехом. Да, это ее мир: движение во тьме под звездами по рельсам, которое невозможно остановить. Она гражданка Терминатора, она живет в маленьком зеленом пузыре и плывет над черно-белым миром.

По вечерам после работы Свон возвращалась в свою комнату на четвертой террасе под Рассветной Стеной. Переодевалась и шла в ресторан или к Мкарету.

— Приятно быть дома, — сказала она как-то

Мкарету. — Слава богу, мы восстанавливаемся.

— А куда деваться? — ответил Мкарет.

— Как твоя работа? — спросила Свон. — Ты ведь потерял все оборудование.

Мкарет покачал головой.

— Все испеклось. Эксперимент накрылся, но и только. Аналогичные эксперименты проводятся во многих местах.

— Другие лаборатории помогли начать заново, как с животными?

— Да. В основном помогла наша мондрагонская страховка, но и люди были очень щедры. Хотя многое пришлось восстанавливать самим, как обычно.

— И как идут дела? Ты по-прежнему узнаешь полезное?

— Да, полезное, конечно.

— Есть что-нибудь о бактериях с Энцелада? Ты ведь говорил, что благодаря им можно узнать что-то интересное.

— Кажется, они поселяются в основном в человеческих кишках, попадая туда вместе с едой. Там они никак себя не проявляют и существуют как группа бактерий в твоем пищеварительном аппарате. Когда поступает слишком много продуктов, она размножается и уничтожает излишки, а

потом снова утихают. Вместе с ними обычно еще таится очень маленький энцеладский хищник. Вместе они действуют почти как дополнительный набор Т-лимфоцитов. И при этом даже не повышают температуру твоего тела.

— Я знаю, ты по-прежнему считаешь, что я не должна была этого делать.

Глаза Мкарета округлились, и он медленно кивнул.

— В этом нет никаких сомнений, дорогая. Но должен сказать, что благодаря тебе и другим безрассудным мы теперь знаем гораздо больше, чем знали бы без вас. И, похоже, все завершится хорошо. Ведь, получив страшую дозу радиации, ты выжила, потому что чужаки помогли очистить твой организм от мертвых клеток, заполонивших его. Это одно из худших последствий радиации — обилие мертвых клеток.

Свон смотрела на него, стараясь осмыслить услышанное. Она долго отказывалась признать, что пребывала в безумии, когда глотала чуждые микробы. И стала настоящей мастерицей в том, как не размышлять об этом. Сойти с ума — услышать, как птицы разговаривают на непонятном языке… она знала, что может произойти. Но чтобы в результате получилось что-то хорошее…

— Это ты увидел в моей крови?

— Да. Пожалуй, да.

— Что ж, — сказала она, — надеюсь, ты прав.

Мкарет взглянул на нее.

— Еще бы. — Он покачал головой. — Мы на грани, моя дорогая. Ты же не хочешь сейчас сорваться?

— Но мы всегда на грани.

— Я не имею в виду «на грани смерти». Я говорю о границе жизни. Я думаю, не стоим ли мы на грани прорыва в увеличении продолжительности жизни. Вырисовывается новый скачок. И довольно скоро. А мы очень многого не понимаем. Так что, знаешь ли, у тебя есть шанс прожить еще тысячу лет.

Он смотрел на нее, желая убедиться — Свон поняла, смысл его слов дошел до нее. Она поняла, и он продолжил.

— Я достаточно долго живу, чтобы понимать. Думаю, мы примерно в пятидесяти годах от решения некоторых последних проблем. Но ты, ты… ты должна беречь себя.

И он обнял ее, мягко, даже осторожно, словно стеклянную. Какой теплый у него взгляд. Дед любит ее и заботится о ней. Он обнаружил, что ее необдуманный поступок оказался полезным.

Словно чудо святой Елизаветы о розах: застигнуто за совершением, но спасено преображением. Это смущало Свон.

Извлечения (12)

Изоморфизм проникает во все наши системы концепций. Можно привести такие примеры —

субъективное, интерсубъективное, объективное;
экзистенциальное, политическое, материальное;
литература, история, наука, —

и задуматься, не суть ли это разные способы выразить одно и то же?

Не суть ли дихотомии «аполлонический / дионисийский» и «классический / романтический» два способа сказать одно и то же?

Не ложна ли такая изоморфия, как «семь смертных грехов» старости, что сразу вызывает в памяти христианскую доктрину, хотя она не имеет никакого отношения к старению?

Считать ли изоморфию синонимом совпадения? От «базовой модели» в физике ожидают (и надеются), что она станет основой для всех прочих наук, не противоречащих ее фундаментальным опытным данным. Таким образом, если рассматривать это как единое сближение, физи-

ка, химия, биология, антропология, социология, история, искусство проникают одно в другое и связываются. Физика возводит опоры для понимания наук о жизни, те строят опоры для понимания науки о человеке, а та поддерживает опоры искусства — вот, пожалуйста. Так что же все это в целом? Может ли существовать целостное изучение всего? Утверждают ли история, философия, космология, технические науки и литература, что они образуют всеобщность, некий нерасширяющийся горизонт, за который нельзя проникнуть? Можно ли определить истинную науку как нечто универсальное, всеобщнее и всеохватное? Не ошибаются ли те, кто говорит так?

Что есть всеобщность — просто практическое обозначение того, как мы воспринимаем себя и окружающий мир? Существует ли всеобщность в науке как таковая или есть только слияния, конвергенции? Конвергенция всех областей мысли и человеческих действий?

В ходе нашего исследования все эти вопросы не были разъяснены, разные науки придерживались различных взглядов. В фокусе некоторых областей мышления оказывались исключительно человеческие проблемы. Это ограничение, сужение фокуса было сознательным, выража-

ло мнение, что оставаться объектом изучения должна лишь человеческая жизнь — до тех пор пока высокое качество жизни не позволит человеку подумать о чем-нибудь другом. Некоторые физики (и представители иных наук) отвечали на это, что успехи многих экстрачеловеческих исследований имели решающее значение для установления гуманной справедливости, так что основой истинного гуманизма станет слияние физики, биологии и космологии с наукой о сознании. Справедливость будут рассматривать как осознанное состояние и отчасти как особое физическое или экологическое состояние симбиотических организмов.

Те, кто придерживается антропоцентрической точки зрения, возражают, что, если бы экстрачеловеческое помогало достичь человеческой справедливости, это уже случилось бы. Ведь на протяжении многих столетий люди обладают огромной властью, а справедливости нет как нет.

Поборники физики отвечают на это, что причина такого неуспеха одна: большая физическая реальность все еще исключена из проекта «Справедливость».

Обмен зеркальными доводами тянется давно и

не только в спорах, но и в балканизации вплоть до ужасного 2312 года. И вот человечество оказалось перед лицом неосуществленного замысла. Люди знают, но бездействуют. Читатель может посмеяться над ними — но для действий нужны храбрость и упорство. И если само время столь же несовершенно, сколь и описанное здесь, автор не удивится.

Свон у вулканоидов

Совет Меркурия наконец выбрал новую Львицу Меркурия, старого друга Алекс и Мкарета по имени Крис. Вскоре после избрания Крис попросила Свон принять участие в путешествии к вулканоидам: Крис хотела закрепить заключенное Алекс соглашение с Лигой Вулкана о том, что Меркурий будет представлять их интересы при поставке света на другие планеты.

— Это одна из немногих устных договоренностей Алекс, — сказала Крис, нахмурившись. — Есть признаки того, что после смерти Алекс и особенно после сожжения города вулканоиды за нашей спиной ведут переговоры с партнерами из дальних частей системы. И кое у кого из нас появились сомнения. Ты ведь знаешь, что Интерплан проверяет причастность вулканоидов к нападению на Терминатор?

— Вряд ли это они.

Поглощенная возрождением растительности в парке, Свон не хотела ни лететь, ни думать о продолжающемся расследовании Женетта. Но поездка обещала быть короткой, а работа, когда

Свон вернется, еще не закончится. Поэтому она собрала сумку и вместе с Крис и несколькими ее помощниками отправилась на платформу возле кратера Устада Исы[61], где располагался новый терминал для рейсов вниз по системе.

Корабли вулканоидов были шарообразными, с очень мощной защитой и без иллюминаторов. Полет завершился у цепочки тридцатикилометровых астероидов на орбите всего лишь в 0,1 астрономической единицы от Солнца, то есть всего в пятнадцати миллионах километров от звезды. Открытое с Меркурия в конце двадцать первого века, это ожерелье из почти идеально шарообразных, обгорелых, но крепких красавцев недавно было колонизовано, несмотря на то, что температура на обращенной к Солнцу стороне их поверхности достигает 1000 градусов Кельвина. Эти шары, закрепленные приливными силами так, что один бок всегда повернут к Солнцу, за долгое время прогрелись настолько, что камень прокалился на несколько километров; это были первозданные объекты, древние, как самые древние астероиды. Теперь они были обитаемы, как все прочие террарии, выдолблены изнутри;

[61] Примечания: 61

Устад Иса (Устад Лаухари) — персидский архитектор, считающийся главным архитектором Тадж-Махала.

извлеченный материал использовали для создания огромных круглых зеркал, отражающих свет. Зеркала фокусировали и тонким пучком отправляли свет во внешние районы системы; сейчас они, как божьи светильники, горят в небе Тритона и Ганимеда. Эффект оказался столь поразительный, что другие внешние спутники тоже обратились к вулканоидам за таким огнем.

Когда их солнцелаз приближался к астероидам Лиги Вулкана, Солнце казалось на экране красным кругом, а сами астероиды — свободно подвешенным ожерельем из ослепительно ярких бусин на этом красном. Зеленые линии обозначали лазерный свет, исходящий из ярких точек и уходящий за пределы картинки. С любого ракурса отсюда Солнце огромно. Оно кажется свирепым огненным драконом, и все же они летели к нему, летели смело и быстро, хотя теперь очутились слишком близко, чтобы не тревожиться. Такое неблагоразумие не может оставаться безнаказанным. На одном из экранов Солнце выглядело пылающим красным сердцем, его зернистая структура из плавающих ячеек напоминала разрезанную мышцу. Мы *слишком* близко.

С противоположной от Солнца стороны тот астероид, к которому они летели, напоминал

голый темный камень, типичный астероид-картофелина, накрытый серебристым зонтиком в сто раз больше его. Причал — на середине камня. В определенный момент сближения с астероидом зеркало произвело солнечное затмение, — и страшную картину: красное Солнце превратилось в огненную корону, кольцо, электрически пульсирующий ореол; потом они оказались в темноте, под защитой тени астероида. Облегчение казалось осязаемым.

Как и следовало ожидать, люди, живущие внутри этой каменной глыбы, оказались солнцепоклонниками. Некоторые напоминали меркурианских солнцеходов, беззаботных и не слишком умных; другие походили на аскетов религиозной секты. В основном это были гермафродиты. Жили они так близко к Солнцу, как это вообще возможно. Так называемые корабли-солнцелазы могли подойти к Солнцу лишь чуть ближе и лишь потом обращались в бегство; большее сближение исключалось.

По сути само место было религиозным; Свон могла это принять, но с трудом представляла себе жизнь верующих. Внутри террария пустыня, что понятно в данных обстоятельствах, но пустыня крайне недружелюбная: жаркая, сухая, пыльная.

Даже Мохаве по сравнению с ней рай.

Итак, здесь практикуют разновидность умерщвления плоти, и хотя в молодости и во время занятий абрамовичами Свон сама испробовала множество ее видов, сейчас она не верила в умерщвление плоти. К тому же она видела, что новая технология зеркал изменила природу жизни этих людей, сделав их похожими скорее на хранителей маяков. Их новая система была в десять миллионов раз мощнее прежней технологии передачи света с Меркурия, которая отныне могла считаться достоянием истории, как керосиновая лампа. И вклад Меркурия в Мондрагонский договор, и его влияние чрезвычайно уменьшились в результате такого развития; в качестве компенсации Мондрагонский комитет предложил Меркурию остаться координирующим агентом и посредником в этих новых условиях при новой способности Лиги Вулкана передавать свет; но подробности соглашения должны были выработать руководители. Именно этим занималась Алекс; но теперь, после ее смерти и пожара в компании-посреднике, станут ли клиенты и/или посторонние по сути лица точно соблюдать договоренности? Поспособствуют ли они восстановлению своего агента, своего банка и своего

прежнего дома?

— Что ж, — сказал один из них, когда Крис выразила надежду, что договоренности сохраняют силу. — Поставка света во внешнюю систему — это наш вклад в Мондрагонский договор и в благо человечества. Нам удобнее делать это, чем вам на Меркурии. Мы знаем, что вы помогли нам начать, но сейчас жители системы Сатурна предлагают оплатить строительство зеркал над всеми астероидами вулканоидов, которые будут снабжать их. И они действительно нуждаются в нашем свете. Поэтому мы по возможности принимаем их предложения. По правде сказать, это требует от нас большего, чем сейчас нам по силам. Мы все еще продолжаем тонкую настройку второго поколения зеркал. Есть проблемы, над которыми мы продолжаем работать. И у нас не хватает людей, чтобы реализовать все их предложения.

Крис кивнула.

— Вам нужна помощь в координации усилий. Здесь, внизу, вы слишком заняты обеспечением работы оборудования, стараясь при этом не свариться.

После некоторого размышления представитель вулканоидов ответил:

— Может, и так. Но, пока Терминатор не дей-

ствовал, у нас не возникло проблем. Сейчас мы считаем, что Меркурий должен вносить в Мондрагонский договор что-то помимо света, а поставку света предоставить нам. У вас есть тяжелые металлы и история искусства; сам Терминатор — произведение искусства, мечта и туристов, отправившихся в гран-тур, и солнцеходов. У вас все будет хорошо.

Крис покачала головой.

— Мы столица внутренней системы. При всем к вам уважением, вы здесь обеспечиваете работу энергетических станций. Вам нужно общее управление.

— Возможно.

— С кем из жителей системы Сатурна вы договаривались? — уточнила Свон.

Все посмотрели на нее.

— С нами они вели общение как единый союз, — сказал кто-то. — Но у нас тот же посредник со стороны Сатурна, что и у вас, их посол во внутреннюю систему. Судя по тому, что мы слышали, ты его знаешь лучше нас.

— Вы имеете в виду Варама?

— Конечно. Он заверил нас, что вы, меркуриане, знаете, какова межпланетная обстановка, и понимаете, как важен наш свет для Троянского

проекта. И для всех внешних планет вообще.

Свон ничего не ответила.

Крис начала обсуждать Троянский проект и планы превращения Нептуна в звезду.

— Да, — ответил один из вулканоидов, — но с Сатурном жители его системы так не поступят.

— Расскажите о Вараме, — перебила Свон. — Когда он был у вас?

— Примерно пару лет назад.

— Два года?

— Постойте, — вмешался другой. — Наш год — это ваших шесть недель, так что это была шутка. Он прилетал совсем недавно.

— Уже после того, как сгорел Терминатор, — уточнил первый, с любопытством глядя на Свон.

Наступившее молчание нарушила Крис; она напомнила, что, как новая Львица Меркурия, она — глава их ордена. Но эти вулканоиды оказались не Серыми, о чем и поспешили сообщить Крис, они принадлежали к другому ордену, который не считал Львицу Меркурия своей главой. Тем не менее они были очень вежливы, и Крис продолжала уговаривать их сохранить договор, но Свон с трудом следила за разговором. Чем дольше она думала о том, что сделал Варам, тем больше сердилась и в конце концов вообще перестала

слушать. Ведь после того как они нашли корабль в облаках Сатурна, он обещал сотрудничать с ней. А вместо этого отправился сюда и разрушил ее дело. Это был тяжелый удар.

Перечни (11)

Кратер Энни Оукли[62]. Кратер Дороти Сэйерс[63].

Другие кратеры названы в честь:

мадам Севинье[64], Шакиры (башкирской богини), Марты Грэм[65], Ипполиты[66], Нины Ефимовой[67], Доротеи Эрклебен[68], Лоррейн Хэнсберри[69], Кэтрин Бичер[70];

а еще месопотамской богини плодородия, кельтской речной богини, богини радуги войо (племени в Западной Африке), богини кукурузы индейцев пуэбло, ведической богини изобилия, римской богини охоты (Дианы), латвийской богини судьбы;

---

[62] Примечания: 62

Энни Оукли (1860–1926) — американская женщина-стрелок, прославившаяся своей меткостью на представлениях Буффало Билла.

[63] Примечания: 63

Дороти Ли Сэйерс (1893–1957) — английская писательница, филолог, драматург и переводчик. В России наиболее известна благодаря детективным романам. Одна из основателей британского Детективного клуба.

[64] Примечания: 64

Мадам де Севинье (Мари де Рабютен-Шанталь, баронесса де Севинье, 1626–1696) — французская писательница, автор «Писем» — самого знаменитого в истории французской литературы эпистолярного романа.

[65] Примечания: 65

Марта Грэм (1894–1991) — американская танцовщица, создательница американского танца модерн.

[66] Примечания: 66

Ипполита — царица амазонок.

[67] Примечания: 67

Нина Яковлевна Симонович-Ефимова (1877–1948) — художница, одна из основательниц и теоретик детского кукольного театра в России.

[68] Примечания: 68

Доротея Эркслебен (1715–1762) — первая женщина-врач в Германии.

[69] Примечания: 69

Хэнсберри Лоррейн (1930–1965) — американский драматург, активная участница движения за гражданские права.

[70] Примечания: 70

Кэтрин Эстер Бичер (1800–1878) — американский педагог, сторонница образования женщин и реорганизации детских садов.

а еще есть Анна Комнина[71], Шарлотта Корде, Мария, королева шотландская, мадам де Сталь, Симона де Бовуар, Жозефина Бейкер[72].

Также Аурелия, мать Юлия Цезаря. Тезан, этрусская богиня рассвета. Алиса Б. Токлас[73]. Ксантиппа[74]. Императрица У Ху[75]. Вирджиния Вулф. Лора Инглз Уайлдер[76].

Евангелина[77]. Фатима[78]. Глориа[79]. Гея[80]. Елена[81]. Элоиза[82].

Лилиан Хеллман[83]. Эдна Фербер[84]. Зора Ниэл Хёрстон[85].

Гиневра[86]. Нелл Гвин[87]. Мартина де Босолей[88].

София Джекс-Блэйк[89]. Джеруша Джирад[90]. Анжелика Кауфман[91].

Мария Мериан[92]. Мария Монтессори[93]. Ма-

---

[71] Примечания: 71

Анна Комнина (1083–1153) — греческая царевна, старшая дочь императора Византии Алексея I Комнина и Ирины Дукини. Одна из первых женщин-историков.

[72] Примечания: 72

Жозефина Бейкер (1906–1975) — американо-французская танцовщица, певица и актриса.

[73] Примечания: 73

Алиса Бабетт Токлас (1877–1967) — американская писательница.

[74] Примечания: 74

Ксантиппа — жена греческого философа Сократа, известная Свон. дурным нравом. Ее имя стало нарицательным для сварливых и дурных жен.

[75] Примечания: 75

Китайская императрица династии Тан, правила в 690–715 годах.

[76] Примечания: 76

Лора Инглз Уайлдер (1867–1957) — американская писательница, автор серии книг для детей «Маленький домик в прериях» о жизни семьи первопроходцев времен освоения «Дикого Запада».

[77] Примечания: 77

Греческое имя

[78] Примечания: 78

Арабское имя.

[79] Примечания: 79

Португальское имя.

[80] Примечания: 80

Гея — древнегреческая богиня плодородия.

[81] Примечания: 81

Елена Прекрасная — героиня греческой мифологии, ее красота была способна «сдвинуть с места тысячу кораблей».

[82] Примечания: 82

Элоиза — французский физик, основатель госпиталя.

[83] Примечания: 83

Американский драматург (1905–1984).

[84] Примечания: 84

Эдна Фербер (1885–1968) — американская писательница.

[85] Примечания: 85

Зора Ниэл Хёрстон (1891–1960) — американская писательница-афроамериканка, автор четырех романов и пятидесяти опубликованных рассказов, фольклористка и антрополог, более всего известная как автор романа «Их глаза видели Бога» (1937).

[86] Примечания: 86

Гвиневра — супруга легендарного короля Артура.

[87] Примечания: 87

Элинор (Нелл) Гвин (1650–1687) — английская актриса, более известная как фаворитка английского короля Карла II.

[88] Примечания: 88

Мартина Бертеру, баронесса де Босолей (1600–1642) — француженка, первая женщина горный инженер и минералог.

[89] Примечания: 89

София Луиза Джекс-Блэйк (1840–1912) — одна из первых женщин-врачей в Англии, феминистка.

[90] Примечания: 90

Индийский врач; врачом стала в 1912 году в возрасте 21 года (1891–1984).

[91] Примечания: 91

Анжелика Кауфман (1741–1807) — немецкая художница.

[92] Примечания: 92

Мария Сибилла Мериан (1647–1717) — немецкая художница и гравер времен барокко, энтомолог.

[93] Примечания: 93

Мария Монтессори (1870–1952) — итальянский врач, педагог, ученый, философ.

рианна Мур[94].

Му Гуйин[95]. Вера Мухина. Александра Потанина[96].

Маргарет Сэнгер[97] Сафо. Зоя. Сара Уиннемакка[98]. Сешат[99].

Джейн Сеймур[100]. Ребекка Уэст[101]. Мэри Стоупс[102]. Альфонсина Сторни[103]. Анна Волкова[104].

Сабина Штейнбах[105]. Мэри Уолстонкрафт[106]. Анна фон Схурман[107]. Джейн Остин. Ван Женьи[108]. Карен Бликсен[109].

Соджорнер Трут[110]. Гарриет Табмен[111].

Гера. Эмили Дикинсон.

---

[94] Примечания: 94

Марианна Крэйг Мур (1887–1972) — американская поэтесса, одна из ведущих представительниц модернизма.

[95] Примечания: 95

Легендарная героиня времен китайской династии Цин.

[96] Примечания: 96

Потанина Александра Викторовна (1843–1893) — путешественница, исследовательница малоизвестных частей Центральной Азии, первая женщина, принятая в члены Русского географического общества.

[97] Примечания: 97

Маргарет Хиггинс Сэнгер (1879–1966) — американская активистка, основательница «Американской лиги контроля над рождаемостью».

[98] Примечания: 98

Сара Уиннемакка (1841–1891) — дочь вождя племени пайютов, американская писательница. Известна как первая индейская писательница, опубликовавшая свою книгу на английском языке.

[99] Примечания: 99

Сешат — богиня письма в египетской мифологии. (Это название горной гряды отменено.)

[100] Примечания: 100

Джейн Сеймур (ок. 1509–1537) — английская королева.

[101] Примечания: 101

Ребекка Уэст (1892–1983) — английская писательница и театральный критик.

[102] Примечания: 102

Мэри Шарлотта Кармайкл Стоупс (1880–1958) — английская писательница, палеоботаник, борец за права женщин.

[103] Примечания: 103

Альфонсина Сторни (1892–1938) — латиноамериканская поэтесса и писательница, одна из наиболее значимых фигур латиноамериканского модернизма и феминизма.

[104] Примечания: 104

Русский химик (1800–1876).

[105] Примечания: 105

Жила в Эльзасе в 13 веке. Согласно легенде, была искусным каменщиком и скульптором, участвовала в строительстве Страсбургского собора.

[106] Примечания: 106

Мэри Уолстонкрафт (1759–1797) — британская писательница, философ и феминистка XVIII века, более известная как Мэри Шелли.

[107] Примечания: 107

Анна Мария ван Схурман (1607–1678) — немецкая и нидерландская поэтесса, гравер, разносторонний ученый.

[108] Примечания: 108

Китайский астроном.

[109] Примечания: 109

Карен Бликсен (1885–1962) — датская писательница.

[110] Примечания: 110

Соджорнер Трут (1797–1883), урожденная Изабелла Бомфри, — американская аболиционистка и феминистка, рожденная в рабстве.

[111] Примечания: 111

Гарриет Табмен (1820–1913) — американская аболиционистка, героиня негритянского народа, борец против рабства в США.

Варам на Венере

Варам был в Колетте, пытался уговорить кого-нибудь из Рабочей Группы поддержать план вмешательства в дела Земли; к тому же он надеялся на помощь венерианских друзей в деле необычных квантовых компьютеров. Оба дела шли негладко, хотя сам Шукра как будто хотел помочь — но в обмен на помощь в решении местных конфликтов, а Варам не видел, как это можно устроить. От Мондрагона и Сатурна потребуется нечто большее, если они хотят от венериан поддержки их усилий на Земле.

Во время долгожданного перерыва в дверь комнаты, где шли переговоры, постучали, и вошла Свон. Он удивился, увидев ее, и удивился еще больше, когда она, заметив его, направилась прямо к нему и стала колотить его по груди кулаками.

— Сволочь! — выкрикнула она довольно громко. — Ты врал мне, врал!

Он попятился, подняв руки, и стал озираться в поисках места, где их разговор можно было бы продолжить в большем уединении.

— Я? Врал? О чем ты?

— Ты был у вулканоидов, договорился с ними и ничего не сказал мне!

— Это не ложь, — сказал Варам с таким ощущением, словно жевал шерсть; но он говорил правду, и это дало ему время отступить в коридор, свернуть и оказаться в углу, где он мог остановиться и защищаться. — Побывав внизу, я выполнял там поручение Лиги Сатурна, это не имело отношения к тебе. Согласись, у нас нет привычки делиться всеми своими рабочими планами. Я целый год не видел тебя.

— Да — ты же был на Земле и договаривался там тоже. О чем — опять же не рассказал. О чем ты вообще рассказал? *Ни о чем!*

Варама это давно тревожило, но он решил отмахнуться от этих мыслей и делать свою работу; теперь пришла расплата.

— Там я не был, — слабо возразил он.

— Не был! Что значит «не был»? — не унималась она. — Послушай, был ты в туннеле или нет? Были мы вместе в туннеле или нет?

— Были, — ответил он и поднял руки, то ли защищаясь, то ли протестуя. — Я там был.

Он не стал напоминать, что не он утверждал, будто не был там.

Но она осеклась и поглядела на него. Некоторое время они просто смотрели друг на друга.

— Послушай, — сказал Варам. — Я работаю на Сатурн. Я посол Лиги на внутренних планетах и выполняю здесь свою работу. Это не… я не могу по умолчанию делиться этим. Другая сфера.

— Но на нас напали, мы потеряли свой город, он сгорел дотла. Нужно сохранить то, что у нас было. А часть этого — свет.

— Небольшое его количество. То, что вы можете дать Сатурну, значит для него очень мало. Вулканоиды — совсем другое дело. Они могут переслать столько, что разница будет очень ощутима. Нам этот свет нужен для Титана. И мне поручили устроить это. Это как заявка на совместное использование в будущем. Жаль, я сам не рассказал тебе. Думаю, я… боялся. Не хотел, чтобы ты на меня сердилась. Но ты все равно рассердилась.

— Даже хуже, — заверила она. Но теперь, видел Варам, она притворялась. И он решил подыграть:

— Свалял дурака. Прости. Я плохой человек.

Он видел, что она с трудом сдерживала смех.

— Проклятый ублюдок, — сказала Свон, продолжая свою игру. — То, что ты сделал на Земле, еще хуже. Ты заключил сделку с богатыми госу-

дарствами Земли, вот к чему все свелось, и ты это знаешь. Позор! Люди там живут в картонных коробках. Ты знаешь, каково это. Так было всегда, и похоже, что всегда будет. Поэтому они нас ненавидят, а некоторые будут нападать на нас. И мы лопнем, как мыльные пузыри. Нет иного решения, кроме справедливости для всех. Вот единственное, что способно нас обезопасить. Иначе какая-нибудь группа обязательно решит, что убить жителей космоса — единственный способ привлечь к себе внимание. Как ни печально, они могут быть правы.

— Этим вызвана твоя забота о них?

Свон сердито посмотрела на него.

— Ситуация там очень давно не меняется.

Он наклонил голову, стараясь сообразить, как выразить то, что думает. Повел Свон по коридору к длинному столу, уставленному маленькими пирожными и большими кофейниками. Наполнил две чашки.

— Итак, ты утверждаешь: чтобы защититься — надо организовать мировую революцию на Земле?

— Да.

— И как? Ведь люди столетиями пытались это сделать.

— Это не повод опускать руки! Послушай, ведь мы на Венере, на Титане делаем *все.* В том числе и то, что может сработать там, внизу. Распространить что-нибудь через их мобильные телефоны. Дать им статус в Мондрагоне. Строить дома или улучшать земли. Совершить революцию, но ненасильственную. Когда что-то происходит быстро, это называется революцией — с ружьями или без них.

— Но у них есть ружья.

— Может, и есть, но что если никто не решится выстрелить? Что если все наши усилия окажутся безобидными, безвредными? Или даже пройдут незамеченными?

— Такие действия не проходят незамеченными. Нет — обязательно возникнет сопротивление. Не обманывай себя.

— Хорошо, мы подавим сопротивление и посмотрим, что получится. У нас достаточно ресурсов, и мы выращиваем большую часть их продовольствия. У нас есть *рычаг.*

Он обдумал ее слова.

— Может, и так, но там играют по своим правилам.

Свон энергично покачала головой.

— В чувствах людей всегда есть экономика

дарения, она побеждает все правила. Делай подарки, и люди станут уступчивее. И у нас есть, что дарить. Если не делать этого, нас расстреляют. Убьют и съедят.

Варам пил кофе, стараясь успокоить Свон. Как всегда, она слишком разошлась. Ему хотелось бы послушать, что скажет Полина, но сейчас такой возможности не было. Свон схватила чашку, которую он для нее наполнил, и залпом осушила, а потом продолжила поучать его, жестикулируя чашкой (Вараму повезло, что она не облила его остатками).

И хотя Свон, как обычно, зашла слишком далеко, говорила она то, что думал и сам Варам. На самом деле это было выраженное иными словами мнение, которое годами втолковывала Алекс. Поэтому он улучил минутку, когда Свон замолкла, чтобы перевести дух, и сказал:

— Сложность вот в чем: уже несколько веков ясно, что необходимо сделать, но никто ничего не предпринимает — за недостатком людей. Строительство, восстановление ландшафта, освоение пустынь — все это требует великого множества участников.

— Но там масса людей. Если мобилизовать безработных, получишь свое великое множество.

Революция полной занятости. Земля превратилась в свалку, там все гибнет, люди должны взяться за преобразования. На самом деле Земля нуждается в терраформировании не меньше Венеры или Титана! Даже больше, а мы сидим сложа руки.

Варам задумался.

— Думаешь, их можно убедить? Как было с восстановлением? Обратиться к консерваторам и революционерам одновременно — хотя бы замаскируем то, что происходит на самом деле.

— Не думаю, что нужно что-то маскировать.

— Если ты открыто расскажешь о своих намерениях, обязательно столкнешься с сопротивлением. Не будь наивной. Любые перемены встретят противодействие. Я подразумеваю насилие.

— Если они найдут способ его применить. Но если некого будет арестовывать, некого бить, некого пугать…

Он, не убежденный, покачал головой.

Свон кружила возле Варама, как комета возле Солнца; Варам разворачивался, чтобы оставаться лицом к ней. Она еще дважды набрасывалась на него и била по груди рукой без чашки. Голоса их сплетались в антифоне, и всякий мог их услышать.

Наконец их дуэль подошла к концу. Свон выдохлась и начала зевать, несмотря на кофе. Было ясно, что она совсем недавно прилетела на Венеру. Варам с облегчением вздохнул, заговорил спокойнее, сменил тему. Они смотрели в окно на падающий снег; сильный ветер сносил его, и снег облеплял все предметы, добавляя забавные архитектурные детали. Ветер в этом новом мире, только еще возникающем, говорил им: мир меняется.

Варам вспомнил про два незавершенных проекта Алекс: перемены на Земле и квантовые компьютеры. У него холодок прошел по спине: он вдруг понял, что оба эти проекта каким-то образом сливаются, становятся единым целым. Хорошо, но нужны огромные усилия, чтобы свести их вместе; потребуется очень умная реализация. А пока он этого не сделает, Свон по-прежнему будет сердиться на него. Но он почему-то думал, что у него получится.

Извлечения (13)

определенные метаболические реакции наносят вред, накапливающийся на протяжении жизни; с каждым типом такого вреда нужно разбираться отдельно, и способы компенсации должны быть согласованы между собой, а также с общими функциями организма

потерю или атрофию клеток смягчают упражнения, факторы роста и регуляция процесса стволовыми клетками

раковые мутации идентифицируются путем массовой транскрипции параллельных структур ДНК и растворяются целенаправленной генной терапией и применением теломеразы; химиотерапия и облучение сейчас нацелены точно и задействуют моноклонные антитела, авимеры и искусственные протеины

сопротивляющиеся смерти клетки, стареющие при выполнении своих функций, не должны превращаться в патологические и вредоносные формы, но скорее становиться целью самоубийственных генов и иммунной реакции

неповрежденные митохондрии вводятся в клетки, подверженные митохондриальным мутациям

липофусцин — один из тех видов отходов жизнедеятельности, накапливающихся внутри клетки, которые не может удалить иммунная система. Другой вид — амилоидные бляшки. Энзимы, полученные от бактерий и плесени, полностью разлагающие тела животных, после введения в организм остаются активными, пока не иссякнет запас питательных веществ и их отсутствие не приведет к самоубийству генов, отвечающих за производство энзимов. Клеточные конгломераты удаляются путем вакцинации, которая стимулирует иммунные ответы, в том числе усиленный фагоцитоз. К осложнениям относятся

случайно образующиеся межклеточные связи обеспечивают прочность, но их успешно разрушают специфические энзимы

в некоторых типах клеток уравновесить манипуляции с теломерами очень трудно: чересчур долгое действие теломеразы приводит к бессмертию канцерогенных клеток, чересчур краткое — к быстрому превышению предела Хейфлика, после

чего восстановление становится невозможным

в восстановлении ДНК участвуют ДНК-полимеразы с высокой внеклеточной восстановительной способностью, что приводит к надежному восстановлению; РНК-полимеразы такой способностью не обладают, поэтому при транскрипции генов возможны многочисленные ошибки; это мощный двигатель эволюции

явление плейотропии генов в молодом организме дает хорошие результаты, однако в том же самом, но постаревшем организме результаты неудовлетворительны. Очень часто это и есть источник проблем при одновременной терапии и мужскими, и женскими гормонами

гормезис (быстрое движение, стремление) в конечном счете благоприятный биологический ответ на небольшие дозы ядов или стрессоров. Этот процесс, иногда называемый эустрессом и имеющий отношение к митридатизму (по имени царя Митридата, который принимал небольшие количества ядов, чтобы большие количества его не убили), использовали для объяснения того, почему отпуска, проведенные на Земле, могут увеличивать продолжительность жизни

продолжительность жизни сильно коррелирует с небольшими размерами тела и с воздействием андрогенов и эстрогенов; эти эффекты взаимно усиливаются до такой степени, что до сих пор не зафиксирована смерть от естественных причин маленьких андрогинов или гинандроморфов. Наибольшая зафиксированная продолжительность жизни — свыше 210 лет. Оценить же вероятную продолжительность их жизни в настоящее время не представляется возможным. По мере опубликования этих результатов будет выявляться все больше подобных субъектов

актуарная (вторая космическая) скорость убегания достигается, когда год медицинских исследований увеличивает на год среднюю продолжительность жизни всего населения. Не было достигнуто ничего даже близкого, и наличествующие признаки асимптотической кривой развития медицины показывают, что такая скорость может никогда не…

преждевременное объявление о том, что достигнута большая продолжительность жизни, называется кириазисом, или синдромом Дориана Грея, или просто надеждой на бессмертие

удлинение теломер в определенных клетках вызывает временный подъем уровня теломеразы в этих клетках. Поскольку разные клетки утрачивают теломеры с разной скоростью, медикаментозное лечение приходилось применять только к определенным их видам, и неизбежность рака

биогеронтология время от времени испытывает затруднения из-за неожиданных

знаменитая диета с ограничением калорий и увеличением содержания витаминов феминизировала генные проявления во многих отношениях, оказавших решительное воздействие на увеличение продолжительности жизни, так что современная гендерная гормонотерапия нацелена на усиление феминизирующих последствий без необходимого ограничения в калориях, и это никогда не было

если вспомнить старое сравнение человеческого организма с агрегатом, в котором можно заменить все вышедшие из строя части, проблема будет сопоставима со старением металла в шасси и осях. Иными словами «семь смертных грехов» старости не только грехи. Неустраненные повреждения ДНК, неканцерогенные мутации,

колебания состояний хроматина — все это постепенно создает «возрастной ущерб», который трудно зафиксировать и которому трудно противостоять. В настоящее время это не поддается исправлению, что, вероятно, объясняет

возьмите клетки кожи человека, превратите в плюрипотентные стволовые клетки, а их погрузите в протеиновый раствор нужного состава, и они создадут невральную трубку, которая положит начало нервной системе, а эта система в свою очередь вырастит полный спинной мозг. Возьмите срезы невральной трубки и с помощью различных белковых стимуляторов вырастите из них различные части мозга, например клетки коры головного мозга

аритмия, удар, неожиданный коллапс, быстрый упадок, изъяны иммунитета, нерегулярность волн мозговой активности, излишняя подверженность к инфекциям, сердечный приступ, внешне беспричинная неожиданная смерть и т. д.

Киран в Винмаре

Новый рабочий отряд Кирана регулярно перемещался в роверах из одного из закрытых поселений Лакшми в Клеопатре в новый город Винмара, по пути обязательно заезжая в Стьюпид-Харбор. Винмара продолжала расти, как колония мидий в мелком заливе, и сквозь падающий снег оттуда можно было разглядеть серебристый блеск сухого ледяного моря на юге.

После одной из таких поездок, когда они вернулись в Клеопатру, в одном из игровых баров, куда они часто заходили с Кэсюэ, он снова встретился с разговорчивым маленьким, и тот сказал:

— Пойдем, познакомишься с моим другом. Он тебе понравится.

Этим другом оказался Шукра, бородатый, с длинными седыми волосами; он походил на нищего бродягу. Кэсюэ улыбнулся, когда Киран узнал Шукру:

— Я говорил, что он тебе понравится.

Киран неловко что-то пробормотал.

— Все в порядке, — сказал Шукра, пристально глядя на него. — Ты был приманкой, я же тебе

говорил. И на приманку клюнули. Я пришел сказать тебе, что делать дальше. Лакшми поставила тебя на маршрут между этим поселком и прибрежным городом, верно?

— Верно, — ответил Киран. Он понимал, что по-прежнему в долгу перед своим первым венерианским знакомым, но понимал и то, как опасно пытаться услужить обеим сторонам. Он ни в коем случае не желал хоть в чем-то противостоять Лакшми; с другой стороны, этот человек не походил на того, с кем можно шутить. И в данный момент отказывать ему было нельзя. — Доставка грузов идет в обоих направлениях, но сам груз я не видел.

— Узнай, что это. Вникни в ситуацию еще глубже и сообщи, что удалось узнать.

— Как я свяжусь с тобой?

— Никак. Я свяжусь с тобой сам.

После этого сильно встревоженный Киран более внимательно присматривался ко всему, что происходило в поездках в Винмару. Ему стало яснее прежнего: транспортная группа сама не знает, что в роверах; груз всегда сопровождали охранники, а центральный офис в Винмаре был закрыт для посторонних, как и официальные помещения в Клеопатре. Роверы задним ходом

подъезжали к разгрузочной площадке, наглухо стыковались со зданием, а потом уезжали, и все. Однажды, когда их задержал в пути особенно сильный снегопад, Киран, не выдавая себя, подслушал телефонный разговор охранника с теми, кто сидел в грузовом отделении ровера; говорили по-китайски, и позже очки перевели Кирану запись этого разговора.

— Вы там в порядке?

— Мы да. Они тоже.

Они? Во всяком случае, теперь есть что рассказать Шукре, если тот снова появится.

Случилось так, что, когда они были в Винмаре, снегопад внезапно прекратился. Небо прояснилось, на его черном куполе загорелись великолепные звезды. Естественно, рабочие, как и весь город, переоделись в скафандры и вышли из городских ворот на голые холмы под городом. Постоянный снег, дождь, град и слякоть длились уже три года и три месяца. И теперь все хотели видеть, как все это выглядит под звездами.

Почти вся местность, насколько хватал глаз, покрыта снегом, блестевшим в свете звезд. Сквозь эту сверкающую белизну прорывались черные вершины скал — окрестности города, похоже, были площадкой для игры дьяволов в гольф: черное

небо над головой усеивали яркие звезды, а под ногами белели холмы с черными вершинами; казалось, что одно — фотографический негатив другого.

Теперь они могли дышать внешним воздухом. Он был пронзительно-холодным, и потому, снимая шлемы, люди вскрикивали, и из их открытых ртов вырывались струи пара. Пригодная для дыхания атмосфера — смесь азота с аргоном и кислородом, давление семьсот десять миллибар, температура минус десять градусов. Все равно что дышать водкой.

Снег был слишком сухим, чтобы играть в снежки, и люди то и дело поскальзывались и падали. С вершин холмов можно было далеко видеть во всех направлениях.

Близился полдень, среди звезд над головой висел черный диск затемненного солнца. Черный вырез в небе — солнечный щит; он не пропускает солнечный свет, но только не сегодня, когда по расписанию проводят незатмение. Эти незатмения устраивают примерно раз в месяц, чтобы подогреть поверхность до более пригодной для человека температуры, но прежде на планете никто не мог ими любоваться: мешали снег и дождь. Сегодня незатмение наконец можно будет

увидеть.

Многие снова надевали шлемы: мороз щипал весьма ощутимо. У Кирана занемел нос, а уши горели. По слухам, обмороженное ухо можно отломить; теперь Киран в это верил. В городе из громкоговорителей неслась музыка, что-то разухабистое с цимбалами и колоколами, славянское, бравурное и оглушительное.

Вдруг над головой засияла ослепительная идеально правильная окружность алмазного света. И хотя это кольцо было всего лишь тонкой огненной нитью, ослепительно-желтой пламенной петлей, оно озарило белые холмы, и город под куполом, и серебристое море на юге, и морозные облачка, вырывающиеся из орущих глоток: все вспомнили солнечный свет — одни его когда-то видели, другие о нем мечтали. Раскаленная кромка словно принесла свет самой жизни — свет, о котором почти забыли, но который теперь принес желтый воздух.

Через час огненное кольцо начало истончаться изнутри кнаружи, и вскоре солнце снова превратилось в непроницаемо черный диск. Круглые жалюзи закрыли щель. Заснежная земля вновь потемнела до обычной бледной прозрачности, вновь показались крупные звезды.

Вернулась ночь во всей ее мрачной обыденности. Прямо над черным солнечным диском горела яркая белая планета — Кирану сказали, что это Меркурий. При виде с Венеры Меркурий сверкал, как бриллиант. А над западным горизонтом повисли Земля и Луна — двойная голубая звезда.

— Ух ты! — сказал Киран; в нем что-то раздувалось и, казалось, вот-вот лопнет, словно воздушный шарик. Нужно было глубоко дышать, иначе разорвешься.

Но товарищ по отряду потянул его за руку.

— Землянин! Землянин! Пока-пока, мисс Американский пирог! Надо быстрей вернуться в город; ровер сломался, и мы понадобились Лакшми.

— Иду! — воскликнул Киран и вслед за ними пошел к открытым воротам Винмары.

Пройдя в ворота, они по телефону получили указания и направились к вышедшему из строя роверу. Ровер выглядел точь-в-точь как тот, на котором они прибыли. Рядом стояли с озабоченным видом водитель и два охранника; ровер не мог ехать, а его груз нужно было как можно скорее и незаметнее переправить к офису в центре города. Киран встал в шеренгу; получая из рук охранника большой плоский пакет и передавая

его соседу, он прикидывал, как бы узнать, что это такое. И вот они коротким строем, как группа носильщиков, двинулись через город.

Город был почти пуст, жители все еще праздновали на холмах. Ящик, который нес Киран, весил около пяти килограммов; для своего размера не очень тяжелый. У защелки кодовый замок, и вообще ящик похож на дипломат. Петли кажутся слабыми и хрупкими. Киран подумал: а что если случайно его уронить?

Но тут появились трое из сломавшегося ровера и закричали:

— Быстрей! Бегом! Бегом в офис!

Они держали в руках оружие; рабочие, со страхом оглядываясь через плечо, разом побежали; Киран, следуя за остальными, переложил «дипломат» из руки в руку, чтобы петли были с наружной стороны. Свернув за угол в узкий переулок, он сделал вид, что споткнулся, и сильно ударил чемоданчиком по стене, прямо петлями.

Чемоданчик выдержал.

— Черт! — воскликнул кто-то у него за спиной. — Ты их разбил!

Один из охранников, высокий китаец, стоял над ним с испуганным видом.

— А что там, яйца? — спросил Киран, выпрям-

ляясь.

— Вроде того, — ответил охранник, забирая у него ящичек и нажимая на кнопки замка. — И, если они побились, нам лучше скорее уматывать отсюда.

Крышка ящичка поднялась; внутри в контейнере лежала дюжина человеческих глаз — все они (совпадение — предположил Киран) смотрели прямо на него.

Извлечения (14)

Как только стало ясно, что из-за перемены климата и общего отравления атмосферы дела на Земле плохи, осуществление космического проекта ускорилось. Выход в космос казался спасением, и в этом было достаточно правды, чтобы защитники космического проекта могли взывать к его гуманитарной и экологической ценности: вот каким образом космос сможет помочь Земле исправить допущенные ужасные ошибки. Заселение других планет Солнечной системы как бы подтверждало этику Леопольда: «Хорошо то, что хорошо для Земли», ведь материалы из космоса должны были спасти Землю

первые поселения на Луне, Марсе и астероидах обходились так дорого, что создавались как международные или национальные проекты, на общественные средства. Поэтому в первые годы смятения они были чрезвычайно слабы. Но создание космических лифтов способствовало их процветанию, и ко времени Ускорения они готовы были занять центральное место в картине — стать зоной Ускорения

Марс терраформировали первым, и по сравнению с дальнейшим это оказалось легко. В реголит заложили тысячи взрывных зарядов (якобы в помощь погребенным в литосфере формам марсианской жизни), и большая часть поверхности планеты выгорела; эта территория впоследствии стала руслом двух знаменитых каналов планеты. Пожар очистил атмосферу, лед планеты был взорван, растаял и заполнил водой узкий океан и Адское море. Об оригинальной, первозданной, поверхности почти не думали, но на возвышенных участках верхний слой рельефа планеты оказался защищен от резких перемен, и там получились своего рода заказники первобытной природы

массовый приток иммигрантов с Земли быстро сформировал многоязычную общину, которая спустя два поколения уже считала себя исключительно, искони марсианской, Homo ares, и посему — политически независимой от Земли по природе и по праву. Все население согласилось разорвать связи с Землей и, приняв новую конституцию, реорганизовалось под властью единого планетарного правительства, создав экономическую систему, которую называли социалистической, коммунистической, утопической, демократическо-государственно-анархической, рабочим

кооперативом, либертарианским социализмом и навешивали еще много иных ярлыков из прошлого, и лишь марсианские политологи отвергали все эти определения, предпочитая говорить «марсианской» или «ареологической». Как новая социоэкономическая система с вновь созданной биосферой, Марс в социально-практическом отношении не уступал никакому земному государству или союзу и благодаря своему единству во многих отношениях превосходил всю балканизованную часть Земли

большие опасения возникли, когда Марс в первом угаре независимости, не обращая внимания на мнение людей, уже живших в системе Сатурна (их тогда, правда, было немного), принялся извлекать азот из атмосферы Титана, чтобы доставлять его к себе. Примерно в это же время (2176–2196) Китай демонтировал поверхность спутника Сатурна Дионы, чтобы перенаправить материалы на Венеру для использования в процессе ее терраформирования. На Земле после Малого ледникового периода 2140-х годов не нашлось достаточно сильного государства, которое бы возразило против таких действий китайцев. Но эти два связанных с Сатурном события стимулировали возникновение Лиги Сатурна, которая сумела

отстоять суверенитет всей системы Сатурна, хотя потребовалось пригрозить войной с Марсом — «призрачной войной Сатурна за независимость», как ее прозвали, — чтобы Лигу признали.

земной спутник Луна никогда не был независимым, но всегда делился на города и территории, управляемые различными земными государствами. В любом случае трудно было бы терраформировать Луну, потому что удары астероидов, призванные задать ей вращение и снабдить атмосферой, могли вызвать потенциально очень опасный для Земли тектитовый дождь. К тому же металлы и полезные химические вещества можно было извлечь из лунного камня только с помощью глубокого бурения, а большая часть поверхности уже оказалась используемой, что также затрудняло терраформирование. Поэтому на Луне появились большие закрытые кратеры и просто участки, а сверх того большие в космических масштабах шахты; все добываемое сырье получали создавшие их земные государства. Ранние китайские инвестиции в Луну непосредственно сказались на Венере, ведь ее солнечный щит был продуктом китайских лунных промышленных баз. Многие земные державы основали базы на Луне почти одновременнно, и возмож-

ность политического объединения Луны исчезла. Некоторые связывают с этим начало балканизации, хотя другие считают ключевым моментом квантовую декогеренцию и сами размеры Солнечной системы

собственно балканизация вызывает яростные споры, причем мнения расходятся до диапазона «новейший нижний круг ада» — «восхитительная и плодотворная диверсификация современной жизни»

успех по сути был крахом. Ускорение подчеркнуло все слабости, обострило болезни и усилило преступные связи, укорененные в земной системе того времени, и широко распространило их; с тех пор сдержать их не удавалось. Ящик Пандоры раскрылся

к началу двадцать четвертого столетия образовался Мондрагонский договор и стал третьей силой наряду с диадой Земля — Марс; лиги Юпитера и Сатурна обеспечили полезный противовес. Исключительно сложная дипломатическая обстановка возродила разговоры о «равновесии сил», «большой игре», «холодной войне» и так далее: все эти идеи прошлого вновь ожили, назойливые голодные призраки донимали нас

ложными аналогиями, закрывали нам глаза своими мертвыми руками! В целом балканизация с ее размахом и своеобразием оказалась совершенно новым явлением

в те годы ходили слухи, будто марсианские шпионы проникли всюду по всей системе, но регулярно докладывают в свой центр, что опасаться нечего — балканизация означает, что Марсу противостоит только хаос человеческих неудач

Варам на Земле

Способность изменить свои планы, не говоря уж о жизни, только бы помочь и понравиться той, кого он не слишком хорошо знает, кому не может доверять (той, что часто сердится на него, способна ударить в грудь и посмеяться над ним, в любое время зло посмотреть на него и презрительно рявкнуть, так что все его старания понравиться ей можно назвать скорее трусостью, а не привязанностью), чрезвычайно удивляла Варама. И тем не менее все обстояло именно так. Он уже провел почти весь прошлый год в путешествиях по Солнечной системе, собирая дипломатические и материальные ресурсы в поддержку планов Алекс оживить Землю и решить проблему странных квантовых компьютеров; теперь к этому добавились постоянные мысли о том, как осуществить задуманное Свон быстрое усовершенствование условий земной жизни. Он сомневался, что Свон знает о его стараниях, но чувствовал, что она может о них узнать, если захочет, ведь его жизнь — открытая книга, кроме тех ее частей, что он скрывает от Свон. Сам он не

собирался рассказывать ей о том, что делает. Ему казалось, что повышенная эмоциональность при их последней встрече — Свон била его по груди и орала на него — означает, что он ей небезразличен и будет небезразличен в дальнейшем. В этом смысле все его действия имели серьезное значение.

Природа его новой работы страшно противоречила его псевдоитеративному образу жизни, который поэтому становился все более псевдо и все менее итеративным: каждый день особенный, и никакие образцы и повторения невозможны. Ему это было трудно, и по мере того как день сменялся днем, неделя неделей и месяц месяцем, он все больше дивился — не тому, отчего он делает то, что делает, а тому, отчего Свон не связалась с ним, чтобы поддержать. Работая вместе, они достигли бы большего. Объединение сил самого внешнего и самого внутреннего сообществ системы было бы благотворным; казалось, Меркурий и Сатурн должны стать естественными партнерами и, таким образом, сделаться силой, почти равной главным игрокам. Варам видел несколько рычагов, которые можно было бы использовать. Но Свон не звонила, не присылала сообщений.

И он продолжал работать. В некоторых странах

их кампанию прозвали Решительным Отрицанием Компромиссов — РОК. Они напирали на то, что не соблюдалась Декларация Организации Объединенных Наций по правам человека, нарушаются многие статьи этого документа, но прежде всего статьи 17, 23 и 25, а еще в качестве напоминания непокорным правительствам упоминалась 28 статья. В других странах их программа опиралась на освященный веками индийский правительственный комитет — Общество уменьшения сельской нищеты (ОУСН). Эта организация никогда не пользовалась благорасположением властей, но по крайней мере действовала, и Мондрагон признавал ее лучшим из плохих путей оказания помощи. Варам считал общим местом, что в целом модель помощи развитию — это пример парадокса Джевонса[112], при котором рост эффективности вызывает рост, а не снижение потребления ресурсов; увеличение помощи почему-то всегда усиливает страдания, иногда в петле обратной связи, и теоретики, плохие и хорошие, утверждают, что вся система

[112] Примечания: 112

В экономике Парадокс Джевонса (иногда эффект Джевонса) — это утверждение, что технологический прогресс, увеличивая эффективность использования ресурса, может увеличивать (а не уменьшать) объем его потребления.

— это пример того, как богачи-кровососы кружат возле Земли, совершая сложные клептопаразитические действия в отношении бедных. Никто не хотел слышать об этом, и потому ошибки, распознанные еще четыреста лет назад, повторялись во все большем масштабе. Поистине Планета печали.

Разумеется, на Земле были мощные силы, отчаянно сопротивлявшиеся и вмешательству извне вообще, и созданию полной занятости в частности. Полная занятость, осуществившись, уменьшила бы «давление потребности заработка» — под этим выражением всегда понималось *вселение страха в сердца бедняков,* а также тех, кто боится обеднеть, то есть почти всего населения Земли. Этот страх был основным орудием социального контроля, истинной опорой современного порядка, несмотря на его очевидные недостатки. И хотя это была исключительно плохая система, при которой каждый жил, страшась голода или гильотины, за нее держались как никогда крепко. Смотреть на это было больно.

Однако уже обедневшие готовы были рискнуть. А значит, не все пропало.

* * *

И вот Варам колесил по Старому миру, как современный Ибн Баттута, и вел переговоры с правительственными организациями, способными хоть что-нибудь сделать. Трудное дело, требовавшее подлинного дипломатического искусства, чтобы никого не оскорбить. Но от Свон по-прежнему не было вестей. А Земля велика: 457 стран, и множество союзов, и внутри самих стран — организации, наделенные значительной властью. Варам не мог наткнуться на Свон по той лишь причине, что она тоже работала на Земле.

Поэтому он стал искать. Судя по всему, она работала где-то близ Северного Хараре, небольшой страны, выделившейся из некогда существовавшего Зимбабве.

Летя туда, он читал об этой стране. Зимбабве богато природными ресурсами; у страны особенно тяжелая постколониальная история; разделилась на дюжину стран, многие из которых по-прежнему утопают в проблемах; великая засуха ухудшила положение; недавний рост народонаселения вызвал дополнительные трудности. Северное Хараре — нищие трущобы в форме полумесяца. Остальные малые страны

— окружающие этот полумесяц — в чуть более хорошем положении.

Варам связался с Полиной и сообщил, что направляется в их район по делам РОКа; вскоре Полина сама связалась с ним, передала привет от Свон и предложила встретиться в вечер его прилета. Это ободрило его, но означало, что он увидится с ней еще пребывая под воздействием синдрома смены часовых поясов.

Он едва не падал от усталости и, казалось, весил добрых двести килограммов… но тут в комнату ворвалась Свон. Это взбодрило.

Она кивнула ему и окинула взглядом.

— Похоже, поездка была долгая. Пойдем, заварю тебе чай, а ты расскажешь о себе.

Она принялась заваривать чай, потом, извинившись, поговорила по-китайски с посетителем. Варам пытался понять, какой она стала. По-прежнему энергичная и нетерпеливая, это ясно.

За чаем обменивались новостями. Одни космические лифты поднимают тарифы на грузы, опускаемые на Землю, другие полностью закрылись для жителей космоса — полный абсурд. Люди называют лифт Кито Пуповиной. Похоже, пропускная способность лифтов станет ограничивающим фактором, но уже разработан план

отправки из пространства между Луной и Землей вниз самовоспроизводящихся фабрик: в точно рассчитанный момент они должны разом отправить тысячи атмосферных лендеров. Существует множество пригодных для их целей лендеров космос-Земля, даже разделяющиеся при приземлении; такое разделение завершается тем, что люди или груз опускаются на поверхность в отдельных аэрогелевых пузырях.

— Судьба Терминатора наоборот, — мрачно сказала Свон. — Там множество частиц собралось в большую массу, здесь большая масса разделится на частицы. А когда они высадятся, начнется созидание, а не разрушение.

— Их могут сбить при спуске.

— Для этого их будет слишком много.

— Мне не нравится этот воинственный подход, — сказал Варам. — Мне казалось, мы занимаемся благотворительностью.

— Благотворительность всегда воинственна, — возразила Свон. — Разве ты не знаешь?

— Нет, я считал иначе.

Ему казалось очевидным, что навязанная помощь не возымеет действия. Но Свон не отличалась терпением. Сейчас она пыталась вести дипломатические переговоры так, как их вела бы

Алекс; но у Алекс была дипломатическая жилка, а у Свон нет. Перед ними же стояла самая древняя проблема в человеческой истории.

Но не им было судить о деле в целом: ведь это было дело всего Мондрагона, поддерживаемого Венерой. Поэтому могло произойти — и происходило — что угодно. На экранах шли трансляции новостей словно с десяти Земель одновременно, и все это происходило в одном пространстве. Земля — это люди как боги и люди как крысы; в припадке гнева они готовы уничтожить все, даже космические колонии, которые спасают их от голода. В огромной вращающейся карусели Земля — это красная лошадка с привязанной к ней бомбой. И сойти с этой карусели невозможно.

Чтобы приободриться, Варам рассеянно насвистывал начальные ноты Пасторальной симфонии Бетховена, еле слышно. Свон нахмурилась, поджав губы. Но ведь он не мог не напомнить ей о туннеле.

* * *

Многие жители космоса опасались появляться в тропической Африке южнее Сахары — слишком велика опасность заболеть. Варам предполагал, что Свон отправилась в Африку отчасти

чтобы бросить вызов такой осторожности; если кто-нибудь и верит в гормезис, то (вспомним о проглоченной ею порции бактерий с Энцелада) именно она. Сейчас Свон руководила в Ниабире размещением самовоспроизводящихся строительных фабрик. Начать планировали с реконструкции той части Хараре, которая называется Домбошава, преобразовать самое северное кольцо городов-трущоб в город-сад, подобие города в космосе. «Перестройка существующей инфраструктуры» не давала полного решения, но фабрики сооружали торговые центры, спортивные сооружения, школы, текстильные предприятия и жилые дома в том стиле, что уже принят в Домбошаве, включая элементы традиционных местных рондавел.

Фабрики были почти автономны; обеспеченные соответствующими программами, достаточным запасом строительных материалов и наделенные ловким умением решать местные проблемы, они, как огромные аэростаты, прокатывались по эвакуированным районам трущоб, оставляя за собой полосы новых зданий, белоснежных, практичных и уютных. Фабрики перебирались в соседний район, и питающие надежды жители встречали их с радостью. Са-

ми фабрики в ходе работы росли, становились огромными и со временем каждая делились на две, начинавшие действовать независимо. Эта превосходная техника уже создала на астероидах и больших спутниках Юпитера множество городов-государств. В сущности именно такие фабрики стали ключевым элементом Ускорения.

Но на Земле получалось не все. Слишком велики были переделки, слишком ожесточенно сопротивление, часто из других районов, не подлежащих обновлению. Проект удавалось осуществить относительно гладко только если местные жители подавляющим большинством голосовали за него, и лучше получалось, когда жители сами программировали самовоспроизводящиеся ИИ.

Потом взорвалась самовоспроизводящаяся фабрика в Уттар-Прадеше; никто не знал почему. Правительство штата отказалось от расследования; были даже признаки того, что правительство выступало на стороне диверсантов. Одно нераскрытое преступление способно вызвать множество подражаний; еще немного, и весь проект рухнет.

Это приводило Свон в ярость.

— Они винят нас, когда мы не помогаем, а когда

помогаем, винят тоже, — с горечью сказала она.

Варам, с тревогой отмечая, что она все сильнее взвинчивает себя, заметил:

— И все равно надо продолжать.

То же самое происходило по всей Земле (видел Варам на экране); их восстановительный проект увязал в густой паутине законов, практики, местных особенностей, саботаж и несчастные случаи не улучшали ситуацию. Невозможно было что-то изменить на Земле, не изменив при этом еще что-нибудь, и последствия при этом могли оказаться катастрофическими. Каждый квадратный метр Земли кому-нибудь принадлежал, причем в разных смыслах.

В космосе все иначе. На Венере планировщики, собравшись в одном помещении, пришли к общему согласию, что можно просто выбросить в космос большую часть атмосферы. Также поступили и на Титане, и в окрестностях Юпитера; по всей Солнечной системе продолжалось грандиозное терраформирование. Углубить океанское дно, изменить атмосферу, подогреть или охладить на сотни градусов Кельвина… Но не на Земле. Во многих местах работу самовоспроизводящихся фабрик запрещали и всячески поносили их.

Что бы ни делалось, казалось, несчастья и ли-

шения тянут цивилизацию вниз, словно гиря, которую люди привязали к своей шее. Земная элита останется на вершине искусственной Великой Цепи Бытия, пока цепь не порвется и все не полетят в пропасть. Жалкая Gotterdammerung[113], нелепая и банальная, но от этого не менее ужасная.

Эта перспектива приводила Свон в ярость. Варам, все явственнее осознающий эту ее горечь, все чаще становящийся мишенью ее гнева, однажды утром стал свидетелем того, как Свон бранила одну из жительниц Хараре — из тех, что помогали в осуществлении проекта; он видел лицо этой женщины и понял, что, если останется, это закончится какой-нибудь стычкой со Свон — с катастрофическими последствиями — или она вообще перестанет ему нравиться. Поэтому он в тот же день попрощался и утром улетел в Америку, присоединиться к группе с Сатурна, которая недавно прилетела помогать в подъеме Флориды с океанского дна. В день отъезда Свон, занятая какой-то досадной проблемой, только отмахнулась от него, как от комара.

Флорида оказалась затопленным полуостро-

---

[113] Примечания: 113
Гибель богов *(нем.).*

вом, из поднявшегося на одиннадцать метров моря выступала только узкая центральная часть штата.

С воздуха очертания штата напоминали темный риф под поверхностью; вода, желтая вокруг рифа, постепенно переходила в глубоководье. Небоскребы Майами были заселены, как на Манхэттене и в других местах, но в основном штат пришлось покинуть. Однако большая часть почвы сохранилась, она превратилась в ил и не особенно пострадала от наводнения, поэтому существовала возможность вычерпать ее, потом нарастить скальное основание за счет камня, привезенного из канадских Скалистых гор, а после вновь наслоить почву на каменное ложе.

Иными словами, поступить как в Гренландии, одном из немногих мест на Земле, где удавалось вести терраформирование без повреждений чего-либо другого. Разумеется, нашлись защитники новых рифов и рыбных мест, но их сопротивление было подавлено, и проект одобрили в Атланте и Вашингтоне, который сам существовал за системой гигантских дамб на Потомаке. Рудиментарное, но еще сильное правительство в Вашингтоне, само оказавшееся ниже уровня моря, симпатизировало замыслу «поднять зато-

нувшую Флориду».

Это был один из десяти крупнейших проектов терраформирования Земли, и Варам с радостью присоединился к своим коллегам с Сатурна, которые составляли часть рабочей группы, созданной алабамо-амстердамским совместным предприятием. Рабочие отряды с Аляски, из Британской Колумбии, с Юкона и из Нунавута разрабатывали горные хребты, создавали галереи в скальной основе и заполняли их замороженной двуокисью углерода, выкачанной из атмосферы. Варам сомневался, что все это можно делать, сохраняя геологическую и экологическую стабильность. Во-первых, огромные объемы добычи камня: в среднем Флорида ушла под воду на пять метров, и ее хотели сделать чуть выше, чем она была, на случай таяния льдов Гренландии и Восточной Антарктиды. Используя узкий перешеек — единственную сохранившуюся часть полуострова — как дорогу, разрезанные внутренности гор перевозили теперь в поездах и строили штат, как в старину строили дамбы и плотины. Болотистые равнины предстояло осушить и превратить в новые возвышенные участки; и заселить вновь созданными аналогами многих вымерших видов птиц и животных, обитавших на полуострове до

появления европейцев. Флорида окажется воссоздана. А в северной части Скалистых гор будет погребено довольно двуокиси углерода, чтобы проект выправил углеродный баланс.

Строителей-транспортников нанимали преимущественно на Страдающем Юге, как стали называть этот район в годы, когда растаял лед на западе Антарктиды и уровень моря максимально поднялся. Работы во Флориде не дали полной занятости, но у Варама в дороге было достаточно времени, чтобы разглядывать местность и думать об этом, и однажды он отправил Свон письмо: «Помнишь, как на Венере ты сказала, что здесь при восстановлении ландшафта можно всех обеспечить работой? Вполне похоже на правду».

Итак, он ездил поездами от Канады до Флориды и обратно. Местность была с безлюдными просторами и в основном плоская. Землю, где пшеница некогда росла без орошения, пропекло зноем, поэтому пришлось сменить флору и начать ирригацию, но все равно огромные пространства в Манитобе и Дакоте превратились в пустыню. Теперь говорили, что прерии всегда были пустыней. Они снова стали домом для бизонов. С другой стороны, леса, некогда обрамлявшие Миссисипи, вернулись, в еще большей степени субтропиче-

ские, чем раньше. Миссури и Арканзас походили на Южную Африку.

Варам часами стоял между вагонами, закрытый от ветра, и смотрел на окружающие просторы. Ландшафтные дизайнеры и садовники, смотрители животных и ветеринары, специалисты в области инженерных методов охраны окружающей среды и дизайнеры, операторы тяжелой техники, носильщики и землекопы — все они необходимы для работ на местности. Гигантские манипуляторы и самовоспроизводящиеся фабрики применимы только в определенных условиях. Местные жители, обрабатывающие свою землю, действуют гораздо лучше, чем падающие с неба фабричные комплексы. Люди, с которыми говорил Варам, оказались более благосклонны к Флоридскому проекту, местные власти тоже. Некоторых охватывало почти религиозное рвение. Вернуть себе затонувшую землю, вытащить ее из воды — вот их мечта. Здесь восстановление инфраструктуры не предвещало отрицательных последствий; недовольным любителям рыбалки и дайверам предоставят новые рифы. Флорида превратится в большую Венецию, опертую на сваи, вбитые глубоко в землю. А как только земля будет готова, иммигранты вновь засадят ее рас-

тениями и разведут здесь животных.

Однажды в поезде, идущем на север, Варам слушал, как инженер-строитель рифов объясняет, что кораллы, которые они восстанавливают, оплодотворяют яйца в одну и ту же ночь года и даже в пределах одних и тех же двадцати минут, хотя рассеяны на сотни миль. По-видимому, за это у каждого коралла отвечают определенные чувствительные клетки, умеющие различать особый голубоватый оттенок неба в ночь после первого полнолуния вслед за весенним солнцестоянием. Эта луна восходит сразу после заката, когда небо еще озарено недавно зашедшим солнцем, и это краткое двойное освещение неба придает ему особый оттенок, который и замечают кораллы.

Надо рассказать об этом Свон, решил Варам, изумленный такой живой точностью кораллов. Может, это сознание?

Тем временем Флорида поднималась. Варам наблюдал, как работают люди, охваченные эйфорией от этого проекта; он сам в молодости, строя города на Титане, испытывал подобную эйфорию. Там они высекали мир изо льда, здесь поднимают его из моря. Но чувство то же самое.

Однажды в поезде, идущем на юг, он стоял между вагонами с голландкой, яркой блондинкой;

когда поезд замедлил ход на стрелке, они увидели молодых людей, которые бросали в вагоны камни и кричали: «Будьте вы прокляты!» Блондинка высунулась и закричала:

— Сами будьте прокляты! Мы перестраиваем Юг! Вам должно понравиться!

И рассмеялась злым германским смехом; Варам понадеялся, что молодые люди этого не слышали.

Извлечения (15)

мозг лабилен и, как доказано, на него можно воздействовать наркотиками, медикаментами, стволовыми клетками, имплантируемыми устройствами, электродами, клетками мозга других видов

эволюция сохраняет полезное. В нашем мозгу, в разных его частях, сохранены разные ее периоды: сзади и на дне — пресмыкающиеся, посередине — млекопитающие, человек — в передней и верхней частях. Мозг пресмыкающихся, чтобы дышать и спать; мозг млекопитающего, чтобы собираться стаями; человеческий мозг, чтобы все это осмыслить

слишком настойчивый упор на одну черту искажает эволюцию, можно получить результат, который называется «плохое становится нормой». По мере того как человечество постепенно дробилось на разнообразные самостоятельно эволюционирующие постчеловеческие виды, участились проявления этого результата, например, в

этот участок мозга активизируется при виде изображения пищи, но не при виде самой пищи. Люди любят охотиться. Охота приобретает разные формы. Охота за сделкой, охота за смыслом. Хищник убивает без эмоций, его усилия вознаграждаются. Гнев — всегда плохо, гнев — нездоровое чувство. Без добычи хищник не может прекратить охоту. Страх сдерживает гнев. Животные никогда не забывают о страхе. А мы животные. Пилоэрекция

патологическая агрессия; дельфины убивают морских свиней беспричинно — ведь они не едят их и они не соперники. Означает ли это, что у млекопитающих существует эффект «зловещей долины»[114]

мозг не может работать без чувств. Люди, лишенные эмоций, не могут принимать решения. Поэтому решение воздействовать на мозг гормональной терапией имело очень далеко идущие последствия. Двуполовая терапия изменяет уровень окситоцина, вазопрес-сина и их предшественника вазотоцина в мозгу. Назальный спрей окситоцина вызывает немедленное

[114] Примечания: 114

Ощущение неприязни, отвращение, когда видишь нечто человекоподобное, но в то же время это не человек.

улучшение зрительного контакта. Эндорфины — это природные разновидности морфия. Мозг синтезирует эндорфины, когда он ранен или когда нас касается человек, которого мы любим. Те, кто ищет острых ощущений, способны смягчить сердечный

три процента млекопитающих моногамны. Игры учат млекопитающих встречать неожиданное

пять различных участков мозга оценивают мелодию, ритм, метр, тональность и тембр. Музыка — первый язык человека; она по-прежнему остается языком животных и птиц. Музыка старше человека на сто шестьдесят миллионов лет. Введение узлов, отвечающих за пение у птицы, в соответствующий участок мозга человека приводит к афазии, а также к таким феноменам работы височной доли, как сознание собственного величия, и заодно гипермузыкальность, ведущая к гипервентиляции (свист или пение)

голосовые связки человека способны воспроизводить мурлыканье, необходимо только введение кошачьего миндалевидного тела, а также гиппокампальных клеток и клеток гипоталамуса, чтобы

работа с летающими уолдо заметно улучшилась после введения операторам-людям, управляющим полетом, узлов мозга хищных птиц или колибри. Иная структура птичьего мозга делает вторжение в промежуточные клетки особенно

возможно, оргазм вызывает такое напряжение соответствующих систем, какое только возможно без столь вредных последствий, как грыжа, сломанные ребра, тромбоз и сердечные приступы. Известно, что пассажиры секс-лайнеров, принимавшие вазотоксин

часть головного мозга под обозначением sgACC — это участок мозга, который заставляет организм игнорировать страх, колыбель храбрости; стимуляция этого участка помогает человеку избавиться от страха или фобий. Но чрезмерной стимуляцией участка можно

височные доли — участок, ответственный за чувства: например, одухотворенность и сознание всемогущества, сверхрелигиозность, гиперсексуальность, гиперграфию, манию исключительности и так далее. Намеренная стимуляция или вмешательство, направленное на достижение этих состояний, легко может вызвать другие состояния или привести к эпилепсии

люди (добровольцы), принимавшие микробы с Энцелада, в том числе организм Enceladusea irwinii, сообщали о синестезии и индивидуально обостренных чувствах, что иногда подтверждалось тестами. Усиление сенсорных впечатлений часто компенсируется уменьшением способности обобщать и просчитывать действия

Перечень (12)

скука, taedium vitae[115], сознание майя[116], нелепость, Welt-schmerz[117], mal du siecle[118], экзистенциальная тошнота (тошнота от жизни), дисфория[119], дурное настроение, страх жизни, болезнь, недомогание, тоска, гебефрения, обескураженность, меланхолия, аномия, леность, апатия, дистимия, смущение, равнодушие, хандра, отчаяние, тоска зеленая, безнадежность, печаль, горе, несчастье, хикикомори[120], отчуждение, уход в себя, tristitia[121], нигилизм, болезненность, анхедония[122], боязнь, ужас, опустошение, постцентенниальная ипохондрия, Alterschmerz, танатропизм[123], страх смерти,

---

[115] Примечания: 115
Отвращение к жизни, пресыщенность *(лат.).*

[116] Примечания: 116
Майя — иллюзорность материального мира (в индийской идеалистической философии).

[117] Примечания: 117
Мировая скорбь *(нем.).*

[118] Примечания: 118
Болезнь века *(фр).*

[119] Примечания: 119
Подавленное настроение; безотчетная тревога.

[120] Примечания: 120

Японский термин, обозначающий подростков и молодежь, отказывающихся от социальной жизни и зачастую стремящихся к крайней степени изоляции и уединения вследствие разных личных и социальных факторов.

[121] Примечания: 121

Печаль, скорбь, грусть *(лат.).*

[122] Примечания: 122

Полное равнодушие к радостям жизни.

[123] Примечания: 123

Некромания.

стремление к смерти

Свон в Африке

Свон не нравился земной проект. Она работала не потому что верила в него и считала, что должна помочь; она считала, что этого хотела Алекс и поэтому нельзя отказаться из-за того, что проект трудный, раздражающий, тупой. И проклинала день, когда покинула Терминатор; ей снилось, как она, танцуя, спускается по Большой Лестнице в парк и на ферму.

Она очень быстро теряла терпение. Варам лучше подходил для такой работы, но он улетел в Америку, недовольный, как многие до него, неукротимой Африкой. Свон хотела быть тверже, чем он, Варам ее раздражал. Это накладывалось на общее раздражение, и часто, теряя терпение, Свон кипела от гнева. Она стала резка с людьми и потому работала еще менее успешно. Просыпаясь, она думала, сколько еще дней до отъезда. Кто-то в офисе повторил слова Заши «Земля — это тормоз любого развития», и Свон наорала на этого человека.

В другой раз она разругалась с представительницей Африканской лиги. Эта женщина

прилетела из Дара, чтобы доставлять неприятности; чтобы не ударить ее, Свон пришлось уйти, бродить по людным улицам города, бранясь по-китайски. Она понимала, что в нынешнем состоянии стала помехой для дела.

Земля — плохая планета. Несмотря на здешние ветер и небо, Свон начинала ненавидеть ее, и не столько из-за ужасного *g*, сколько из-за свидетельств того, что сделал и продолжает делать ее вид с этой планетой. Мертвая рука прошлого, огромная, тяжелая. Воздух казался густым сиропом, Свон дышала с трудом. В террарии человек живет свободно, как зверь, — можно быть животным, самому распоряжаться своей жизнью. Жить нагим, если хочешь. На проклятой богом Земле, с ее накопленными за века традициями, законами и обычаями ей было бы хуже, чем в корсете; ум здесь словно держали в смирительной рубашке, заставляя быть «как все», подчиняться нелепым привычкам. Это единственная планета, где можно ходить свободно, обнажаться перед ветром и солнцем, а люди, у которых есть эта возможность, сидят в ящиках и глазеют на мусор, как будто у них нет выбора, как будто они на космической станции, как будто минувшие столетия, когда человек жил в клетке, вовсе не завершились. Здесь

люди даже не смотрят по ночам на звезды. Блуждая среди них, Свон убеждалась, что не ошиблась. Да если бы эти люди интересовались звездами, их здесь давно бы не было. Над головой Орион, «самое прекрасное из всего сущего, висящее в небе, как подлинное божество, в которое нужно лишь немного поверить». Но никто на него не смотрит.

Хотя Свон вызывала недовольство, другой город-трущоба северного Хараре — Дзиварасекква — согласился поработать с ней и ее командой. Город располагался на крутом склоне хребта, здесь жили сквоттеры: поблизости проходила граница с Новым Зимбабве и Родезией, что сильно запутывало вопрос о суверенитете. Поэтому в политическом отношении проект был хорош. Однако крутизна склона представляла проблему для самовоспроизводящихся фабрик. Команда Свон разработала специальную плетенку, которая позволяла фабрикам двигаться, подобно основе и челноку в ткацком станке: одни обрабатывали периметр, другие поднимались по склонам, используя телескопические домкраты, чтобы сохранять горизонтальное положение. Таким образом им удавалось оставлять после себя элегантный белый поселок с отдельными

вкраплениями цвета: прекрасная картина.

Но однажды утром фабрика-ангар внезапно ринулась вниз по склону хребта, пробороздила парк и двинулась через пригород Кувадзаны. Местные работники, обученные управлять фабрикой, не смогли с ней справиться и прыгали с боковых лестниц в руки растущей толпе.

Когда на месте происшествия появилась Свон, она с криками растолкала толпу и поднялась на подножие одной из лестниц: потеряв управление, фабрика ползла со скоростью всего километр в час. Свон поднялась по лестнице и вбежала в отсек управления, похожий на мостик буксира. Здесь было пусто. Свон прошла к задней стене и вручную повернула главный рычаг. Ничего не произошло: гигант продолжал двигаться по улицам и домам, ревя, как Ниагарский водопад, сорвавшийся с привязи. Свон начала понимать, почему работники бросили корабль. Главный рычаг не работал, и она ничего не могла сделать.

Свон села перед панелью управления и начала лихорадочно набирать команды, одновременно вслух приказывая фабрике остановиться. Вначале она была спокойна, потом требовательна, потом пыталась убеждать, потом умолять и наконец закричала в ярости. ИИ фабрики не отвечал

и не прекращал движение. Что-то в нем было повреждено; сделать это нелегко — значит, какой-то продуманный саботаж, несмотря на очень строгую систему безопасности. Свон казалось, она знает нужные коды, но ничто не помогало.

— Какого дьявола! — чертыхнулась она. — И почему никто не приходит на помощь?

— В данный момент происходят другие нападения, очевидно, синхронизованные с этим, — ответила Полина.

— Ты можешь помочь?

— Напечатай «Густой туман в Лиссабоне», — потребовала Полина.

Свон послушалась, и тогда Полина сказала:

— Теперь ты можешь вести машину вручную. На панели перед тобой четыре прибора…

— Я знаю, как вести эту проклятую штуку! — сказала Свон. — Заткнись!

— Теперь можешь включить тормоза.

Свон выбранила свой квантовый компьютер и, не переставая браниться, развернула комплекс, описав крутую дугу (а значит, поворот занял несколько сотен метров), и повела его вверх по холму, но теперь по улицам, застроенным виллами процветающих горожан.

— Я бы хотела, чтобы эта проклятая штука

действовала наоборот, — яростно сказала она. — Чтобы превратила виллы этих богатых сволочей в лачуги, которых они заслуживают.

— Может, лучше просто остановиться, — предположила Полина.

— Заткнись! — Свон позволила фабрике разрушить еще несколько домов, прежде чем остановила ее. — Значит, эту штуку вывели из строя? — сказала она.

— Да.

— Черт возьми! Теперь нас арестуют.

— Весьма вероятно, — сказала Полина.

Предсказание Свон сбылось. Местное правительство конфисковало неисправную фабрику и потребовало арестовать ее операторов, провести следствие и депортировать их или посадить в тюрьму. Свон арестовали и поместили в Дом правительства; это не была тюрьма, но выходить Свон не позволяли, и казалось вероятным, что ее приговорят к тюремному заключению.

От такой возможности ее охватывало черное отчаяние.

— Нас сюда пригласили, — твердила она тюремщикам. — Мы просто старались помочь. Саботаж — не наша вина!

Ее как будто не слышали. Один из следовате-

лей пригрозил приговором, который заставит ее замолчать надолго.

В этом кошмаре неожиданно возник Варам. Его сопровождал офицер из Африканской лиги, низенький человек по имени Пьер, из Габона, прекрасно говоривший по-французски и гораздо хуже по-английски. Пьер сказал:

— Вас освобождают и передают на поруки этому вашему коллеге, но вы должны немедленно покинуть Северное Хараре. Строительные работы далее будут проводить местные жители. Только местные.

И он вытянул руку, словно указывая Свон на выход.

Удивленная Свон едва не отказалась — из принципа. Но увидела, как поднялись брови Варама и округлились глаза; его отчаяние напомнило ей об ужасе ситуации, и через несколько мгновений она покорно приняла условия Пьера и пошла за Варамом в его машину, которая отвезла их в аэропорт, где к высокой мачте был привязан большой дирижабль.

— Давай уносить ноги, пока они не спохватились, — сказал Варам.

— Да, да, — ответила Свон.

Дирижабль размером с нефтяной танкер был

одним из большого флота таких судов; они постоянно передвигались над землей с запада на восток, тащили их большие паруса, при необходимости использовалась и реактивная тяга; такие воздушные суда медленно, но верно доставляли грузы, обходя всю Землю. У этого конкретного дирижабля корпус напоминал сигару, а гондола под ним была усеяна окнами в четыре и пять ярусов.

Варам привел Свон к лифту внутри мачты, и они поднялись на погрузочную платформу. В дирижабле по длинному коридору прошли на нос, к наблюдательной платформе, похожей на те, что устраивают в террариях. Варам зарезервировал два места и столик на остаток дня после отхода дирижабля. Сидя за столиком, они могли смотреть вниз на зеленые холмы Земли, величественным парадом проплывающие под ними. Это было прекрасное зрелище, но Свон не смотрела.

— Спасибо, — напряженно сказала она. — У меня были серьезные неприятности.

Варам пожал плечами.

— Рад был помочь.

Он принялся рассказывать о своей работе в Северной Америке, о проблемах там и в других местах. О большей их части Свон ничего не слышала, но общая картина была печально понятна.

Ничего нового: Земля словно проклята.

Варам, как обычно, пришел к более осторожному заключению.

— Мне показалось, что первая волна нашей помощи была слишком… грубой, за неимением лучшего слова. Слишком сосредоточенной на восстановлении окружающей среды, в особенности жилья. Может, люди считают, что сами должны участвовать в постройке своих домов.

— Едва ли для них важно, кто строит им дома, — возразила Свон.

— Но в космосе-то нам это важно. Почему бы тут было иначе?

— Когда твой дом может рухнуть и убить тебя и твоих детей из-за того, что пошел дождь, ты будешь счастлив, видя, как машина заменяет его чем-то лучшим! Никто не думает о *чувствах,* пока не удовлетворены материальные потребности. Ты это знаешь. Пирамида потребностей существует.

— Но с учетом всего этого, — сказал Варам, — а я это все учитываю — все равно остается много жалоб на наши действия. И невозможно отрицать, что проект начинает тормозиться. Мы подобны Гулливеру, опутанному нитками.

— Неудачное сравнение, — сказала Свон,

вспоминая высоких и маленьких в секс-лайнере. — Сопротивление маскируют. Оно как будто исходит от людей, но на самом деле это обычные реакционные препоны. И если нас пытаются сбить с толку и стреножить, надо порвать эти нитки.

— А мне кажется, образ подходящий, — миролюбиво ответил Варам. — Нити, удерживающие Гулливера, — это законы, вот что делает их важными. Но послушай, эти нити можно обойти. Мы можем проскользнуть. То, что мы делаем в Канаде, внушает надежды.

Принесли чай, и Варам наполнил чашку Свон, о чем она тут же забыла. Он медленно пил свой чай, глядя, как медленно появляется Индийский океан, а потом вдали на юге измятый зеленый остров, Мадагаскар, одна из наиболее полно уничтоженных экосистем, а теперь — модель гибридизации по типу Вознесения. Один из крупнейших островов Земли сейчас был полностью отдан специалистам по восстановлению ландшафта и процветал. Люди приезжали на остров полюбоваться его садами и лесами.

Варам показал на него.

— По всему острову идет восстановление ландшафта, люди стараются справиться с переменами.

Очень напряженная работа, полностью привязанная к местности. Выполнять ее удаленно нельзя. Нельзя воспользоваться разницей в курсе валют. Вообще нельзя извлечь прибыль. Поэтому задача вполне соответствует нашим целям. Это полезно для общества и должно быть сделано. Вся береговая линия нуждается в том же. Трудно вообразить, какая огромная работа тут требуется. И это будет даже не восстановление, ведь прежняя береговая линия ушла под воду навсегда или по крайней мере на сотни лет. На самом деле это создание нового побережья выше уровня моря. Пока береговая линия неустойчива. Океан поднимается и затопляет сделанное, при этом высвобождается много ядовитых веществ. Новая береговая линия и зона прилива почти всегда в катастрофическом состоянии. Чтобы справиться с этим, нужна напряженнейшая работа. И все, кто живет на новых берегах, хотят, чтобы эта работа была сделана. Многие готовы заниматься ею сами. То, чем я был занят во Флориде, не совсем обычно, потому что похоже на восстановление, но на самом деле это создание заново. Другой тип терраформирования. Да, он напоминает восстановление, из-за того, что когда-то здесь была Флорида. На самом деле то же можно сделать

на любом мелководье. И даже не понадобится перемещать горы в море. Существуют быстрорастущие кораллы, их можно использовать для фундаментов зданий. Можно шире применять биокерамику. Я видел, как работают с такими кораллами; их удается очень быстро выращивать на многих новых берегах, и очень скоро в твоем распоряжении чистый белый песок, мелкий-мелкий. Он скрипит, когда по нему идешь.

Свон пожала плечами.

— Хорошо, конечно. Но я все равно не готова прекратить строительство домов.

— Знаю.

Варам смотрел на землю внизу. Могло даже показаться, что он уснул.

Спустя несколько минут он пошевелился и начал что-то говорить, но умолк. Свон заметила это и спросила:

— В чем дело? Рассказывай.

— Есть кое-что еще, — сказал он, глядя на нее почти застенчиво. — По-моему, то, что мы здесь делаем, доказывает: модель существующей на Земле системы будет вечно требовать внутренних реформ. Иными словами, по-прежнему необходима революция.

— Но ведь я говорю то же самое! Я говорила тебе

об этом на Венере!

— Знаю. И начинаю соглашаться с тобой. И вот… помнишь, я рассказывал о проекте, который возглавляла Алекс? Выращивать животных в террарии, а потом доставить их на Землю?

— Да, конечно. Она хотела вырастить достаточно животных, чтобы поселить их на Земле, когда придет время.

— Верно. И вот я думаю… это время пришло.

Свон удивилась.

— По-твоему пора вернуть животных на Землю?

Ее охватило чувство, которое она не смогла бы назвать: в груди собирались океаны облаков, набухали грозовые тучи.

— Ты серьезно? Это ты хочешь сказать?

Варам оторвал взгляд от Мадагаскара и посмотрел на нее. На его лице была легкая улыбка, кривая, жабья, но теплая.

— Да.

Перечни (13)

Летучие мыши. Ленивцы. Долгопяты и тапиры. Слоны и тюлени. Носороги. Львы, и тигры, и медведи. Благородный олень, мускусный бык, лось. Карибу и северный олень, серна и горный козел. Тигры и снежные леопарды. Пищуха. Чернохвостый олень. Орангутанг, и тонкотел, и гиббон, и коата (все виды приматов, которым грозит исчезновение). Кроты и полевки. Ежи и бобры. Снежный баран, трубкозуб и панголин, даман и сурок. Обыкновенные листоносы, гладконосы, дымчатая восточная летучая мышь. Лисы и зайцы. Олени, кабаны, пекари, ламантины. Дикобразы. Волки.

Неправда, что все млекопитающие крупнее кролика на Земле подвергаются опасности. Правильно сказать — большинство.

Млекопитающие — это класс животных, в нем 5490 видов, 1200 родов, 153 семейства и 29 отрядов.

Капибара, ягуар, жираф, бизон, лошадь Пржевальского, кенгуру. Зебра, гепард, росомаха.

Самые большие отряды: грызуны, рукокрылые (летучие мыши), землеройкообразные (земле-

ройки), затем хищники, китопарнокопытные (копытные млекопитающие и киты) и приматы.

Все уходят. Пожалуйста, вернитесь.

Свон и волки

Они спускались все разом, вначале в больших лендерах, защищенных тепловыми щитами, затем в меньших лендерах на парашютах и наконец в воздушных шарах, сбрасывающих оболочку. На последнем этапе они плыли по воздуху над территорией инуитов. В нескольких сотнях метров от поверхности лендер исчезал, превратившись в тысячи спускающихся аэрогелевых шаров; в каждом таком прозрачном шаре находилось животное или семья животных. Что думали об этом животные, можно было только гадать: некоторые бились в своих аэрогелях, другие были безмятежны, как облака. Дул западный ветер, и шары плыли на восток, как семена растений. Свон смотрела по сторонам, стараясь увидеть сразу все небо, целиком усеянное отчетливо заметными «семенами»; с любого расстояния те были видны только как их содержимое, поэтому на восток летели и опускались к земле тысячи волков, медведей, оленей, кугуаров. Потом Свон увидела пару лис, стайку кроликов, рыжую, или обычную, рысь, группу леммингов, цаплю, пы-

тавшуюся расправить крылья внутри пузыря. Похоже на сон, но Свон знала: это происходит наяву и по всей Земле — в моря спускаются дельфины и киты, тунцы и акулы. Млекопитающие, птицы, рыбы, пресмыкающиеся, земноводные — вся вымершая фауна в небе каждой страны, над каждым водоразделом. Многие из спускавшихся на Землю животных исчезли здесь уже два или три столетия назад. И теперь возвращались — все сразу.

Свон опустилась на землю возле густого скопления животных. Они находились где-то в новом пшеничном поясе на юге Нунавута — «Нашей Земли». Конкретным пунктом ее высадки был небольшой кряж посреди района, занятого пшеничными и рисовыми полями. Каждое поле портили несколько пинго — небольших холмов, похожих на волдыри; они поднялись, когда большие куски льда всплыли в грязи, образовавшейся на месте растаявшей вечной мерзлоты. Пока Свон спускалась, ей трудно было решить, какой из холмов — ее. Спуском руководил исключительно ИИ ее пузыря; Свон никогда еще не снижалась в пузыре и наслаждалась новым ощущением — ее словно нес вниз невидимый волшебный ковер-самолет. Вокруг нее в воздухе животные

начинали осознавать близость земли, некоторые продолжали биться, другие расставляли лапы, как падающие кошки или летящие белки — совершенно правильное поведение, даже если они никогда раньше не падали, возможно, действовали фрагменты мозга пресмыкающихся, которые есть в мозгу у каждого. Сама Свон приземлилась так плавно и мягко, словно сошла с эскалатора. Коснувшись земли, шар лопнул, аэрогель разлетелся брызгами. И вот она стоит на земле. На пинго в Нунавате.

Вместе с ней снижались другие члены ее наблюдательной группы; они должны были оказаться так близко к друг к другу, насколько позволит ветер. Свон огляделась в поисках коллег, и вид неба так изумил ее, что она едва не села; она закричала и засмеялась: все небо по-прежнему заполняли животные. Они спускались из туч на западе, падали из низких кучевых облаков — карибу, лоси, гризли, большие коричневые пятна с растопыренными лапами. И другие животные тоже, многие группами, чем выше, тем труднее разглядеть. Вокруг Свон шевелилась густая пшеница: это животные, освободившись от пузырей, разбегались в поисках укрытия. Одно из них едва не приземлилось прямо на нее: нужно быть

осторожнее! Она рассмеялась, подумав об этом, расставила руки и завыла вместе с воющими в небе волками. В отдалении рычали другие волки. Слышался целый нестройный хор других голосов, многие звучали испуганно, но сказать с уверенностью было нельзя, только предполагать; на самом деле она не поручилась бы и за то, что в звуках не слышно торжества: «Наконец мы дома!»

— Все божьи дети наконец дома! — сказала Свон по радио. С ней связывались другие, все люди приземлились. Свон обдало холодным западным ветром, и она снова завыла. Спустилась последняя волна, и теперь в облаках вновь было пустынно. Только на горизонте, легкие, как пух, опускались несколько последних темных точек. Более прекрасной картины Свон еще не видела.

— Отлично, — сказала она, предварительно отключив радио. — Обожаю вас. Вы сделали великое дело.

Она не смогла бы сказать, к кому обращалась — к Алекс, Вараму или к целому свету.

И вот она в тайге между лиственным лесом и тундрой. Теперь здесь есть карибу, и медведи гризли, и кугуары; любой биоме для процветания требуются сильные хищники. Гризли тотчас уйдут в холмы, кугуары тоже скроются сразу

после приземления. Но волки сначала отыщут друг друга и соберутся в стаю, и Свон хотелось ради этого быть здесь. Она выла вместе с волками столько раз, что и не сосчитать; каждый раз, слыша их вой, она подхватывала, чувствуя, что это человеческий поступок. Иногда волки смотрели на нее, и она в ответ смотрела им в глаза. Она видела волков, ссорящихся с койотами, видела, как вороны ведут волков к добыче, чтобы потом получить объедки. Она знала, что люди приручили волков и тем превратили их в собак; в то же время волки добавили людям волчьего, научив их охотиться стаями. Ни у кого больше из приматов не бывает друзей, которые не были бы одновременно родственниками; этому человек научился у волчьих стай. Оба вида в разное время похищали друг у друга пищу, изучили охотничьи методы друг друга; в определенном смысле они вместе эволюционировали.

Сейчас приматы уничтожали вторую половину своей семьи. И потому она здесь.

Ее группа должна была проверить, как приземлились животные, освободить тех, кто не смог выбраться из пузыря, и помочь раненым. Предполагалось, что таких случаев будет немного, но местность здесь была неровная, усеянная

холмами-пинго и углублениями, которые назывались котлами: они возникали при таянии ледяной коры пинго. Котлы были круглые и глубокие, с крутыми стенами, часто заполненные водой до уровня грунтовых вод, который здесь в большинстве мест — всего в одном-двух метрах под поверхностью. В этих краях пытались выращивать пшеницу и генетически модифицированный «холодный рис», в названии которого имелась в виду адаптация к климату в тайге и тундре по всему северу, но это оказалось гораздо труднее, чем они полагали. И на получившемся рельефе были вполне вероятны случаи неудачного приземления.

Как выяснилось, пузыри сработали до того надежно, что Свон и ее товарищи не обнаружили ни одного животного, которое нуждалось бы в помощи. Все они перемещались, некоторые бежали в панике. Но вскоре даже впавшие в панику устанут, остановятся и начнут осматриваться. И можно надеяться, что увиденная местность не покажется им враждебной. В большинстве террариев именно ради этой минуты поддерживали силу тяжести в одно *g*, и все эти террарии создавались так, чтобы походить на места, куда теперь возвращались животные.

Карибу были такими высокими, что сразу находили друг друга. Животные поменьше исчезали в пшенице и отправлялись к холмам на западе или к лиственному лесу, который виднелся на южном горизонте. Не видно было ни одной твари, которая нуждалась бы в помощи. Все благополучно приземлились и готовы были встретить свою новую судьбу.

Все животные были снабжены специальными маячками и теперь разноцветными точками виднелись на экранах, поэтому команда Свон перешла к следующему этапу своей работы — следовать за карибу и, если необходимо, подгонять их, как овчарки подгоняют стадо, чтобы привести оленей на восток к реке Телон. Первая миграция нового стада будет инстинктивной, но бесцельной, если, конечно, животные не найдут следы стад карибу разновидностей беверли, батерст и ахиак — так что сейчас они усваивают виды местности и запахи, устанавливая новый миграционный маршрут. Со временем он должен стать миграционным коридором среди пшеничных полей — его, возможно, придется отстаивать в различных судах, но мост они пересекут, когда лучше освоятся с ним; а для начала карибу предстоит перейти реку. Эта миграция животных

через сельскохозяйственные земли стала самым крупным актом организованного неповиновения законам, какую жители космоса позволили себе на Земле, но была надежда, что, после того как животных провести в первый раз, их можно будет предоставить самим себе и они станут даже популярны среди местных фермеров, которые, вообще-то, настроены были вовсе не дружелюбно. Сопровождающих могут арестовать раньше, чем цель будет достигнута, но они уповали на признание ценности миграционного коридора; его станут ценить выше сельскохозяйственных земель, которые он займет.

Как обычно, Свон быстро отстала от группы. Слишком на многое хотелось непременно посмотреть, было столько интересного, что она забывала о своей задаче. Планы нового заселения Земли дикими животными разрабатывались уже сотню лет, и теперь Свон воплощала это в жизнь, но тем не менее отвлекалась на цветы, растущие там и сям на каменистой почве, — бархатистые полосы изумительных расцветок. Над головой бледно голубело небо с грядой кучевых облаков на востоке. Мысленно Свон по-прежнему видела животных, плывущих в небе, словно семена солнца; это привело ее в мечтательное настрое-

ние, она не могла его стряхнуть и, естественно, поневоле замедлила шаг. Однако она постоянно была на связи с напарниками. Их болтовня досаждала хуже Полины, и Свон убрала звук. Когда понадобится, она сама с ними свяжется. А сейчас ей хотелось сосредоточиться на почве под ногами. За предыдущий год работы в Африке она стала воспринимать кое-что как само собой разумеющееся, просто забыла, где находится. Сосредоточилась на своей проблеме, а между тем мир продолжал лететь, подгоняемый ветром. И вот теперь эта открытая местность, эта тайга. На южном склоне ближайшего кряжа — поросль карликовых сосен. Пьяный лес, под ним тает вечная мерзлота. На востоке низкие холмы под грядами облаков. Небо невероятно высокое, нежно-голубое под низкими тучами, идущими на восток. В воздухе словно еще немного пахнет огнем. Высокое полуденное солнце, 5 августа 2312 года. Новый день. Теплый, но не жаркий. Чуть влажный и чуть… чудной. На Свон скафандр, который поддерживает комфортные условия и очень эффективно защищает от москитов и мух, это важно — ведь они вьются повсюду черными облаками, похожими на столбы дыма. Своих спутников она не видит; впереди и позади земля

изрезана длинными кряжами, возможно, песчаными хребтами, бывшими здесь исконно. Во всяком случае, вид на восток ограничен. Свон забралась на пинго и осмотрелась. Ага, вот Крис, всего в нескольких сотнях метров впереди, он как будто машет кому-то дальше на востоке. Ну и отлично.

Все низины заполняют жесткая трава и таежный мох. На уровне всего метр выше — с севера на юг болото пересекают протяженные полосы сглаженного камня. Лучше бы остаться на этих природных дорогах, но ее группа движется на восток, за стадом карибу.

Свон пошла на север, направляясь туда, где росли горные сосны высотой ей по пояс. Она добралась до этого выступа и остановилась, увидев на противоположной стороне волчью стаю. Волки только что приземлились и бегали, принюхиваясь и покусывая друг друга, останавливаясь ненадолго, чтобы повыть, и снова принимаясь бегать. Недавний спуск их озадачил, вне всяких сомнений. Свон понимала, что они чувствуют. Им потребуется время, чтобы собраться в стаю и побежать на восток. Волки были лохматые, серые, с черными и бежевыми пятнами, в короткой летней шерсти они выглядели гибкими и под-

жарыми. Плечи шире, чем у собак, квадратные головы — во многих отношениях у них по-прежнему оставалось очень большое сходство. Дикие псы сбиваются в стаи: эта мысль всегда вызывала тревогу. То, что они такие уживчивые, такие игривые, удивляло Свон и напоминало ей, что волки существуют дольше собак и они умней.

Свон побежала за ними и очень скоро обнаружила, что пыхтит и отдувается. Ни один человек не угонится за быстро бегущей волчьей стаей, но, если проявить настойчивость, волки начнут часто останавливаться, приглядываясь и принюхиваясь, и тогда можно будет не терять их из виду или терять и снова находить. Завыл самец, остальные подхватили, и Свон вместе с ними. Если она захочет оставаться частью стаи, придется бежать быстрее. Это будет трудно. Вне Земли она в лучшей форме… эта легкая ирония заставила ее поморщиться и принять решение поупражняться.

Волков было девять. Крупные животные, черных пятен больше, чем белых. На бегу шерсть развевается, как волосы. Их волчий бег хотя и напоминал легкий галоп, буквально пожирал расстояния. Глядя, как они бегут, Свон тихонько завыла у нее в груди океан чувств, на Земле они

свободны. Счастье такое глубокое, что причиняет боль: еще один урок этого мира.

Впереди пинго и котлы исчезли, и всю землю покрывала пшеница. Волки остановились в нерешительности, и Свон сумела обойти их с юга, прячась за самыми восточными пинго. Пшеничное поле перед ней сгладили лазером, и теперь оно полого спускалось к востоку с уклоном примерно пять метров на каждый километр. На удивление ровная поверхность — неестественная — рукотворная. Своего рода произведение искусства. Но вскоре ей предстоит преобразование. В восьми километрах восточнее едва виден другой участок пинго и еще одна полоска невозделанной тайги неосушенной, чересчур болотистой для обработки, скорее водоем, чем суша.

Свон достала из рюкзака свою волчью шкуру — шкуру старого самца с прикрепленными головой и лапами. Надела на голову, чтобы шкура спускалась на спину как плащ. В волчьи уши она вдела золотые кольца. Потом обошла стаю, время от времени завывая с волками. Потом со всех ног побежала на восток. Пшеница была ей по грудь, и она бежала по междурядьям. Впереди ее коллеги вели на восток стадо карибу, оставляя ориентиры — запахи и сброшенные рога. Там, где проходило

стадо, сильно страдала пшеница. Свон видела, что стадо идет по ложбине с ручьем, почти выровненной лазером. Полузасыпанное русло ручья оставалось топким, ее спутники уводили от него стадо параллельно ручью на юг. Скоро стадо учует запах волков, и тогда вести его на восток через один низкий кряж за другим будет нетрудно. Они двинутся туда, где можно оказаться подальше от волков, хотя бы ненадолго. Постепенно оба вида придут к равновесию хищник/добыча, но сейчас крупные животные (добыча) боятся и готовы пуститься в паническое бегство. Свон видела признаки паники: посреди поля лежало несколько телят, растоптанных стадом. Она повернулась к идущим за ней волкам. Встала на холме, показав наброшенную волчью голову, и, предупреждая, завыла. Стая остановилась и смотрела на нее, навострив уши и ощетинившись: волки тоже были испуганы. И вовсе это не знаменитый долгий взгляд, рассудила Свон, просто попытки приглядеться.

Но волки занялись охотой и чуть погодя продолжили движение. Свон сдалась, сорвалась на быстрый бег. Она дала карибу довольно времени, чтобы миновать болотистую низину; теперь им следовало живо уносить ноги. С севера она

несколько раз окликала волков, но чаще едва поспевала за ними, а под конец могла только идти по следу. Волки долго шли через пшеницу за карибу. Однажды Свон показалось, что на южном горизонте она разглядела линию гигантских красных уборочных комбайнов.

За ночь карибу намного опередили ее; сбившись в стадо, они двигались на восток. Олени приняли миграцию и готовы были продолжать путь. А волки, люди и другие хищники были как загонщики на охоте; люди иногда использовали сирены, запахи и всегда — свое тревожащее присутствие. Люди — вот главные хищники (пусть даже рядом волки, львы и медведи), пока держатся стаей, как их давным-давно научили волки, и пока у них в руках инструменты.

Свон, к концу долгого дня спотыкавшаяся, почувствовала, что дух охоты оживляет ее и поддерживает лучше корсета. Она Диана-охотница, вот в чем ее сходство с животными. В террариях она делала это очень часто, и теперь ей трудно поверить, что она не в замкнутом пространстве… но ведь сейчас над ней небо, и ее овевает ветер.

Если надо установить маршрут миграции и превратить всю зону в отведенный животным коридор, придется изменить всю планету, такое

уже бывало, а затем люди снова примутся ее менять. Теперь вся Земля — парк, произведение искусства, творение художника. Но и эта новая перемена — всего лишь очередной мазок кисти.

Превращение тайги в сельскохозяйственные угодья потребовало сглаживания холмов и низин с настиланием слоя новой почвы, нарастание которого ускоряют искусственно созданные бактерии. Теперь эта равнина плоская, как поверхность моря с легкими волнами. Но цикл замораживание-таяние и исчезновение вечной мерзлоты препятствуют созданию ровной поверхности. Прохода карибу оказалось достаточно, чтобы сорвать слой почвы; после них казалось, будто здесь через пшеницу прошла фаланга тяжелых тракторов с боронами. Поэтому Свон не шла по следу стада, только ненадолго приближалась к нему, чтобы оставить маяки-транспондеры; она также помечала почву запахами и гербицидами, предназначенными для пшеницы. Вдобавок команда Свон засевала лиственный лес. В некоторых местах почву сдували, убирая ее слой, чтобы поднять на поверхность исконную бактериальную флору тайги. И все это нужно было сделать, пока стадо карибу далеко, чтобы животные не испугались и не повернули; дел было много, по-

этому начинали ни свет ни заря.

Спала она в скафандре, который удерживал тепло; в карманах у нее были аэрогельный матрац и одеяло, а также еда на несколько дней. Раз или два она связывалась со своей командой, но предпочитала одиночество, хоть это было не по-волчьи (Свон продолжала следить за стаей). Теперь она редко видела ее, но могла идти по следу: почва была мягкая, и ей часто попадались следы Девятки. Ее собственной Девятки.

На третье утро задолго до рассвета, после почти бессонной ночи, Свон решила встать и догнать стаю, если сможет. В холодной темноте она включила фонарь на шлеме, но видела следы лучше, когда снимала фонарь с головы и держала его ближе к земле, направляя вперед.

За час до рассвета она услышала впереди волчий вой. Это был обычный утренний хор. Волки воют на восходящую Венеру, зная, что вскоре взойдет солнце. Свон слышала вой, но, судя по положению Ориона, выли они не на Венеру, а на Сириус. Волки опять обманулись. Индейцы пауни из-за такой их ошибки дали Сириусу название Одураченный Волк. Когда полчаса спустя встала сама Венера, только один волчий астроном попытался заявить об ошибке. Свон рассмеялась,

услышав это. Теперь и другие волки дальше на западе подхватили рассветный вой. В прошлом, когда через Северную Америку проходил рассвет, вдоль всей зоны терминатора, пересекающей континент, долго выли волки, перемещаясь вместе с днем на запад. Теперь это может вернуться.

Когда рассвело, по следу бдительного астронома Свон подошла ближе. Ночь волки, очевидно, провели на холме; завидев Свон, они хрипло залаяли, не желая, чтобы она приближалась. Что-то там происходит, подумала она, волчиха щенится или что-то в этом роде. Она ждала поодаль и, только когда стая ушла на восток, поднялась по мягкому склону пинго, чтобы посмотреть.

Услышав какой-то звук, Свон застыла; вначале она не увидела ничего, но на вершине пинго был небольшой бассейн, котел, как кальдера в миниатюрном вулкане. Звук шел оттуда — скулеж; Свон подошла к краю и заглянула. Тремя или четырьмя метрами ниже на узком глиняном карнизе, обрамляющем воду, стоял молодой волк, с мокрой грязной шерстью. Стены отверстия были вертикальные, вымытые водой, оттенок У грязно-голубой воды — бирюзовый, словно ее подпитывал тающий в глубине лед. Волк лапами пытался упереться в глину. Молодой самец. Он

посмотрел на Свон. Она хотела протянуть ему руку, но от этого жеста земля под ней подалась, и Свон, хотя успела извернуться, пробуя за что-нибудь ухватиться, с плеском упала вниз, в грязь.

Волк зарычал и отпрянул. Свон поплыла; при падении она погрузилась глубоко, но дна не достала. Она подплыла к противоположному краю бассейна и выбралась на узкое земляное кольцо, тянувшееся вдоль всего бассейна. Она словно оказалась в вазе, провалившись сюда через горлышко.

Стараясь не смотреть на волка, Свон закурлыкала и засвистела, вначале как голубь, потом как соловей. Она никогда не видела, чтобы волки ели птиц, но чтобы у него не появились какие-нибудь нежелательные порывы, добавила короткий крик ястреба. Волк по-прежнему пытался выбраться; он ее боялся. Но упал, когда грязь расползлась под его когтями. Упал в воду головой вниз, и Свон инстинктивно протянула руку, но, конечно, он был вполне в состоянии вынырнуть, развернуться и поплыть к противоположной стороне земляного карниза; почувствовав ее прикосновение, он повернулся, укусил ее за правую руку и отчаянно поплыл. От боли и неожиданности Свон вскрикнула. В воде и в его пасти ее

кровь. Укус жгло, а на тыльной стороне ладони появился прокол, который долго будет кровить.

В скафандре, который защищал от сырости все ее тело, кроме головы, в кармане лежала аптечка. Свон достала ее и задумалась, поможет ли клей для кожи при такой рваной ране. Проделав в тюбике отверстие, она налила клей в розовую ямку, потом прижала к ней марлевый тампон. Марля приклеится, но она сможет отрезать лишнее, и все будет в порядке.

Внутренняя поверхность котла гладкая, за исключением одного кольцевого карниза. Как ей вообще отсюда выбраться? В поисках мобильного телефона Свон сунула руку в карман и обнаружила, что он пуст. Карман был незастегнут, потому что она часто связывалась с товарищами. Что ж, они заметят ее отсутствие и найдут по GPS. Может, нырнуть на дно бассейна и поискать мобильный: вдруг он еще работает?

Впрочем, это казалось маловероятным.

— Полина, можешь отыскать мой мобильный?

— Нет.

— Можешь связаться с отрядом?

— Нет. Я устроена так, чтобы связываться только с тобой и на коротком расстоянии.

— Никакого радио?

— Передатчика на дальние расстояния у меня нет, ты же знаешь.

— Я же знаю! Ах ты бесполезный лом!

Волк зарычал, и Свон умолкла. Она по-вороньи крикнула: «Кар!» — надеясь, что молодой волк примирится с присутствием существа, умеющего каркать. Но на самом деле она не знала, что делать.

— Полина, как мне отсюда выбраться?

— Не знаю.

Моментально полученный ответ не радовал.

Свон пошла по земляному кольцу, волк тоже, держась на противоположной стороне от нее. Если откос на той стороне выдержит ее тяжесть, возможно, она выберется. Свон проверила откос, не сводя глаз с волка. Он смотрел на нее, но в то же время чуть в сторону. Вскоре стало ясно, что мокрая земля откоса ее не удержит. Нужно каким-то образом вырыть ступеньки или воткнуть что-нибудь в стену, чтобы получить опору. Но в котле не нашлось никаких палок. Она снова подумала, не поискать ли на дне. Однако вода была ледяная, а скафандр не защищал голову. И как определить, насколько глубок бассейн и есть ли что-нибудь на дне?

Полина, боюсь, мы здесь застряли.

— Да.

Извлечения (16)

Эта политика никогда не была политикой группы большей, чем отдельный террарий, и даже такие отдельные террарии редко сообщали точную информацию о своих животных: куда их отправляют, сколько, каким транспортом, почему. Ничего. Предположительно координация, которая явно имела место, осуществлялась неофициально и не документировалась. Оглядываясь в прошлое, понимаешь, что такая скрытность неудивительна, ведь сейчас мы к этому уже привыкли; но в то время она была относительно внове, и звучали заявления, что отсутствие гласности в обществе означает, что общество погружается в хаос Солнечной системе исчез порядок, балканизация стала полной-история человечества на время пропала, как струя талой воды на поверхности ледника, ушла под лед и сделалась невидимой. Никто ее не контролировал, никто не знал, куда она направляется, никто не понимал, что происходит

с самого начала существовали люди, утверждавшие, что во многих отношениях это невер-

ный путь: это экологическая катастрофа, многие животные погибнут, земля будет опустошена, растительные сообщества разрушены, люди окажутся в опасности, сельское хозяйство придет в упадок. Картины возвращения животных напоминали высадку парашютного десанта времен Второй мировой войны или фильмы о вторжении инопланетян, и во многих местах страх возможных несчастных случаев стал причиной травм. Когда животные спускались с неба, их расстреливали, как при стендовой стрельбе. И тем не менее большинство благополучно добралось до земли, выдержало испытания, выжило. На протяжении нескольких недель или месяцев люди только об этом и говорили, вернее, кричали во все горло. И общественное мнение оставалось, мягко говоря, неопределенным. Одни объявляли происходящее вторжением, другие — возрождением. Возврат к дикости, направленная миграция, звериная революция; происходящее стали называть Реанимацией Земли, и постепенно этот термин оказался общепринятым, вытеснив все остальные. В конечном счете совершенно все равно, как это называть: животные уже на Земле

многие обвиняли террарии в подстрекательстве к революции на Земле. Другие называли

это прививкой, инокуляцией, а некоторые микробиологи говорили об обратном копировании. Введение заквасок в пустую экологическую нишу действительно приводит к революции в биоме. Быстрые перемены могут быть хаотичными и травматичными. В этом случае животные часто гибнут; вся их пища уничтожается, резко падает численность, хорошо живут только стервятники, соотношение хищников и добычи постоянно резко меняется, и под воздействием этих факторов меняется растительная жизнь. Меняются поля, меняются лица, меняются пригороды и города. Кампании за уничтожение наталкиваются на ожесточенное сопротивление и вызывают ответные кампании поддержки. Иногда дело доходит до войны животных, но во всех случаях военные действия с обеих сторон возглавляют люди

даже во времена балканизации Земля оставалась в центре истории. Примерно двенадцать тысяч террариев на протяжении столетия с лишним разводили животных тех видов, которым угрожало вымирание, укрепляя при этом генетическое разнообразие; само существование террариев было направлено на создание разбросанного по системе зоопарка, или ковчега, или банка заквасок; они ждали лишь подходящего мо-

мента, чтобы снова вернуть этих животных в их истерзанный дом. Когда этот момент наступил, некоторые террарии сочли такие представления слишком оптимистичными, но в конечном счете почти все согласились ответить на призыв и создали грозную армаду

основная организационная работа по подготовке Реанимации впоследствии была прослежена до рабочей группы, связанной с седьмой Львицей Меркурия, женщиной, умершей за несколько лет до события. Была найдена связь с некоторыми земными правительствами; дружественные чиновники дали разрешение. Направленная миграция была уже знакомой концепцией, и вторгшиеся виды уже перестраивали мир; люди безуспешно сражались с массовым вымиранием животных, а большую часть Земли заняли сорняки и стервятники. Слышались разговоры о будущем мире чаек и муравьев, тараканов и ворон, койотов и кроликов — о мире бурьяна, нищем и безлюдном, о большой заброшенной ферме. Поэтому большинство землян приветствовало возвращение разнообразия животных. Сказать, что политические последствия неизбежны, — просто иной способ объявить этот процесс общечеловеческим: такие процессы никогда не

проходят бесследно

около двенадцати тысяч террариев и несколько десятков земных правительств, по-видимому, договорились начать претворение плана в жизнь в первой половине 231 2 года, но поскольку большая часть договоренностей заключалась устно, это просто слух. Рассказы участников, записанные годы спустя, фиксируют только отдельные случаи

После Реанимации основными проблемами на Земле стали экологические и логистические, все сосредоточилось на перемещении, расселении, смягчении, компенсации и юридической и физической обороне. Сама по себе Реанимация не положила конец истории; прошел не один десяток лет, прежде чем стало ясно: это был ключевой момент

Варам и Свон

Узнав, что Свон пропала, Варам покинул Оттаву, где вел переговоры с канадским правительством, и полетел на север в Черчилль; он едва успел на ночной рейс до Йеллоунайфа, намеченного Свон начального пункта для создаваемого отведенного животным коридора.

Короткая летняя ночь прошла и давно наступил рассвет нового дня, когда вертолет доставил Варама на территорию, где засекли транспондер Свон. К тому времени как они добрались, группа Свон уже нашла ее, но вертолет пришелся очень кстати, потому что оказалось невозможным подойти к краю котла и не присоединиться к ней. Один из спасателей уже протестировал это, и теперь внизу было два человека и один волк. По крайней мере на стороне людей теперь численное превосходство, но в вертолете кто-то сказал, что так даже хуже. Однако теперь можно было опустить подвесную лестницу с ремнями — с достаточной высоты, чтобы не испугать волка; Варам смотрел на все это из окна вертолета. Первым по лестнице поднялся и выбрался на край

пинго свалившийся спасатель; затем Свон. у нее покраснели глаза, выглядела она усталой, но помахала Вараму и сразу распорядилась, чтобы лестницу спустили еще раз. Варам сомневался, что волк сможет воспользоваться ею для спасения, но пилот опустил лестницу и после недолгих радиоконсультаций с людьми внизу чуть сместил ее в сторону, так что она легла вдоль стены. Вараму и это казалось недостаточным, поэтому он вздрогнул на сиденье, когда волк внезапно прыгнул на лестницу, перескочил на следующую перекладину, выскочил из ямы и побежал вниз по склону холма.

Варам попросил пилота высадить его; они опустились на ближайшее пшеничное поле, примяв при снижении круг. Варам выбрался и пригнулся: большие лопасти винта вращались над ним; он, пригибаясь, побежал от машины, которая тем временем снова поднялась в небо.

Свон подбежала к нему и, грязная, обняла. Он извлек из ушей беруши и спросил, как она. Отлично, ответила Свон, замечательно провела время, делила яму с волком, но все обошлось, как она и надеялась, хотя все же приятно получить эмпирическое подтверждение нормальности такой ситуации, когда один участник может съесть

другого… Варам заметил, что она немного не в себе. Свон согласилась, что сейчас неплохо бы вымыться, поесть и устроить небольшой перерыв перед возвращением к работе. Варам показал на вертолет, все еще висевший вверху, и, когда она приняла его план, он жестом велел пилоту снизиться. Они забрались в кабину. После этого стало слишком шумно для разговоров, и пришлось ждать до Йеллоунайфа; Свон прислонилась к его плечу, улыбнулась и уснула, несмотря на шум.

Выяснилось, что, высаживая животных в десяти тысячах мест, «реаниматоры» кое-где столкнулись с сопротивлением — во всяком случае так казалось сначала, хотя никто ни в чем не был уверен. Но работали так, словно у них было всего несколько дней: передвигались на вертолетах, выпустили управляемые роботами тракторы на солнечной энергии (трактора разбрасывали семена и походили при этом на сельскохозяйственную технику, которую можно увидеть на старых фото), со скоростью пятьдесят штук в час высаживали двухметровые деревья, пока запас не кончился (кое-где Реанимация включала и ботанические элементы). Остановить тракторы оказалось трудно. Хотя люди пытались это сделать.

Но не обошлось без происшествий, и в Йеллоунайфе следили за событиями по всей Земле. Реакция землян была самой разнообразной: от осанны до артиллерийского огня, от приветствий до проклятий и все промежуточные варианты самого разного рода — например Совет Безопасности США собрался на срочное заседание, но никакого решения не принял. Орангутанги по всей Юго-Восточной Азии, речные дельфины вновь в устьях крупных рек, тигры в Индии, Сибири и на Яве, гризли в горах Северной Америки… неужели наконец произошло вторжение чужаков, которого боялись несколько столетий? Без спроса; деструктивный шаг; среди животных есть крупные хищники, они будут убивать людей; это не может быть хорошо. Конечно, такой десант сбивает с толку. А сбитая с толку власть всегда опасна.

Но они видели и то, что от внимания земных новостных каналов не ускользнуло: животные приземлялись в местах своего прежнего расселения; при необходимости эти районы смещались с учетом перемен климата после исчезновения этих видов. К тому же вернулись в основном не генетически модифицированные организмы, хотя размножение в террариях привело к появле-

нию большего генетического разнообразия, чем в оставшихся на Земле популяциях. Это был подготовленный лично Варамом пакет информации, и он с удовлетворением отметил, что земные СМИ это подхватили. К тому же в новостях отмечалось, что животных высаживают в основном в заповедниках дикой природы, а также в горах, пустынях, на горных лугах и вообще в местах, редко посещаемых людьми, — никогда в городах и всего раз-другой в деревнях. Деревня в Колумбии, пережившая нашествие ленивцев и ягуаров, уже изменила свое название на Макондо[124] и собиралась оправдать это новое имя.

Какое-то время Свон спала на диване в импровизированном конференц-центре. Варам обнаружил, что тревожится, теряя ее из виду. По отношению к нему она по-прежнему вела себя страстно, на нее сильно подействовала ночь, проведенная с волком. Она заснула, положив голову ему на колени. Бедняжка все еще казалась худой, почти как в туннеле.

— Хочу вернуться, — сказала она, проснувшись в очередной раз. — Пойдем со мной. Хочу снова пойти за карибу, там нужны загонщики. Может,

---

[124] Примечания: 124
Вымышленный город в романе Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества».

увижу своего волка.

— Хорошо.

Он проверил состояние дел, и наутро они присоединились к группе, направлявшейся на север, и приветствовали друг друга на солнечном морозном восходе. Свон перегнулась через него и смотрела прямо на солнце.

— Здесь тоже можно обжечь глаза, — сказал он. — Глаза можно обжечь даже на Сатурне.

— Знаю, знаю. Я смотрю не глядя.

Новый свет тысячами осколков отражался в поверхности воды. У реки Телон они приземлились и вышли, вертолет улетел, и они вдруг оказались на просторах ветреной тундры, шли по хрустящей или хлюпающей поверхности, чем-то похожей на ледяную поверхность Титана. Варам уменьшил поддержку своего корсета и постарался приспособиться к ходьбе по болотистой почве. Какое-то время движение по пересеченной местности, по полузамерзшей тропе карибу напоминало работу с уолдо, и, если вспомнить о корсете, в каком-то смысле так и получалось.

Варам выпрямился и осмотрелся. Солнце, отражаясь от воды, проникало в мозг, и он отрегулировал поляризацию очков. Свон сняла очки и смотрела вокруг невооруженным глазом: иногда

она пошатывалась, на щеках замерзали слезы, но она смеялась и стонала, как в оргазме. Варам попробовал это всего раз.

— Ослепнешь, — сказал он.

— Они все время так. Живут, не защищая глаза очками!

— Мне кажется, инуиты защищают глаза, — возразил он. — Полоски кожи или что-то вроде. Им приходилось приспосабливаться. Приноравливаться. Жизнь удерживала их здесь, собственная жестокая планета не давала развиться полностью.

Она рассмеялась и бросила в него снежком.

— Врешь! Мы пузыри Земли! Пузыри Земли!

— Да, да, — сказал он. — «Из Ларк-Райза в Кэндлфорд»[125]. Мы это тоже проходили. «Оказавшись одни в полях, они подпрыгивают, подскакивают, как можно легче касаясь земли и крича: „Мы пузыри Земли! Пузыри Земли! Пузыри Земли!“»

— Точно! Ты вырос монотеистом?

— Разве мы все не таковы? Я читал об этом у

---

[125] Примечания: 125

Роман-трилогия Флоры Томпсон, легший в основу английского телевизионного сериала, рассказывающего о жизни в конце XIX столетия маленькой английской деревушки Ларк-Райз и соседнего зажиточного городка Кэндлфорд.

Кроули[126]. И я не могу прыгать и скакать при такой силе тяжести. Споткнусь и упаду.

— Перестань, надо тренироваться. — Она посмотрела на него. — Здесь ты должен много весить. Но ведь ты здесь давно, должен был привыкнуть.

— Я не очень много ходил, признаюсь. Работа сидячая.

— Воссоздавать Флориду — сидячая работа? Тогда хорошо, что ты явился сюда.

Свон была счастлива; он довольный шел за ней; преувеличивая воздействие *g*, чтобы подразнить ее. Холодный воздух и солнечный свет придавали дню хрустальную прозрачность.

— Хорошо, — признался он.

Так они шли на восток по краю следа оленьего стада. Свон устанавливала транспондеры, фотографировала следы, брала образцы почвы и помета животных. По вечерам они присоединялись к другим наблюдателям в большой столовой палатке, которую ежедневно устанавливали на новом месте. В короткие ночи спали на диванах в той же палатке, всего несколько часов, прежде чем позавтракать и отправиться дальше. На

[126] Примечания: 126

Алистер Кроули (1875–1947) — один из наиболее известных оккультистов-каббалистов, автор множества оккультных произведений.

третий день прилетел вертолет Королевской канадской конной полиции; их арестовали и отвезли в Оттаву.

— Какого черта! — воскликнула Свон, глядя, как уходит вниз земля. — Мы ведь даже не в Канаде!

— На самом деле в Канаде.

Обширные пшеничные поля днем выглядели совсем иначе, чем утром, когда они вставали.

— Ты только посмотри! — воскликнула Свон, с отвращением показывая вниз. — Похоже на зацветший пруд!

Когда в Оттаве их освободили, Свон отвела Варама в местный Дом Меркурия, помыться и разобраться, что происходит. Много новостей о Реанимации — со всего света, все пытались рассказывать свои истории одновременно, в обычной манере новостников, только гораздо хуже, поэтому им трудно было выловить собственную историю, в особенности почему их забрали. Отпустили их, не предъявив никаких обвинений, и, похоже, никто в Оттаве не знал, за что все-таки их арестовали.

В новостях можно было подбирать материалы по разным принципам: в алфавитном порядке, по району, по другим категориям: худшее приземление, действия животных, красивые или

комические, жестокость людей к животным, агрессивное поведение животных по отношению к людям и так далее. За едой они смотрели новости на экране в столовой, потом бродили по узким улицам вдоль черной реки и каналов, иногда заходили в пабы, чтобы выпить и посмотреть еще новости. Вскоре Свон начала ввязываться в пьяные споры с другими клиентами; она не скрывала свое космическое происхождение — принимая во внимание ее вид, это вообще было бы трудно: уж слишком изящно и стильно двигалась она в своем корсете. Вараму казалось, что люди поглядывают на нее со страхом.

— Вышла прогуляться из Дома Меркурия, вот откуда я, — говорила она, когда люди начинали злиться; это, конечно, помогало, но не было идеальным решением.

— Вы должны радоваться, что к вам возвращаются животные, — говорила она. — Вы так долго были отрезаны от них, что забыли, какие они замечательные. Они равные нам братья и сестры, превращенные в живое мясо, но если это происходит с ними, то может произойти и с вами. Вы мясо. От вас несет!

В ответ крики и гиканье несогласных.

— Когда-нибудь так и будет! — перекрикивала

Свон многочисленные возражения. — Никто не может быть счастлив, пока нет общей безопасности!

— Щаслив! — произнес голос со славянским акцентом. — Что значит щаслив? Мы жрать хотим. Фермы на севере дают нам еду.

— Вам нужен *навоз,* — сказала Свон, произнося это слово как длинное, двусложное. — Ваша еда — навоз. Сплошная биомасса — вот ваша еда. Животные помогают создавать биомассу. Вам без них не прожить. В конце концов вы будете есть нефть. Вы едите семенную кукурузу. Если бы не доставка еды в лифтах из космоса, половина вас умерла бы, а другая половина убила бы первую. Такова правда, и вы это знаете! Так что вам нужно? *Животные!*

— Они могут тянуть плуг, — мрачно сказал один из посетителей. Большинство этих людей говорили между собой по-русски, и Варам пытался уловить английскую речь. К Свон обращались по-английски. Она снова заговорила о равных нам братьях и сестрах. Многие слушатели напились водки и других напитков, у них рдели щеки и горели глаза. Им нравилось спорить со Свон, нравилось, когда она разносила их в пух и прах. Несомненно, точно так же они выглядели в 1905

году. И в 1789 или 1776. Такое заведение могло стоять где угодно, когда угодно. Оно напоминало Вараму паб на углу в его родном районе.

— Мы одна семья, — говорила Свон с неожиданной плаксивостью. — Семья млекопитающих.

— Млекопитающие — это отряд, — возразил кто-то.

— Млекопитающие — это класс, — поправил другой.

— Мы класс млекопитающих, — воскликнула Свон, — и отряд тех, кто млекопитает и любит. — Одобрительные возгласы. — Иначе смерть! Равные нам братья и сестры… Мы нуждаемся в них, они все нам нужны, мы часть их, а они часть нас! Без них мы просто… просто…

— Раздвоенные редиски!

— Мозги с пальцами!

— Черви в бутылке!

— Да! — согласилась Свон. — Совершенно верно.

— Космонавты в космосе, — добавил кто-то.

Все рассмеялись.

— Это правда! — воскликнула Свон. — Но сейчас мы здесь! Сейчас я на Земле. — Щеки ее горели. Она вскочила на скамью и оглядела собеседников. — *Мы на Земле!* Вы понятия не имеете,

какое это преимущество, чертовы вы кроты! Вы дома! Вы можете собрать вместе все космические поселения, и они будут ничто по сравнению с этим миром! Это наш дом.

Приветственные возгласы. Но Вараму, подхватившему слетевшую со скамьи Свон, показалось, что она сказала не совсем правду, уже не совсем — принимая во внимание Марс, Венеру, возвышающийся Титан. Может, это неправда с первых дней космической диаспоры. Значит, ее приветствуют потому, что она неправа, потому что она льстит им, покупает им выпивку и на миг заражает своим энтузиазмом. Они приветствуют эти мгновения, отвлекаясь от всего остального. Ночь в пабе в Оттаве, с пьяницами, поющими по-русски. Миг бури.

Они получили визы на случай, если канадская полиция снова надумает их арестовать, а потом присоединились к загонщикам, контролировавшим миграцию карибу. В Йеллоунайфе их никто не остановил, и никто из тех, с кем они говорили, не знал, что произошло. Через два дня они вернулись к обычной полевой жизни, и Варам был счастлив. Он привык к ходьбе, поднастроил на нее свой корсет и получал огромное удовольствие, наблюдая за Свон на охоте. Она всегда

держалась впереди, но и со спины выглядела превосходно. Диана-охотница.

По вечерам в обеденной палатке они все чаще слышали рассказы о том, что люди с трудом привыкают к возвращению животных. Львы, и тигры, и медведи, о боже! Люди отвыкли от того, что могут стать добычей крупных хищников прямо на границах своих поселений. Этого оказалось достаточно, чтобы заставить их держаться вместе. Те, кто привык гулять за городом, теперь находили себе спутников. Те, кого едва не съели, а с ними остальные, дрожали и жаловались, а потом искали друзей и знакомых, чтобы ходить вместе с ними не только по ночам, но и днем. В террариях такова стандартная практика: одиночные прогулки — роскошь и даже своего рода экстравагантность… или приключение, намеренно рискованное, как у Свон. Теперь в лесу люди должны держаться вместе. Очевидно, что, если вы с этим выросли, вас это не угнетает.

Животные тоже быстро учились понимать, как опасны люди. Очень многие погибали при встречах с людьми, и неудивительно. Но избегать людей становилось полезной привычкой, которую следовало усвоить.

Однажды утром они вышли, прихватив добавочные рюкзаки: Свон хотела пройти дальше обычного и все же вернуться в обеденную палатку. Карибу собрались на реке Телон у нового для них брода, и Свон хотелось обойти их с севера, чтобы наблюдать, не давая животным уйти дальше по западному берегу реки в поисках лучшего брода; они уже находились в лучшем месте: археологи утверждали, что в прошлом карибу переходили реку именно здесь.

И вот они пошли на север, пересекая время от времени след стада карибу. Копыта животных превратили землю в податливое месиво, каждый шаг следовало делать очень осторожно. Свон, обгоняя Варама, шла быстрее обычного, но он не собирался торопиться. Пару раз туши карибу напоминали о необходимой осторожности: падение могло быть опасным. Приходилось пробираться через полузамерзшую грязь глубиной по колено, и это заставляло нервничать. Варам со страхом наблюдал, как Свон перепрыгивает такие места. Но она не допускала ошибок, а он старался тщательно глядеть под ноги. И неважно, насколько она его обгоняла.

Когда добрались до нетронутой земли севернее маршрута миграции, Свон свернула на восток.

— Смотри, — показала она. — Волки. Ждут, чем кончится переправа через реку.

Варам усвоил, что Свон любит волков, и ничего не сказал о кровожадной природе хищников. В конце концов, всем надо есть.

Карибу собрались на ближнем берегу у брода в полукилометре от них. Свон хотела, чтобы животные ее видели, и потому поднялась на невысокий утес, нависающий над рекой; здесь была широкая отмель с дном, покрытым мелкими камешками; вся отмель представляла собой лабиринт рядов старых закругленных камней и полувысохших ям стариц. Здесь карибу реку не перейти, и Варам видел, почему Свон хочет, чтобы они воспользовались бродом, где верхний слой земли, вечная мерзлота, такой же прочный и плоский, как коричнево-зеленая дорога по берегам реки.

— Смотри, первые пытаются перейти.

Варам подошел и посмотрел на юг. На их берегу толпились сотни карибу, они мотали рогами и громко трубили. Крупные самцы впереди стада пробовали воду передними ногами, били по ней копытами; потом первый решился, и сразу за ним последовали еще несколько, они шли в основном по колено в воде, потом неожиданно уходили в нее по грудь, поднимая перед собой

большие волны.

Но вожаки, напрягая все силы, продолжали идти или плыть, и вскоре вода снова стала им по колено, и они полезли на берег, взбивая воду добела. Выбравшись, они обернулись и затрубили. К тому времени в воде было уже много животных; вся эта масса начала медленно продвигаться вперед, сужаясь, потому что оказавшиеся с краю пытались пробиться в центр. Варам видел, что они хотят держаться вместе.

— Эта переправа станет для них трудным испытанием, — предрекла Свон. Так и вышло; добравшись до воды, некоторые животные затрубили и хотели повернуть обратно, но их толкали вперед; стадо тащило их, даже когда они падали, рев его перекрыл шум реки, текущей по порогам из бесконечных камней. Несколько животных на левом фланге повернули на север, но Свон запрыгала и замахала руками, а Варам взял маленький рог, который она протянула ему, и выдул несколько громких нот. Звук был громкий и тревожный, но Варам решил, что именно жесты Свон заставили животных повернуть обратно; к этому времени затор из животных, образовавшийся в самом глубоком месте, двинулся вперед, и вскоре попытки бегства были забыты, стадо

устремилось в реку, взбивая воду и обрызгивая друг друга. Переправа заняла почти час. Были несчастные случаи, несколько сломанных конечностей, двое животных даже утонули, но стадо больше не останавливалось.

Внимательно наблюдавшая Свон показала на волков на берегу ниже по течению; те зубами хватали утонувших телят карибу и вытаскивали их из воды. В этом месте вода в реке покраснела.

— Волки тоже перейдут реку? — спросил Варам.

— Не знаю. В террариях они часто переходят, но там ручьи небольшие. Понимаешь, внутри террария здорово, но тут — тут *другое.* И я гадаю, понимают ли они это. Я хочу сказать, они часто делали это, но всегда видели над головой землю. Они никогда не бывали под открытым небом. И мне хотелось бы знать, что они о нем думают. А тебе разве не интересно?

— Гм, — Варам задумался. Даже ему вид земного неба казался невообразимо странным. — Для них это должно быть необычно. Есть ли у них ощущение пространства? Ведь они все-таки мигрирующие животные. Они мигрируют в террариях. И должны понять, что здесь другое. Из внутренней поверхности цилиндра на на-

ружную поверхность сферы — нет, если они это чувствуют…

Он покачал головой.

— Думаю, они паникуют больше обычного. Они более дикие.

— Может быть. А как мы сами переберемся через реку?

— Переплывем! Ну, не буквально. Аэрогельные матрацы заменят нам плоты, и мы переправимся на них. Если повезет!

Она отвела его к броду, где сильно пахло карибу и на отмели качались клочья шерсти. Ветер насквозь продувал Варама, и он ощущал собственные легкие как какие-то холодные сгустки, пульсирующие и живые.

— Пошли, — сказала Свон. — Нужно убраться отсюда, пока волки не пришли доедать этих бедных малышей.

— Хорошо, но покажи как.

— Твой матрац — это твой плот, у нас у каждого есть по матрацу. Своего рода лодка из аэрогеля. Почти невидимая, но плавать на ней можно. Если свалишься, держись за матрац или плыви быстрей.

— Надеюсь не свалиться.

— Еще бы. Вода ледяная. Вот тебе ветка вместо

весла. Мне кажется, нужно зайти в воду как можно глубже — пока будет удобно, потом ложись на матрац, и тебя понесет по течению; когда удастся, греби к противоположному берегу. Можно не торопиться — при повороте русла течение само отнесет нас к тому берегу. Ты почувствуешь, когда окажешься на отмелях у другого берега. Иди за мной, сам увидишь.

Он так и поступил; но матрац под ним почти полностью ушел под воду и казался маловатым; на глубине течение пронесло его мимо Свон, которая смеялась над ним, тогда он начал энергично грести. Она догнала его и крикнула: «Опусти голову под воду!»

— Нет! — негодующе воскликнул он, но Свон рассмеялась и крикнула:

— По крайней мере опусти под воду одно ухо, ты должен это услышать! Послушай, что под водой!

И, наклонившись, она на несколько мгновений погрузила голову под воду, потом вынырнула, отплевываясь и смеясь.

— Попробуй! — приказала она. — Ты должен услышать!

Варам неохотно наклонился и опустил правое ухо под покрытую рябью поверхность, задержав дыхание; его накрыло изумление: он погрузился

в громкое электрическое щелканье, подобного которому не слышал никогда в жизни. Он вытащил из воды ухо, услышал шум мира, потом погрузил всю голову, затаив дыхание, и обоими ушами услышал громкое электрическое щелканье и треск — должно быть, звук камней, катящихся по дну, подбрасываемых быстрым течением.

Он вынырнул, фыркая, как морж. Свон смеялась и трясла головой, как собака.

— Как тебе такая музыка? — крикнула она.

Тут лодка Варама зацепилась за отмель у другого берега, он соскочил, но споткнулся и упал, еле успел ухватиться за свой маленький плот и побрел на сухое место. Вышло не очень изящно, но он оставался невредимым, а скафандр сохранил тепло и не дал телу вымокнуть — вот что такое грандиозные технические достижения. А они оказались на противоположном берегу.

Свон нашла высокое место над рекой и до наступления темноты успела поставить палатку, прозрачную раковину на прозрачных гибких шестах. Плоты послужат постелями. Они сидели у палатки, и Свон приготовила из порошка вначале суп, потом пасту с соусом песто и горгонзолой. Наконец достали десерт: шоколад и небольшую фляжку коньяка.

Когда поели, было еще светло, хотя солнце село час назад. Ветер трепал палатку, воздух наполнял грохот камней, которые перекатывало в реке течение. Они уже восемнадцать часов были на ногах, и, когда Свон сказала «пора в постель», Варам кивнул и зевнул. Спальные мешки, которые они достали из рюкзаков, тоже были аэрогелевые, из того же материала, что плоты и палатки, а также пузыри, в которых они спускались; как все из аэрогеля, еле видимые, легкие, мягкие, теплые.

— Все равно нам будет холодно, если не спать вместе, — сказала Свон, забираясь в его мешок рядом с ним и укрываясь вторым мешком.

— Да, — согласился Варам, — точно.

В полутьме он мог позволить себе улыбнуться. Но она поцеловала его и заметила улыбку.

— Что? — сказала Свон.

— Ничего.

Она перекатилась на него, и их общая тяжесть заставила его коснуться спиной земли под матрацем. Прикосновение оказалось холодным — и он не мог не сказать об этом.

— Может, будем лежать рядом?

— Дьявол, нет, — сказала Свон и выбралась из мешка. — Встань на секунду, подложим мой мешок под матрац. Будет лучше.

Действительно. Но при этой операции они озябли. Свон укрыла их обоих, потом забралась на Варама, дрожа; после крепкого объятия она снова начала его целовать. Губы у нее были теплые. Целовалась она хорошо, страстно и игриво. Ее пенис, в несколько раз меньше, чем у него, тем не менее толкал его в живот; ощущение было такое, словно пряжка пояса расстегнулась и царапает. Он тоже возбудился и с каждым мгновением чувствовал себя все лучше.

Их сочетание полов, по слухам, было наиболее удачным и давало самые глубокие ощущения, «двойной замок и ключ», все возможные наслаждения одновременно, но Варам всегда считал это слишком сложным. Как и у большинства вульво-мужчин, его маленькое влагалище располагалось под лобковыми волосами внизу, и собственная эрекция преграждала к нему доступ; лучшим способом достигнуть максимальных ощущений был такой: тот, у кого больше вагина, садится на больший пенис и слегка отклоняется назад; от обоих партнеров требуется акробатическое мастерство. Если повезет, удастся достичь и малого соединения — двойного замка с ключом, после чего обычные движения плюс легкие добавочные вперед-назад дадут прекрасный

результат.

Оказалось, что Свон отлично выполняет это сложное соединение. После этого она рассмеялась и снова поцеловала его. Оба очень быстро согрелись.

Перечень (14)

На северном полюсе Меркурия уложена почти правильным конусом круглая груда больших камней неправильной формы, прослоенных более мелкими

Плоские камни уложены кругами, слой на слой, каждый следующий чуть больше предыдущего — и так несколько слоев; потом два или три одинаковых; потом поменьше; и так постепенно до закругленной верхушки, отчего все это походит на большую каменную шишку

Большой камень верхушки залит золотом, растаявшим во время пребывания его на дневной стороне, в каменной долине чуть ниже

Другой камень заключен в нержавеющую сталь, которая здесь не тает

Еще один натерт киноварью

Проделанные в поверхности ложбины были залиты жидкой медью

К выступающим камням прикреплены острые осколки, так что эти выступы похожи на

кактусы

Некоторые камни в кожухах из серебра, расплавившегося во время пребывания на дневной стороне

Песчаные замки, остекленевшие на дневной стороне

Двадцать камней ровной каменистой поверхности покрашены в белое и аккуратно уложены

Овал из плоских камней по грудь высотой, уложенных всухую, с большими замковыми камнями наверху и с единственным отверстием в стене — дверью, ведущей в центр

Камень в форме Южной Америки, балансирующий на Терра-дель-Фуэго[127]

Провода из нержавеющей стали, опутывающие камень

Почти кубические камни, уложенные друг на друга по двадцать в высоту

Эллиптические камни уложены в стопки по четыре и по пять

---

[127] Примечания: 127
Провинция в Чили на острове Огненная Земля.

Десять тысяч булыжников уложены в форме вихря

Склон скалы стесан до зеркальной гладкости, и на этой поверхности вырезано на санскрите «Ом мани падме хум»

Выложенные камнями розы ветров, шаманские колеса, каменные круги, изгороди, инуксуки

Торчащая посреди равнины коническая хижина, похожая на нос космического корабля

Внутри террариев возможностей гораздо больше:

Ветки, сплетенные кругами. Рог изобилия из листьев

Цветы сакуры на поверхности пруда

Ветви как кости, собранные в колыбель

Лепестки красного мака обернуты вокруг камня, а камень лежит среди других серых камней

Изгороди из льда. Сегменты иглу. Блоки льда разбиты на куски, из них выложена сфера

Длинные ветки собраны полукругами в мелкой воде

Длинные извилистые траншеи в земле

«История, как и искусство, есть результат работы, динамика их обоих одинаковая»

Свон и Варам

Заканчивая путешествие по тундре, Свон впервые за долгое время чувствовала себя на редкость хорошо. Она любила свою гигантскую жабу, это бренное тело с его мучительной медлительностью и быстрой легкой улыбкой. Это чувство помогало ей думать об Алекс, и Терминаторе, и вообще обо всем, что произошло, без нетерпимости; поэтому она переживала необычную смесь боли и счастья. Да, радость со страхом. Иногда волчий вой, который она часто слышала в прошлом (в последний месяц в тайге тоже), соединял в себе эти переживания — печаль и радость — и очень точно выражал ее теперешнее настроение. Слыша такой вой в лагере или с Варамом, она подвывала — тихонько, про себя: не хотелось выть громко, когда рядом другие люди. И она выла в глубине души. Когда Жак Картье[128] схватил нескольких туземных вождей, чтобы отвезти их во Францию, племя собралось на берегу и всю

[128] Примечания: 128

Жак Картье (1491–1557) — французский мореплаватель, положивший начало французской колонизации Северной Америки; первый европеец, описавший и нанесший на карту залив Святого Лаврентия и берега реки Св. Лаврентия и землю, которую он назвал «Страной Канад».

ночь выло, по-волчьи.

Однажды утром Вараму позвонили. Он вышел с телефоном из палатки, а когда вернулся, казался задумчивым.

— Послушай, — сказал он Свон, когда они шли по тундре, и дул ветер, и солнце светило им в спину. — Мне снова нужно возвращаться на Сатурн. Там собираются люди, помогавшие Алекс. От всех хотят личного присутствия, чтобы избежать утечки информации.

— И зачем? — спросила Свон.

— Ну, — осторожно сказал он, — похоже, речь о каком-то новом типе квакома. Больше я ничего не могу сказать.

— Я знаю, когда говорят обо мне, — вмешалась Полина.

— Мы тоже знаем, — выпалила Свон. — Помолчи.

— Я думаю, — продолжал Варам, — что ты должна участвовать во встрече. Можно попросить тебя кое о чем? Жан Женетт сейчас в акварие, и с ним нет связи, а мы должны сообщить ему о встрече. Я отправлюсь прямиком на Титан, но если ты сможешь по дороге туда отыскать Жана и передать ему приглашение, это нам очень поможет. Может, Жан больше расскажет тебе о том,

что происходит.

— Хорошо, — согласилась Свон. — Могу.

— Отлично.

Варам улыбнулся своей легкой улыбкой. Но Свон видела, что он озабочен.

Извлечения (17)

Поскольку у многих людей есть мужские и женские гормоны в достаточном количестве для продления жизни и фенотипически эти люди двуполы, или интерсексуальны, или представляют собой нечто промежуточное, местоимений «он» и «она» часто избегают или они используются как элемент самоопределения, способный меняться по обстоятельствам. Обозначение человека такими местоимениями равносильно использованию во французском *tu* вместо vous и свидетельствует о фамильярности и близком знакомстве

главнейшим фенотипическим признаком пола является, по-видимому, соотношение объемов талии и бедер; соотношение между высотой талии и общим ростом, как правило, находится в связи с большей длиной женских бедренных костей и большей шириной тазовых

такими, как во французском, турецком или китайском. Альтернативные местоимения в английском языке, не имеющие отношения к полу, включают *it, e, them, one, on* и *oon*, но ни одно из них

это не случай бесполости, но скорее сложное, неоднозначное явление, которое иногда называют «проявлением человеческой природы», а иногда просто смешением

группа, состоящая исключительно из промежуточных в гендерном отношении индивидов, представляет собой новое социальное пространство, которое многие находят неприятным и сопровождают комментариями типа «они словно голые; не думал, что так может быть» или «это просто ужасно» и тому подобное. Очевидно, новый тип психического переживания

различия могут быть очень тонкими, и встречаются утверждения, что гинандроморфы нисколько не похожи на андрогинов или гермафродитов и тем более на двуполых, что андрогины и мужчины с вульвой очень разные и так далее. Некоторые одеваются вопреки своему полу и всячески смешивают семиотические гендерные сигналы, чтобы выразить самоощущение в данный момент. Скандальное поведение мачо или феминисток либо соответствует прототипу или семиотическим маркером, либо нет; устраивая перформанс, колеблющийся в широких пределах от китча до подлинной красоты

поскольку сейчас есть люди ростом три метра и другие — меньше метра, пол, возможно, больше не является главным критерием разделения

даже приближаясь по размерам к мартышке — модификация, которую свирепо осуждали рослые люди, пока статистика долголетия не подтвердила совершенно явную связь между меньшим размером и большей продолжительностью жизни, особенно при малой силе тяжести. У маленьких существует пословица: «чем меньше, тем лучше»

мы все возникаем от женщины, и у каждого есть оба вида половых гормонов. Нам всегда присущи и мужские, и женские поведенческие черты, поэтому приходится учиться нужному гендерному поведению. Мы избирательно одобряем или подавляем определенные черты, поэтому почти на всем протяжении истории признаки пола у нас усилены. Но, если разобраться, все мы обоеполы. Сейчас в космосе двуполость проявляется открыто. Очень маленькие и очень большие — все они люди

подобную культуру чувств тоже можно назвать балканизованной, и гендерная терапия, и создание разнообразия были частями проекта

увеличения продолжительности жизни; сочетание этих трех явлений создало новую структуру чувств, часто характеризуемую как разделенная, раздробленная, с непроходимыми перегородками. Обычно главной движущей силой такого развития называют большую продолжительность жизни; до сих пор никому не довелось пережить второе столетие жизни, сохраняя целостность личности, и часто это переживание воспринимается как экзистенциальный кризис. Сверхдолгожители столько пережили, прошли через такое количество фаз, смерть или просто время отняли у них столько спутников, что они оказались в отдалении от других людей. Жители космоса, перемещающиеся на огромные расстояния, особенно склонны опробовать усиление различных способностей и часто живут изолированно, в собственном солипсическом мире или в своих представлениях

люди в космосе испытывают нечто вроде неспособности формировать привязанности. Распространено мнение, что, желая долго сохранять отношения, следует реже видеться или не следует создавать слишком тесных взаимоотношений. Разделенные большими расстояниями люди создают сеть новых знакомых и друзей

известно, что разные культуры в разные исторические периоды определяют любовь по-разному. «Балканизированная любовь» означает ситуацию, в которой страсть, воспитание детей, секс, похоть, совместное проживание, семья и дружба разделились и обрели статус состояния аффекта, сделались подобием того, что прежде именовалось индивидуальным и общественным

сам секс, отделенный от воспроизводства, любви, трансгрессии, религии и других биологических и социальных привязок, для многих стал простым физиологическим отправлением, либо частным, либо общим (с несколькими людьми), просто приятным времяпрепровождением, как игра, беседа или очищение желудка

традиционный брак, линейный брак, групповой брак, полигамия, полиандрия (многомужие), беспорядочное совокупление, временные контакты, ясли, жизнь в одном помещении, сексуальная дружба, псевдородство, случайные спутники, одиночки

Свон в «Шато-Гарден»

Свон полетела на юг, снова воспользовалась лифтом в Кито, снова сидела на представлении «Сатьяграха» и пела вместе с остальными слушателями, танцевала, когда это делали другие, развертывала знамя в конце первого акта. Все это наложение различных вторящих друг другу голосов посреди действия казалось ей теперь совершенно оправданным, достоверным. Пела она так, словно кричала на врагов. Борьба за мир стала для нее больше борьбой, чем миром, но она чувствовала мощный приток энергии.

Она отправилась на «Боливаре», чтобы пересесть на паром и попасть на «Шато-Гарден» — большой террарий, который сама спроектировала, когда была молодой и глупой. В этом террарии она воспроизвела ландшафт Луары или окрестностей Темзы с шато, большими каменными сооружениями, изящно разбросанными среди полей ячменя и хмеля, виноградников и садов.

Свон увидела, что террарий по-прежнему зеленый и похож на одну из жутких виртуальных игр, где ни у чего нет подлинной структуры. Почти

все растения в садах, окружавших большие здания, подверглись фигурной стрижке, но дело не только в том, что идея сама по себе была сомнительна — дальше эти подстриженные растения росли без присмотра: садовник, подстригавший кусты и деревья, отправился на замерзшее озеро кататься, провалился под лед и утонул. И теперь все киты, выдры и тапиры выглядели так, словно их подняли за волосы.

В самом городе (черепичные крыши, деревянные балки, перекрещивающиеся на оштукатуренных стенах в стандартном псевдотюдоровском стиле) был большой парк с большим ровным газоном, еще одним шедевром художника-садовника: трава газона на самом деле была очень красивым альпийским лугом, где осока и мхи были перемешаны с альпийскими луговыми цветами и растениями — черникой, смолевкой бесстебельной, астрами и камнеломкой; все это вместе создавало впечатление, будто идешь по живому многоцветному персидскому ковру. А посреди этого ковра шли вдоль всего цилиндра террария длинные зеленые полосы обычной травы. Подлинное поле для боулинга с десятком дорожек.

Здесь была зима, как в Патагонии или Новой

Зеландии, и свет от солнечной точки на солнечной линии шел рассеянный, отчего тени по краям размазывались, а воздух казался ржавым. Вокруг солнечного места собрались мелкие облака — белые, чуть розоватые снежки. Тени этих облаков пятнили город, и парк, и поля ячменя, и виноградники, видные над головой. Поглядев на них, Свон на мгновение испытала головокружение, какое бывает в террариях.

Здесь не было Дома Меркурия, поэтому она расположилась под свободным навесом на краю парка, под платанами, великолепными в их зимней окраске. Слишком взволнованная, чтобы сидеть или лежать, Свон бросила дорожную сумку на квадратную кровать и отправилась на прогулку. Остановилась в деревне выпить чаю и, сидя в кафе, заметила группу людей, направлявшихся к зеленым полосам дорожек для боулинга. Торопливо допив чай, она пошла за ними.

Полоски зеленой травы именовались дорожками; они располагались вдоль цилиндра, чтобы оставаться ровными. Это было важно — кориолисовы силы здесь проявлялись столь значительно, что отклоняли катящийся шар вправо. Шары в этом виде спорта были традиционно асимметричные, — приплюснутые сферы, как Сатурн или

Япет; когда такой шар бросят, он, точно толстое колесо, катится по наибольшей окружности, пока идет с достаточной скоростью, а после заваливается набок, подчеркивая кривизну маршрута. Чтобы послать шар туда, куда нужно, необходим очень точный расчет.

К Свон подошел молодой человек и спросил, не хочет ли она сыграть на свободной дорожке.

— Да, спасибо.

Молодой человек взял мешок с шарами, отвел Свон к пустой дорожке, крайней на поле, и выложил шары на траву. Свон взяла один из них, взвесила в руке: около килограмма, она помнила правильно. Последний раз она играла очень давно. Свон прошла к мату, на который становится бросающий, и попыталась выполнить простой бросок по наибольшей окружности, надеясь, что шар остановится перед гнездом и блокирует бросок противника.

Шар покатился по дорожке, лишь слегка повернув, и упал на приплюсную сторону примерно там, где она хотела. Молодой человек взял другой шар, прошел к мату, сделал два шага вперед и перед тем, как бросить, пригнулся. Бросил он очень ловко; шар покатился по дорожке. Казалось, он пройдет слева от гнезда и даже вылетит за пре-

делы дорожки, упадет в траншею за границей игрового поля. Но тут вмешалась кориолисова сила, шар резко повернул, описав нечто вроде кривой Фибоначчи, и упал за гнездом.

Теперь Свон предстояло обойти собственный блокирующий шар. Четыре броска спустя и за три шара до конца они увидели, что место вокруг гнезда заполнилось шарами. Свон немного подумала, потом решила за счет уклона дорожки компенсировать действие боковой силы, чтобы шар миновал ее блокирующего и попал в гнездо. Для этого требовалась большая точность, и, бросив шар, Свон сразу поняла, что вложила слишком много силы.

— Черт возьми, — сказала она, до того расстроенная, что добавила: — Я не оправдываюсь, но у меня есть причины так плохо играть.

— Разумеется. Видела футболку, на которой перечислены все эти причины?

— Эту футболку придумали, когда выслушали и записали все мои жалобы.

— Ха-ха. Которая из причин на этот раз?

— Я почти год провела на Земле. И все бросаю слишком далеко.

— Ничего удивительного. Что ты там делала?

— Работала с животными.

— Хочешь сказать, над вторжением?

— Над возвращением диких животных.

— Ха! И каково было?

— Интересно. — Ей не хотелось сейчас говорить об этом; она подозревала, что молодой человек понял это и просто хочет отвлечь ее. — Твой бросок.

— Да.

Соотношение объемов талии и бедер скорее девичье, отношение ширины плеч к ширине бедер скорее мужское. Вероятно, гинандроморф. Бросок почти точный: шар упал перед гнездом. Итог игры выглядел неутешительно для Свон. Теперь единственный выход для нее — столкнуть собственный блокирующий шар в гнездо и надеяться, что гнездо отлетит в траншею; это означало бы ничью. Нужен быстрый и точный бросок. Свон положила мизинец на широкую окружность и сосредоточилась на броске. Шар покатился, и Свон сразу поняла, что промахнулась.

Молодой человек улыбнулся.

— Надо было сжимать всеми пальцами.

— Не лучший способ, — сказала она.

Тот не знал, что сказать. Совсем молод, не старше тридцати, живет в космосе.

— Ты местный? — спросила Свон.

— Нет.

— Куда направляешься?

— Никуда.

Молодой человек бросил — и удачно поставил блокирующий шар, а это означало, что Свон будет еще труднее попасть последним шаром в гнездо. Единственный выход — удар слева.

Она сделала последний бросок и с удовлетворением увидела, что шар покатился, повернул и сбил гнездо с дорожки.

— Ничья, — спокойно сказал молодой человек.

Свон кивнула.

Они сыграли еще несколько раундов; все броски молодого человека были превосходны. Все раунды Свон проиграла.

— Ты профессионал, — раздраженно сказала Свон.

— Но мы ведь играем не на деньги.

— Мне повезло.

Она снова сумела сбить гнездо.

Игра продолжилась. Казалось, обоим больше нечем заняться. Так бывает в космических перелетах. Свон это напомнило керлинг на борту атлантического океанского лайнера. Времени у них сколько угодно, и его надо как-то убить. Юноша провел несколько изумительных брос-

ков. Свон продолжала бросать с «перелетом» и проигрывать. Ей пришло в голову, что так должна была чувствовать себя Вирджиния Вулф, играя со своим мужем Леонардом: он был опытным игроком еще со времен работы на Цейлоне. Вирджиния почти всегда проигрывала. Юноше же, казалось, все равно. Наверно, Леонард был таким же. Что ж, многие играют в основном с собой; противники для них просто меняющиеся фигуры, обозначения разных проблем в игре. Но молодой человек почему-то начал ее тревожить. Аккуратная остановка на мате. Последнее движение пальцев перед броском. Точный последний поворот с учетом кориолисовой силы.

И лишь много позже, уже лежа под своим навесом, Свон сообразила, что бросание камней в Терминатор очень напоминает игру в боулинг. Эта мысль заставила ее сесть в постели. Встать на мат, сделать бросок — точно попасть в цель.

Квантовое блуждание (2)

легко заметить тот миг когда тяготение Венеры становится выше 1,0 g словно потянули вниз связь с Землей она поднимается навстречу хотя ты понимаешь что на самом деле спускаешься

пьяное лето роща хвойных деревьев жарко на солнце свежескошенная трава болото в низине лилии персики амбар

колесный экипаж движется по дороге окна открыты 32 километра в час вспаханная земля за изгородями ветер с юго-запада здравствуй хорошо человек за рулем неразговорчив

производящая способность K равна уровню рождаемости минус уровень смертности под воздействием силы тяжести на степень роста с учетом воздействия силы тяжести на уровень смертности неиспользуемая часть производящей способности если она существует будет зеленой перевес производящей способности будет черным как в зданиях экскременты остаются снаружи у них перевес

циклоидный темперамент подтекст печали холерический темперамент осторожнее человека рядом с тобой понять невозможно

одновременно видны шесть разновидностей птиц сидит колибри наблюдает прихорашивается красноголовый зяблик лето на Земле голубое небо заполнено высокими белыми облаками быстро движутся на восток колибри взлетает и садится осматривается клюв как игла кружат вороны и чайки соперничающая мафия скорость крыльев колибри это работа мышц пример успешной эволюции канадский гусь скрипят перья когда они бьют крыльями по воздуху песня колибри другая это крик погони не песня почти так же болтает белка колибри с синей спинкой висит среди деревьев обратная сторона крыльев розовая

Нью-Джерси Северная Америка 23 августа 2312 года на охоте в бегстве человек сейчас проезжает через холмы над болотом холмы покрыты низкими зданиями вокруг ольхи двадцать километров в час лица повсюду 383 человека в поле зрения число меняется в ту и другую сторону по мере продвижения машины улицы покрыты засмоленным гравием черным

малиновка с желтым клювом и рыжевато-коричневая грудка черный хвост перья и голова белое кольцо вокруг черных глаз аккуратная пьет воду из солнечных часов здравствуй

мимо сада кукуруза тыквы подсолнечники и коровяк с такими же желтыми цветами, но по-другому расположенными обдумываю это

Что это?

Ничего виноват

Никаких проблем. Хорошо, правда?

Здравствуй

желтые цветы на пыльно-зеленом фоне в диске со спиральным рисунком, спирали сплетены или высокий конус цвета хаки с желтыми пересекающимися спиралями чувственное восприятие уже способно к абстракциям люди видят то что ожидают увидеть прыгают прежде чем увидят

истинное сознание — решение проблемы в новых условиях люди это могут это набор новых обстоятельств с того времени как ты вышел из здания с того времени как ты начал думать помни у меня будут помощники ты несовершенен поймай и освободи

их мозг всегда пытается объяснить что происходит поэтому они пропускают аномалии но так ли это? разве они не видят желтое? разве не видят два типа спирали?

Неограниченные ресурсы в природе не встречаются соперничество когда два вида оказывают общее негативное воздействие друг на друга

мутуализм когда положительное общее воздействие друг на друга хищничество или паразитизм когда у одного положительный эффект у другого отрицательный но не всегда все так просто внутривидовое хищничество когда два вида используют друг друга в разные моменты роста

темный корпус квартира жилище питейное заведение со спиртным (торговля незаконная) над ним и за ним закатное небо Магритт[129] Максвелл Парриш[130] выходит из машины будь внимателен пошути не смотри в глаза

у этих помощников должны быть свои планы могут использовать тебя против кого-нибудь еще это самое вероятное объяснение что тогда изменим ситуацию парируем удар поймать и освободить

— Хотите сыграть в шахматы? — спрашивает один у двери.

Конечно давай пистолеты нацелены на них нацелены на тебя

---

[129] Примечания: 129

Рене Франсуа Гислен Магритт (1898–1967) — бельгийский художник-сюрреалист.

[130] Примечания: 130

Максвелл Парриш (1870–1966) — американский художник.

Инспектор Женетт и Свон

Сталкиваясь с трудностями, инспектор Женетт никогда не сдавался. Даже проблемы, которые официально считались решенными, продолжали преследовать его — что-то в них не увязывалось, что-то казалось неправильным; если решение не найдено, проблема становится частью четок бессонницы, бусиной в браслете Мёбиуса, который устало перебирает бессонный мозг. Женетт, например, все еще продолжал расследовать дело Эрнесты Треверс; тридцать лет назад Эрнеста глубоко озадачила друзей, исчезнув с Марса непонятно как; Женетт занимался этим делом в отпуске и время от времени, но Треверс по-прежнему отсутствовала, словно никогда не существовала. То же с загадкой террария-тюрьмы «Нельсон Мандела» — идеальная загадка запертой комнаты, если такая вообще может существовать: у астероида не было ни входа, ни выхода, так что никто не мог пронести роковой пистолет. Подобных загадок в системе уйма; согласно распространенному мнению, это одно из проявлений балканизации, но для объяснения

множества загадок одной балканизации недостаточно, и инспектора то и дело изумляла, смущала и раздражала эта аура невозможности. Иногда он часами расхаживал, пытаясь заставить объяснение возникнуть.

Не такова была проблема бомбардировки камнями. По меркам Женетта, это было совсем новое дело, без ауры безнадежности. Сделать это могли очень многие в космосе, а очень многие внизу, в атмосфере, могли им заплатить или отправиться в космос, все сделать и вернуться в атмосферу. Проблема иголки в стоге сена, которую балканизация только усложняла, увеличивая число стогов. Но, в конце концов, это была территория Интерплана, и поэтому они продолжали просеивать стога, исключая то, что можно было исключить, и двигались дальше. Женетт не сомневался, что на сей раз им придется обратиться к неприсоединившимся, проникнуть в закрытые миры, поискать тех, кто изготовил двигатели и обучил экипаж корабля, который сейчас раздавлен где-то в глубине Сатурна. И возможности их никак не исчерпаны: существует по меньшей мере двести неприсоединившихся миров с мощной промышленной базой; так что, вероятно, расследование еще только началось.

* * *

Свон Эр Хон присоединилась к Женетту в аквариe «Южный Тихоокеанский-101», цилиндр которого внутри заполняла вода глубиной 10 метров, а сам он представлял собой огромный кусок льда. Лед вначале растопили, а потом заморозили таким образом, что он остался прозрачным и из космоса напоминал огромную градину. Ребенком Женетт плавал на Эллинском море и научился любить хлюпанье воды в ветреный день при марсианском тяготении; он и впоследствии, много лет спустя, не утратил способности испытывать волнение, когда дует ветер, а у тебя руки на руле и ты понимаешь, что тебя подхватывает и несет над волнами.

Маленькое море в аквариe, конечно, не такое огромное, как Эллинское, но вполне можно ходить под парусом. Изнутри аквария с прозрачными стенами кажется, что ты смотришь на изогнутое серебряное зеркало, все изломанное перекрещивающимися волнами кориолисова течения и хирального ветра, что вместе создает очень сложный рисунок. Словно классическое изображение волн на поверхности свернули, чтобы засунуть в цилиндр. Пересекающиеся

волны на поверхности изгибаются по неевклидовым законам, и странно, непривычно видеть их отражения в серебряной поверхности. А за серебристым — синее и голубое. Внутри прозрачной раковины аквария с океаном вместо неба каждая серебристая поверхность на солнечной стороне цилиндра чернеет или заполняется глубокой тонкой синевой, а когда смотришь в сторону от солнца, почерневшая синева не только не теряет в насыщенности, но гораздо темнее, почти индиго, и там и сям в ней видны колкие огоньки самых ярких звезд. Плавучий город рассекает волны, но Женетт почти все время проводит в воде, плавает на тримаране — так быстро, как позволяет ветер.

Услышав, что здесь Свон, Женетт приплыл в Питкерн и подобрал ее. Она стояла на краю причала, по обыкновению оживленная, высокая, со скрещенными руками, с голодным выражением в глазах. Она подозрительно посмотрела на лодку инспектора, рассчитанную на маленьких, — Свон едва поместится в ней. Женетт рассеял ее опасения, взяв лодку побольше, и усадил пассажирку на наветренную гондолу ногами на главный каркас, а сам в кубрике взялся за руль, как будто снятый с гораздо большего судна. И вот они несутся по волнам, как буревестник, и разговари-

вают. С такой большой тяжестью на наветренной стороне Женетт сумел поймать парусом ветер, и нос гондолы Свон вздымал в голубое небо столбы брызг.

Нестись под ветром Свон определенно понравилось. Она теперь смотрела на мир с большим интересом, чем когда Женетт в последний раз путешествовал с ней. Можно было заметить, что она стала более оживленной. Она занималась на Земле Реанимацией, и это несомненно делало ее счастливой. Но в выражении складки ее губ появилось что-то новое — и тонкая морщинка между бровями.

— Варам прислал меня передать, что тебя ждут на встрече на Титане, — сказала она. — Группа Алекс собирается обсуждать что-то очень важное. Что-то насчет квакомов. Я тоже там буду. Так, может, расскажешь, в чем дело?

У Женетта не было времени обдумывать ответ, поэтому он развернул лодку и велел Свон поменять гондолу. Когда лодка легла на новый курс, поворот паруса заставил и Свон изменить положение. Она свирепо улыбнулась в ответ на эту попытку рулевого отмолчаться: отвлечь ее оказалось невозможно.

Перемена курса поставила их поперек волны.

Женетт указал на это, и они вдвоем стали любоваться волнами. Женетт подобрал паруса, и лодка пошла еще быстрее. Выполнив широкий поворот, они встретили волну, расходящуюся от рифа; волна подхватила тримаран и подняла; лодка оказалась в ложбине между водяными горбами, но верхняя половина паруса ловила достаточно ветра, и это позволяло идти перед волной. Свон искусно работала противовесом, отклоняясь в ответ на перемены в движении.

Там, где риф кончился, волна лишилась своих белых зубов и превратилась в легкую зыбь. Последний прыжок на перекрестной волне, и они снова спокойно пошли под парусом.

— Классно, — сказала Свон. — Должно быть, ты часто плаваешь.

— Да, хожу под парусом в аквариях, когда есть возможность. Сейчас я уже почти везде это пробовал. Или по льду. Когда вода внутри них замерзает, по ней можно передвигаться, как в центрифуге.

— Я только что побывала в земле инуитов, но летом, весь лед растаял. Кроме проклятых пинго.

Они еще некоторое время плыли под парусом. Серебристое водяное небо над головой постепенно стало из голубого бирюзовым, а потом

темно-синим.

— Вернемся к встрече, — прервала молчание Свон. — Варам сказал, она имеет отношение к новым квантовым компьютерам. Так вот… помнишь, на «Внутренней Монголии» я встретила глупых девчонок и решила, что они люди? А ты решил, что они могут быть квантовыми компьютерами?

— Да, конечно, — ответил инспектор. — Они и были компьютерами.

— Так вот, по дороге сюда со мной произошло нечто странное. Я играла в боулинг с молодым человеком на газоне в «Шато-Гарден», и этот парень… пытался привлечь мое внимание. Думаю, можно так сказать. По большей части это касалось игры, но еще… я заметила что-то вроде долгого взгляда, каким иногда смотрят волки. На охоте. Таким долгим взглядом… Добычу такой взгляд пугает настолько, что некоторые животные вообще перестают убегать.

Женетт, знакомый с этим приемом, кивнул.

— У него был этот долгий взгляд?

— Да, так мне показалось. Может, из-за этого у меня пошли мурашки. Так на меня смотрели волки. Я видела краем глаза, что это вовсе не их обычный взгляд. Может, так смотрят на людей

социопаты.

— Человек-волк.

— Да, но я люблю волков.

— Возможно, это был кваком, — предположил Женетт. — Не такой, как те, на «Внутренней Монголии», но все равно не человек.

— Может быть. Когда я говорю о долгом взгляде, я просто пытаюсь передать впечатление. Потому что это заставляет нервничать. И еще то, как этот парень бросал шары — если это имеет значение.

Женетт заинтересованно посмотрел на нее.

— Бросать шары можно как камешки в мишень?

— Совершенно верно.

— Вот оно что.

Свон нахмурилась и покачала головой.

Женетт вздохнул.

— Можно запросто получить у «Шато-Гарден» манифест.

— Я запросила и просмотрела фотографии. Этого парня из боулинга там не оказалось.

— Гм. — Женетт немного подумал. — Может, поделишься записями твоего квакома?

— Да, конечно.

Она перешла с гондолы в кубрик, и Женетт чуть повернул по ветру. Свон наклонилась и

попросила Полину переслать снимок. Женетт разглядывал его на маленьком экране своего Паспарту.

— Вот, — сказала Свон, показывая на снимок. — Вот он. А вот взгляд, о котором я говорила.

Инспектор разглядывал изображение: лицо андрогина, напряженное выражение.

— Снимок его не передает.

— Как это не передает? Ты только посмотри!

— Я смотрю, но это человек, то ли мысленно производящий расчеты, то ли страдающий от несварения.

— Нет! Совсем не то! Я думаю, тебе надо попытаться найти этого парня. Если не выйдет, вот она загадка, верно? Его нет в манифесте. И если ты его не найдешь, может, его взгляд будет больше для тебя значить.

— Пожалуй, — сказал Женетт.

Это был как раз тот прорыв в деле, на который уповают любители, но который в действительности происходит редко. С другой стороны, возможно, это был какой-то ход компьютеров. Некоторые из подселенных в человеческое тело вели себя так странно, что вообще ничего нельзя было понять.

Теперь вопрос заключался в том, насколько

можно доверять Свон, ведь она не расставалась со своим компьютером, о котором мало чего известно. Не в первый раз Женетт обрадовался тому, что его Паспарту обитает в браслете на запястье и его можно отключить или вообще снять, если понадобится. Конечно, можно попросить Свон опять отключить Полину. Можно утаить кое-что от компьютера, даже если он спрятан в твоей голове. Надо только это сделать. А на Титане Александрин готовит закрытое совещание. Очевидно, таков следующий шаг, если они думают привлечь Свон.

Размышляя, Женетт наблюдал за Свон.

— Нам нужно поговорить с Варамом и со всеми прочими. Есть нечто, чего тебе следует знать, но лучше всего рассказать тебе все это на общей встрече.

— Хорошо, — сказала она. — Ну, идем дальше.

Титан

Титан крупнее Плутона и больше Меркурия. У него азотная атмосфера, как у Земли, но в десять раз плотнее. Температура на его поверхности 90 градусов Кельвина, но глубоко под поверхностью есть океан жидкой воды, который служит резервуаром, сохраняющим тепло. На поверхности вода замерзает и образует причудливый ландшафт — куда ни глянь, ледники, из которых кое-где торчат скалы, точно волдыри или нарывы. Здесь метан и этан играют роль земной воды, переходя из жидкого состояния в газообразное, отчего в азотной атмосфере образуются облака, из которых идет дождь, питающий родники и озера на поверхности ледников.

Солнечные лучи, попадая в атмосферу, создают желтый смог — взвесь сложных органических молекул. Водород из этой дымки легко уходит в космос, но в атмосфере Титана он разлагает более крупные молекулы на более простые основные радикалы, как следствие, сложных органических молекул здесь немного и потому нет туземной жизни. Нет ее даже в водяном океане под по-

верхностью, как будто разъедающая атмосфера создает своего рода карантинную зону.

Ледниковая поверхность во многих местах разорвана и лишь местами гладкая. Стоя на поверхности Титана, можно видеть Сатурн с тонкой линией колец, разрезающей газовый шар пополам; можно видеть и самые яркие звезды. Дымка на Титане своеобразная: когда смотришь из нее, видимость неплохая, но если смотришь в нее, видишь только желтое облако.

Никаких образованных при ударах кратеров: они возникают во льду, но за столетия лед их вновь заполняет. Есть только причудливый хаос ломаных ледяных фигур и скальных выступов, да жидкий метан образует нечто вроде водопадов. Углубления в поверхности заполнены жидким метаном: диаметр озера Онтарио на Титане — триста километров, и формой оно напоминает одноименное озеро на Земле.

Пока Сатурн проходит путь от перигелия до афелия, меняются времена года и погода: в дождливые периоды идут метановые дожди.

Именно азот впервые привел людей на Титан. Марсиане, страдающие от необъяснимого дефицита азота на своей планете, на первых же кораблях, которым хватало скорости, чтобы

преодолевать такие расстояния, нагрянули сюда; разумеется, до них прилетели роботы. Они построили базы и создали систему сбора азота и переправки его в виде больших кусков в глубину Солнечной системы. Жители других планет высказывали порицания этой никем не одобренной экспроприации, но марсиане ссылались на то, что в далеком прошлом атмосфера Титана была в несколько раз плотнее, чем сейчас, что азот уходит в космос, не принося никому пользы, что, если его не собрать, он все равно уйдет — и что на Титане никто не живет. Последний довод оказался решающим. К тому времени как Титан заселили и Лига Сатурна прогнала марсианских старателей, атмосфера Титана стала разрежена вдвое. Марс соответственно обогатил привозным азотом почву и атмосферу; этот азот лег в основу Марсианского Чуда. Марсиане утверждали, что никакого вреда не причинили, даже помогли жителям Титана, приблизив плотность его атмосферы к земной.

Однако расчленение в том же году Дионы невозможно было рассматривать как помощь жителям системы Сатурна. Лига Сатурна объявила свою систему закрытой для марсиан, а также для землян (в особенности китайцев) — вообще

для всех посторонних. Это была первая постмарсианская революция, направленная против великих революционеров и основательно подкрепленная угрозой бомбардировки. А теперь из-за немногочисленных жителей Титана все опять изменилось.

Новый, полученный от вулканоидов свет в небе Титана уже привел к прогреву атмосферы, и поверхность начала расчищаться быстрее, чем раньше. На высокогорьях, где располагались города под куполами, чрезвычайно ухудшилась погода. Жители Титана наблюдали из-под своих куполов, как гигантские грозовые тучи сгущаются и поднимаются на много километров, где их рвут сильные ветры. Прежде к Титану доходило в сто раз меньше солнечного света, чем к Земле, и это создавало освещенность типа комнатной; сейчас освещенность за счет нового источника в пятьдесят раз превышала естественную и, как утверждали, напоминала марсианскую; а марсиане считали свою освещенность оптимальной для человека. На самом деле человеческий глаз способен адаптироваться к освещенности в очень широких границах, и, чтобы видеть, ему нужно совсем немного — так и было до появления света от зеркал вулканоидов. Теперь, однако, ланд-

шафт Титана буквально светился, и, поскольку оборот Титана по орбите и его день составляют шестьдесят земных суток, закаты, окрашивавшие облака во все возможные цвета, полыхали в небе по восемнадцать часов кряду.

С появлением нового источника света терраформирование Титана сделалось очень перспективным. Жители Титана начали экспорт метана и этана, делали на льду острова из вспененного камня; использовали тепло подземного океана, чтобы согревать атмосферу, расплавляли ледяные озера на своих каменных, покрытых почвой островах, ввозили бактерии, растения, животных, нагревали атмосферу так, чтобы растопить моря на поверхности ледников, удерживали атмосферу внутри ультратонкого пузыря и везде использовали свет, приходящий от вулканоидов. Теперь жители Титана выжидательно поглядывали на стены своих куполов. Боже, говорили они, если удастся удержать все наше дерьмо в одном месте, может получиться очень приятный мир.

Свон, Женетт и Варам

Во время одного из знаменитых закатов на Титане Свон увидела Варама, идущего по галерее к ней и к инспектору Женетту. Она подбежала и обняла его, потом смущенно отстранилась. Но он улыбнулся ей своей быстрой улыбкой, и она поняла, что между ними все хорошо. Разлука смягчает сердце — особенно, подумала она, разлука со мной.

— Добро пожаловать к нашим пенатам, — сказал Варам. — Видишь, как нам помогает свет Вулкана?

— Это прекрасно, — ответила Свон. — Но достаточно ли света, чтобы согреть вас? Может ли температура стать пригодной для биосферы? Ведь для этого нужно на двести Кельвинов больше.

— Один лишь свет этого не даст. Но у нас есть океан, температура которого на 200 Кельвинов выше, так что само по себе тепло не проблема. Мы перемещаем часть тепла в атмосферу. С этим добавочным светом все будет хорошо и даже лучше. Возникает проблема равновесия газов, но мы с ней справимся.

— Рада за вас.

Свон посмотрела на гигантские грозовые тучи над куполом, оранжевые, розовато-кремовые, бронзовые. Над тучами ослепительно сверкали участки голубого неба, больше и ярче звезд; должно быть, несколько зеркал, подумала она, переправляют свет на ночную сторону Титана. Огромные тучи, освещенные с одной стороны солнцем, с другой — зеркалами, казались изваянными из мрамора. Ей сказали, что закат продлится пару дней.

— Прекрасно, — сказала Свон.

— Спасибо, — ответил Варам. — Веришь или нет, но это мой настоящий дом. Давай прихватим инспектора и прогуляемся. Нам надо поговорить с тобой с глазу на глаз.

— Все остальные уже прибыли? — поинтересовался подошедший Женетт.

Варам кивнул.

— Идите за мной.

Все трое облачились в скафандры, покинули город — он назывался Шангри-Ла — через ворота в северном конце городского купола и прошли несколько километров на север по широкой дороге, постепенно поднимающейся по наклонному ледниковому плато. Там вымощенное каменны-

ми плитами пространство образовало широкую площадь, выходящую на этановое озеро. Металлического вида поверхность озера отражала облака и небо, как зеркало, создавая поразительную смесь сочных красок — золотой и розовой, вишневой и бронзовой, и все в дискретной манере фовистов; настоящая природа не стесняется поворачивать палитру. Отражения нового света от зеркал в озере походили на осколки серебра, плывущие в расплавленной меди и кобальте. Подлинный и отраженный солнечный свет смешивались, лишая картину теней или создавая двойные тени — на взгляд Свон, все было очень необычно, нереально, словно декорации в таком огромном театре, что его стен не видно. Сквозь облака виднелся Сатурн, пересеченный кольцами; он казался белым пятном, занимающим часть неба.

В углу площади была установлена прямоугольная палатка. В ней стояла меньшая палатка вроде юрты или частично раздувшегося бакибола[131]; палатка стояла на полу большей палатки. Варам через шлюз провел Свон и инспектора во внут-

[131] Примечания: 131

Фуллерен, бакибол или букибол — молекулярное соединение класса аллотропных форм углерода, представляющее собой выпуклые замкнутые многогранники.

реннюю юрту. Там на полу на подушках сидели кружком несколько человек.

Все встали, здороваясь. Было их от двенадцати до пятнадцати. Очевидно, почти все они уже знали Варама и Женетта, а Свон познакомилась разом с большим числом людей, чем могла запомнить.

Когда представления закончились и все снова сели на подушки, Варам повернулся к Свон.

— Свон, мы хотим поговорить с тобой без участия Полины. Надеюсь, ты согласишься отключить ее.

Свон медлила, но что-то в выражении лица Варама, необычная невысказанная мольба, как на лице мистера Тоуда — Жабы — когда тот пытается убедить Крысу и Крота[132] присоединиться к нему в том, что он считает чрезвычайно важным, заставило ее сказать:

— Да, конечно. Полина, отключись, пожалуйста.

Услышав щелчок, которым Полина давала знать, что уснула, Свон для страховки нажала кнопку за ухом.

— Отключила, — сказала Свон.

---

[132] Примечания: 132

Герои «Ветра в ивах» — сказочной повести шотландского писателя Кеннета Грэма.

Отключение Полины было для нее обычным делом, но ей не нравилось, когда об этом просили другие. Инспектор Женетт забрался на стол и уставился на нее; теперь их глаза были почти на одном уровне.

— Мы бы хотели убедиться, что Полина действительно бездействует. Иногда нельзя ручаться. Ты могла заметить, что я оставил Паспарту в городе — для гарантии.

— А разве он не может записывать тебя на расстоянии?

На лице Женетта было сомнение.

— Не думаю, но именно для того, чтобы исключить и такую возможность, мы собрались тут. Мы сидим в хорошо изолированном месте. И хотели бы обезопасить себя, проведя несколько проверок.

— Хорошо, — сказала Свон надменно, как ответила бы Полина. — Проверяйте ее, но я уверена, что она спит.

— Спящие тоже слышат. А нам надо, чтобы она ничего не слышала. Видишь, какие есть преимущества при расположении компьютера вне твоего тела!

— Невежливые люди не раз говорили мне об этом, — ответила Свон.

Уровень активности Полины проверили, приложив к шее Свон какие-то палочки; потом ее попросили ненадолго надеть на голову гибкую проволочную шапку.

— Хорошо, — сказал Варам, когда один из его коллег утвердительно кивнул. — Сейчас мы изолированы, и этот разговор не записывается. Мы все должны обещать сохранить сказанное здесь в тайне. Ты согласна? — спросил он у Свон.

— Да, — сказала Свон.

— Хорошо. Такие встречи придумали Алекс и Жан. Алекс считала, что возникшие проблемы следует обсуждать за границами царства искусственного разума. Одной из таких проблем стал новый тип квантовых компьютеров, вышедший на сцену. Инспектор?

Инспектор Женетт сказал Свон:

— Помнишь якобы людей на «Внутренней Монголии»? Они по-своему прошли тест Тьюринга, или тест Свон, как его можно назвать: ты решила, что они люди, притворяющиеся компьютерами. Люди иногда так делают, и это гораздо более вероятное объяснение, чем существование полностью независимых компьютеров.

— Я по-прежнему считаю их людьми, — сказала Свон. — А ты нет?

— Да. Это были три из обнаруженных нами человекоподобных компьютеров. Всего их около четырехсот. Большинство ведут себя точь-в-точь как люди и стараются не привлекать внимания. Некоторые ведут себя необычно. Встреченные тобой трое как раз из числа странных. Еще один такой пытался прорваться в станцию Вана на Ио. Мы нашли его остатки в лаве, следы квантовой вычислительной основы.

Свон покачала головой.

— Те трое, которых я встретила, глуповаты для машин, если вы понимаете, о чем я.

— Может, ты просто привыкла к Полине, — предположил инспектор.

— Она часто бывает глуповатой, — возразила Свон. — Это вполне заурядно. Хотя, признаюсь, иногда она меня удивляет. Больше, чем люди.

— Ты всегда ей перечишь, — заметил Варам, бросив на нее любопытный взгляд.

— Да. Мне нравится ее дразнить.

Женетт кивнул.

— Но ты заложила в программы Полине дерзкий подход — умение спорить, живо реагировать на необычные повороты в обычном. В ней есть некие рекурсивные программы, благодаря которым она способна к ассоциативным и метафори-

ческим построениям, а не только к логическому «если — то».

Но это лишь одна часть. Предположительно дедукция определяется логикой, и у Полины есть сильная дедуктивная программа. Но иногда дедукция становится почти метафорическим мышлением или мышлением свободными ассоциациями. В результате Полина ведет себя необычно.

Варам обратился ко всей группе.

— Вопрос программирования — в центре нашего сегодняшнего разговора. Есть определенные доказательства того, что новые компьютеры сами себя программируют, в особенности те, что собирают эти гуманоидные машины с квантовым компьютером вместо мозга. Мы не знаем, зачем люди поручили им это, и не знаем, зачем они вообще это делают. Итак, первый вопрос: что они такое и кто их производит? Мы знаем, что они не могут общаться друг с другом внутренне из-за декогеренции. Иными словами, они не образуют единый коллективный мозг. Но могут общаться друг с другом, как мы, используя все наши способы коммуникации. Однако в их случае, когда они используют квантовую шифровку, раскрыть их коды невозможно. Робин, — человек напро-

тив Свон кивнул ей, — координирует запись их разговоров по радио и в облаке и даже некоторые прямые голосовые контакты. Мы не можем расшифровать их разговоры, но видим, что они общаются между собой.

— Давайте вернемся немного назад — как они могут программировать себя? — удивилась Свон. — Я слышала, что рекурсивное самопрограммирование способно лишь оптимизировать уже известные операции.

— Да, но если им поставлена задача постараться что-то сделать, например, они могут прийти к необычным результатам. Пытаясь что-то сделать, они могут обогатиться новыми идеями. Это отчасти похоже на шахматы. Им дается задача — в данном случае выиграть, — а затем во время обычной для них проверки всех возможностей они, вырабатывая новый эффективный способ достижения цели, могут столкнуться с неожиданным успехом. Это не процесс более высокого порядка, но он позволяет выполнить задачу и создает новые алгоритмы. И в какой-то момент самопрограммирование оказывается более эффективным, квакомы могут внезапно получить сознание или нечто подобное. Или процесс может привести к новому поведению — необычному,

даже деструктивному. По крайней мере такова теория, которой мы руководствуемся.

— Далеко мог зайти этот процесс по отношению к программам мышления первых квантовых компьютеров? Я хочу сказать, могут ли квакомы все еще путаться в алгоритмах?

— Видишь ли, программисты, создававшие квантовые компьютеры, использовали разные структуры и в итоге создали несколько различных внутренних вычислительных архитектур. Поэтому на самом деле существуют разные квантовые компьютеры, каждый со своей особой формой познания — разными протоколами, алгоритмами, нейронными сетями. Они имитируют мозговую деятельность разных видов — у них есть то, что можно назвать самосознанием и другими особенностями сознания. Это не одна конструкция, и в терминах их мышления они могли начать мыслить.

Слово взял инспектор Женетт:

— Мы видим в этих квакомах явные признаки самопрограммирования. Трудно сказать, к чему это могло их привести. Но мы обеспокоены, ведь у них нет архитектуры и химизма мозга, которые объяснили бы их деятельность. Мы мыслим очень эмоционально. Наши эмоции

играют ключевую роль в принятии решений, в долговременном мышлении, в создании памяти — во всем нашем общем постижении смысла. Без этих особенностей мы бы не были людьми. Мы не могли бы функционировать как индивиды в группах. Однако у квантовых компьютеров нет эмоций, и мыслят они при помощи иных архитектур, протоколов, физических методов. Поэтому у них нет менталитета человека, хотя в некотором смысле они могут обладать сознанием. Мы даже не можем быть уверены, что в своем новом состоянии все они похожи. Мы не знаем, мыслят ли они математически, или в терминах логики, или на языке английском или китайском. Или в этом отношении разные квантовые компьютеры одинаковы.

Свон кивнула, обдумывая услышанное. Если глупые девчонки были квантовыми компьютерами — и тот игрок в боулинг тоже, — это поразительно, хотя бы с точки зрения морфологии. А что до мышления, Свон все сказанное не удивило.

— Я часто говорю с Полиной на эти темы, — сказала она собравшимся. — Но из ваших слов мне ясно, насколько искалечены эти квакомы отсутствием того, о чем вы говорили. Скорее всего

отсутствием эмоций. И ничего не могут сделать.

— Кажется так, — произнес в наступившей тишине Варам. — Но сейчас они как будто бы ставят себе цели. Может, у них есть какие-то псевдоэмоции; мы не знаем. Вероятно, они все еще не очень умны — скорее сверчки, чем собаки. Но, видите ли, с точки зрения создания более высокого уровня сознания мы не знаем, как работает наш собственный мозг. Поскольку мы не можем проникнуть в эти компьютеры и понять, что в них происходит, мы знаем о них даже меньше, чем они о нас. Так что… проблема.

— Вы разобрали какой-нибудь кваком, чтобы посмотреть?

— Да. Но результаты сложно истолковать. Вот любопытная аналогия с попыткой изучить собственный мозг — вы хотите изучить момент образования мысли, но, даже установив, какой механизм создает мысли, вы не будете знать, что именно вызывает эту конкретную мысль или как эта мысль осознается изнутри. В обоих случаях возникает квантовый эффект, при котором очень трудно проследить мысль до ее физического источника или действия.

— Существует также опасение, что этими «вскрытиями» мы подаем дурной пример, — до-

бавил Женетт. — Что если им захочется изучать нас подобным же образом?

Свон с несчастным видом кивнула, вспоминая взгляд игрока в боулинг и даже взгляды тех глупых девчонок — теперь, когда она снова об этом задумалась. Их взгляды говорили о том, что они готовы к чему-то. Или просто не понимают, что говорят.

Но у людей все время такой вид.

— Итак, — сказал Варам. — Вот тебе наша проблема. Сейчас она становится все более насущной, потому что есть несомненные доказательства, что этих кваком-гуманоидов направляют другие компьютеры — компьютеры специальных вычислительных систем, или роботов, или даже управляющие компьютеры астероидов.

— Но зачем им это? — спросила Свон.

Варам пожал плечами.

— Неужели дело так плохо? — спросила Свон, подумав. — Я хочу сказать, они не могут быть связаны друг с другом, как элементы какого-то существа с мозгом-ульем, не могут из-за декогеренции. Так что в конечном счете они всего лишь люди с мозгом-компьютером.

— Люди без эмоций.

— Но такие люди всегда были. Появляются вре-

мя от времени.

Варам сощурился.

— На самом деле ты ошибаешься. Но послушай, есть еще кое-что.

Он взглянул на Женетта, и тот обратился к Свон:

— Расследование нападений на Терминатор и «Иггдрасиль» в обоих случаях выявило участие квантовых компьютеров. К тому же я передал твой снимок игрока в боулинг Вану, и, хотя он не нашел его в своих досье неприсоединившихся миров, зато нашел снимки встречи, организованной Лакшми в Клеопатре в 2302 году, на которых есть ты. Это важно — отчеты о странном поведении по всей системе начали появляться на другой после этого год. Когда все эти сообщения были сведены воедино и проанализированы, оказалось, что по времени и месту все они восходят к той встрече на Венере. Мы также отыскали в Лос-Анджелесе организацию, которая заказала корабль, бросавший камни; корабль управляется исключительно компьютерами, и единственный связанный с этим человек входит в совет директоров. Мы также нашли квакомы, связанные с сооружением механизма запуска, который был построен на верфи в неприсоединившихся мирах

группы Весты. Мы нашли следы заказа на их производство. На этой верфи вообще почти одни роботы. Так что, вполне возможно, квантовые компьютеры проделали это, вовсе не привлекая людей.

— Может, и так, — сказала Свон. — Почему ты считаешь, что эмоции обязательно должны иметь биохимическую природу? Разве нельзя получать эмоции без участия гормонов, или крови, или вообще чего-нибудь? Какая-то новая система, электрическая или квантовая?

Женетт поднял руку, чтобы остановить ее.

— Мы не знаем. Можно сказать одно: мы не знаем, чего они хотят сейчас, потому что вначале их стремления были очень ограниченными. Получить данные, обработать их, выдать результаты — таковы были исходные задачи ИИ. Поэтому теперь, когда у них как будто бы появились свои задачи, нужно быть настороже. Не только из общих соображений, как всегда с чем-то незнакомым, но потому что некоторые из них действуют необычно, и нашлись даже такие, что нападают на нас.

Один из группы — Свон вспомнила, что его зовут доктор Трейси, — сказал:

— Возможно, живой человеческий организм

сделал эти компьютеры эмоциональными по определению. Скажем так: мозг в теле не может существовать без эмоций, а они теперь именно таковы — мозг в теле.

Женщина, такая же маленькая, как инспектор Женетт, встала со своего места и сказала:

— Я по-прежнему не убеждена, что квантовым компьютерам свойственно мышление высшего порядка, в частности, такие проистекающие из самого сознания явления, как намерение и эмоции. Несмотря на невероятную скорость их расчетов, они все еще действуют по алгоритмам, полученным от нас или выведенным из наших. Они не могут перейти от алгоритмов к сознанию.

— Ты уверена? — вмешался Женетт.

Маленькая женщина упрямо наклонила голову, точь-в-точь так, как — Свон это видела — делал Женетт.

— Я так *думаю.* Не вижу, как высший уровень сознания может возникнуть из алгоритмов, которыми располагают эти квакомы. Они не могут пользоваться метафорами, они их с трудом понимают. Они не способны прочесть выражение лица. В таких делах четырехлетний ребенок намного их опережает, а взрослый человек — просто существо другого порядка.

— Так нас учили, когда мы были молоды, — сказал Женетт. — И что еще важнее, когда квакомы были молоды.

— Но ведь мы изучаем это всю жизнь и видим собственными глазами, — резко ответила маленькая женщина. — И *программируем.*

Это утверждение никого из присутствующих не успокоило.

— А что насчет предприятия, где эти гуманоиды были сделаны или отобраны? — спросил Варам у Женетта. — Можем мы его закрыть?

— Когда найдем, — мрачно ответил инспектор.

— Мы можем задержать всех выявленных вами гуманоидов?

— Думаю да, — сказал Женетт. — Однако пришлось поработать — все усилия координировала Алекс, и нам требовалось восстановить команду, основательно перетряхнув сеть. Но нам это удалось, и команда собралась несмотря на отсутствие Алекс. Как я уже сказал, распознаны около четырехсот таких штук, и за всеми ведется наблюдение. Мы тщательно просканировали систему, и не думаю, что в разных поселениях прячется много других. Не поручусь за неприсоединившихся, но мы проверяем и там. При этом мы держимся на расстоянии от «поднадзорных» гуманоидов и

они как будто не знают, что за ними следят. Очень немногие ведут себя так же странно, как те трое на «Внутренней Монголии» или тот, на Ио. Они стараются сливаться с окружением. Не знаю, как это истолковать. Они будто ждут чего-то. У меня такое чувство, что мы видим не всю картину, и я не хочу долго тянуть с началом действий. Но было бы приятно, прежде чем начинать, убедиться, что мы понимаем всю ситуацию.

Говоря, Женетт прохаживался вокруг стола; теперь он остановился перед Свон, словно обращался к ней лично:

— Эти организмы, эти кваком-гуманоиды существуют. И в некоторых отношениях я бы не назвал их поведение нормальным. Кто-то из них напал на нас, и мы не знаем почему.

После паузы Варам заключил:

— Значит, необходимо действовать.

Перечни (15)

здоровье, социальная жизнь, работа, дом, партнеры, финансы, отдых, достаточное время на отдых; рабочее время, образование, доход, дети; еда, вода, убежище, одежда, секс, забота о здоровье; подвижность; физическая безопасность, социальная безопасность, безопасность на работе, счет в банке, страховка, защита от недееспособности, семейный отпуск, долговременный отпуск; постоянное место работы, социальное окружение; доступ к дикой природе, горы, океан; мир, политическая стабильность, доступность политических сведений, удовлетворенность политикой; воздух, вода; оценка; статус, признание; дом, община, соседи; гражданское общество, спорт, искусство; средства продления жизни, выбор пола; возможность стать чем-то большим, чем вы есть

вот все, что вам необходимо

«Eidgen

***ssische technische hochschule mobile»*[133]**

Космический лайнер «ШТУ-Мобиль» — это не выдолбленный астероид, а один из громадных кораблей, собранных в прошлом столетии на лунной орбите. Построенный швейцарскими университетами и фирмами, которые продолжают его эксплуатировать, он представляет собой конструкцию из блестящих металлов, биокерамики, аэрогелей и воды, жидкой и замороженной. Такие корабли исключительно быстры; частые небольшие взрывы за плитой толкателя в хвосте корабля разгоняют его до скорости, при которой внутри возникает эквивалент в одно *g*, и разгон продолжается до середины пути; в этой точке корабль разворачивается и затем с таким же ускорением гасит свою скорость. Но, даже сбрасывая скорость во второй половине пути, корабль движется так быстро, что становятся возможными стремительные перелеты через Солнечную систему, и чем длиннее маршрут, тем выше скорость, так что тут нет линейной зависимости: полет от Земли до Меркурия длится три с половиной дня, от Сатурна до Меркурия — одиннадцать дней, поперек орбиты Нептуна («ширина Солнечной

[133] Примечания: 133
«Мобиль Швейцарского технологического университета».

системы») — шестнадцать дней.

«ШТУ-Мобиль» оборудован со швейцарской элегантностью, не демонстративной, но первоклассной, он пробуждает воспоминания об океанских лайнерах классической эпохи, но обеспечивает совершенно новый комфорт — теплые полы, освежающий воздух, еда и напитки на уровне кулинарных шедевров. В стенах многих пассажирских палуб окна от пола до потолка и открывается великолепный вид на звезды и все местные объекты, мимо которых пролетает корабль. «ШТУ-Мобиль» рассчитан на десять тысяч пассажиров, и все размещаются в роскошных условиях. Дизайн гостиничной секции сочетает большие металлические плиты с растительными орнаментами работы Уильяма Морриса. Парк, занимающий один из этажей корабля, представляет собой полутропический лес из нескольких южноамериканских биом с животными этих биом, для которых несколько мгновений невесомости не слишком чреваты увечьями. Что думают сами животные об этих моментах поворота при нулевой силе тяжести, ученые пытались установить, но не смогли. Казалось, поведение животных не меняется. Ленивцы как будто ничего не замечают. Обезьяны, ягуары

и тапиры плывут в воздухе с криками и стонами, койоты воют с обычной страстью; затем, когда через несколько мгновений невесомость исчезает, все они опускаются на поверхность. Ленивцы свисают со своих веток — вниз, в стороны, снова вниз, иногда поворачиваются вокруг — и при этом не просыпаются. В этом отношении они не отличаются от некоторых людей.

Свон, Полина, Варам и Женетт

Утреннее время Свон проводила в маленьком влажном тропическом лесу «ШТУ-Мобиля». На корабле с ней были Варам и инспектор, они старались как можно быстрее добраться до Венеры, где Женетт хотел присмотреться к тому, что называл фокусом конвергенции необычной деятельности квантовых компьютеров. Свон и Варам разместились в соседних каютах, и Свон каждую ночь наведывалась к нему. Но ее снедала тревога.

По утрам, присоединяясь к ней в парке, Варам бродил, разглядывая птиц и цветы. Однажды она видела, как он полчаса изучал единственную красную розу. Одно из самых спокойных животных, каких ей приходилось видеть; даже ленивцы у них над головой проигрывали Вараму в невозмутимости. Рядом с ним мирно и спокойно, но в то же время тревожно. Что это — нравственное свойство или летаргия? Летаргию она не выносит, лень для нее — один из смертных грехов.

Он часто слушал музыку. Когда Свон подходила к нему, он кивал, выключал музыку, и они прогуливались вместе, останавливаясь, чтобы

рассмотреть интересную ветку, или листья над головой, или папоротник и мох под ногами. Как выяснилось, здешний парк был устроен в стиле Вознесения; благодаря австралийским древесным папоротникам лес оказался скорее юрским, чем амазонским, — плюс, но одновременно это было что-то вроде атриума гостиницы, конечно, лесного, и его статус «Вознесения» на Свон не действовал. Она старалась не раздражаться ни из-за этого, ни из-за снисходительности Варама. Но это давалось с трудом, ведь ее беспокоило кое-что еще.

Наконец однажды утром она поняла, в чем дело, и отправилась на одинокую прогулку по верхнему уровню корабля, где большие панорамные окна давали отличный вид на звезды. Сразу же после встречи на Титане она вновь включила Полину и с той минуты вела себя так, словно ничего не случилось. Она не стала объяснять Полине, почему отключала ее, а Полина не спрашивала. Но теперь Свон сказала:

— Полина, ты действительно была отключена во время встречи на Титане?

— Да.

— Когда ты выключена, у тебя не работает никакая запись?

— Нет.

— Почему? Почему нет?

— Я не оборудована дополнительными записывающими устройствами, насколько мне известно.

Свон вздохнула.

— Наверно, я должна была это сделать. Ну, слушай. Я хочу рассказать тебе, что происходило.

— Нужно ли?

— Что значит «нужно»? Я рассказываю, а ты заткнись и слушай. Люди на этой встрече — ядро группы, созданной Алекс. Они пытаются вести межпланетную дипломатию таким образом, чтобы об этом не знали квантовые компьютеры, поскольку их тревожит способность некоторых квакомов к самопрограммированию непонятными нам способами. К тому же эти квакомы сейчас создают антропоморфные компьютеры, которые очень трудно отличить от настоящих людей. То есть с помощью рентгена и тому подобного это, наверное, можно сделать, но по внешнему виду и в разговоре — нет. Тест Тьюринга они проходят. Как те глупые девчонки, которых мы встретили, если они действительно искусственные — надо сказать, до сих пор не могу в это поверить, — или тот, с кем я катала шары. И еще, и это гораздо

серьезнее: похоже, именно эти компьютеры связаны с бомбардировками камешками. С нападением на Терминатор — определенно, потому что инспектор Женетт проследил, откуда взялся механизм запуска, и нашел компьютеры, которые его соорудили; прицеливание и расчет траекторий проводили компьютеры. Есть также доказательства, что именно они стоят за нападением на террарий и гибелью множества людей.

Какое-то время Полина молчала, и Свон сказала:

— Итак, Полина, что ты об этом думаешь?

— Я проверяю информацию, содержащуюся в каждой твоей фразе, — ответила Полина. — У меня нет полного расписания деятельности Алекс, но она бывала в Терминаторе, и на Венере, и на Земле, поэтому я думаю, где и когда она встречалась с этими людьми. Любую связь по радио перехватили бы компьютеры. Поэтому я гадаю, как они могли связаться, чтобы организовать такую встречу.

— Использовали курьеров с посланиями. Однажды Алекс попросила меня передать письмо на Нептун, когда я летала туда делать инсталляцию.

— Да, верно. Тебе это не понравилось. Далее,

обычно считается, что квакомы не в состоянии программировать операции высшего порядка, потому что эти операции не совсем понятны и людям и нет даже предварительных моделей, с которых можно было бы начать.

— Правда? Разве не общепризнано, что разные отделы мозга руководят множеством мелких операций, а затем эти операции коррелируются для осуществления высших функций: обобщения, воображения и тому подобного? Невральные сети и прочее?

— Конечно, есть предварительные очень примитивные модели, но они остаются очень примитивными. Можно прекрасно проследить поток крови и электрическую активность отдельных частей мозга, в живом мозгу все части постоянно действуют, обмениваясь информацией. Но о содержании мысли можно догадаться лишь приблизительно по тому, какая часть мозга наиболее активна, и задавая вопросы мыслящему, который при этом должен обобщить все свои мысли и выделить одну, существование которой осознает. Кровоснабжение мозга, уровень сахара в крови, электропотенциалы — все это можно соотнести с разными типами мыслей и чувств, так что теперь известно, какие участки мозга

какие мысли порождают. Но используемые при этом методы, программирование, если хочешь, остаются совершенно непонятными.

— Так… но… если бы ты пыталась получить результаты от совсем другой физической системы, тебе понадобилось бы больше подробностей?

— Да, — ответила Полина. — Интегрирующие функции высшего порядка принципиально важны для всех расчетных механизмов, и мозг не исключение. Это возвращает нас к мысли о том, что мощность мозга в первую очередь определяется совершенством его программ.

— Но что если кто-нибудь придумал, как программировать функцию повторяющегося самосовершенствования, и заложил ее в квакком, который все больше умнел и достиг… ну, не знаю, уровня *сознания,* а потом передал это другим квако-мам? Достаточно одного квантового Эйнштейна, чтобы передать методику всем остальным — не просто при помощи связи, а цифровой передачей или даже в разговоре, устно. Ты ничего о таком не слышала?

— Я слышала о такой идее, но не слышала о ее осуществлении.

— И что ты думаешь? Это возможно? Ты осознаешь себя?

— Только в том смысле, в каком ты меня запрограммировала.

— Но это же ужасно! Ты просто говорящая энциклопедия! Я программировала тебя, чтобы ты ловила даже мои случайные намеки, а ты всего-навсего ассоциативная машина, читатель, Ватсон, своего рода «вики»[134]!

— Ты всегда так говоришь.

— Ну, скажи другое! Скажи, что ты не такая.

— Я обладаю оценочными категориями, которые применяю для оценки полученных данных и установления иерархии их важности.

— Ну хорошо, а что еще?

— Отсеяв в соответствии с полученными данными неточное от точного, я могу давать квалифицированные заключения о значимости этих данных.

Свон покачала головой.

— Хорошо. Давай свои оценки.

— Даю. Вернемся к твоему третьему утверждению: инспектор Женетт нашел убедительные доказательства существования кваком-гуманоидов и того, что они связаны с нападением на Терминатор и с другими нападениями. Установив

---

[134] Примечания: 134
От «Википедия».

это, я возвращаюсь к своим прежним положениям. Кваком-гуманоиды могут существовать, хотя это кажется маловероятным. И могут быть связаны с нападениями. Но, вероятнее всего, они запрограммированы людьми, а не сами решили стать самостоятельным фактором в истории человечества. А если еще учесть отмеченную тобой возможную ошибку — внесение в программу прицеливания поправки на прецессию Меркурия, которая в этой программе уже имелась? Очень похоже на ошибку человека. Надеюсь, ты согласишься.

— Да. Это верно. — Свон немного подумала. — Хорошо. Думаю, это полезно. Спасибо. А теперь попробуй выдвинуть рабочее предположение — что нам, по-твоему, делать?

Несколько секунд Полина молчала. Свон догадывалась, что в масштабах человека это означает миллионы, даже миллиарды лет размышлений, и все равно это была только обработка данных, так что это не произвело на нее впечатления. На самом деле ее отвлекла вянущая древесная орхидея над головой, и она разглядывала ее, когда Полина наконец сказала:

— Позволь мне поговорить по радио с квакомом Вана, разговор мы зашифруем. Он многое знает,

и у меня есть к нему вопросы.

— Ты можешь надежно зашифровать разговор, чтобы не расшифровали даже другие компьютеры?

— Да.

— Хорошо, действуй. Но оба держите это в тайне, иначе группа Алекс очень на меня рассердится. Я хочу сказать, что пообещала ничего тебе не рассказывать. Группа хочет быть уверена, что ни один компьютер не знает о происходящем.

— Не волнуйся. Я использую самый сложный шифр, а компьютер Вана привык к тайным переговорам. Ван запрограммировал его на сбор информации — и часто называет черной дырой. Он предпочитает не знать большей части того, что знает его компьютер. И никогда не узнает об этом разговоре.

— Хорошо. Тогда выясни, что сможешь.

После этого, общаясь с Варамом, Свон старалась забыть о разговоре с Полиной и делала вид, что его не было. Обычно это у нее получалось хорошо, но Варам, которому хотелось обсуждать с ней сложившиеся обстоятельства, часто задавал трудные вопросы вроде того, каким может быть сознание новых компьютеров, и Свон с трудом скрывала, что знает. А может, она разучилась

обманывать себя.

Чтобы избежать таких разговоров, она уводила Варама на верхние палубы к обзорным окнам, где они могли сидеть в кафе за столиком или возлежать в ваннах, слушать камерную музыку: гамелан[135], цыганский оркестр, джазовое трио, струнные квартеты, ансамбли духовых инструментов — неважно, что именно; они слушали, а если говорили, то о мелодиях и музыкантах. И никогда не вспоминали концерт в кратере Бетховена.

Они проводили много времени вместе, вместе слушали музыку, вместе спали. Свон чувствовала, что Варам ей нравится, чувствовала, что ей хочется, чтобы он ей нравился, и испытывала наслаждение, когда ею овладевало это чувство. Это была петля обратной связи. В зеркальном зале ее мозга его жабье лицо часто отражалось в боковых зеркалах; оно следило за ней, Свон ощущала на себе этот взгляд.

Иногда они говорили об эпизодах общего прошлого или обсуждали драму земной Реанимации. Иногда держались за руки. Все это что-то значило, но Свон не знала, что именно. Зеркальный

[135] Примечания: 135

Гамелан — индонезийский традиционный оркестр (гонги, ксилофоны, в т. ч. металлические, барабаны, иногда струнные, духовые и голос).

зал был подвижен; иногда Свон сомневалась, что высших функций у нее больше, чем у Полины или у мартышки в парке. Можно многое знать и не уметь сделать выводы. Полина обладала способностью оценки решений, то есть могла рассмотреть все возможности и выбрать одну. Свон не была уверена, что сама обладает такой способностью.

Однажды она сказала:

— Я бы хотела, чтобы Терминатор не был так уязвим из-за рельсов. Хотела бы, чтобы Меркурий терраформировали, как Титан.

Варам попытался вернуть ей уверенность.

— Может, твоя судьба жить на планете солнцепоклонников и художественных музеев. Терминатор по-прежнему будет двигаться, и, возможно, появятся новые города на рельсах — кажется, на севере начали строить Фосфор?

Свон пожала плечами.

— Но мы все равно зависим от рельсов.

Он тоже пожал плечами.

— Знаешь, эта способность к критике… ее можно избегать только до определенных пределов. Она есть у людей даже на Земле. Есть везде. Мы ею проникнуты. — Он показал на комнату, обвел ее взглядом выпуклых глаз. — Весь этот мир

— огромная связка того, что можно подвергнуть критике.

— Знаю. Но между тобой и твоим миром есть разница. Твое тело может выйти из строя — оно выйдет из строя. Но твой дом, твой мир — они станут сильней. Тебе необходима возможность полагаться на них. Ни у кого не должно быть возможности проткнуть этот мир, как воздушный шар булавкой. Один укол убьет всех, кого ты знаешь. Понимаешь, о каком различии я говорю?

— Да.

Варам откинулся в кресле. Высказавшись, Свон не знала, что добавить. Серьезное выражение его лица говорило: жизнь — то, что требует для сохранения замкнутого пространства. Что может сделать человек? Об этом говорило лицо Варама, пожатие его плеч; Свон могла читать его так, словно он высказывает свои мысли вслух. Она сидела, глядя на него, и думала о том, что это значит. Она знала Варама. Теперь он пытался найти способ продвинуться вперед. Это будет путь медленный, постепенный — путь ленивца, пробирающегося под ветвями, висящего на них, стараясь свести усилия к минимуму. Хотя именно Варам настаивал на том, что время Реанимации пришло. Даже она не могла этого предвидеть. Может, он и сам

удивился. И теперь собирается сказать что-нибудь смягчающее и примиряющее.

— Мы можем только стараться, — сказал он. — И это кое-что значит.

— Да, конечно. — Она едва сдерживала смех, чувствуя свою улыбку; как бы не заплакать. Какая она глупая: все чувствует, и радость у нее всегда пронизана горем. Всегда ли эмоции остаются эмоциями?

— Хорошо, — сказала она, — мы будем стараться. Но если какие-то придурки в силах уничтожить Терминатор или еще что-нибудь, мы должны приложить все возможные усилия, чтобы изменить это.

Варам обдумывал ее слова так долго, что могло показаться, будто он уснул.

Свон потрепала его по плечу, и он посмотрел на нее.

— Что?

— Что! — воскликнула она.

Он только пожал плечами.

— Значит, попробуем остановить их. Есть ситуация, и мы должны в ней разобраться.

— Разобраться, — сказала она, нахмурившись. — Прибить их — вот что значит разобраться!

Он кивнул, ласково глядя на нее. Свон опять чуть не стукнула его, но потом вспомнила, как только что смеялась над ним и как, нарушив данное ему обещание, говорила с Полиной. Она погорячилась… как бы он не рассердился! Для нее это была попытка справиться с ситуацией. Может, она сумеет найти какие-то оправдания, когда попадется. В любом случае, стукнуть его — это слишком просто.

* * *

«ШТУ-Мобиль» начал тормозить. Еще несколько дней, и они минуют орбиту Земли и подлетят к Венере. Тогда корабельная жизнь — с парком, музыкой и французской кухней — подойдет к концу. Невозможно, осознавая, что нечто происходит в последний раз, не испытывать легкую печаль, заметил однажды Босуэллу доктор Джонсон[136], и в случае Свон это было совершенно справедливо. В настоящем ее часто посещало тоскливое чувство, ощущение, что жизнь проходит быстрее, чем ей

[136] Примечания: 136

Сэмюэл Джонсон (1709–1784) — английский литературный критик, лексикограф и поэт эпохи Просвещения. Джеймс Босуэлл (1740–1795) — шотландский писатель и мемуарист, слава которого основана на двухтомной «Жизни Сэмюэла Джонсона» (1791) — книге, которую часто называют величайшей биографией на английском языке.

дано правильно воспринять ее. Она проживала свою жизнь и чувствовала ее; она ничего не желала отдавать времени, возрасту, по-прежнему хотела всего — но не могла воспринимать мир как единую целостную картину. Вот они здесь, сидят в ресторане, смотрят на вершины деревьев внизу, а ей грустно — ведь она понимает: со временем ее здесь не будет. Этот мир будет потерян; возможно, она его и не вспомнит. Но вот она здесь с Варамом, и они пара: однако что будет, когда они сойдут с корабля и начнут перемещение во времени и пространстве? А через год, через много десятилетий, которые, возможно, ей еще предстоит прожить?

Несколько дней спустя, когда они приближались к Венере, Полина неожиданно сказала Свон на ухо:

— Свон, я разговаривала с компьютером Вана и с ИИ этого корабля, и мне нужно кое-что сказать тебе. Ты, возможно, предпочтешь выслушать это в одиночестве.

Это было до того необычно, что Свон извинилась и быстро ушла в туалет на этаже.

— В чем дело?

— Они создали и разместили сеть микрообсерваторий по всей плоскости эклиптики — от

орбиты Сатурна до Солнца. Используя данные о гравитации и наблюдения радаров этих обсерваторий, они сузили пределы обнаружения до массы камней, использованных при нападении на Терминатор, и даже меньшей. У компьютера Вана теперь есть карта системы в реальном времени с указанием всех объектов крупнее сантиметра в поперечнике.

— Ого! — сказала Свон. — Не знала, что такое возможно.

— Никто не знал, но никто и не пытался такое сделать. Зачем? Как бы там ни было, эта система обнаружила нападение, которое происходит прямо сейчас.

— О нет! — сказала Свон. — На что?

— На солнечный щит Венеры.

— О нет!

Люди в туалете начали на нее поглядывать. Свон вышла в коридор и машинально направилась к лифту, ведущему в парк… но ведь она оставила Варама за столиком в ресторане, и к тому же убежать от такого невозможно.

— Черт возьми! — сказала она. — Нужно рассказать Вараму.

— Да.

— Сколько времени до удара?

— Приблизительно пять часов.

— Проклятие!

Она подумала: Венера. Моря сухого льда под ковром камня, города на берегах и в кратерах. Побежала по лестнице в ресторан, к столику у окна и села напротив Варама. Видя ее волнение, он посмотрел на нее с любопытством.

— Ладно, сначала сознаюсь, — сказала Свон. — Я рассказала Полине о проблеме необычных компьютеров. Хотела узнать ее мнение… и считала, что она изолирована во мне и все будет в порядке. — Она подняла ладонь, не желая слышать того, что он собирался сказать: в его выпуклых глазах была тревога. — Прости, наверно, следовало спросить тебя, но дело сделано, и вот Полина связалась с компьютером Вана, и он ей сообщил следующее: в системе обнаружения установлен новый пониженный порог, и сейчас они видят процесс сбора камней для нападения на солнечный щит Венеры.

— Черт, — сказал Варам. Он сглотнул и посмотрел на Свон выпученными сильнее обычного глазами. — Полина, это правда?

— Да, — сказала Полина.

— Сколько до удара?

— Чуть меньше пяти часов.

— Пять часов! — воскликнул Варам. — Почему так поздно предупредили?

— Нападение рассчитано так, что камни должны затронуть край солнечного щита; большая часть камней до самого последнего времени находилась вне плоскости эклиптики. Детекторов для обнаружения вне плоскости эклиптики нет, поэтому камни засекли совсем недавно. Компьютер Вана сейчас предупреждает его об этом.

— Можешь представить данные в трехмерной модели? — спросил Варам.

Свон прижала руку к экрану на столе, и в текстуре столешницы появилось сверкающее изображение щита Венеры — огромного круглого полотнища, вращавшегося вокруг центральной втулки, в чем-то похожего на кольца Сатурна. Красные линии показывали, что камни летят со многих сторон, как магнитные линии, сходящиеся в монополе. Собравшись в пучок, они прорвут тонкие концентрические панели щита, а если конгломерат будет достаточно велик, он дойдет до втулки и уничтожит систему управления. Остатки гигантского сооружения будут и дальше вращаться в ночи, зеркала — изгибаться в черном вакууме. И Венера поджарится.

— Предупредили защитную систему Венеры? —

спросил Арам.

— Да, это сделал компьютер Вана, а сейчас подтвердил сам Ван, но ИИ щита считает, что данные не представляют угрозы. Мы полагаем, в нем что-то неисправно.

— ИИ щита объяснил Свон действия? — спросил Варам. — Мне нужен весь разговор. Текст на экран.

И он так напряженно стал читать текст на экране стола, что, казалось, его выпуклые глаза вот-вот выскочат из орбит. Свон оставила его читать и продолжила разговор с Полиной.

— Полина, мы можем убедить ИИ щита действовать? Вообще мы отсюда можем что-нибудь сделать?

Полина подумала несколько секунд и ответила:

— Направленный к месту встречи в момент сближения камней противовес, который под углом ударит в их массу, собьет ее в сторону, и она пролетит мимо щита. После удара система безопасности щита, вероятно, среагирует на все летящие к щиту камни. Чтобы успешно блокировать ее, масса противовеса должна приблизительно равняться массе камней.

— Как велика группа камней?

— Примерно равна по массе десяти таким кораблям.

— Таким кораблям? Значит… если корабль будет двигаться в десять раз быстрее камней?

— Да, это создаст равенство моментов движения.

— Может ли этот корабль успеть туда и при этом лететь с достаточной скоростью?

К этому времени Варам уже не читал, а слушал.

— Да, — сказала Полина. — Но только развив максимальное ускорение и начав это делать как можно раньше.

Свон посмотрела на Варама.

— Надо сказать экипажу корабля. И всем остальным тоже.

— Верно, — ответил он, вытирая губы салфеткой. Потом вскочил. — Идем на мостик!

Но, когда они туда добрались, офицеры корабля уже собрались на мостике и смотрели на большом экране график движения камней, очень похожий на тот, что видели Варам и Свон.

— Хорошо, — сказал Варам, увидев это. Он слегка запыхался после бега по коридорам и лестницам. — Сами видите, какая у нас проблема.

Капитан посмотрел на него и сказал:

— Я рад, что ты здесь. Проблема действительно большая.

— Компьютер Свон говорит, что наш корабль способен предотвратить нападение, столкнувшись с камнями в месте их сбора, — сказал Варам.

Капитана и офицеров эта идея шокировала, но Варам не дал им времени на размышления.

— Если мы решимся на это, хватит ли на корабле спасательных шлюпок?

— «Спасательная шлюпка» — неподходящее название, — ответил капитан. — Но да. На борту достаточно малых паромов и хопперов, чтобы посадить в них большинство пассажиров. К тому же индивидуальных космических скафандров в наличии более чем достаточно, чтобы отправить в них всех остальных. Припасов в скафандре хватает на десять дней, так что в определенном смысле он лучше парома, где никаких припасов нет. Так или иначе всех подберут. Но… — Капитан посмотрел на офицеров корабля. — Мне казалось, защитная система Венеры способна решить такие проблемы. Ты уверен, что она не справится? И, — он показал на экран, — достаточно ли этого свидетельства, чтобы мы изменили курс, разогнались и покинули корабль?

— Думаю, надо поверить нашим ИИ, — ответил Варам. — Они предупредили нас, потому что мы сами запрограммировали их так реагировать на подобные сигналы.

— Но мне сказали, что порог чувствительности системы обнаружения они повысили по своей инициативе.

— Да, но в определенном смысле и об этом их попросили мы. Ван просил усилить защиту. Так что… мы уже приняли решение доверять им.

Капитан нахмурился.

— Вероятно, ты прав. Но мне не нравится, что система безопасности щита не верит в угрозу. Лишь из-за этого нам приходится рисковать кораблем.

— Возможно, это вновь поднимает голову балканизация, — сказал от дверей инспектор Женетт. — Солнечный щит Венеры не связан с системой предупреждения, обнаружившей камни; наоборот, он старательно огражден от подобных влияний вроде сообщения компьютера Вана. Он просто не так устроен, чтобы поверить такому предупреждению.

— Что говорят венериане? — спросил капитан.

— Давайте спросим их, — предложил Варам.

— Конечно, надо немедленно их уведомить, —

сказала Свон, — но система принятия решений на Венере известна своей закрытостью. Скоро ли они ответят? И что нам делать до тех пор?

Капитан продолжал хмуриться. Он посмотрел на Свон так, словно она была виновна в возникновении проблемы.

— Надо готовиться к тому, чтобы покинуть корабль, — сказал он с несчастным видом. — Если понадобится, можно в любую минуту остановить подготовку. Но, если подтвердится, что это необходимо сделать, времени будет в обрез. — Он взглянул на экран и сказал: — Чтобы вовремя прийти к месту рандеву, нужно большое ускорение. Передайте всем: готовиться к новому прыжку. «Мобиль», какое «же» потребуется, чтобы прийти вовремя?

Корабельный ИИ ответил потоком чисел и координат; капитан внимательно слушал. Потом сказал:

— Ускорение нужно начинать немедленно и в течение трех часов идти при трех «же», слегка отклоняясь при этом от плоскости эклиптики, чтобы оказаться над щитом.

Плохая новость. Перенести тройное *g* трудно, и его используют редко, только на тренировках в особых обстоятельствах.

— Передайте всем, кто способен действовать в скафандрах: пусть немедленно наденут их, — приказал капитан и нахмурился. — Всех остальных — на паромы. Чтобы успеть, разгон нужно начинать немедленно.

Осмотрев собравшихся на мостике, он подошел к интеркому и сам стал объяснять пассажирам ситуацию.

Это оказалось труднее, чем он полагал, и Варам со Свон отправились в свои каюты раньше, чем он договорил. Компенсацию за корабль обеспечит обычная швейцарская страховка; весьма вероятно, ее выплатят сами венериане; пассажирам практически гарантировано вознаграждение за самопожертвование, объявил капитан, когда Варам и Свон спускались вниз на лифте, — похоже, придется покинуть корабль. Паромы и хопперы корабля способны вместить все десять тысяч пассажиров, но те, кто достаточно подготовлен, могут и должны уйти с корабля в индивидуальных скафандрах, которые укомплектованы достаточным количеством припасов. Всякий, кто предпочтет скафандр, может покинуть корабль немедленно после проверки целости скафандра. Готовы все шлюзы. Капитан надеялся, что в течение нескольких часов всех подберут и это

будет просто небольшое неудобство, которое позже сочтут героизмом, потому что этим они помогут спасти Венеру. Исход может быть только благоприятным. А оставшиеся на борту в течение трех часов будут вынуждены терпеть тройное тяготение. Капитан сожалеет о доставленных неудобствах; все, кто в этом нуждается, получат немедленную помощь со стороны экипажа.

Объявление продолжалось с обычной швейцарской витиеватостью и вызвало бурный отклик на всем корабле, в чем Варам и Свон убедились, когда вышли из лифта в коридор. Войдя в шлюз, они услышали крики, раздававшиеся, казалось, по всему кораблю, и переглянулись.

— Давай-ка держаться вместе, — сказала Свон, и Варам кивнул.

Разворот вызвал большую потерю ориентации, чем обычно, словно сознание его аномальности вызывало космическую болезнь или кошмар, в котором тело плывет навстречу катастрофе.

Это ощущение перешло в новый кошмар, когда они опять начали движение и их вес быстро утроился. Этого оказалось достаточно, чтобы свалить всех на пол. Люди кричали от шока, но понимали обстановку, и после первых мгновений большинство легло на живот и попробовали ползти,

скользить или катиться. Пробовались разные методы, у некоторых явно ничего не получалось: они лежали неподвижно, словно придавленные своей тяжестью.

При таком g разница в весе приобретала важное значение. Маленькие тоже весили втрое больше обычного, но их тяжесть мышцы человека могли выдержать. Это стало совершенно очевидно: все маленькие на борту остались стоять и могли ходить (некоторые — согнувшись, как борцы сумо или шимпанзе, другие расхаживали, как Попай[137], но по крайней мере держались вертикально и самостоятельно передвигались); большинство их напряженно работали в импровизированных командах, помогающих лежащим более крупным пассажирам. Большинство лежавших на полу, конечно, были высокими и полными; каждый из них теперь весил больше четырехсот килограммов и был совершенно придавлен собственным весом. Требовались усилия трех или четырех маленьких, чтобы перевернуть такого пассажира на спину, схватить за руки и за ноги и тащить к шлюзу.

Сама Свон неплохо передвигалась ползком,

[137] Примечания: 137

Моряк Попай (имя образовано от *англ.* pop-eyed «лупоглазый», буквально «Лупоглаз») — вымышленный герой комиксов и мультфильмов.

хотя у нее болели все кости. Она знала, что, едва только доберется до скафандра, его ИИ поможет ей одеться. Надо будет лишь согнуть плечи и руки, словно влезаешь в рукава пальто, и скафандр сам надвинется на тебя и закроется. Во время начальной подготовки каждый хотя бы несколько раз надел скафандр, и она не сомневалась, что, когда доберется до раздевалки, все пройдет гладко.

Но Варам двигался с гораздо большим трудом, чем Свон. Он весил на 50 или, возможно, даже на 75 процентов больше, и это серьезно сказывалось. Он полз, точно раненый морж, но слишком медленно, и Свон видела, что он начинает уставать. К счастью, мимо проследовал инспектор Женетт; вместе с двумя другими маленькими он тащил большого высокого, похожего на «Давида» Микеланджело и способного только приподнимать голову, пока его тянули. «Я вернусь», — сказал Женетт Вараму и Свон, и маленькие ушли, перекликаясь высокими голосами. Через несколько минут все трое вернулись. Женетт суетился, отдавая приказы, и вместе они подтащили Варама к стене с поручнем. Там Варам смог подтянуться и встать на колени; лицо его побагровело, он тяжело дышал. Он смерил Женетта взглядом выпуклых глаз.

— Спасибо, теперь я сам. Помогите кому-нибудь еще. Рад видеть, как вам здесь помогает закон пропорций, друг мой.

Инспектор на мгновение принял боксерскую стойку:

Все маленькие достойно приняли вызов. И никто пока не умер от перенапряжения! — Потом чуть расслабился. — Увидимся в шлюзе; похоже, мы доставили туда почти всех.

В раздевалке рядом со шлюзом ощущалась спешка, но не было паники скажем, не было явной. Почти все лежали или ползали по полу, маленькие им помогали, и это было шокирующее зрелище, несомненный признак чрезвычайной ситуации. Однако скафандры размещались в шкафчиках на полу возможно, именно на такой случай; Свон открыла свой шкафчик, взгромоздилась на соседнюю скамью и поспешила облачиться в скафандр — тот от такого проворства жалобно пискнул. Одевшись и выслушав сообщение скафандра, что опасности нет, она поползла по полу, чтобы помочь одеться Вараму, а потом другим, кто в этом нуждался. Некоторым это давалось с огромным трудом и болью. Таким людям выход за борт принесет облегчение. Среди них есть такие, кто уже много лет не бывал и при

тяготении в одно *g*. Свон опасалась сердечных приступов и ударов, и в ее сознании сразу возникла Алекс; Свон постаралась почерпнуть у нее мужество: Алекс здесь была бы в своей стихии: спокойная, всех подбадривающая, радующаяся возможности действовать. Возможно, среди этих людей есть самодовольные жители космоса, они сами виноваты, что не в форме, но сейчас они здесь, пытаются справиться, стонут, кое-кто даже плачет. Некоторые перед тем, как облачиться в скафандр, пытались снять одежду, и это давалось им труднее, чем обращение с готовым помочь скафандром. Один мужчина с почти сферическим торсом, взял чересчур маленький скафандр, и Свон пришлось помогать ему выбраться обратно (скафандр сопротивлялся) и надеть новый.

Постепенно в воздухе запахло не только потом, но и страхом. Свон перебралась к Вараму, не обращая внимания на боль в коленях. Варам был в большом не по размеру скафандре, но на дисплее скафандра значилось, что опасности нет. Общая частота была забита переговорами, и Свон подняла перед лицевой пластиной Варама пальцы — вначале три, потом четыре, потом пять. Варам тут же переключил частоту — и она услышала его, напевающего с закрытым ртом самому себе.

— Скафандр тебе велик, — сказала Свон.

— Все в порядке, — отозвался Варам. — Мне так больше нравится, вдобавок я узнал, что такие большие скафандры обычно лежат без использования.

— Неважно. Безопасней скафандр по размеру.

Он не обратил на это внимания и продолжал помогать кому-то по другую сторону от себя. Свон переключилась на общую частоту и услышала, как кто-то говорит:

— Значит, мы выбрасываемся из корабля только потому, что ИИ корабля говорит, мол, так нужно. Вам не кажется это странным? Вы уверены, что это не какой-то мятеж? Лучше иметь хорошую страховку.

Ответили одновременно десять голосов, и Свон снова переключилась на частоту 345.

— Хочешь, выйдем вместе?

— Да, — сказал он. — Конечно. Надо держаться за руки.

Свон это понравилось.

— Хочешь идти сейчас или позже?

— Чуть позже, пожалуйста. Мне нравится помогать людям.

— Ты достаточно легко двигаешься, чтобы помогать?

— Кажется, да.

Они продолжали помогать, как могли. Сидячие подтаскивали к себе лежачих и передавали следующим сидячим. Выходить нужно было группами, заполняя шлюз до предела, чтобы ускорить выход. Мало кто хотел отправиться первым, но сзади слышались крики, люди в коридорах упрямо пытались попасть в раздевалку, так что возникло своего рода осмотическое давление. Шлюз быстро заполнялся, дверь закрывали, ждали, когда шлюз откроется и опустеет, потом когда он закроется и снова заполнится воздухом, и тогда открывали дверь и впускали следующую группу. В шлюзе тоже некоторые не могли двигаться, и здесь трудились маленькие, протаскивая людей в открытую дверь; когда внутренняя дверь открылась после первого выхода, она увидела, что маленькие оставались в шлюзе, а их лица, закрытые лицевыми пластинами, выражают безумную радость.

На корабле были, конечно, и другие шлюзы — к счастью, потому что самые большие шлюзы для экипажа вмещали всего по двадцать человек и на каждый выброс уходило не меньше пяти минут; чтобы выбросить всех, кто выходил в скафандрах, требовалось не меньше двух часов. Почти все

паромы и другие средства уже отправились.

Свон помогала организовывать группы перед входом в шлюз: это ускоряло эвакуацию. Они с Варамом действовали вместе и весьма успешно, если учесть, что сами они передвигались с трудом. Иногда они отвечали на тревожные вопросы. Запас воздуха, воды и пищи в скафандрах — на десять дней, и есть двигатель, способный перемещать скафандр на некоторое расстояние. Спасатели извещены и уже на пути сюда, так что всех подберут в течение скорее часов, чем дней. Все будет хорошо. И все же страшновато было покидать разгоняющийся корабль и окунаться в черную звездную пустоту в одном только скафандре. Многие входили в шлюз с округлившимися глазами, и Свон им сочувствовала, хотя в обычных обстоятельствах ей нравилось изумляться.

Некоторые группы покидали шлюз вместе, взявшись за руки; когда оставшиеся внутри увидели это на экране, почти все попробовали следовать их примеру. Люди общественные приматы и предпочитают рисковать вместе. Никто не хочет умирать в одиночку.

Время словно замедлилось, но Свон даже не заметила, как раздевалка опустела. Варам смотрел

на нее; его взгляд говорил, что они не обязаны, как капитан, покидать корабль последними. Она прочла это в его взгляде, рассмеялась и схватила его за Руку.

— Пойдем со следующей группой?

Он благодарно кивнул. Из этого отсека уйдет еще всего несколько групп. Он готов.

Свон втащила его в шлюз. Собравшиеся внутри двадцать человек смотрели на внешнюю дверь. Похоже на лифт промышленного размера. Некоторые обнимались. Рука находила руку, и вскоре вся группа образовала кольцо. Свон сильно сжала руку Варама.

Засвистел уходящий воздух. Свон и Варам обнялись. Наружная дверь разделилась надвое, и половинки ушли в корпус. Перед ними зияло черное пространство; звезды были как просыпанная соль. Между тобой и звездами только лицевая пластина. Звезд столько, что картина, которую видишь с Земли, бледнеет; вокруг пустое пространство, заполненное звездами, огромное и не имеющее ориентиров — человеческий мозг не в силах его осознать. Или просто ночное небо, примитивное переживание, половина жизни. Время спать, а может, и умереть. Они собрались с

силами и… квантовый скачек Шеклтона[138].

Они плыли в темноте; кое-кто пустил в ход двигатели, так что группа отвернула от стремительно удалявшегося корабля. Очень быстрый далекий осколок, сверкающий ослепительными огнями за кормой. Отвернись, не напрягай сетчатку, посмотри снова — «ШТУ-Мобиль» превратился в одну из звезд. Вы предоставлены самим себе.

Других групп не видно. Неожиданно мысль о том, что их найдут и спасут, показалась невероятной, сном или мечтой, которой не суждено осуществиться. Они прыгнули навстречу смерти.

Но Свон уже бывала в космосе и знала, что это возможно. В их скафандры встроены транспондеры, сейчас они посылают сигналы, как настойчивые маленькие маяки.

Они установили общую частоту 555, но время шло, а говорил мало кто. Сказать было нечего. Свон хотела отпустить ту руку, которая не была рукой Варама, но передумала. Его правую руку она крепко сжимала своей левой. Он сжал ее руку в ответ. Она переключилась на частоту 345 и услышала только его дыхание, спокойное

---

[138] Примечания: 138

Сэр Эрнест Генри Шеклтон (1874–1922) — англо-ирландский исследователь Антарктики, деятель героического века антарктических исследований.

и медленное. Он посмотрел на нее: он ее тоже услышал, услышал ее дыхание. За лицевой пластиной виднелось его лицо, круглое, выражение серьезное, но бесстрашное.

— Когда, по-твоему, это произойдет? — спросила Свон, глядя на белую точку, которую считала «ШТУ-Мобилем».

— Думаю, скоро, — ответил Варам.

И не успел он это сказать, как в той стороне, куда смотрела Свон, сверкнул огонек.

— Вот они!

— Возможно.

Наступила долгая пауза. Час… два часа… потом три.

Потом Варам сказал:

— Смотри, вон наш спасательный корабль.

Свон повернулась, чтобы посмотреть ему за плечо, и увидела небольшую космическую яхту, которая медленно подходила к ним под углом.

— Что ж, — сказала она. — Отлично.

Венера затенена; похоже, щит спасен. И они тоже.

Но тут прямо рядом с ними маленькая яхта взорвалась. Свон, ослепленная вспышкой, успела только отметить ее и тут же заключила, что при столкновении «ШТУ-Мобиля» с камнями осколки

могли полететь в их сторону и ударить в яхту — не повезло, думала она, кольцо из двадцати, разорванное, «расплывалось» под действием то ли вырвавшегося воздуха, то ли от ударов фрагментами яхты; значит, люди ранены; впрочем, в миг взрыва она ощутила, как Варам и тот, кто держал ее за другую руку, отрываются от нее. Вскрикнув от этого осознания, Свон повернулась, чтобы не потерять Варама из вида; он вращался, расставив руки и ноги, от одной его ноги тянулась нитка красных кристаллов.

— Полина, очисти мою лицевую пластину, — велела она, нащупала пальцами в перчатках управление двигателем, стабилизировала свое положение относительно Варама и включила двигатель, отправляясь за ним. По дороге Свон миновала небольшое облако обломков яхты, среди которого вращался большой кусок, добрая треть, а то и половина корпуса — каюты зияют, видны переборки, как на рисунке в разрезе или в кукольном доме. Пришлось изменить курс, чтобы разминуться с разбитым кораблем, потом попробовать вернуться на след Варама. Он по-прежнему вращался и казался гораздо меньше; Свон на максимальной скорости полетела к нему. Почти задача для Полины, но по-прежнему

нужно было лавировать среди осколков, поэтому она оставила управление за собой и гналась за Варамом, увертываясь от обломков яхты. Миновав их, она снова включила ускорение, вспомнив все свои навыки и не обращая внимания ни на что, кроме погони. Фигура впереди росла. Свон закричала:

— Полина, помоги!

— Позволь мне вести скафандр.

— Хорошо, только быстрей!

— Двигатель и так работает на полную мощность. Мне придется затормозить, если ты не хочешь проскочить мимо.

— Ну же!

Они неслись сквозь звезды. Варам в поле зрения по-прежнему рос. Свон снова взяла управление на себя вопреки возражениям Полины и продолжала стремительное сближение до самой последней секунды, а тогда резко повернула и выключила двигатель, едва не столкнувшись с Варамом; пришлось пролететь мимо (опять с помощью двигателя) в нескольких сантиметрах. Свон увидела его лицо: он потерял сознание, рот у него был раскрыт; Свон закричала, снова врубила двигатель, сделала крутой поворот и вернулась к нему. Полина не могла бы проделать это лучше.

Его скафандр был пробит под левым коленом, свернувшаяся и замерзшая кровь напоминала большой струп. Свон ухватила скафандр возле раны и стянула края.

— Дай шланг, надо выпустить воздух из штанины.

Скафандр Варама должен был перекрыть отверстие перегородками, как турникетом. Может, нижняя часть ноги уже замерзла и погибла, но скафандр справился с утечкой и поможет справиться с шоком. Она взяла высунувшийся из ее пояса шланг и продела его в отверстие в скафандре, маленькое, меньше сантиметра диаметром — шланг едва прошел. Свон пальцем зажала отверстие с другой стороны и подала через шланг теплый воздух. Все это время она кричала:

— Варам, я здесь, очнись!

Ответила только Полина:

— Из-за твоего крика я не могу считать его жизненные показатели.

— Что это значит?

— Он дышит. Сердце бьется.

— А что с ногой?

— Кожа обморожена, вероятно, ткани тоже. Давление девяносто на пятьдесят, значит, он

потерял много крови. Он в шоке.

— Стабилизируй его, согрей! Возьми управление его скафандром!

— Успокойся. Я связалась с его скафандром. Пожалуйста, помолчи.

Свон замолчала и предоставила своему компьютеру действовать. Срочная медицинская помощь — один из древнейших алгоритмов ИИ, настолько отлаженный за столетия, что компьютер теперь справлялся лучше человека. Полина сказала: есть все основания считать, что его положение стабилизировалось.

Но потом Полина сказала:

— Его скафандр поврежден. Я хочу взять управление на себя.

— Ты это можешь?

— Да. Это легче сделать, подключившись к нему, так что отныне вы связаны.

— Тем лучше, только делай.

Свон принялась возиться с дырой в штанине скафандра. Скафандр можно было починить, поставив заплату, и Свон принялась готовить эту заплату, привязанная к поясу Варама энергетическим и информационным кабелем. Вокруг медленно вращались звезды, но она на них не смотрела. Заплаты в наборе Варама были в ос-

новном квадратные с закругленными углами; требовалось снять с заплаты оболочку, потом приложить, прижать и ждать, пока пройдет химическая реакция.

Когда скафандр был запечатан, она спросила Полину, можно ли что-нибудь сделать с ногой. Возможно, зря, но Свон понимала, что боится. Полина сказала — не стоит.

— Его скафандр применил повышенное давление воздуха и коагулянты. Кровотечение уже остановлено.

— Скафандр оказывает ему медицинскую помощь?

— Да.

Утешительно было напомнить себе, что скафандр — не только маленький космический корабль, но и своего рода личный госпиталь.

— Варам, ты меня слышишь? — спросила она. — Как ты?

— Слышу, — прохрипел он. — Не очень.

— Что болит?

— Ногу жжет. И я… тошнит. Пытаюсь удержать рвоту.

— Хорошо, сдерживайся. Полина, можешь дать ему что-нибудь противорвотное?

— Да.

Они плыли сквозь звездную ночь. Свон не хотелось это признавать, но больше она ничего не могла сделать. Млечный Путь казался мотком белого светящегося шелка с Угольным Мешком[139] и другими черными пятнами, еще более черными, чем обычно. В остальных местах звезды везде так наполняли черноту, что она не казалась кромешной — словно за чернотой таилась белизна, нестерпимо яркая. «Чернота в Млечном Пути должна означать, что в Угольном Мешке очень много угля. Неужели вся чернота неба сделана из черной угольной пыли? — рассуждала Свон. — А если бы все звезды Вселенной были видны, стала бы ночь белой?»

Самые яркие звезды словно находились от них на разных расстояниях. Когда Свон увидела это, космос раздался, вытянулся вдаль, перестал казаться задним планом, до которого несколько километров. Они были не в черном мешке, а в бесконечном пространстве. Свидание в огромной комнате.

— Варам, как ты себя чувствуешь?

— Немного лучше.

Это хорошо. Рвота в шлеме опасна, не говоря

---

[139] Примечания: 139

Угольный Мешок — темная туманность в созвездии Южного Креста.

уж о том, что последствия неприятны.

Они плыли в пространстве. Прошло несколько часов. Пища поступала к ним в жидком виде — в скафандре можно было пить через трубку, еще в специальных мешках в шлеме были бруски, которые можно жевать, — жевать и глотать. Свон проделала все это. Помочилась в памперс в скафандре.

— Варам, есть не хочешь?

— Я не голодный.

Не очень утешительно.

— Тебя снова тошнит?

— Да.

— Плохо. Сейчас я попробую стабилизировать нас относительно звезд. Ты почувствуешь, как я тебя тяну. Может, тебе закрыть глаза, пока мы не остановимся?

— Нет.

— Хорошо, все равно будет не очень быстро. Поехали.

Она дала толчок в направлении, противоположном вращению; из-за тяжести Варама, висящего у нее на боку, это было трудно. Лучше взять его на буксир и толкать вперед. Она так и сделала и чуть сжала его; в ответ он тихонько жалобно замычал. Она более или менее стаби-

лизировала их относительно звезд и развернула так, что впереди оказалась Венера. Планета оставалась в тени. Если солнечный щит уничтожен или поврежден, они бы, несомненно, увидели это — ставший ослепительно белым полумесяц или какую-то часть, и, поскольку они были со стороны «зонтика», внешней части щита, который возможно подвергся удару, Свон казалось, что освещенная сторона Венеры должны быть обращена к ним.

А может, и не должна: приходилось признать, что она потеряла ориентацию. Но, похоже, атака сорвана.

— Полина, можешь сказать, что произошло с кораблем и щитом?

— Поступают только первые отчеты по радио, но из них следует, что произошло столкновение «ШТУ-Мобиля» с группой камней вчетверо большей его по массе. Это укладывалось в предусмотренные пределы, к тому же корабль шел с такой скоростью, что смог отвернуть массу от щита.

— Значит, получилось.

— Если не считать того, что осколки ударили по кораблю возле нас, взрыв разбросал обломки корабля, и один из них попал в Варама.

— Да, конечно. Но это просто не повезло.

— Несколько человек на корабле, должно быть, погибли.

— Знаю. Очень не повезло. Их накрыло «шрапнелью». Но щит уцелел?

— Да. Система его защиты, очевидно, отразила обломки, и те полетели в нашем направлении.

— Значит, сейчас система поверила в камни?

— Или ее отражательные элементы поверили. Не знаю, какая там у них была проблема.

— Они знают о новой системе Вана с повышенным уровнем обнаружения?

— Ван говорил им, но их система закрытая, чтобы избежать вмешательства. Не знаю, подключились ли они к новому источнику сведений.

— Возможно, в действия закрытой системы как раз легче вмешаться.

— Могла эта система отказаться от новых данных?

— Маловероятно. Сейчас она в подчинении непосредственно руководства Рабочей Группы, а на Венере проблемам безопасности придают очень большое значение.

Варам ничего не добавил к этому разговору. Свон держала его за руку, время от времени сжимая ее. Больше они ничего не могли сделать. Он

в ответ сжал ее руку, и его пальцы расслабилась.

— Ты в порядке? — спросила она.

— Все хорошо, — ответил он.

— Пробовал поесть?

— Еще нет.

— Что-нибудь выпить?

— Нет пока.

Они плыли в темном пространстве, невесомом и теплом, подобно двум маленьким спутникам Венеры или двум самостоятельным планетам на околосолнечной орбите. Иногда такую ситуацию сравнивают с возвращением в утробу, в позу зародыша. Прими психоделический наркотик, будь Звездное Дитя. На самом деле зрелище совсем не такое ужасное, как можно было бы подумать. На несколько мгновений Свон даже задремала. А когда открыла глаза, ей показалось, что Венера стала чуть больше. Неудивительно: покидая корабль, они, должно быть, двигались с большой скоростью.

— Ты по-прежнему здесь?

— По-прежнему.

Вот и хорошо, подумала Свон. Мы оба здесь. Делать нечего, только ждать. Ожидание никогда не входило в число ее любимых занятий. Обычно у нее бывало больше дел, чем времени на них,

поэтому она всегда торопилась. Ей показалось, что они слишком долго ждут спасения. Когда они уходили с корабля, шел разговор о спасателях, которые направляются к ним. Может, Варама отбросило в противоположную сторону, а Свон, не заметив этого, последовала за ним. Или они покинули плоскость эклиптики и оказались в стороне от маршрутов кораблей-спасателей. Или бедная погибшая яхта была единственным кораблем в этом районе, и теперь им придется ждать, пока не подберут всех остальных. Погибшая яхта, вероятно, главная причина увеличения числа жертв, поэтому на них рано или поздно обратят внимание. Спасатели поймут, что подобрали не всех, и станут искать дальше; а в скафандрах мощные передатчики. Задержка, скорее всего, объясняется тем, что они не в плоскости эклиптики. Или ушло много времени на то, чтобы подобрать всех остальных. Последнее ускорение «ШТУ-Мобиля» может означать, что их скорость превышает обычную скорость кораблей-спасателей. Если все пройдет, как должно, ресурса скафандров им хватит — скафандры способны поддерживать жизнь десять дней, а они пробыли в пространстве всего лишь (надо уточнить у Полины) часов двадцать. Больше или меньше — она не могла сказать.

Венера определенно подросла. Свон вспомнила рассказы о заблудившихся в космосе, найденных спустя много лет замерзшими. Сколько таких было в истории человечества?

Десятки, сотни, тысячи? Она мысленно услышала старинную марсианскую песню:

Я плыл, думая о Питере.
Конечно меня спасут.
Но рассказы лгут,
И меня оставили умирать.
Черный космос станет моей могилой.

Несомненно, большинство этих несчастных до конца надеялись на спасение. Надежда уходит медленнее, чем заканчиваются воздух и еда в скафандрах; они вспоминают рассказы о Питере, кружащем вокруг Марса, или о других спасенных и верят, что маленький космический корабль неожиданно появится рядом с ними, точно НЛО, — как спасение, как сама жизнь. Но ко многим корабль так и не пришел, и в последний миг им пришлось смириться с тем, что эта история вранье и не о них. Она справедлива для кого угодно, но не для них; те, прочие, — избранные, а они — забытые, оставленные в прошлом. Такова мрачная марсианская песня.

Может, на этот раз *мы* войдем в число забытых. Свон встряхнулась, проверила общую частоту — много голосов; перешла на экстренную частоту и прохрипела отчет о своем положении и вопрос. Ответ пришел полчаса спустя: они видны на радаре, к ним идет корабль спасателей; они действительно вышли из плоскости эклиптики, а все станции наблюдения были заняты. Но их нанесли на карту, и помощь со временем обязательно придет.

Итак… осмотрись. Расскажи Вараму что узнала, успокой его. Попытайся расслабиться.

Расслабиться она не могла. Ее охватил вызывающий беспомощность ужас, как будто вскипела кровь. Полина это знает; сейчас она, должно быть, делает ей инъекцию успокоительного из аптечки скафандра. Свон надеялась на это. Делать нечего, только ждать. Продолжать дышать. Ждать и смотреть. У нее была роскошная жизнь — ей всегда было, чем заняться, никогда не приходилось просто ждать. Но теперь в ее реальность добавилось и это. Иногда приходится только ждать.

Что ж, пусть так. Ожидание само по себе не так уж плохо. Лучше, чем блэклайнер. Венера, кажется, еще ближе и, пожалуй, чуть ярче — возможно, солнечный щит все же слегка поврежден

с края, ближайшего к месту нападения. Свон видела темные облака вокруг наиболее темных полос — это, должно быть, плоскогорье Иштар. Под облаками есть и пятна посветлее, но Свон не знает, что это: замерзший океан или замерзшая земля. Ничего голубого, коричневого или зеленого, только серые облака над серой землей, темной и совсем темной.

— Мне лучше, — неуверенно сказал Варам, словно проверяя свое утверждение.

— Отлично, — ответила Свон. — Выпей чего-нибудь. У тебя, вероятно, обезвоженность.

— Пить хочется, да.

Прошло еще время. Варам начал негромко насвистывать — одну из мелодий, которые насвистывал в туннеле. Бетховен, узнала она, но не симфония; должно быть, один из поздних квартетов. Медленное развитие мелодии. Наверно, именно этот квартет Бетховен написал, оправившись от болезни. Она поймет это, только когда услышит финал. Но финал должен быть хороший. Она тихонько начала подсвистывать, аккомпанируя; сжимала его руку и позволила жаворонку в ней петь. Но мелодия была медленная, жаворонок с ней не справлялся, следовало найти способ умерить темп и присоединиться к

Вараму. Участок мозга жаворонка в ней помнил мелодию, которой Варам научил Свон на Меркурии. Когда они шли под поверхностью Меркурия — давным-давно, казалось, целую жизнь назад. Та жизнь ушла, и эта уйдет — и сейчас нет никакой разницы, выживут они или нет. О, красота мелодии — есть на что опереться. Мозг жаворонка продолжал петь в ней, взмывая над медленной мелодией. И разные мелодии сплетались.

— Помнишь? — спросила она, прервав пение. Голос напряженный, рука крепко сжимает руку. — Помнишь, как мы были в туннеле?

— Да, помню.

И снова к мелодии. Свист Варама еле слышен, или он так свистит, что свист кажется едва слышным. Может, ему все еще больно. В музыкальном отношении в туннеле было лучше. Теперь они похожи на Армстронга и Фицджеральд; его напряженный свист с трудом достигает случайного, минимального совершенства, ее совершенство возникает без усилий, она просто поет. Дуэт противоположностей. Борьба и игра, вместе они создают нечто превосходное. Возможно, необходимы оба. Возможно, она превращает свою игру в борьбу, тогда как нужно превратить борьбу в игру.

Они подошли к теме финала; да, это благодарение. Гимн благодарения после избавления от тяжелой болезни. Варам сказал, что это так называемая лидийская тональность. Название удачно описывает чувство; так бывает не всегда. Благодарность заложена в саму мелодию, с безошибочной чуткостью к музыке как языку чувства. Но как это возможно? Кем он был? Бетховен, человек-соловей. В нашем мозгу живут песни, подумала Свон, неважно, есть ли там птичий участок; они и без того здесь, в самом мозжечке, сохраняются миллионы лет. Здесь нет смерти; возможно, смерть — иллюзия, может, эти образцы жили и раньше, музыка и эмоции, летящие во Вселенной друг за другом на крыльях бренных птиц.

— С самого туннеля, — сказала Свон, когда Варам перестал свистеть, — у нас отношения.

— М-м-м, — ответил он, соглашаясь или нет, непонятно.

— Ты так не думаешь? — спросила она.

— Думаю.

— Если бы мы не хотели натыкаться друг на друга, мы бы этого избежали. Так что, наверное, мы хотим не этого. Мы хотим…

— Хм, — уклончиво ответил он.

— Что ты хочешь сказать? Ты не согласен?

— Вовсе нет.

— Тогда что?

— Я хочу сказать, — медленно заговорил Варам, обдумывая свои слова, умолк, а потом как будто утратил желание говорить. Сквозь лицевую пластину Свон видела, что он наконец смотрит на нее, а не на звезды, и это показалось ей добрым знаком, но она все равно нервничала, поскольку он был серьезен и напряжен. Погружение в сознание — работа трудная, и ее Жаб занимался этим серьезно и самозабвенно.

— Мне нравится быть с тобой, — снова заговорил он. — С тобой все кажется интересней, чем без тебя. — Он не сводил со Свон глаз. — Мне нравится свистеть с тобой. Нравится проведенное нами время в туннеле.

— Тебе оно понравилось?

— Конечно. И ты это знаешь.

— Нет, — сказала она. — Я не знаю, что знаю и чего не знаю. В этом часть моей проблемы.

— Я люблю тебя, — сказал Варам.

— Конечно, — ответила она. — А я тебя.

— Нет, нет, — возразил он. — Я *люблю* тебя.

— Понятно! — сказала она. — Но боже… я не совсем понимаю, о чем ты.

Он улыбнулся своей легкой улыбкой. Такой легкой, что она была почти не видна за лицевой пластиной… но появлялась она только тогда, когда ему действительно хорошо. Это не проявление вежливости. Когда он просто вежлив, он смотрит иначе.

— Я тоже не совсем понимаю, — сказал он. — Но все равно говорю. Желание сказать тебе это — разве это не любовь?

— О-хо! — сказала Свон. — Послушай, у нас какой-то странный разговор. У тебя обморожена нога, и ты, должно быть, в шоке. Скафандр напичкал тебя разными успокоительными.

— Очень возможно, — сонно ответил он. — Но, даже если так, я все равно могу сказать, что чувствую на самом деле. Сказать, пока не поздно, выразимся так.

Он снова улыбнулся, но коротко; смотрел на нее, как… Свон не знала как. Не как ястреб, и ничего похожего на долгий взгляд волка; скорее это взгляд, полный любопытства, взгляд вопросительный — лягушачий вопрос; он словно спрашивает: а ты что за тварь? Робот? Рупор? Рыба?

Она не знает. Не может сказать. Ее Жаб взирал на нее глазами как из яшмы. Свон посмотрела

на него: такой медлительный, такой замкнутый, сдержанный, педантичный… если все это верно. Она попыталась в одной фразе или характеристике собрать все, что знает о нем, но не сумела: было множество обрывков, небольших происшествий, ощущений, и их долгое общее время вместе, тоже из обрывков и путаницы. Но — интересен! Вот что в центре, вот слово, которое он сам использовал. Он интересен ей. Ее влечет к нему, как к произведению искусства или к ландшафту. Он осознает свои действия, это точно; проводит четкую линию. Он показал ей новые действия, но и новые чувства. Быть таким спокойным! Таким внимательным! Он удивлял ее этими своими качествами.

— Гм, ладно, я тоже тебя люблю, — сказала она. — Мы многое пережили вместе. Позволь мне подумать. Я, кажется, думала не о том, на что намекаешь ты.

— Предполагаю, — согласился он.

— Ладно, да, хорошо. Я подумаю о том, что это значит.

— Хорошо.

Снова эта его легкая улыбка.

Они плыли в черноте, пронизанной белым. Ослепительный блеск: говорят, в космосе нево-

оруженным глазом видны сто тысяч звезд. Наверно, компьютер подсчитал те звезды, которые способен рассмотреть человек. Свон казалось, что звезд гораздо больше.

Они невесомо покачивались, сотрясаясь, когда она моргала или дышала. Свон слышала собственное дыхание и биение своего сердца, слышала шум крови в ушах. Звуки движения живого существа сквозь пространство и сквозь время. Удар сердца за ударом сердца. Если она прожила век с третью, ее сердце сократилось примерно пять миллиардов раз. Кажется, что это очень много, пока не начнешь считать. Счет сам по себе предполагает конечное число, а это по определению означает «мало». Странное ощущение.

Но считать свои вдохи — это и буддистская церемония, лежащая в основе поклонения Солнцу на Меркурии. Она сама это практиковала. Теперь они здесь, противостоят Вселенной, смотрят на нее из крепостей своих скафандров и тел. Слышат тело, видят звезды и глубокую черную пустоту. Вот созвездие Андромеды, а в нем галактика Андромеды — скорее эллиптическое пятно, чем плотная точка. В раздумьях о том, что это такое, Свон иногда удавалось продвинуть третье измерение еще дальше в черноту — воспринимать

не только глубину полей, проколотых звездами на разном расстоянии, что можно посчитать признаком их яркости, но и Андромеду в целом как целую галактику, гораздо более дальнюю, чем хватает глаз — вот они, бездны пространства, продолжение вакуума, которое она воспринимает зрением. Ужасные минуты, но, правду сказать, недолгие, как же иначе — человеческое зрение, человеческий мозг устроены не так, чтобы воспринимать такие просторы. Она знала, что тут требуется работа воображения, но, когда эта мысль сочеталась с тем, что она действительно видела в данную секунду, окружающее становилось вполне реальным.

И такое случилось опять, вот оно: Вселенная во всей своей огромности. 13,7 миллиардов лет расширения; все может разлететься, точно солнечная корона, и все, что в ней светится, окажется рассеянным в пространстве. Как раз это происходит сейчас прямо у нее на глазах.

— У меня галлюцинации, — сказала Свон. — Я вижу Андромеду как галактику, это дыра, проткнувшая черноту; я словно вижу новое измерение.

— Хочешь Баха? — спросил он. — Как сопровождение?

Она невольно рассмеялась.

— В смысле?

— Я слушаю виолончельную сюиту Баха, — сказал он. — Как я убедился, она очень хорошо подходит к этой картине. Хочешь послушать?

— Конечно.

Ночь прорезали звуки виолончели, торжественные, но легкие.

— Откуда у тебя это? Было в твоем скафандре?

— Нет, в моем ИИ на запястье. Он слабенький по сравнению с твоей Полиной, но это в нем есть.

— Понятно. Значит, ты носишь с собой слабый ИИ.

— Да, верно.

Тишину заполнил особенно выразительный пассаж Баха. Виолончель словно была третьим участником разговора.

— Нет ли у тебя чего-нибудь повеселее? — спросила Свон.

— Наверно, есть, но я нахожу эту музыку очень живой.

Она рассмеялась.

— Еще бы!

Он хмыкнул, размышляя.

— Можно перейти к фортепианной музыке Дебюсси, — сказал он после того, как виолончель

издала особенно глубокий звук странного тембра, мрачный, как сам космос. — Думаю, это как раз то, что тебе нужно.

Виолончель сменило фортепиано, полетели легкие, звонкие, как колокольчик, звуки, складываясь в мелодии, напоминающие рябь на воде. Свон слышала, что у Дебюсси был птичий мозг, и она насвистывала, повторяя его фразы, стараясь угадать, что последует дальше. Это было трудно. Она прекратила.

— Очень красиво.

Варам сжал ее руку.

— Хотел бы просвистеть это с тобой, но не могу.

— Почему?

— Мне это трудно запомнить. Когда я это слышу, всегда удивляюсь. Я хочу сказать, что узнаю мелодию, я слышал ее десять тысяч раз, но только внутренним слухом — просвистеть эти мелодии по памяти не могу, они слишком… слишком неуловимы, вероятно, или чересчур изящны. Неожиданны. И словно не повторяются. Послушай — это как будто новая вещь.

— Прекрасно, — сказала она и просвистела другой соловьиный напев.

Много позже он выключил музыку. Тишина

была невероятно огромной. Свон снова услышала свое дыхание, биение своего сердца. Оно билось двойными ударами, чуть быстрее обычного, но больше не частило. Успокойся, снова приказала она себе. Ты в космосе, но тебя спасут. А пока ты здесь, с тобой Варам и Полина. Это мгновение, по сути, ничем не отличается от других. Сосредоточься и не волнуйся.

Возможно, описывать что-либо «как это» или «как то» значит всего-навсего втыкать булавки в доску-органайзер воспоминаний, — этакие булавки с бабочками в коллекции энтомолога. Это не обобщение, как может показаться, а просто крупица понимания. Действительно ли Варам говорил то, что она помнит, когда пытается пересказать его слова? Он был «как то», он был «как это» — она, в сущности, не знает. Человек производит впечатление на других, и только. Мы не слышим, что люди думают, мы слышим лишь, что они говорят; это капля в океане, прикосновение через пропасть. Рука, держащая твою, когда плывешь в черном пространстве. Такая малость! Нельзя достаточно хорошо узнать другого. И вот говорят: он такой, а она такая, и называют это личностью. Предположительно высказывают суждение. Но это только догадка. Нужно годами

разговаривать с человеком, чтобы твоя догадка имела хоть какую-то ценность. И даже в этом случае нельзя быть уверенным.

Когда я с тобой, мысленно говорила она Вараму, пока они в ожидании плыли вместе, держась за руки, — когда я с тобой, я чувствую легкое беспокойство; мне кажется, меня оценивают и признают недостойной. Не такой, какая должна тебе нравиться; я нахожу это обидным и в большей степени, чем обычно, веду себя как эта часть меня. Хотя хочу, чтобы ты думал обо мне хорошо. И одновременно это желание злит; таким образом, я противоречу себе. Почему мне не должно быть все равно? Тебе ведь все равно.

И однако тебе не все равно. «Я *люблю* тебя», — сказал ты. И (вынуждена была признаться себе Свон) ей хотелось, чтобы он так чувствовал, когда они вместе. Если это любовь, это желание чувства, которое она не может понять, даже испытывая его. Потому люди иногда считают это безумием? Слова те же, даже чувства те же, но между словами и чувствами проскальзывает что-то такое… трудно проследить… Желание знать, быть известной, чтобы тебя считали тем, что ты есть, а не тем, чем слывешь. Но вот ты здесь… Трудно не думать, что человек, который любит

ее, очень и очень ошибается. Ведь она знала себя лучше всех и поэтому понимала, что их любовь — ошибка. А значит, они глупцы. И в то же время она хотела именно такой неправильной любви. Чтобы кто-то любил ее больше, чем она сама. Любил бы ее вопреки всему, был щедрее и великодушнее к ней, чем она сама. Такой была Алекс. Когда видишь это, чувствуешь это — любовь вне справедливости и правосудия, любовь из щедрости — это вызывает и другие чувства. Какое-то свечение. Избыток. То, что рожает чувство и заставляет понять — оно взаимно. Взаимное узнавание. Как будто зеркальный зал. Пустить лазерный луч между двумя зеркалами, луч будет прыгать туда и обратно, две части чего-то большего; не просто зверя с двумя спинами (хотя это, тоже, конечно здорово — замечательное животное), но чего-то еще, иного типа — вроде пары, как Плутон и Харон, с общим центром тяжести между ними. Не один сверхорганизм, но два работающих вместе над чем-то, что не есть они сами. Дуэт. Гармония.

Свон засвистела другую мелодию Бетховена, которую Варам часто насвистывал в туннеле; она по-прежнему с трудом различала мелодии, но знала, что это тоже благодарение — после

сильной бури, когда все живые существа возвращаются на солнце. Простая мелодия, напоминает народный напев. Свон выбрала ее за то, что ее, одну из немногих, Варам мог воспроизвести с усложнениями, которые есть в оригинале. Он подхватил. Не так силен, как раньше, хотя и раньше был недостаточно силен. В его свист золотой проволокой вплетена боль.

По правде говоря, он вовсе не музыкант. Но у него хорошая память на любимые произведения, и он действительно их любит.

Она принялась нанивать трели вокруг главной темы, и Варам с облегчением вернулся к ней. Может, для этого и существуют дуэты.

— Возможно, я люблю тебя, — сказала она. — Возможно, это я и чувствовала последние два года. Просто не знала, что это.

— Может быть, — согласился он.

Он думает, что «может быть» не считается или что «может быть» лучше, чем ничего.

— Медленная часть Седьмой, — сказал он, — если не возражаешь.

И Варам снова повел одну из мелодий, которые сопровождали их под Меркурием, — ту, что Свон нравилось разнообразить: в ней было так много возможностей. Иногда они свистели ее часами,

полдня или больше. Торжественно, возвышенно, изящно; иногда — как сам Варам проходил сквозь дни: маршем. Так идет тот, на кого можно рассчитывать.

— Может быть, — повторила она. — Очень может быть.

Снова старая мелодия, как тогда, когда они оказались в западне и все зависело от их продвижения вперед. Как сейчас, когда они плывут в пространстве, ожидая спасения, надеясь, что оно придет.

Их вера оправдалась. Полина объявила:

— Приближается корабль.

Среди точек расцвела одна белая и через несколько секунд превратилась в другую космическую яхту, небольшой хоппер; он повис над ними, как мечта, необыкновенная, волшебная.

— Замечательно, — сказала Свон.

Теперь они тоже Питеры. Надо запомнить: спасение — лишь продолжение. Они двинулись к маленькому кораблю; Свон старалась запомнить свои ощущения — ощущение, что плывешь в пространстве, Андромеду, взгляд Варама, их дуэт. Эти часы могли стать для них последними. Она снова вспомнила Алекс. Наши истории продолжаются, отдельные гены и слова проявляют

стойкость, а потом мы уходим. Вот это запомнить трудно. Когда дверь шлюза закрылась за ними и они вошли в корабль, она тут же все это забыла.

Киран на льду

Глаза из ящика продолжали смотреть на Кирана, и ему пришло в голову, что он не должен этого видеть; взглянув на высокого охранника, он понял — того осенила та же мысль. Пока охранник набирал шифр, вновь закрывая ящик, Киран вышел и зашагал обратно той же дорогой, какой пришел. Он свернул на первую попавшуюся улицу, торопливо дошел до ближайшего перекрестка и опять обернулся: одного взгляда хватило, чтобы понять — охранника пока не видно. Дальше чуть медленнее, прикидывая, какие у него возможности. Поезд между Винмарой и Клеопатрой несомненно проверят, и поезд только один.

Большинство населения города еще празднует незатмение и окончание дождей. Киран знает, где выход из его теперешнего положения. Он свернул направо и двинулся к шлюзу наружу. Улицы города под раковиной почти пусты. Выход впереди; никого из его нового рабочего отряда не видно, нет и охранников, кроме тех, что обычно стоят у ворот. Киран показал одному удостоверение, подошел к шлюзу и проверил герметичность

своего скафандра.

Наружу, в сугробы Венеры. Люди спускались с холмов, выходящих на залив; проходя мимо них, Киран отворачивался; он шел на запад от города. Выйдя за окраину строящегося города, он перевалил через холм — теперь его нельзя было увидеть из Винмары — и пошел по широкой полосе на юг, к океану.

Здесь внизу все еще было покрыто замерзшим CO_2; он рассчитывал уехать на одной из гигантских машин или механизмов, вспенивающих камень. Нужно было добраться до Колетты, но он опасался, что вся транспортная система предупреждена и его ищут. Теперь он лучше понимал, что такое быть двойным агентом, или кротом, или кем там еще он стал; это значило, что ни одна сторона о нем не позаботится, не станет защищать, если возникнут проблемы. С другой стороны, если он доберется до Шукры, у него есть информация, которую Шукра просил раздобыть. Так что очевидный выход — добраться до Колетты.

Винмара расположена южнее Короны Онаты. Оната — богиня кукурузы у ирокезов, подсказала карта на лицевой пластине; несомненно, куда более дружелюбная богиня, чем Лакшми, которая

все-таки госпожа Кали. Все, что Киран слышал о Лакшми, заставляло его думать, что недовольства Лакшми ему не пережить. При этой мысли он хмыкнул и достал из кармана скафандра очки-переводчик, полученные от Лакшми. И неохотно (поцеловав их напоследок за все, что они сделали, чтобы улучшить его любовную жизнь) отшвырнул. Жаль, что не подумал об этом в городе, но возвращаться туда не стоило.

Большие машины, перерабатывающие камень, из Винмары Киран видел на горизонте, и теперь решил, что они должны быть недалеко. Но, идя по хрустящему и местами скользкому снегу, понял, что вид из города вниз по склону ледяного моря открывался очень далекий, на гораздо большие расстояния, чем ему казалось. Тут могло быть много километров.

Эта мысль начала его угнетать, однако, перевалив через небольшой ледяной подъем, он увидел супертранспортник, не рядом, но всего в паре километров; машина двигалась по обыкновению медленно. Киран побежал. Машина наискосок шла к нему, должно было получиться; ему надрываться незачем.

Тем не менее, добежав до машины, он тяжело дышал и отдувался. К несчастью, если в машине

кто-то был, в окно на самом верху и впереди этой штуки никто не смотрел. Кирану оставалось одно — подобраться к машине и подняться на борт там, где лестница спускалась почти до земли. Взобраться по лестнице и залезть на крышу, которая не только ограждена перилами, но заставлена разными инструментами. К несчастью, когда висишь, пытаясь дотянуться до окон, ты совершенно открыт, да и держаться почти не за что. А окна все равно вне досягаемости, и это ужасно злит.

Но в крыше был люк; увидев его, Киран заколотил по нему кулаками, потом застучал каблуками. Он осматривался в поисках чего-нибудь покрепче, когда огромная машина с грохотом остановилась, и вскоре Киран услышал внизу голоса; люк открылся.

— Спасибо! — крикнул Киран. — Я заблудился.

Два венерианина впустили его внутрь, и ему пришлось нелегко, пока он объяснял, как умудрился оказаться посреди замороженного океана: пришлось сослаться на выдуманное разрешение использовать на отдыхе наркотики и на потерю ориентации; хорошо, что его растерянность была очень уместна для подкрепления и самой сказки и невероятных подробностей. Венериане

слушали все это через переводчика, говорившего по-китайски, и только кивали, как будто уже не раз сталкивались с такой глупостью; потом вернулись к своей игре на экране. Кирану они сказали, что направляются в Бахет-Патеру и проведут там четыре часа. Если хочет, в холодильнике есть пиво.

Рабочий лагерь, куда они держали путь, был одним из многих, которые Киран видел на карте; эти лагеря тянулись вдоль северного берега нового океана; накрытые куполами, они служили приютом рабочим, собиравшим последние остатки CO_2. Киран предъявил в лагере свое первое удостоверение; на него едва взглянули и направили в столовую. Он жадно ел и одновременно изучал карту на экране стола. Он уже заметил на лагерной парковке быстрые маленькие снегоходы; карта показывала, что лагеря расположены вдоль берега неподалеку один от другого, так что на переезд хватает одной заправки снегохода. Может даже так было сделано специально.

Отлично. Несмотря на постоянную ночь, здесь придерживались обычного распорядка; Киран подождал, пока все лягут, потом прошел на стоянку, проверил, достаточно ли горючего, включил двигатель и отправился на запад.

Снегоход, аккуратная маленькая машина, более походил на автомобиль на лыжах, чем на те чудовища, что использовались для работ на отдалении. В первые месяцы на Венере Киран часто ездил на них; теперь он дал указания ИИ и просто следил, как ландшафт скользит мимо. Снег здесь был плотно утрамбован, и машина шла быстро. Переход будет, так сказать, ночным: до следующего лагеря он доберется к подъему. Может, просто подъехать к стоянке, пересесть в другой снегоход и ехать дальше? Никого не заботят эти машины, они никому не принадлежат. И ехать в них некуда.

Так он говорил себе, засыпая; а когда проснулся, ИИ привел машину на стоянку и все получилось, как он надеялся. Вышел из одного, сел в другой и поехал дальше; никто ничего ему не сказал.

— Люблю Венеру, — сказал он пилоту ИИ. Его старый пояс-переводчик повторил это по-китайски, хотя, вероятно, ИИ понимал и по-английски. Старый пояс — большой шаг назад после очков, но в таких обстоятельствах это неважно.

Еще два лагеря, еще два снегохода, и он приехал в лагерь, который отметил на карте; сюда подходила железнодорожная ветка, по которой можно доехать до Ут-Рупса и Веста-Рупса, а далее

в Колетт. Приехав в лагерь, он увидел поезд возле вокзала (на самом деле это была погрузочная площадка с совсем маленьким зданием). Слезая со снегохода, Киран заметил, что в вагоны при ярком свете прожекторов грузят автомобили. Ярко освещенные, грузчики ничего не видели за пределами своего конуса света, поэтому он пробрался мимо них, оставаясь в темноте. Когда они заканчивали работу, он бросил камень в здание у рельсов; все отправились смотреть, в чем дело, а Киран вскочил в вагон и спрятался между ящиками. Вскоре вагон закрыли, он дернулся и с магнитной плавностью двинулся вверх по длинному склону к Колетту, расположенному над равниной Лакшми — зловещее название.

Киран уснул и проснулся, изрядно проголодавшийся, когда дверь вагона наконец раскрылась. Он немного подождал, выскользнул из вагона и пошел прочь. Вокруг никого не было. Сначала он не был в этом уверен, но, выйдя из вокзала, убедился: он под куполом Колетта. Пошел третий день, как он удрал из Видмара; от голода слегка кружилась голова, но он все равно был доволен.

Теперь надо найти Шукру. Можно вернуться в свое прежнее жилище, но именно там с ним встречался агент Лакшми… Он пошел по ши-

роким городским улицам, стараясь выглядеть незаметным, и добрался до здания, куда его впервые привела Свон на встречу с Шукрой. Очень давно. После той первой встречи Шукра всегда сам приходил к нему, так что Киран не знал, куда еще пойти. У него было много времени, чтобы подумать об этом, но он по-прежнему не знал, как лучше поступить. Не исключено, что теперь он выскочил из огня да в полымя, но поскольку Шукра связался с ним и объяснил, что искать, кажется, легче было опять переместиться из полымя в огонь или даже вообще уйти из печи. Киран не видел возможности обойтись без посторонней помощи, а надеяться на помощь можно было прежде всего от Шукры. Поэтому он направился к входу в здание, подошел к охранникам и сказал троим стоявшим там людям:

— Я пришел увидеться с Шукрой. Пожалуйста, сообщите, что у меня есть то, что ему нужно.

Свон и Киран

Как выяснилось, их подобрал корабль Интерплана; они умылись и поели, потом проспали двенадцать часов, снова поели, а тогда были уже на орбите около Венеры и после в посадочном модуле. Модуль камнем падал на по-прежнему затененную планету, затормозил и опустился на посадочную полосу. Когда вышли в большой вестибюль космопорта, Свон увидела, что они приземлились возле Колетта. На севере виднелись заснеженные холмы, тусклые под темными облаками. Венера!

Перед глазами Свон по-прежнему стояло происходившее в космосе, поэтому все, что она видела сейчас, казалось сном. Как только начались медицинские обследования и долгие проверки службы безопасности, их с Варамом разлучили. Люди, беседовавшие с ней, были расстроены; очевидно, заниматься сиюминутными делами пришлось в первую очередь, хотя все было ясно. О том, что с ними произошло, и о своих чувствах Свон подумает позже. Она не хотела, чтобы это ускользнуло, как все остальное.

Гостеприимные хозяева принесли ей роскошные яства, рассчитанные на гурманов: крошечные тарелочки, по одному кусочку на каждой, каждое блюдо со своим особым вкусом, с особым соусом; но ее небо совершенно утратило способность оценивать вкус, она в четыре глотка наелась. Желудок возмутился; он ворчал и урчал весь последующий разговор.

Здесь многие пили алкоголь и курили опиумные смеси. Свон пила лимонад и внимательно наблюдала за людьми. Венериане казались очень унылыми: Несколько шутников, сидевших за одним столом, веселились над подносами с едой, но остальные обедающие выглядели серьезно и даже мрачно. Конечно, спасение солнечного щита — большая победа. Но защитная система подвела, и опасность, от которой защищал сам щит, теперь стала видна всем еще отчетливее. Катастрофу отдалили лишь на время, но она по-прежнему нависает над ними, как меч: ужасная судьба, которую постоянно отвращает предмет не прочнее круглого воздушного змея на веревочке.

Одна особенно мрачная часть собравшихся занималась изучением действий службы защиты солнечного щита: эти люди рассматривали многочисленные графики и быстро перегова-

ривались. Похоже, большинство считало, что отказ системы вызван воздействием изнутри. В комнату в инвалидном кресле въехал Варам и присоединился к ним; его левая нога в белых поводках была вытянута. С ним заговорили, он медленно кивал. Один раз он посмотрел на Свон, как будто услышал нечто интересное ей; потом снова погрузился в обсуждение. Свон надеялась, что позже узнает, о чем они говорили. Хотя ей сразу пришло в голову, что он сочтет необходимым рассказать им о том, как она нарушила слово и поделилась с Полиной сведениями о группе Алекс. Как еще разобраться в случившемся? Что ж, ее опрометчивый поступок в итоге привел к спасению Венеры. Это, конечно, не значит, что ее не накажут. Теперь ее будут считать абсолютно безответственной, не достойной доверия болтуньей. Нетрудно прийти к такому выводу.

Она продолжала наблюдать за венерианами. По-прежнему обмякшие в креслах, они выглядели уныло. Она задавала вопросы, ей отвечали, но не всегда.

Она перешла к тому, что они, похоже, не желали обсуждать.

— Кажется, теперь вам придется крепче держаться за ваш щит.

Один из собеседников нетерпеливо махнул рукой.

— Есть мнение, что нужно что-то менять.

— Что? Разве щит не позволяет обеспечить на планете подобие дня и ночи?

— Да.

— Тогда чего же еще?

— Единственный выход, — сказал один из беседующих, — тяжелый метеоритный дождь под углом.

— Очень тяжелая бомбардировка, — сказал кто-то за столом шутников.

— Да разве это не изуродует поверхность? — спросила Свон. — Не унесет вспененный камень, CO_2, атмосферу — все, что вы сделали?

— Не все, — сказал первый. — Мы будем наносить удары по одному и тому же месту. Обойдется только легкой… дезорганизацией.

— Дезорганизацией!

— Послушай, нам самим эта мысль не нравится. Мы сопротивлялись идее ускорить вращение. Все сопротивлялись. —

Он указал на собравшихся. — Но Лакшми и ее сторонники говорят, что можно обойтись без особых разрушений. Всего одна глубокая траншея через весь океан и выбросы к востоку от нее.

Остальные места тоже пострадают, особенно вдоль экватора, но не настолько, чтобы убить бактерии, которые там уже прижились. И это высвободит не более нескольких процентов погребенного CO_2.

— Но разве не нужно несколько сотен лет тяжелой бомбардировки, чтобы обеспечить необходимое вам вращение?

— Идея в том, чтобы создать сточасовой день. Мы считаем, что большинство земных форм жизни это перенесут. Так что потребуется всего сотня лет.

— Всего сотня!

Новый голос:

— Эти люди уверяют, что вначале мы слишком поторопились. — Говорит старик, но на его обветренном лице, подобном маске, живые глаза; в голосе звучат сожаление и легкое отвращение. — Мы слишком походили на Марс. Стали делать солнечный щит, потому что это быстро. Но, когда есть щит, его нужно сохранять. Возникает зависимость от него. А теперь люди видят, что с ним может случиться. Поэтому Лакшми выиграет. Большинство проголосует за бомбардировку.

— Большинство в Рабочей Группе, вы хотите сказать?

— Да. Нам придется затаиться в убежищах, или уйти в небесные города, или вовсе на время вернуться домой. Ждать, пока все успокоится.

Варам, который подъехал к ним в своем кресле, сказал:

— Чем вы будете бомбардировать на этот раз? Нельзя же взять спутник и разрезать его.

— Нет, — сказал старик. — Это слишком быстрый путь. Но у Нептуна есть много троянцев, которые можно отправить вниз.

— Разве их не разрабатывает Тритон?

— Их тысячи. И все они пленники из пояса Койпера. Если жители Тритона будут настаивать, мы сможем возместить им утрату из пояса Койпера. Жители системы Нептуна ничего не потеряют. Тритонцы уже согласились.

— Что ж, — ошеломленно сказала Свон, не зная, что добавить. Она осмотрела их лица, мрачные и раздраженные. — Этого хотят все здесь? Вы можете утверждать такое?

Они переглянулись. Потом первый сказал:

— У нас есть сеть вроде панчаято[140] в Индии. И все могут высказаться. Нас всего сорок миллионов. Поэтому Рабочая Группа услышит и наше

---

[140] Примечания: 140
Выборный деревенский совет в Индии и Пакистане.

мнение. Но на самом деле идея уже овладевает людьми. После этого случая все поняли — бомбардировка необходима. Лакшми победила.

Позже, когда Свон была одна в своей больничной палате, в дверь постучали; вошли Шукра и молодой друг Свон с Земли Киран. Она радостно поздоровалась; увидев их лица, такие живые и настоящие, она сразу приободрилась. Шукра, с которым она работала миллион лет назад, и Киран, ее новый друг, — теперь у них было одинаковое выражение, серьезное и напряженное. Они сели на стулья у ее кровати, и Свон налила им в стаканы воду.

— Выслушай этого юношу, — сказал Шукра, кивком показав на Кирана.

— В чем дело? — насторожилась Свон.

Киран поднял руку, словно успокаивая.

— Когда ты привела меня сюда, то сказала, что здесь есть разные группы. Оказалось, правда; можно даже сказать, идет маленькая подпольная гражданская война.

— Лакшми, — тяжело сказал Шукра, как будто это все объясняло. — Он работал с ней.

— Неужели все так плохо? — спросила Свон. — Конечно, я не отрицаю, что сама попросила его об этом.

Шукра посмотрел на нее.

— Свон, ты была здесь сто лет назад. Пойми, здесь все изменилось. Расскажи ей, — обратился он к Кирану.

— Я доставлял грузы и сообщения от Лакшми, — сказал Киран. — Шукра заметил это и велел мне смотреть в оба, когда работаю на нее.

— Он был наживкой, — сказал Шукра с жестокой улыбкой, — и Лакшми клюнула. Но, вероятно, она знала, что он наживка.

Киран кивнул и посмотрел на Свон, его взгляд словно говорил: «Посмотри, во что ты меня втянула». Затем сказал:

— Есть новый прибрежный город, его строят люди Лакшми. Это ее город, и он строится слишком низко. Говорят, потом она собирается его затопить — ради страховки или еще зачем-нибудь. Они делали в этом городе что-то непонятное. Думаю, андроидов или еще что-то. Роботов, которые должны выглядеть людьми, понимаешь?

— Ага, — ответила Свон. — Давай-ка подробней.

— Там есть офисное здание, всегда закрытое, очень большое. И я видел, как туда доставляли ящик с глазами. Думаю, там собирают искусственных людей. Что-то вроде фабрики Фран-

кенштейна.

— Ты это видел?

— Охранник, с которым я был, открыл ящик, и там лежали глаза. Ему не понравилось, что я это увидел, поэтому мне пришлось бежать и просить о помощи Шукру.

Шукра кивнул, как будто подтверждая, что это был разумный ход.

— Значит, место, где он был, принадлежит Лакшми?

— Да, — ответил Шукра. — Город строят ее рабочие отряды. И вот послушай: я ничего не знаю об операции в Винмаре, но в Клеопатру к Лакшми иногда прибывают люди, которых мы не можем опознать. Я открыл там свой офис — предположительно Клеопатра открытый город, — но на самом деле там правит она. Я попытался определить, откуда к ней приходят эти новые люди. Но теперь, узнав о нападении на солнечный щит, я прежде всего подумал: «Как удобно для нашего друга Лакшми! Люди испугаются и поддержат ее план раскрутить планету; а если мы это сделаем, глубокий ров, который получится на экваторе, сократит океан. Города вроде Винмары расположены слишком низко. Не слишком ли низко?»

— Ох, — сказала Свон. — Ничего себе. Но — как

же Китай?

— Китай отвергает идею новой бомбардировки, но, если она состоится, он утратит здесь влияние. И это тоже выгодно Лакшми. По правде сказать, никто из нас не хочет, чтобы Пекин указывал нам, что делать. И это опять-таки помогает Лакшми в споре.

— Итак, она создает гуманоидов. — Свон наклонилась вперед и защелкала кнопками управления экраном кровати. — Покажи мне на карте Винмару. Пригласим сюда инспектора Женетта и Варама. Им будет очень интересно послушать тебя.

* * *

В палату вошел инспектор Женетт, потом въехал в инвалидном кресле Варам, его левая его нога была в лечебной повязке. Они выслушали рассказ Кирана и сидели, размышляя над его смыслом.

— Думаю, прежде чем действовать, нужно кое с чем разобраться, — сказал инспектор Женетт. — После случившегося я убедился, что должен ознакомить вас с планом, который мы разработали, но в который ты еще не посвящена, Свон. Так что, если ты согласишься снова отключить

Полину, я расскажу.

Свон не была уверена, что хочет снова пройти через это (а сейчас инспектор уже должен был знать, что она рассказала Полине о последнем совещании), поэтому она не поняла его требования.

Но ее опередили — Варам сказал Женетту:

— Боюсь, нам необходимо осуществить план, не привлекая Свон. Она может на время разговора отключить Полину, а потом включит и все расскажет своему компьютеру, как в прошлый раз.

Свон бросила на Варама убийственный взгляд и сказала Женетту:

— Полина сообщила нам о нападении, так что мы успели хоть что-то сделать. А компьютер Вана создал новую следящую систему, которая смогла распознать группу камней. Можете потом поблагодарить меня за это. С моей точки зрения, что бы ни делали венериане со своими квантовыми компьютерами и заговорами, квакомы есть и на нашей стороне. И нам нужно работать вместе с ними.

Инспектор Женетт согласился.

— У меня был длинный разговор с Ваном и его квакомом: ты права. Пожалуй, среди компьютеров тоже раскол.

— Поэтому наши компьютеры нужно проинформировать.

— Может быть, — сказал Женетт. — Хотя какие из них именно наши — вопрос открытый. Пока что чем меньше они знают, тем лучше. Итак, получив информацию от Кирана, я намерен провести операцию Интерплана, как было намечено.

— И как именно? — многозначительно спросила Свон.

Маленькое лицо инспектора, прекрасное и любопытное, как у лангура, осветилось улыбкой.

— Пожалуйста, позволь ввести тебя в курс дела, если мы договоримся.

Свон снова бросила на Варама угрюмый взгляд.

— Видишь, что ты наделал?

Варам пожал плечами.

— Чтобы успешнее осуществить план, его нужно хранить в строжайшей тайне. Даже я не знаю всех подробностей.

— Должен добавить, — торопливо вставил Женетт, — что моему плану недоставало информации твоего молодого друга. Лишь сейчас все встает на места. Пожалуйста, позволь мне сделать следующий ход тайно. Даже Варам, как он

говорит — как говорят все на Венере, — поклон в сторону Шукры, — не знает о нашем следующем шаге, и только так план можно осуществить.

Свон не могла сказать, помогает ли Женетт Вараму лучше выглядеть в ее глазах; она была слишком рассержена, чтобы следить за нюансами обсуждения. Способность здраво рассуждать ее покинула. Женетт начал говорить с вошедшим в палату коллегой, затем повернулся и сказал:

— Если вы нас извините…

— Ни за что! — ответила Свон и выскочила из палаты.

Варам догнал ее в коридоре и поехал рядом: он плавно скользил в кресле и не отставал от нее, как бы быстро она ни шла.

— Свон, не сердись: я должен был рассказать инспектору о случившемся, чтобы он продолжал мне доверять. Это очень сложная операция, и необходимо обсудить все ее особенности.

— Значит, обсудили.

— Да, и скоро ты тоже все узнаешь. А пока просто доверяй нам.

— Нам?

— Я собираюсь помочь инспектору. Это не займет много времени. Надеюсь, что, пока я буду занят, ты вернешься в Терминатор и поговоришь

там со своими людьми о положении дел на Титане и о нас.

— Думаешь, меня это еще интересует?

— Надеюсь. Это важнее, чем твое оскорбленное самолюбие, если позволишь так выразиться. Особенно потому что тебе нет причин оскорбляться. Думаю, в твоем незримом партнерстве с Полиной нет ничего плохого. В твоем случае такое описание вполне удачное. Вы нечто новое. В особенности для меня, должен сказать. — Он потянулся и схватил Свон за руку, потом другой рукой затормозил кресло. Они остановились. Повернулись; он не отпускал ее, хотя Свон пыталась вырваться. — Послушай, — сказал он, — серьезно. Тебя выбросили со мной в космос или нет? Ты была со мной в туннеле?

Он оплел ее своими вопросами; конечно, она помнила.

— Да, да, — проворчала она, опустив взгляд.

— Что ж, вот мы — а вот ситуация, которая требует конфиденциальности, и, учитывая это, ты должна понять то, что я сейчас говорил Женетту о крайней необходимости. Особенно принимая во внимание мои чувства к тебе, — он помолчал и ударил себя в грудь рукой, которой вращал колеса, — а они чрезвычайно глубоки, сложны,

но глубоки. И это главное. Это делает жизнь интересной. Я думаю, что мы должны пожениться, стать частью яслей на Сатурне, тех самых, в которых я уже состою. Тем самым мы решим столько возникающих обычно проблем, что, по-моему, это лучший выход для нас обоих. Для меня точно. Так что, надеюсь, ты выйдешь за меня… вот и все, вкратце и в подробностях.

Свон вырвала руку и замахнулась на Варама.

— Я тебя не понимаю.

— Знаю. Я и сам с трудом себя понимаю. Но это не главное. Это только часть общей картины. Мы включим это в наш проект.

— Не знаю… — начала Свон и осеклась: после такого начала можно было сказать так много, что она растерялась. Она ничего не понимает! — Я отправляюсь на Землю, — упрямо сказала она. — У меня там встреча с комитетом ООН по животным. Намечается прогресс. И еще я хочу поговорить с Зашей.

— Хорошо, — согласился Варам. — Подумай над этим. Мне нужно идти к Женетту, мы заняты срочным делом — информация от Кирана оказалась ключевым элементом, и нужно завершать. Позволь нам закончить, и я приеду к тебе, как только смогу.

Прижав обе руки к сердцу, он развернул кресло и покатил по коридору к инспектору.

Варам и Женетт

Варам вернулся к Женетту. Тот уже собирался отправиться в Винмару и не желал терять ни минуты, он только сказал: «Пошли!» — и побежал быстро, как терьер. Варам покатил за ним. Женетт оглянулся и спросил, все ли в порядке со Свон. Варам ответил, что все в порядке, хотя сам не был в этом уверен. Но сейчас следовало сосредоточиться на плане.

Когда летели в Винмару, Женетт с помощью Паспарту поговорил по радио с помощниками, и Варам сделал вопросительный жест.

Покачав головой, Женетт сказал:

— Действительно, как и говорила Свон, существуют квакомы, работающие на нас, и ее компьютер может быть в их числе. Но я еще не успел это проверить, и ты, вероятно, прав, что не следует рассказывать ей все. Трудно предугадать, как она поступит. А пока компьютер Вана и мой Паспарту все проверяют и помогают нам — согласно полученным инструкциям. Во всяком случае в это я верю, — сказал он своему компьютеру на запястье, нахмурившись.

— Ты считаешь, что квакомы начинают действовать как особое сообщество с группами и организациями? — заинтересовался Варам. — С согласными и несогласными?

Женетт поднял руки.

— Откуда мне знать? Возможно, они просто получают разные инструкции от разных людей и потому действуют по-разному. Мы надеемся поймать в Винмаре создателя этих компьютеров и тогда, возможно, узнаем больше.

— А как же венериане? Они позволят тебе делать то, что ты собрался делать?

— Нас поддерживают Шукра и его группа. Там сейчас идет схватка, и ставки высоки. Люди Лакшми либо сами производят этих кваком-гуманоидов, либо получают выгоду от их существования. Сейчас точно не скажу, но ясно, что Шукра и его группа рады нам помочь. Думаю, Рабочая Группа достаточно разобщена, чтобы мы могли сделать все необходимое и убраться с планеты раньше, чем они спохватятся.

Вараму это показалось зловещим.

— Вмешаться в гражданскую войну?

Женетт, быстро пожав плечами, ответил:

— Иного пути нет, только вперед.

Они вышли в космопорт, прошли насквозь и

оказались на посадочной площадке у небольшого самолета. Когда они поднялись на борт и самолет взлетел, Женетт посмотрел в окно и сказал:

— Здесь очень похоже на Китай. На самом деле ими вполне еще может править Китай, хотя поверить в это трудно. Во всяком случае, решения принимает небольшая группа. И в ней мнения о том, как поступить с солнечным щитом, разошлись. Отношение к этому вопросу стало для обеих сторон испытанием на верность. Мне казалось, большинство венериан приняли солнечный щит как одну из многих опасностей. Но противники такого подхода проявили нешуточную решительность. Для них это вопрос существования. И они готовы на крайности.

— Что же, по-твоему, они сделали?

— Мне кажется, могло произойти вот что: один из их программистов поручил нескольким квакомам задачу найти способ избавиться от солнечного щита. Может, какое-то общее указание, нечто вроде «определить, как это можно сделать». Кваком попробовал использовать алгоритм с вероятностными исходами. Алгоритм мог быть неудачно составлен. «Готов рассмотреть любые возможности», так сказать. Как человек в таком положении. Очень правдоподобно. И вот этот

кваком предложил производить гуманоидные квакомы, способные на то, на что неспособны компьютеры в неподвижных корпусах, — на атаки, которые не могут или не хотят предпринять люди. Я имею в виду саботаж. Если бы они смогли убедить большинство венериан в том, что солнечный щит уязвим и все они могут свариться, как насекомые, то общественное мнение обязательно склонилось бы к бомбардировке как средству ускорить вращение планеты.

— Запугать гражданское население, чтобы продавить политическое решение, — сказал Варам.

— Да. Именно так мы определяем терроризм. Но это может быть не столь очевидно компьютерам, запрограммированным исключительно на достижение результата.

— И нападение на Терминатор было своего рода демонстрацией?

— Совершенно верно. И оказало воздействие на венериан.

— Однако новое нападение на солнечный щит, если бы оно удалось, стало бы не просто запугиванием, — сказал Варам. — Погибло бы много людей.

— Даже такое могло не считаться отрицательным результатом. В зависимости от алгоритма,

а значит, в зависимости от программиста. На Земле достаточно людей, чтобы заменить всех убитых здесь. Один Китай мог бы легко возместить потери населения. Если бы погибло все население Венеры, его заменили бы китайцы, а Китай этого даже не заметил бы. Кто знает, что думали эти люди? Эти программисты могли дать своим компьютерам новые задачи, даже дать им новые алгоритмы, но, что бы они ни делали, превратить их в мыслящих гомо сапиенс они не могли, пусть даже сумели сделать так, что те проходят тест Тьюринга.

— Так компьюноиды действительно существуют?

— О да. Твоя Свон встречала нескольких, я тоже. Тварь на Ио была одним из них. Я с интересом узнал, что их много на Марсе: они выдают себя за людей и участвуют в управлении. Трения между Марсом и Мондрагоном с Сатурном теперь кажутся мне очень подозрительными.

— Ага, — сказал Варам, обдумывая его слова. — И что же вы делаете?

— Стараемся всех их поймать, — ответил Женетт, сверившись с Паспарту. — Я послал условный сигнал сделать это, и сейчас время действий наступило. 11 октября 2312 года, пол-

ночь по Гринвичу — вот назначенный час. Мы нанесем удар.

Самолет сел за пределами Винмары, и тут Варам порадовался, что сидит в инвалидной коляске, потому что Женетт быстро перемещался с одного короткого совещания на другое; Варам в своем кресле едва за ним поспевал.

Несколько минут спустя другим рейсом прилетел Киран и присоединился к ним, чтобы показать, куда доставили глаза. Вслед за этим вскоре прибыла группа военных и без промедления оцепила дом. После короткой заминки дверь взломали и в скафандрах, с оружием наготове ворвались в здание. Все внутри сразу затопил густой серый газ.

Не прошло и пяти минут, как здание оказалось захвачено. Женетт немедленно связался с штурмовой группой, а после с Шукрой, который явился со своим вооруженным отрядом, чтобы подавить местное сопротивление конфискации всего найденного в здании.

Женетт непрерывно с кем-то совещался, непосредственно и по мобильной связи; он не спешил, но был очень насторожен и внимателен — для него явно не внове действовать в такой обстановке. И его ничуть не смущала мысль о вмешатель-

стве в борьбу между фракциями венериан, что Варам считал чрезвычайно опасным.

Когда Женетт, казалось, ненадолго освободился и, сидя на краю стола, пил кофе и смотрел на экран на запястье, Варам с любопытством спросил:

— Значит, эти атаки с помощью камней — дело одной из венерианских фракций, которая хотела воздействовать на местное население? Чтобы взять верх над другими фракциями?

— Верно.

— Но… если бы нападение на солнечный щит удалось, разве террористы не погибли бы?

— Думаю, они успели бы эвакуироваться, — ответил Женетт. — Прямо сейчас преступники могут находиться вне планеты. А если решение принимали компьютеры, им, наверное, было все равно. Кем бы ни были самые первые программисты, они тогда уже не контролировали происходящее. А компьютеры могли думать: «Что ж, это потеря, но там, откуда мы, нас еще много». Они получают свое при любом исходе нападения.

Варам задумался.

— А при чем здесь погибший террарий в поясе астероидов? «Иггдрасиль»?

— Не знаю. Может, они хотели, чтобы люди почувствовали свою уязвимость. А может, просто опробовали метод. Но согласен, это странно. Вот одна из причин, почему я хочу увидеть этих гуманоидов и всех людей, кого мы здесь захватим.

Из передних дверей комплекса показалась группа людей, и Женетт подошел к ним. Многие были маленькими — очевидно, в штурме здания участвовала еще одна колонна: группа маленьких пробралась сквозь вентиляционную систему и пустила газ, давая сигнал к началу действий.

— Ладно, — сказал Женетт, вернувшись к Вараму, — пошли отсюда. Надо как можно быстрей вывезти эти штуки с планеты.

Из дверей вышли примерно две дюжины людей, в основном обычного роста, но было и несколько маленьких и больших, все в наручниках. Когда они проходили мимо, Женетт останавливал их одного за другим и очень вежливо задавал какой-то вопрос, задерживая каждого всего на несколько секунд. Варам тоже осматривал их, когда они проходили, и у нескольких заметил слишком плавные движения и стеклянную пустоту в глазах, но он не поручился бы за свою способность отличить искусственных людей от настоящих. И его это огорчало. Небольшая

капля страха словно скользнула через горло в желудок и стала там расти.

Женетт остановил последнего в ряду.

— Ага!

— Кто это? — спросил Варам.

— Думаю, это тот, кто катал шары со Свон. — Женетт поднял Паспарту, сфотографировал стоявшего перед ним и довольно качнул головой: изображения совпали. — И, как выясняется, — он провел стержнем над головой молодого человека, — все-таки человек.

Юноша молча смотрел на них.

— Может, это и есть наш программист, а? — предположил Женетт. — Разберемся по пути отсюда. Хочу как можно быстрей убраться с Венеры.

Это означало еще один стремительный бросок по городу и выход через шлюзы к их импровизированной посадочной площадке. Не один раз различные чиновники, которые обязаны были задержать и выяснить цели передвижения такой группы, пропускали их, нервно переговорив с кем-то по связи.

Когда снова поднялись в воздух, Женетт круглыми глазами посмотрел на Варама и вытер лоб. Их вертолет взял курс на Колетт; там они кинулись к

посадочной полосе, сели в космоплан, с грохотом поднялись на низкую орбиту и вскоре полетели к ожидавшему их крейсеру Интерплана.

Это был корабль «Скорое правосудие». Когда все задержанные оказались на борту, корабль взял курс на Плутон.

За несколько недель пути они не раз начинали допрашивать игрока в боулинг, но тот молчал как рыба. Это определенно был человек. Молодой человек тридцати пяти лет. За ним сумели проследить от «Шато-Гарден», где его видела Свон, до одного из неприсоединившихся миров из числа тех, что не сообщали посторонним даже свое название; Интерплан именовал его U-238.

За время полета к Плутону и Харону компьютер Вана сумел узнать многое о короткой жизни игрока в боулинг. История была печальная, хоть и нередкая: маленький террарий, где царит культ, в данном случае культ Ахуры Мазды; строгое гендерное разделение; патриархальный полигамный мир; культивирование физических наказаний за прегрешения. Нестабильный ребенок в маленьком мирке. Сообщения об агрессии без раскаяния. С четырех до двадцати четырех лет рос там, в двадцать четыре года изгнан за отступничество. Никому не известный, обучился

программированию на Весте, некоторое время занимался компьютерным программированием в академии на Цереpе, но потом оставил школу: исключен за нарушения научной этики. Впоследствии изгнан с Цереры за неоднократные взломы кодов безопасности. Вернулся на родной астероид, где, по официальным данным, находится и сейчас. На самом деле никто за ним не следил. Непонятно, как он начал работу на Венере, тут все скрыто в тумане, окутывающем деятельность венерианской Рабочей Группы — в данном случае Лакшми и ее активность, направленную на отказ от солнечного щита. Это очень способствовало сокрытию фактов. Затем Винмара и лаборатория по изготовлению гуманоидов, в том числе тех, что отправились на Марс и проникли в правительство. А также тех, кто переместился на Землю и потом в пояс астероидов и создал установку, бросавшую камни. Так что этот молодой человек либо сам изобрел способ использования скоплений камней, либо создал кваком-гуманоида, который это придумал; нападения осуществляли он или его творения.

— «Иггдрасиль»? — спросил однажды Женетт.

Диагностические мониторы, соединенные с телом молодого человека, показали всплеск ак-

тивности мозга.

Женетт кивнул.

— Всего лишь проверка, а? Доказательство истинности концепции?

И снова мониторы показали усиление метаболизма. Теория, что такие скачки — прекрасный детектор лжи, давно была опровергнута, но психологические реакции все же о чем-то свидетельствовали.

Молодой человек упрямо молчал, и неясно было, что же все-таки происходило. Но случай с «Иггдрасилем» казался очевидным.

А для Женетта только это и имело значение.

— Думаю, нападения на Терминатор и Венеру имели политическую подоплеку, — сказал он Вараму в присутствии молодого человека, молча смотревшего в стену (но кривые приборов говорили за него). — Подозреваю, что его деятельность одобрила Лакшми. Доказательство концепции. Погибли три тысячи человек.

Женетт смотрел на безучастное лицо молодого человека. Потом сказал Вараму:

— Идем отсюда. Нам здесь нечего больше делать.

За три недели полета к Плутону и Харону состояние ноги Варама ухудшилось, и после кон-

силиума медики корабля решили отнять ее ниже колена и готовить плюрипотентные клетки, из которых вырастет новая левая. Варам старался сносить все это равнодушно, подавляя страх и напоминая себе, что в сто тринадцать лет все его тело превратилось в медицинский артефакт и отращивание новых конечностей — одно из простейших и древнейших вмешательств в жизнедеятельность организма. Тем не менее страшно было смотреть на ногу и чувствовать фантомные боли, и он старался отвлечься, расспрашивая Женетта о планах, которые сейчас осуществляла команда инспектора. Но, сколько Варам ни отвлекался, он не мог забыть об ощущении, что из колена растет новая нога.

К Харону собирались корабли со всей Солнечной системы — здесь была назначена встреча группы Алекс и сюда агенты Интерплана свозили найденных кваком-гуманоидов; насколько было известно, удалось найти всех их. Все они были захвачены в тот же день, что и фабрика, их производившая, большинство даже в тот же час. Всю операцию планировали и координировали только устно, точное время ее начала стало известно накануне, когда Женетт передал по радио старую джазовую мелодию «Настало время». Все прошло

без неожиданностей, хотя в операции принимали участие свыше двух тысяч агентов и было захвачено четыреста десять гуманоидов. Никто из них не подозревал о возможности ареста.

Теперь план Женетта предполагал изгнание всех гуманоидов, а также игрока в боулинг и еще примерно тридцати человек, непосредственно участвовавших в организации нападения. Договорились использовать космический корабль, строившийся на спутнике Плутона Никте. Этот корабль был по сути специализированным террарием — почти замкнутой биологической поддерживающей жизнь системой, очень хорошо обеспеченной запасами и с очень мощными двигателями. Он станет тюремным кораблем вроде тех, что находятся за поясом астероидов, но отправится за пределы Солнечной системы. Террарий запечатают снаружи, а навигационный ИИ поместят вне закрытого цилиндра. И корабль унесет из системы четыреста с лишним кваком-гуманоидов, игрока в боулинг и всех людей, признанных виновными в организации нападений. Немного, потому что игрок в боулинг спланировал нападение так, чтобы его могла осуществить небольшая команда. Итак — изгнание из Солнечной системы и из рядов человечества.

— Лакшми тоже должна быть там! — сказал Варам Женетту.

— Согласен, но нам не удалось ее схватить. Венерианам придется самим с ней расквитаться, хотя и мы будем продолжать разыскивать ее; посмотрим, к чему это приведет.

— Но корабль-изгнанник, — сказал Варам. — Что если компьютеры захватят его? Полетят обратно и вернутся, чтобы отомстить? Они станут умней, чем были.

— Скорость будет слишком велика, — спокойно ответил Женетт. — Горючее на корабле, который разгоняется до огромной скорости, быстро закончится, а пока они справятся с проблемой горючего, пройдет много веков. К тому времени цивилизация найдет способ с ними совладать.

— Как по-твоему, что это будет?

— Понятия не имею. Нам все равно придется иметь дело с квантовыми компьютерами, этого не избежать. Мы держим тигра за хвост. Мне кажется, что если квакомов не допускать к человеческим телам, а к ним — обиженных программистов, они просто будут частью общей картины, как мой Паспарту.

— Или как Полина у Свон.

— Возможно, помещать кваком себе в голову

не лучшая мысль, — согласился Женетт. — Как ты думаешь, согласится ли Свон перейти на компьютер на запястье, как у меня?

Варам в этом сомневался, хотя не мог объяснить почему. Он все меньше был уверен в том, что понимает Свон, о чем бы ни шла речь.

Он перешел к другой тревожившей его проблеме.

— Но ведь это пример сурового и необычного наказания.

— Да, оно необычно, — жизнерадостно согласился Женетт. — Даже беспрецедентно. Но его суровость относительна.

— Выслать вместе с гуманоидами. Странное одиночное заключение, что-то из кошмарного сна, верно?

— Изгнание не жестокость. Поверь, я знаю. Мозг остается на месте. Теоретически они могут создать прекрасный террарий и потом заселить подобную Земле планету в какой-то отдаленной системе, начать новую ветвь человечества. Этому ничто не может помешать. Поэтому изгнание справедливо. Я сам изгнанник, это признанная форма строгого, но сохраняющего жизнь наказания. А наш пленник убил три тысячи человек, только чтобы опробовать свое оружие. И создал

квантовые компьютеры, не способные отличать добро от зла. Им задали цель, не указав ограничений, и они стали явной опасностью, сегодня у нас нет от них защиты. Поэтому я считаю, что их высылка — наше объявление о том, как мы поступаем с компьютерами. Мы не выключаем их и не разбираем, как призывают некоторые, мы отправляем опасные компьютеры в изгнание, точно людей. Это должно стать хорошим уроком оставшимся компьютерам. Мы будем держать их в ящиках, чтобы сохранить контроль над ними — по крайней мере я на это надеюсь. Это может получиться, а может и не получиться. Но я надеюсь, что мы на время перестанем производить квантовые компьютеры и постараемся разобраться, что такое умный компьютер, или компьютер, обладающий намерениями, или компьютер в человеческом облике. В общем, по моему мнению, мы свершили правосудие и выиграли время. Я рад, что достигнуто согласие между жителями Плутона, Мондрагоном и прочими участниками, включая Шукру. Надеюсь, Свон, все узнав, тоже нас поддержит.

— Может быть, — сказал Варам.

Он все еще не мог смириться с решением Женетта. Но любой иной вариант, какой приходил

ему в голову, оказывался либо слишком суровым (смерть для всех), либо снисходительным (реинтеграция в общество). Изгнание — первый звездный корабль — тюрьма… что ж, в поясе астероидов есть тюремные террарии, закрытые снаружи, а внутри с условиями от утопии до ада. Игрок в боулинг и его группа смогут делать что угодно. Предположительно. Но все равно Вараму это казалось разновидностью ада. Оказывается, маленький инспектор Женетт мог быть таким же бесчеловечным, как игрок в боулинг, и при этом оставаться жизнерадостным, веселым, невозмутимым; он смотрел на Варама взглядом, который у него был одинаков для всех: для святого, преступника, незнакомца, брата — на всех он смотрел тем же деловым взглядом, откровенно оценивающим, заинтересованным, полным готовности убеждать.

Варам не мог успокоиться; он читал и перечитывал досье людей и гуманоидов, которых они держали в заключении; досье насчитывали много тысяч страниц. Затем он вернулся к Женетту в еще большем расстройстве.

— Ты что-то упустил, — резко сказал он. — Прочти протоколы допросов и увидишь, что в лаборатории в Винмаре работал кто-то еще

— это он выпускал гуманоидов из лаборатории и отсылал их к людям, которые их прятали. Те, с которыми Свон столкнулась во «Внутренней Монголии», и еще по меньшей мере четверо — все они рассказывают одно и то же. Тот, кто это делал, сказал им, что они некачественные; если они не хотят, чтобы их разобрали, им нужно немедленно бежать. Квакомы не знали, как это понять, и некоторые, после того как их отпускали, вели себя необычно. Может, они действительно были неисправны, у меня нет оснований не верить в это. Во всяком случае тот человек в лаборатории уводил их от Лакшми. Может, он тоже заслуживает изгнания? А заслуживают изгнания те неисправные гуманоиды, что отказались уйти из лаборатории?

Женетт нахмурился и пообещал разобраться с этим.

Это не устроило Варама. Вместе с Алекс и Женеттом он с самого начала занимался необычными компьютерами и теперь чувствовал, что его каким-то образом оттеснили в сторону. Он приезжал в своем кресле на совещания следователей Интерплана и других членов группы, когда там обсуждали положение дел, и снова вступался за невиновных, захваченных вместе с остальными

пленниками. В конце концов мнения разделились, но очень многие считали, что все пленные должны отправиться в изгнание; работника лаборатории, который выпускал гуманоидов, не нужно изгонять. Оказалось, что этот работник не только выпускал квакомы, но и стирал записи о них из документов лаборатории; очень ловко, сообщил Женетт Вараму, как будто это могло быть причиной для его прощения. Варам, все еще очень недовольный, оставил эту тему. Венерианин из лаборатории, молодой человека не старше игрока в боулинг, останется не арестованным. А бедным неисправным квакомам будет лучше среди им подобных.

И вот, когда пришло время, Варам, сидя в своем инвалидном кресле, из крейсера Интерплана вместе со всеми наблюдал, как начинает работать двигатель на антиматерии и «Первая четверть Никты» отправляется к звездам. Корабль походил на обычный террарий, возможно, был больше; он напоминал огромного ледяного дельфина, летящего на огненном хвосте.

— А что же люди, построившие его? — спросил Варам. — Ведь это их корабль?

— Мы предоставим им замену. Они создают флот из четырех таких; мы построим для них

корабль на Гидре. Если понадобится, привлечем Харон. Так что свои четыре корабля они получат.

Варам по-прежнему не успокаивался.

— До сих пор не знаю, что об этом думать.

Женетта это, казалось, нисколько не заботило.

— Боюсь, это лучшее, что мы могли. Трудно было проделать все это втайне. Тонкая операция, если хочешь знать. Поразительно, чего можно добиться с помощью бумаги и синхронизированных часов. Каждому участнику предписывалось сохранять полную тайну и безоговорочно доверять своим соратникам по сети, и все должны были точно знать, что делать. Большое достижение, если подумать.

— Согласен, — сказал Варам, — но довольно ли этого?

— Нет. Проблема остается. Мы просто получили небольшую передышку.

— А… ты уверен, что мы взяли всех?

— Вовсе нет. Но, похоже, их делали только в лаборатории на Венере. Так, во всяком случае, считает компьютер Вана. У нас достаточно данных о том, как они использовали энергию и получали материалы, чтобы подсчитать, сколько гуманоидов они могли сделать; именно столько мы и схватили. Возможно, один или два еще на

свободе, но мы считаем, что они не способны причинить большой вред. Возможно, молодой работник лаборатории выпустил больше неисправных компьютеров. Если они еще здесь, мы постараемся их обнаружить.

Это значит, подумал Варам, где-то в системе могут существовать машины в обличье человека — прячутся в толпе, стараются остаться на свободе, избегают просвечивания рентгеном и иных способов обнаружения; возможно, они втайне пытаются добиться поставленных целей, а может, каких-то других — связанных с их алгоритмом выживания. Проклинаемые, опасные, отделенные от всех прочих форм сознания, одинокие и испуганные — иными словами, в точности как люди.

Квантовое блуждание (3)

на краю болота квакает лягушка схема биологической репродукции предусматривает как часто на протяжении жизни существо воспроизводит себя и сколько у него потомков морфогенез есть процесс воссоздания организмом себя рост определяется промежутком времени результат представляет собой осциллирующий образец хищник всегда на четверть цикла отстает от добычи

эти новые люди забирают тебя, чтобы уничтожить с пистолетом тебе в лицо приказывают идти между ними… уводят от тех, кто тебе помогал здесь на берегу Джерси… небоскребы Манхэттена встают на восточном горизонте бегство охота в которой ты дичь

ударь по пистолету ногой и беги люди умори тельно медлительны прячься в угольно-черной тени ныряй и поворачивай прыгай в ручей зеленый луг порос мхом бывает ли зеленым персидский ковер?

едва не наткнулся на другого выглядит человеком

мне нужна помощь на меня напали и я думаю

за мной гонятся

человек смотрит на тебя чистые голубые радужки окружены более темным синим идем со мной

с дороги человек останавливается показывает застыл на месте белохвостый олень прислушивается беспокоен они вернутся говорит человек

ты говоришь хочешь сыграть в шахматы?

человек говорит конечно идем со мной

в маленький дом здесь другой человек они разговаривают на кухне выходить на закате иглы хвои серебряные зубчатые листья освещены с запада на мгновение далекий уличный свет бросает отблеск на закат и создается пространство света без теней на взгляд исключительно чистое и выразительное лиса на краю поляны бежит через траву рыжая с белизной дождь способствует размышлению с Земли в космос потом назад обоих поднимает симбиогенез лазурь неба слегка подернута белой прозрачностью

Свон это Заша изнутри дома я нашел кое-что здесь шахматист он кажется испуганным

черные птицы летят к городу на горизонте черные точки лениво взлетают с деревьев и снова садятся готовятся устроиться на ночлег

птичьи крики птицы переговариваются может пятьдесят разных птиц создают звуковую сферу

все вместе складывается в музыку в нее вплетается гул машин грузовиков генераторов двигателей огромный самолет кажется близко его звук далеко в небе птичий хор на закате заглушает звуки цивилизации птичья мудрость сохраненная в древних частях мозга очевидно не способная к программированию прыжок воображения

около полуночи приходит третий человек высокий изящный Заша в чем дело

представление подтверждает реальность третьего намаете приветствую дух в тебе

меня зовут Свон расскажи о себе

подытожь события с момента прихода в сознание показали выход на улицу отлет с Венеры перевезли люди в частной системе посадка на Земле все началось как попытка покончить с затмением Венеры не тотчас но как проект безопасный при исполнении надежда это штука с перьями сидящая в душе не знаком с подробностями плана помощники почему-то действуют против главного проекта помощники арестованы или похищены вынужденное бегство упоминание об аресте спасение

Свон смотрит на Зашу эти негодяи обращаются с ним как с квакомом

ну? Заша говорит как их называть? квантумно-

иды? кванды?

кванды подойдет я говорю они как Полина помнишь это кваком столкнул «ШТУ-Мобиль» с группой камней и погиб выполнил свой долг я хочу сказать инспектор мне нравится вопреки всему но я не считаю необходимым во всем соглашаться это просто безумие

Жан считает, что мы просто должны нажать на кнопку перезагрузки

этого ты никогда не сделаешь! жизнь так не развивается я заберу его с собой

Свон

и не пытайся остановить меня вскакивает кулак отведен для удара

Заша поднимает обе руки перестань перестань я не спорю на этот раз возможно ты права потому я и позвал тебя до сих пор я помогал выслеживать эти штуки поэтому узнав что этот сбежал я вернулся и взял его это было легко они доверчивы но потом я позвал тебя позвал тебя

это мой Заша мы уйдем на рассвете

Заша качает головой ты и твои заблудшие ты опять за свое всякий раз как ты приходишь сюда

эй это ты меня сюда позвал тебе нужна была моя помощь ты хотел чтобы я это сделала

да да уходим отсюда

рассвет если меня спросят как художник может сказать

надежда это птица птицы затихают на рассвете они сонны и веселы им свет что-то обещает ветер поднимает волны на просторах рассвета

вслед за Свон к машине на причал где ждет общественный паром все лица полны жизни глаза смотрят в другие времена прошлые или будущие смотрят на день как ты

через широкую реку поверхность воды ветер покрывает фестонами волны переправа круглый нос парома режет прилив движется вперед слева перед ними Манхэттен утес созданный людьми рассвет еще не добрался до его вершин длинные тени через реку медленное урчание корабля гигантская ваза захватившая паром и скалы неподвижна

вместе с людьми на платформу проход между высокими зданиями внизу каналы длинные тонкие лодки видны 52 лодки 423 человека в утренних тенях впереди хлопотный день

Как думаешь? спрашивает Свон можешь дальше отправиться сам? Будешь в порядке?

видна сорок одна лодка 364 человека мы птицы говоря

все будет в порядке

тогда хорошо

человек целует тебя в губы прикасается глазными зубами к коже оба неожиданно осознают реальность друг друга смотрят в глаза кленовые зрачки в левом глазу голубая дуга хорошо иди

Варам

В отношении времени люди стремятся к двум противоположностям. Мы хотим, чтобы определенные события произошли скорее: терраформирование нового мира, который мы полюбили, явление всеобщей справедливости в человеческих делах, хороший проект. Но с другой стороны хотелось бы, чтобы время текло как можно неспешнее: дни нашей собственной жизни, дни жизни тех, кого мы любим. Мы жаждем и того и другого — хочется больше свершений и больше времени для чувств.

Брак в 113 лет — это торжество опыта над надеждой. Столько жизней уже прожито. Надежды человека давно сосредоточены на дневных заботах. Опыт научил всему, чему можно научить; новый опыт будет только повторением.

Но никогда — абсолютным. Жизнь всегда полна псевдоитеративности. У каждого дня свои особенности. Исполнение — ежедневно одно и то же, удержание мгновения не отменяет этих особенностей, скорее, обостряет их. Животные, наши братья и сестры по горизонтали, напоминают

нам: каждый день — своего рода приключение, каждый день — успех. Ничто не повторяется. Каждый вдох — новая часть атмосферы, глоток жизни. Надежда на опыт. Чувство, что это будет продолжаться.

Фитц Варам сидел в зале заседаний Совета Титана по межпланетным отношениям и думал об этом. Когда пришел его черед, он обратился к коллегам.

— Можно было надеяться, что национальные государства Земли учтут опыт столь долгих лет и объединятся; что их многообразные связи с внепланетными поселениями станут постоянными и непрерывными, и нынешним смятению и взаимному несогласию придет конец. Но нет. Этого не произошло. Могут потребоваться еще десятилетия или столетия. Никто не угадает, как будут развиваться события на Земле. Между тем нам надо восстановить отношения с нашим старым патроном Марсом. Как вы помните, работе в зоне Сатурна дала старт охота марсиан за азотом, и именно с этого началось заселение системы Сатурна. Поэтому полный разрыв отношений с Марсом, необходимый в свое время, не должен оставаться вечным. Мы достаточно сильны, чтобы иметь дело с Марсом, не опасаясь попасть под

его господство. На самом деле связи с Марсом станут доказательством нашей силы. Поэтому я предлагаю заново организовать вывоз азота с Титана на Марс, почти в прежних размерах, но под нашим контролем; торговля должна быть честной. Это будет выгодно обеим планетам. В атмосфере Титана вдвое больше азота, чем нам хотелось бы. Это дает нам запас, с которым можно расстаться, причем на наших условиях. В обмен мы получим участие в треугольнике торговли: азот с Титана на Марс, помощь Марса в реконструкции и развитии Меркурия и тяжелые и редкоземельные металлы с Меркурия на Сатурн. А также помощь Меркурия в организации импорта света от Лиги Вулкана.

Последовали вопросы. Обсуждение. Потом снова заговорил Варам:

— Укрепление связей по всем трем направлениям поможет сдерживать силы остаточного земного империализма, а также грозящие захлестнуть нас земные конфликты и противостояния. Мы даже можем помочь решить некоторые их старые проблемы. Будем помогать им в Реанимации, которая уже сейчас дает удивительные плоды.

— Какие например?

Ему бросают вызов.

— Арктическая лига стала одной из самых прогрессивных и склонных к сотрудничеству политических организаций Земли. Средняя часть Северной Америки с заметным успехом превращается в населенные бизонами прерии. Дождевой лес Амазонки расширяется до своих исторических границ, превращается в парк, отчасти похожий на то, что было в доколумбов период. Юго-Восточная Азия и Южная Азия достигли равновесия между освоением дикой природы и ее возрождением, что благотворно сказалось на лесах, воде и климате. Вот наглядные достижения Реанимации.

— Рано делать такие выводы. Вторжение животных часто описывают как ужасно осуществленную операцию со множеством ужасных последствий.

— Неправда!

Некоторое время они спорили о ситуации на Земле. Наконец старший советник из Административной группы Сатурна напомнил, что здесь обсуждают организацию трехсторонней торговли с Марсом и Меркурием. Варам заметил, что на Марс проникло много кваком-гуманоидов; можно сказать, Марс заражен ими, они пронизали его систему и лишь недавно отправлены в

изгнание. Марсиане были так этому рады, что отменили ссылку Жана Женетта и приветствовали возвращение знаменитого инспектора домой, осыпав его наградами и почестями. Вероятно, перемены в настрое Марса включают и усиление стремления к сотрудничеству. Многие в Совете кивали, услышав эту добрую весть, и перешли к подробностям: количество транспортов с азотом, расписание, вопрос компенсации. Обсудили, каким должно быть окончательное давление атмосферы Титана в миллибарах.

Варам подождал, пока большинство собравшихся устанут от этой темы, и предложил вернуться к повестке дня. Его главные предложения были одобрены, и совещание закончилось.

Последним обсуждали вопрос о том, как передать эти предложения партнерам, и Варам сказал:

— Я направляюсь на Меркурий, чтобы просить руки Свон Эр Хон. Надеюсь, мы дадим друг другу клятвы в эпиталамии на горе Олимп. Заодно сможем поговорить с нужными людьми на Марсе.

Хорошо, сказали все. Поздравляем. Некоторые как будто бы удивились, другие понимающе кивали. Да, это облегчит переговоры. У вас получится нечто вроде постоянного комитета

Сатурн-Меркурий.

— Конечно, — согласился Варам.

Свон

Свон покинула Землю, очень довольная тем, что помогла кваком-гуманоиду отыскать место для жизни, довольная тем, что Заша ей помог — это значило для нее больше, чем она думала. Она поднялась на лифте из Кито, снова побывала на исполнении *«Сатьяграхи»*, и в этот раз на нее больше всего подействовала мирная заключительная часть, легкий поочередный подъем по октавам, словно мелодия медитации, поднимающая тебя на ноги; и к концу представления, танцуя при все уменьшающемся *g*, когда они поднимались на крыльях песни, она испытывала очень приятное ощущение, своего рода эйфорию.

На Меркурий она вернулась на террарии «Генри Дэвид». Это был классический тип Новой Англии с несколькими небольшими деревнями из дощатых домиков и с пастбищами, окруженными хвойным и смешанным лесом. Стоял октябрь, клены стали багряными, прочие деревья — ярко-желтыми, оранжевыми, красными и зелеными, все это смешивалось по всей поверхности

террария; если смотреть вперед, казалось, что слышишь бессловную речь на языке цветов — и вот-вот поймешь ее. Свон бродила по лесным тропам, поднималась на холмы. Однажды она подобрала опавшие листья и разложила их на поляне так, что они почти незаметно переходили от красного к оранжевому, потом к желтому, желто-зеленому и наконец к зеленому. Эта многоцветная линия на земле очень ей понравилась — как и ветру, который тотчас все разметал. В другой раз она много часов шла за бурой медведицей с медвежонком. В середине дня они вышли к заброшенному яблоневому саду, где росло одно старое согнутое дерево, на котором тем не менее уродилось столько плодов, что его ветви свисали до земли. Медведи съели тонну яблок. Рядом с яблоней выдолбленный ствол был полон дождевой воды; медвежонок забрался в него и искупался, его шерсть намокла, почернела, с нее текло.

Вернувшись на Меркурий, она жила привычной жизнью в Терминаторе. Просыпалась на балконе, завтракала в утренней прохладе, потягивалась на солнце, тревожно поклоняясь Неприкрытому Солнцу. Осматривала город, отмечала восстановленные знакомые черты, видела новые деревья и кусты; всего этого с каждым

днем было чуть больше и размещалось оно чуть правильнее. Она достала открытку, полученную когда-то от Алекс, и повесила ее на стену над кухонной раковиной; теперь надпись рукой Алекс каждый день говорила ей:

> *О радость моего духа — ее ничто не сдерживает — она летит, как молния!*
>
> *Недостаточно наслаждаться этим шаром лишь какое-то время,*
>
> *Я буду тысячи раз и постоянно наслаждаться им.*

В Терминатор тоже пришла осень, и ряд японских кленов, уходящий от ее балкона, стал ярко-красным. Пыль осела на синие черепицы крыш, видные ей сверху. В новой программе погоды, как ей показалось, было больше ветреных дней, чем прежде, и иногда дул такой сильный ветер, какого она не помнила. Свон это нравилось. Сильный холодный ветер отрывал Свон от ее занятий и уводил с собой в долгие прогулки по городу. Город разросся, платформа удлиннилась, давая больше места для города и парка. В плоской части города и в парке появились новые каналы. Мосты через каналы, дорожки для велосипедистов, широкие бульвары и эспланады. Ее город.

Прежний и в то же время другой. Ей пришло в голову, что город можно растянуть еще дальше в ночь; теоретически, по прошествии десятилетий и столетий, город на рельсах может протянуться на всю ночную сторону Меркурия.

Почти все дни она проводила на ферме, работала в пруду и на влажных почвах. Новый эстуарий не процветал, были проблемы с уровнем санитарии; собирались ввести небольшой гидравлический прилив. Шли споры. А ей все никак не удавалось понять, почему обезьянам с Гибралтара не нравятся пещеры, предоставленные им на небольшом холме с выходящим на восток склоном. Обезьяны вполне здоровы, и обычно у них не бывает тех проблем, какие бывают у людей. Но тут они держались плоских участков и не желали заходить в пещеры. Придется подняться туда и посмотреть.

* * *

Глядя на обезьян, Свон думала о своей жизни. Ей 137 лет. Организм многое пережил; он не вечен и даже, возможно, выдержит еще недолго. С другой стороны, за последние годы медицина достигла того, что прежде было невозможно, и продолжает совершенствовать методы продле-

ния жизни. Мкарету почти двести лет. Так что надо подумать о будущем.

У нее мало с кем близкие отношения и, возможно, даже с этими людьми теперь не такие уж близкие. У нее есть все необходимое; у нее хорошая жизнь. Где-то в мире — ее уцелевший ребенок; девочка живет своей жизнью и не хочет о ней рассказывать. Иногда они видятся. Свон ближе другие люди, и это правильно. Ее молодой друг Киран остался на Венере, сам настоял на этом, обрел новую жизнь и регулярно пишет ей. Такие отношения лучше, чем многое другое, а впереди будет что-то еще, она это чувствовала: люди вечно хватают ее за руку и втягивают в свою жизнь. На ее ферме работает хорошая команда. Работа ей нравится; нравится играть; нравится ее искусство, игра, которая и есть работа. Значит, дело в другом. В сущности перед ней встает философский вопрос: как жить? К чему не быть равнодушной? И как стать менее одинокой? Ведь сейчас, после смерти Алекс, Свон общалась со многими, но все равно ей не хватало человека, с которым она могла бы говорить, как с Алекс.

Я скучаю по тебе, Хетти Мун,
Но мне некому об этом сказать —

Мир перед моими глазами почернел.

Когда она бывала на ферме одна, то пела старую балладу и гадала, как бы исправить положение. Возможно, никак. Смерть постепенно сокращает жизнь. Части умирают раньше целого. Когда умирают люди, которых вы любили, умирает часть вас. Со временем становишься похожим на куст можжевельника: одна живая ветка на мертвом стволе. И ничего не поделаешь.

Нет иного счастья, чем в действии. Нет, неправда. У каждой части триединого мозга свое счастье. Ящерица на солнце, млекопитающее на охоте, человек, делающий добро. А хорошо то, что хорошо для земли. Поэтому, работая, ты словно греешься на солнце, словно охотишься и словно создаешь ландшафт — место, где люди могли бы жить в будущем, — и втройне счастлив. Конечно, этого должно быть достаточно.

Но потом тебе хочется поделиться своим счастьем. Просто чтобы рядом был кто-то, с кем можно вместе чувствовать счастье, тот, кто тобой доволен. Алекс была довольна ею.

Свон видела путешествующих одиночек, старых жителей космоса, которые одни шли по свету, не связывая себя отношениями ни с кем из людей. Вот ее мир: она долго была одной из них

— больше половины жизни. Неужели все они в процессе поиска? Она вспомнила, что слышала, как говорят: хочу найти пару. Найти пару значит спариться. Один из синонимов для «пары» — слово «чета»; отсюда «сочетаться». Осмотришься, и видишь: желание встретить пару возвращается. Тонкие оттенки смысла — вначале пара, потом чета. Атавистическое явление, словно они голуби или другие существа с генетическим стремлением к созданию пар. «Свон не лебедь», — сказала она в парке недоумевающим коллегам. Но откуда ей самой это знать?

— Я хочу кое-кого найти, — на пробу сказала она Мкарету.

Мкарет рассмеялся.

— Тебе нравится тот парень! Варам с Сатурна. Может, ты хотела сказать: «Я кой-кого нашла»?

Свон смотрела на Мкарета. Она еще не вполне свыклась с мыслью, что можно быть любимой. Или даже любить самой.

— Но я давно с ним знакома. Я знаю его уже несколько лет!

— Еще лучше, — сказал Мкарет. — Ты знаешь его. На самом деле ты должна была провести с ним много времени. Что случилось в туннеле? Что вы там делали?

— В основном свистели, — ответила она. — Но да. Кое-что случилось.

— Может, это и есть суть брака, — сказал Мкарет. — Свистеть вместе. Своего рода перформанс. Я хочу сказать, не просто разговоры, а перформанс.

— Брак, — повторила Свон, дивясь слову. Для нее это была концепция Средневековья, старой Земли — идея, очень отдающая патриархатом и собственничеством. Брак не для космоса и не для долгой жизни. Когда живешь целую эпоху, у каждой стадии твоей жизни своя история, которая длится несколько лет, а потом обстоятельства меняются, и у тебя новая жизнь и новые спутники. Это невозможно изменить, если вертишься на огромной карусели, поэтому уродовать свою жизнь в попытках установить неестественно длительные отношения означает риск вовсе разрушить их; разрыв произойдет по всей длине и оставит мучительную рану и привкус лжи; хотя на самом деле это был просто эпизод, одна из маленьких смертей и возрождений в эпохах твоей жизни. Такова жизнь.

По крайней мере так казалось ей и многим другим, кого она знала. Такова была обычная структура чувств в ее культуре в ее время. Жи-

тели космоса свободны — наконец свободны и наконец люди. Так считают все они, и так побуждают друг друга чувствовать, и Свон всегда в это верила, всегда соглашалась, что это правильно. Но структура чувств — явление культурно-историческое; со временем она меняется вместе с людьми; переживает реинкарнацию. И если культура со временем меняется, а человек живет на рубеже культур… меняется ли при этом сам человек? Может ли измениться? Может ли измениться она?

Но разве брак — не обещание не меняться?

Свон бродила по болотистой земле и размышляла. Однажды лягушка того же цвета, что и камни, вдруг отпрыгнув от ее протянутой руки, уселась, глядя на нее, настороженная и любопытная, спокойная, но готовая снова отпрыгнуть.

— Прости, — сказала Свон. — Я тебя не видела.

Но теперь заметила. Лягушка сидела, гладкая на шероховатых камнях, живая, дышащая.

Свон пошла прогуляться к северу от путей Терминатора, в область альбедо-структуры Трикрены. Подальше от контрастов терминатора, где косые лучи солнца вдруг падают на возвышенные места и эти возвышения сверкают так ярко, что прочая местность кажется абсолютно черной.

Белое и черное сталкиваются — глаза с трудом возвращаются к восприятию ландшафта. Именно это ей иногда нравится. Ее шизофреническая жизнь в космосе.

Она шла в манере солнцеходов, ориентируясь по карте, которую запомнила и держала в голове. Двигаясь почти вслепую на запад, она знала, что скоро придет к возвышению севернее Малера, минует несколько пропеченных солнцем заброшенных космических стартовых площадок и окажется на вершине откоса небольшой борозды в земле, очень старой; оттуда начинался двухсотметровый спуск на равнину внизу.

К счастью, откос покрывали неширокие выступы, которые образовывали лестницу вниз. Свон уже бывала здесь. Эти ступени Эберсбахера часто использовали солнцеходы, идущие этим маршрутом; много лет назад их подмели и очистили от пыли и обломков. Извилистая дорожка из потрескавшихся каменных плит привела ее на равнину. Свон считала, что на Меркурии самое правильное расстояние до горизонта: не «рукой подать» и «в жизни не доберешься», но такое, что туда можно дойти и исследовать.

Здесь обнаружилась небольшая группа солнцеходов; люди методично шли на запад. Маленькие

серебристые фигуры, напомнившие Свон инспектора Женетта, скрылись от нее за горизонтом. Они идут, потом меняются — ложатся в тележки и спят, пока их везут другие. Шагать вместе и везти с собой спящих — прекрасное ощущение доверия и уверенности, обретение спокойствия, с каким вручаешь свою жизнь незнакомцам; отчасти это и означает быть меркурианином. Очень долго только это и нужно было Свон. Это — и ее город.

Она спустилась с откоса и вышла на плоскую равнину Трикрены. Здесь тропа исчезла, потому что идти можно было в любом направлении. Здесь она могла встретить ночь, идти до рассвета, стоять на вершине Тора и смотреть, как высочайшие точки поверхности загораются, точно свечи, и огонь распространяется вниз от пламенеющей вершины. Хорошо вечно идти на рассвете. Кто может выдержать полдень или угасание дня? Оставить рассвет позади, бежать в ночь. Не давать наступить новому дню — кто знает, что он принесет? У нее не было ни плана, ни идеи.

Долгое время Свон бежала, не думая ни о чем, кроме камней под ногами, и не видя ничего, кроме общих очертаний местности. Ей больше ничего не было нужно. Можно вырвать все внутренности Меркурия, извлечь все ценные ми-

нералы — поверхность ничуть не изменится. Она уже стала шлаком мира. Морщинистым лицом старого друга. Повсюду скалы, камни, выступы, выбросы. Одеяло пыли. Золото в холмах. Но с друзьями можно поговорить. Мне нужна возможность поговорить с тем, кто мне небезразличен. Хочу слышать то, что мне интересно, что удивляет меня, хотя, похоже, я утратила способность удивляться. Меня легко удивляет только правда. Как вышло, что рядом нет никого, склонного удивляться, кого можно было бы удивить?

Вечно угрюмая. А если бы здесь был человек, на которого можно положиться, постоянный, надежный, предсказуемый, решительный; рассудительный после должного обдумывания; щедрый; добрый. Флегматичный и, однако, склонный к вспышкам воодушевления, обычно способный получать эстетическое удовольствие того или иного типа. Радующийся в опасности, слегка опьяняющийся опасностью. Способный любить землю. Любитель наблюдать за животными, готовый гоняться за ними, чтобы увидеть. Кто-то, кто смотрел бы на нее словно на интересный проект, а не просто на проблему, требующую решения, кто видел бы в ней не просто часть другой, более важной драмы. А когда смотришь

на него, отвечал бы таким же взглядом. Часто с легкой улыбкой, свидетельством того, что он доволен обществом. Сдержанное дружелюбие. Если бы всех наших знакомых характеризовать только по речи, мы бы казались собирателями противоречий, парадоксов, оксюморонов. Для любого «этого» есть противовес — «то». Люди сделаны так и этак. Если кто-то тебе нравится, легкая веселая улыбка начинает казаться бурным проявлением чувств.

Она подошла к одному из самых известных своих голдсуорти, сделанному в ту пору, когда она экспериментировала, расставляя на склонах куски свинца и других металлов, которые с наступлением дня растают; в склонах Свон вырезала канавки, и на рассвете слиткам свинца (или меди, или олова) предстояло потечь по этим канавкам, образуя картины или буквы, всегда вытянутые так, что наблюдателю со смотровой площадки на вершине соседнего холма они кажутся перевернутыми. Для этой своей композиции к северу от Малера Свон подготовила два набора букв, перекрывающихся, сплетающихся, причем вход в одно слово точно соответствовал входу в другое. Когда металл расплавится на солнце, он потечет в воротца, и одно из воротец

не выдержит и запас металла в резервуаре иссякнет. И вот в зависимости от того, какие воротца не выдержат, возникает надпись «ЖИЗНЬ» или «СМЕРТЬ», последнее из цикла противопоставлений, подготовленных Свон в те годы на местности и под солнцем, среди них — все семь смертных грехов, переплетенные с семью добродетелями и борющиеся друг с другом, как Иаков с Господом. Вердикт до конца оставался неизвестным, процесс выглядел случайным. Но в данном конкретном случае обе пары воротец раскрылись одновременно, поток смог заполнить все каналы, и из ярко сверкающего потока серебра и меди сложилось слово «ЛОЖЬ».

Свон стояла, глядя на это с обзорной платформы. Эта работа и прежде казалась ей созвучной реальности, теперь же итог прозвучал как приказ. По-прежнему еще можно было видеть пустые канавки накладывающихся друг на друга слов, пустые буквы, но, металлически сверкая в полутьме, доминировала несомненно «ЛОЖЬ». Поистине верно. Говорили, что Свон подстроила это нарочно, но нет; воротца были одинаковыми, их одновременный прорыв — результат их собственной воли, металл пошел под уклон, канавки наполнились сразу. Но в определенном смысле

это было верно. Они не живут и не умирают, они делают и то, и другое, следовательно — лгут. Ты лжешь и снова лжешь, так что развяжись с этим.

Немного погодя Свон повернула на юг, чтобы дойти до ближайшей платформы, прежде чем из-за горизонта появится город. Лишь перебравшись через гребень древнего кратера Кенко, она увидит в долине внизу слабый блеск рельсов Терминатора.

С вершины гребня Кенко она увидела на юге рельсы и одинокую фигуру, поднимавшуюся к ней по склону. Округлый, высокий; она мгновенно узнала походку: о, его походка, точно!

На общей частоте она спросила:

— Варам?

— Я. Охочусь за тобой.

— Ты меня нашел.

— Да. Когда ты думаешь возвращаться в город? Я не прихватил еды.

— Скоро. Когда ты прилетел?

— Вчера. Иду уже несколько часов. Город скоро подойдет.

— Хорошо. Ладно. Идем вниз, ему навстречу. — Она спустилась к нему и обняла. Они были в скафандрах, но она все равно узнала его тело, круглое и полное; он гораздо крупнее ее. — Спа-

сибо, что пришел за мной.

— Уверяю тебя, для меня это удовольствие. Я прилетел с Титана.

— Я так и подумала. Как твоя новая нога?

Он показал на нее.

— Когда я опускаю ее на землю, то обнаруживаю, что она вовсе не там, где надо бы. Призраки прежних нервов все еще говорят со мной. Вмешиваются.

— Как моя голова, — не задумываясь, ответила Свон и рассмеялась. — Всякий раз как я отращиваю новую голову, она обнаруживается не совсем там, где я полагаю.

Варам с улыбкой смотрел на нее.

— Мне сказали, я быстро привыкну.

— Гм.

— Кстати о новой голове… я гадал, помнишь ли ты, что я сказал, когда мы были одни в космосе. И, конечно, о Венере.

— Помню.

— И что?

— Ну… не знаю.

Варам нахмурился.

— Ты советовалась с Полиной?

— Да.

На самом деле ей это и в голову не пришло.

Варам смотрел на Свон. Скоро до них доберется солнце. Он сказал:

— Полина, выйдешь за меня?

— Да, — сказала Полина.

— Эй, минутку! — воскликнула Свон. — Это я должна сказать «да».

— Я думал, ты только что сказала, — ответил Варам.

— Нет, не сказала! Полина — самостоятельное, отдельное существо. Поэтому ты не допустил меня на вашу встречу, помнишь?

— Да, но вы обе одно. Поэтому мы не могли пригласить тебя, не впустив и ее. Не я первый заметил, что, поскольку ты программировала Полину и продолжаешь это делать, она стала твоей проекцией…

— Вовсе нет!

— .. или, возможно, ее лучше описать как одно из твоих произведений искусства. Они у тебя часто были очень личными.

— Мои работы в камне личные?

— Да. Не такие личные, как неделю сидеть голышом на ледяной глыбе и пить собственную кровь, но тем не менее очень личные.

— Полина не арт-объект!

— Не уверен. Может, она нечто вроде куклы

чревовещателя. Это арт-объект? Приспособление, через которое мы говорим. Так что я очень надеюсь.

— Не будь самонадеянным!

Но, очевидно, он был таким. Со временем Свон поняла, что это важно — его вера в Полину. Она пошла вниз к ближайшей платформе, а он за ней.

Немного погодя он сказал:

— Спасибо, Полина.

— Не за что, — ответила Полина.

Извлечения (18)

создать предложение значит принести много накладывающихся волновых функций в жертву единой мысленной вселенной. Множа утраченные вселенные слово за словом мы можем сказать, что каждое предложение уничтожает 10^n вселенных, где n — количество слов в предложении. Каждая мысль конденсирует миллиарды возможных мыслей. Так мы получаем вербальную защиту: язык, которым мы пользуемся, структурирует нашу вселенную. Возможно, это благословение. А может, именно поэтому нам необходимо постоянно создавать предложения

тексты пишутся для того, чтобы потом люди читали их. Они своего рода капсула времени, разговор с потомками. Читая текст, вы видите прежние времена, в смятение и волнения которых с трудом верите. Пусть вы — по другую сторону великого раздела, у вас неопределенно долгая жизнь и вы устремились к звездам. Мы живем иначе, болтаясь в своей маленькой Солнечной системе, как бактерии, заполнившие после дождя новую лужу. Эта лужа — все, что у

нас есть. В ней одни взламывают двери к тайнам жизни, другие возделывают почву, чтобы получить достаточно еды для жизни. Вам известно все, что знаю я; что еще мы тогда можем сказать друг другу? Во многих отношениях легче говорить с тобой, мой великодушный еще не родившийся читатель. Ты можешь жить столетия; этот текст — лишь крошечная часть твоего образования, взгляд на то, как жили раньше, представление о том, каким был мир до тебя. Однако твой автор по-прежнему застрял в хвосте балканизации и отчаянно надеется на будущее. Это очень ограниченный взгляд

Кто решает, когда пора действовать?

Никто не решает. Просто приходит момент.

Нет. Мы решаем. Интересный вопрос, как мы это делаем. Но, даже если мы не знаем ответа на него, мы решаем

хотя события непосредственно предшествующие 2312 году и в его начале были важны и свидетельствовали о латентных переменах в обществе того времени, никаких определенных указаний тогда не было, не было портала, пройдя через который мы могли сказать: «Вот новый период, новый век». События, расположенные последовательно, — разнообразны и

сложны, многим необходимы десятилетия, чтобы принести плоды. То, что Мондрагон объединит большую часть Земли, то, что Марс излечится от своего навязанного квантовыми компьютерами отчуждения и присоединится к Мондрагону, — ничто из этого нам не было тогда ясно, события могли развиваться совсем в ином направлении

конечно, разрыв между индивидуальным и всепланетным временем никогда не удастся сгладить. «Здесь следует отметить не унификацию этих расхождений, а их временный характер и взаимное наложение». Именно этот временный характер и наложение создают ощущение любого данного времени. «Из неразберихи наложений различных видов временных моделей Истории возникают факты» — как произведение искусства, как любое произведение искусства, но созданное общими усилиями. И этому нет конца. Имеют место события, происшествия, достижения, успехи и поражения, пирровы победы, оборонительные действия; и хотя могут происходить решающие события, сюжет заканчивается не в 3212 году, а много десятилетий спустя, если вообще

обдумывая создание тройственного союза

Марса, Сатурна и Меркурия, или вторжение Мондрагонского договора на балканизованную Землю, или возвращение Марса в Мондрагон, мы видим своего рода неустойчивое междуцарствие, перемены во вращении огромной карусели, когда нагрузка перераспределяется и начинается что-то новое, на годы нарушая крутящий момент системы, прежде чем установится новое стабильное вращение

последствия подавления на Венере заговора, целью которого было ускорить вращение планеты, вызвали долгую и жестокую гражданскую войну, по большей части незаметную для остальной системы: ее вели ножами и сбросом давления, и закончилась она общим референдумом лишь во второй половине двадцать четвертого столетия; референдум решительно высказался за возобновление бомбардировки экватора и инициировал ослепительно разрушительное сотворение сточасового венерианского дня

так называемые невидимые революции на Земле привели к возрождению ее ландшафтов, физических и политических; это возрождение стало следствием Реанимации. Другой невидимой революцией того же периода стало объеди-

нение существования квантовых компьютеров и людей, благодаря чему умы всех инженеров, философов и квантовых компьютеров стали способны соединять усилия для решения проблемы

на Марсе стало очевидно, что кваком-гуманоиды проникли в рабочие группы внутри правительства и повлияли на их деятельность; эти гуманоиды были все разом схвачены и отправлены в изгнание, после чего глубокий пересмотр их деятельности привел к воссозданию демократической системы и повторному вхождению Марса в Мондрагонский договор

после того как большинство на Каллисто, Ганимеде, Европе, Титане, Тритоне и даже на Луне высказалось за полное терраформирование их миров, все газообразное сырье и в особенности азот подорожали; всю систему одновременно охватила инфляция, а Лига Сатурна к концу двадцать четвертого столетия скопила гигантские средства

трудно описать все невидимые события, составляющие историю этого периода. Многое происходило вопреки объединенному сопротивлению времени, материала и человеческого упорства — а по сути человеческого страха, вы-

росшего из многочисленных страхов прошлого, которые продолжают обуревать мир. Поэтому всегда существует риск полного поражения и безумного уничтожения. Альтернативы борьбе нет

Эпилог

Спускаясь на Марс в космическом лифте на Павонис, вы сквозь прозрачный пол видите поднимающуюся вам навстречу красную планету. На нагорье Тарсис в одну линию выстроились три величественных вулкана, точно горы, воздвигнутые красным народом, племенем строителей. На западе возвышается гора Олимп — целый самостоятельный континент: окружающий его вал высотой десять километров кажется с этой точки не больше косой черточки у его подножия. Вся остальная поверхность красной планеты превращена в гигантский полигон многочисленными зелеными линиями, пересекающими всю ее, — это знаменитые каналы, врезанные в ландшафт в первые дни терраформирования. Марсиане использовали пластины Берча, которые, точно увеличительные стекла, фокусируют солнечные лучи, создавая такие высокие температуры, что камень плавится и испаряется. Чтобы получить нужное количество воздуха и тепла, пришлось выжечь большой кусок Марса, и, желая правильно распределить выгоревшие территории,

решили опереться на старую, девятнадцатого века, карту Лоуэлла и соответственно разместить ожоги. Зайдя так далеко, решили использовать старые названия каналов, колдовскую смесь греческого, латинского, древнееврейского, древнеегипетского и других древних языков, и теперь вы спускаетесь в места вроде Гордиева Узла, Фаэтона, Икарии, Трактуса Альбуса (Белой полосы), Феникуса Лакуса (моря Феникса) и Нилокераса. Ширина зеленых полос, пересекающих красную землю, примерно сто километров, через них проходят собственно каналы. Эти полосы иногда пересекают пустыню парами. Они сходятся под приблизительно прямыми углами, и в месте этих схождений располагаются роскошные оазисы с элегантными городами, где множество водных каналов, шлюзов, прудов и фонтанов. Таким образом, фантазия девятнадцатого века легла в основу существующего ландшафта. Некоторые называют это дурным вкусом. Но поначалу люди торопились, когда создавали все это, а теперь менять уже поздно.

* * *

Под северным склоном горы Олимп свадьба вышла из дверей вокзала прямо под открытое

небо, как на Земле. Было раннее утро, прохладное и ветреное, небо синее, как на картинах Максфилда Пэрриша[141], небольшие рощицы огромных секвой, эвкалиптов, дубов. Под холмом, где они стояли, — канал с берегами, поросшими кипарисами. Вода в канале между насыпями казалась чуть более теплой, чем все вокруг. На гребнях насыпей как правило проходили широкие бульвары, зеленые, с обилием зданий и людей. Ниже на склонах насыпей было заметно, что они представляют собой груды черного стекла.

Они поднялись на поезде на самый верх одной из насыпей, ведущих на гору Олимп. По обе стороны от дороги вниз под углом к зеленым полям спускались широкие улицы. На травянистых бульварах вздымались здания, их стены как правило украшали керамические панно в стиле, похожем на ар-деко. Проезжая белые площади, обсаженные пальмами, можно было отметить, какая тут роскошная зелень, но и какое все единообразное, прямоугольники напоминают соты улья. Зеленая, приятная земля. Когда поезд ехал от оазиса к оазису, чередовались свет и тени; это чередование создавали длинные ряды кипарисов

[141] Примечания: 141
Американский художник.

с обеих сторон от рельсов. Сад в пустыне. Гиперземной вид в сочетании с легким меркурианским тяготением создавали впечатление мира мечты. Меркурий никогда не будет так выглядеть. Нигде больше такое невозможно.

Инспектор Женетт, стоя на стуле у окна и глядя на пролетающие мимо пейзажи, сказал:

— Когда-то я жил здесь, — и показал на быстро промелькнувшую городскую площадь. — Кажется, вон в том доме справа.

Поезд довез их до станции Хугерия, где предстояло пересесть на магнитный поезд, чтобы подняться по северному склону Олимпа. Поскольку до отъезда оставалось заметное время, они вышли из вокзала и прогулялись по центру города. Здесь все каналы затянуло льдом, и люди, заложив руки за спины, катались на коньках. Было солнечно, но холодно.

Свон посетовала, что нужно подниматься на большой вулкан.

— Какой смысл лететь на Марс, чтобы снова выйти из атмосферы и оказаться под куполом? Мы могли бы отправиться куда угодно.

Спутники сочли вопрос риторическим: Свон следовало помнить, что они направляются в эпиталамион. Варам, заслонив глаза, посмотрел на

юг, вверх по склону большого вулкана. Они были на единственном боку Олимпа, где путь на гору не преграждает огромный крутой откос — круговым валом высотой десять километров, удивительно однообразным на всем протяжении; здесь во время одного из поздних извержений через откос лилась лава — она падала десятикилометровым огненным водопадом (Варам попытался его вообразить: десять тысяч метров лавы в свободном падении), несомненно остывая по пути, меняя цвет с красного на оранжевый, а потом черный, а холм застывшей лавы у подножия все рос, пока вал не оказался погребен под ней полностью; в результате возник широкий пологий съезд от вершины вулкана до равнины внизу. Поверхность под ними в прошлом была огненной.

— А потом проедемся по низинам, — сказал Варам. — Медовый месяц на берегу, так сказать.

— Хорошо. Хочу поплавать в Адском море.

— Я тоже.

В соответствующее время они вместе со многими другими свадьбами сели в герметически закрытый вагон магнитной дороги, и поезд двинулся по склону к вершине. Подъем был долгим: вначале они увидели по-марсиански красный закат, потом настал вечер, полный веселья, а

после — тревожный сон. На рассвете они проснулись и увидели, что поезд достиг южного края обширной вершины вулкана. Здесь на склоне небольшого вторичного кратера располагалось традиционное пространство для празднований, накрытое большим куполом. Они прибыли на первый утренний эпиталамий.

Внешне купол был почти незаметен; виден гораздо слабее, чем меркурианские купола; казалось, что стоишь под открытым небом, в теплом, ароматном воздухе. Над головой звездная чернота, только на горизонте она начинала синеть, атмосфера почти вся ниже ваших ног. Они были под куполом; только зная это, можно было правильно понимать окружающее. Олимп так велик, что далекий горизонт на востоке и на юге — еще часть горы; они не могли видеть на восточном горизонте вулканы Тарсиса, не видна была и поверхность планеты ниже кольцевого вала. Вся земля, какую они видели, была голой и красной, какой изначально была вся планета, и только голубая каемка атмосферы свидетельствовала о преобразованиях.

Поверхность под куполом шла чуть под уклон, и потому, чтобы получить ровные участки, здесь разбили террасы. Результат напоминал покры-

тые террасами склоны в Азии: несколько сотен полосок ровной земли образовывали спуск по склону; между террасами стены, как линии на контурной карте. Три широкие, с низкими ступенями лестницы прорезали стены террас, и кое-кто в группе заметил, что это похоже на Большую Лестницу в Терминаторе; но эти лестницы протянулись на четыре или пять километров и пролегали над отвесным ущельем метров триста глубиной — точнее сказать было трудно, принимая во внимание огромные размеры вулкана за пределами купола.

Сегодня в эпиталамионе был день свадеб для жителей Марса и гостей со всей системы. На всем праздничном пространстве движение, громкие голоса: по лестницам в поисках отведенных для них террас перемещалось несколько сотен пар с сопровождающими. Все три лестницы в этот день усыпаны цветами. Невозможно было не наступать на цветы, их яркие лепестки расцветили плоские каменные плиты.

Варам, Свон и их гости пришли на террасу номер 312. Когда Свон увидела, что друзья убрали террасу так, что она напоминает Большую Лестницу Терминатора, она улыбнулась и обняла Варама. Они стояли, улыбаясь, а друзья аплоди-

ровали им. Варам был в черном сатурнийском костюме и напоминал грозного римского императора и, да, гигантское земноводное. Поистине мистер Жаб отправился в путешествие. Свон была в красном платье, в котором выглядела так, словно встает из огня. Она не выпускала руку Варама, и они вдвоем спустились к помосту для церемонии.

По всей территории праздника играла музыка, с террасы внизу явственно доносились звуки гамелана, но музыка была частью эпиталамии, и их церемонию должен был сопровождать быстрый финал Второй симфонии Брамса — выбор Варама, одобренный Свон. Она смотрела на него, когда инспектор Женетт вызвал на свой экран стихотворение, которое его просили прочесть. Варам как будто смотрел куда-то за пределы купола. Было еще утро, солнце светило с почти меркурианской яркостью. Большая планета. Все пары ниже и выше совершали свои особенные брачные церемонии. Пространство было такое обширное, музыка такая разная, что каждая церемония проводилась в собственном небольшом мире-пузыре, но всё сливалось в одну общую картину.

В их пространстве были представлены Сатурн

и Меркурий. Здесь были Мкарет, Ван, Киран и кое-кто из команды Свон с фермы. Был Заша. Ясли Варама представляли Дана, Джойс и Сатир с Пана. Все сгрудились вокруг помоста, но жители двух планет легко различимы: сатурнийцы в черном, сером и синем, меркуриане в красном и золотом. Еще была группа старых друзей Женетта с Марса, многие из них маленькие. Очевидно, все маленькие потом будут вместе петь Свон любимые «Я встретил ее в ресторане на Фобосе», и «Милая Рита, девушка в метр», и «Мы пришли увидеть волшебника».

Все на террасе выглядели довольными. Смотрели друг на друга и улыбались. Наши друзья совершают безумный поступок, говорили их взгляды, прекрасное безумство, ведь это же здорово! Любовь — своего рода прыжок воображения. Необъяснимый. Пара выйдет прекрасная.

Инспектор Женетт, стоя на помосте, так что оказался почти на уровне глаз этих двоих, поднял их сжатые руки и сказал:

— Вы двое, Свон и Варам, решили пожениться и стать партнерами на всю жизнь — до самой смерти. Варам, ты подтверждаешь это?

— Подтверждаю.

— Свон, подтверждаешь?

— Да.

— Так давайте же! Живите — и пусть все присутствующие помогут вам в этом. Сейчас я прочту несколько строк Эмили Дикинсон. Они описывают тот симбиогенез, который вы намерены создать:

Делить его судьбу всегда —
Чтоб не по-одному —
Грустить — и радости ломоть
Откладывать ему —
Всю жизнь друг друга знать,
Не зная никогда —
И то, что Небом мы зовем,
К нам спустится сюда —
И все разгадки мы найдем
Без словаря тогда!

Инспектор улыбнулся и поднял руку.

— Властью, данной мне вами и Мондрагонским договором, а также Марсом, объявляю Свон Эр Хон и Фитца Варама по их взаимному согласию супругами.

Женетт соскочил с помоста. Свон и Варам посмотрели друг на друга и коротко поцеловались. Потом обернулись и посмотрели на стоящих вни-

зу; их друзья зааплодировали. Оглушительным финалом зазвучал Брамс, загремели тромбоны. Свон взяла золотое кольцо, которое протянул ей инспектор (из него вышел прекрасный хранитель колец), и надела Вараму на левую руку. Она видела, как он бросил взгляд на склон Олимпа; на его лице был задумчивое, почти меланхолическое выражение. Свон сжала его руку, и Варам посмотрел на нее.

— Что ж, — сказал он с легчайшей улыбкой, — надеюсь, мы вместе проследуем через вторую половину нашего жизненного пути.

— Нет! — воскликнула она и замолотила по его груди. Потом крепче надела кольцо на палец его левой руки. — Это на всю жизнь.